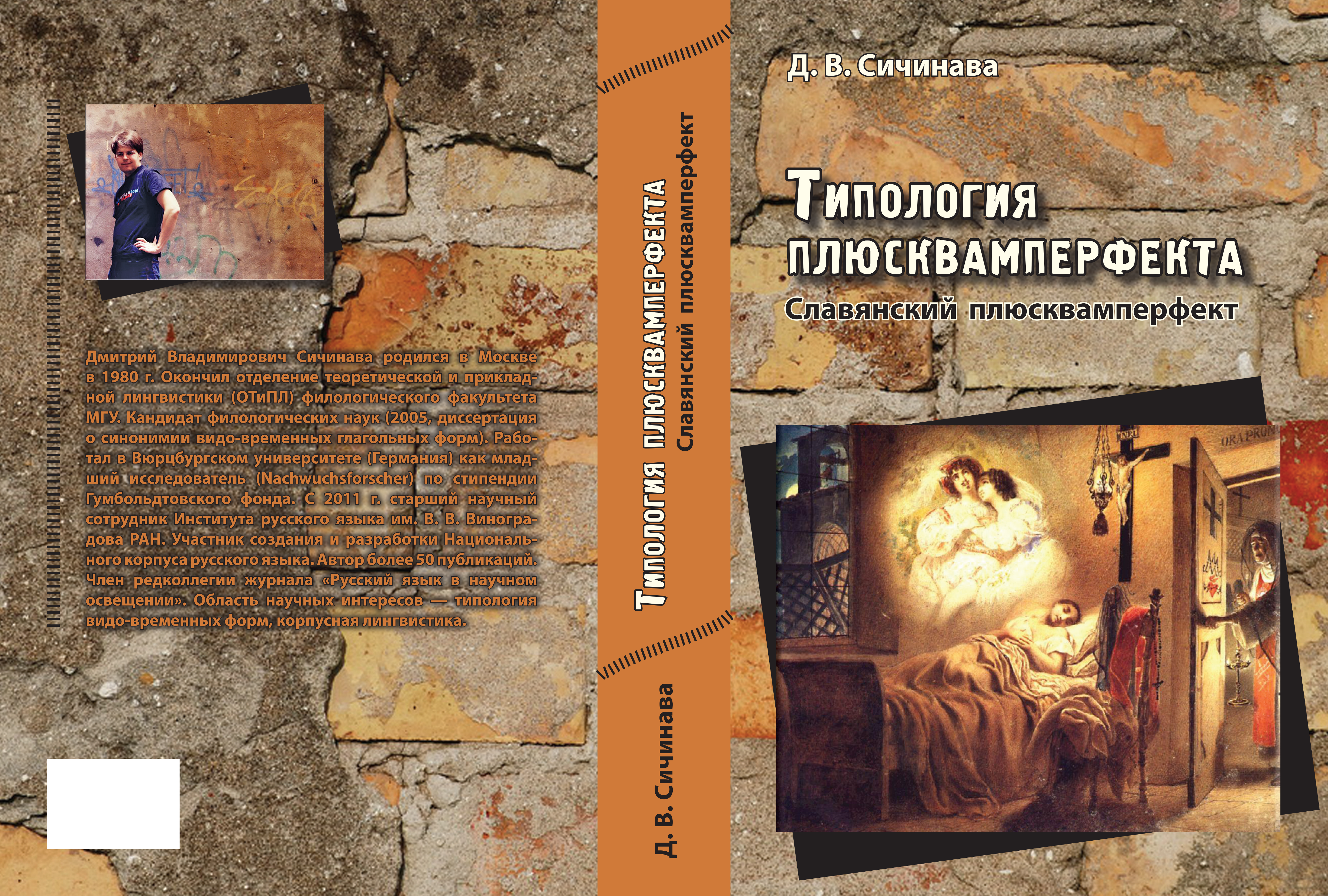

Д. В. Сичинава
Типология плюсквамперфекта
Славянский плюсквамперфект
Дмитрий Владимирович Сичинава родился в Москве в 1980 г. Окончил отделение теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ) филологического факультета МГУ. Кандидат филологических наук (2005, диссертация о синонимии видо-временных глагольных форм). Работал в Вюрцбургском университете (Германия) как младший исследователь (Nachwuchsforscher) по стипендии Гумбольдтовского фонда. С 2011 г. старший научный сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Участник создания и разработки Национального корпуса русского языка. Автор более 50 публикаций. Член редколлегии журнала «Русский язык в научном освещении». Область научных интересов — типология видо-временных форм, корпусная лингвистика.
Типология плюсквамперфекта
Славянский плюсквамперфект
Д. В. Сичинава

АСТ-ПРЕСС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА
РАН

Д. В. Сичинава

Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект

МОСКВА 2013
АСТ-ПРЕСС

УДК 801.559.1
ББК 81.2Рус.-5
С41

Рекомендовано к печати Ученым советом ИРЯ РАН
19 декабря 2013 г.

*Исследование выполнено при поддержке
программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика»*

Рецензенты:
П. В. Петрухин (Институт русского языка РАН),
Т. А. Майсак (Институт языкознания РАН)

*В оформлении использована картина К. П. Брюллова «Сон монахини»,
фото Е. Б. Дедяевой*

Сичинава Д. В.
С41 Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. — 384 с.
ISBN 978-5-462-01617-2

Монография посвящена типологии плюсквамперфекта в языках мира, а также истории и современности славянского плюсквамперфекта (и его наследников типа русской конструкции с *было*). В книге рассматриваются морфологические, семантические, прагматически-дискурсивные свойства плюсквамперфекта, его ареальное распространение. В работе рассматривается более 100 языков и идиомов, в глагольной системе которых есть форма плюсквамперфекта или результат ее диахронического развития.

УДК 801.559.1
ББК 81.2Рус.-5

ISBN 978-5-462-01617-2

ОГЛАВЛЕНИЕ

II. Славянский плюсквамперфект: история и современность

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю книга посвящена типологии плюсквамперфекта. Так называются глагольные времена наподобие английского Past Perfect:

(1) When I returned, my brother had written fifteen letters.
Когда я вернулся, брат (уже) написал 15 писем.

Термин «плюсквамперфект» значит «более чем совершившееся (действие)» и впервые возник в грамматическом описании латыни, а затем был применен и к другим языкам мира. Это звучное латинское слово популярно в художественной литературе и публицистике, в том числе и написанной филологами, со значением «давно ушедшие времена, нечто необратимо утраченное». Кстати, как показывает детальный типологический анализ, такое толкование ближе к реальному общему значению этих форм в языках мира, чем «предшествование некоторой другой ситуации в прошлом» (как часто указывается во многих лингвистических работах).

(2) А кроме всего прочего, Древняя Русь для обитателей нашей Российской Федерации — plusquamperfectum, Русь, которую мы потеряли. [А. М. Ранчин, «Новое литературное обозрение»]
(3) Перевести эти игры в плюсквамперфект, приписать их игре воображения не удается [А. С. Кушнер, «Новый мир»]

Плюсквамперфект в языках мира многолик, редко где он имеет только одно значение. Это представляет особый интерес для типологических исследований в области семантики и для изучения исторического изменения глагола. Как ни мало осталось от древнерусского плюсквамперфекта (*ходилъ былъ*) в современном русском языке (мы уже даже не называем оставшиеся формы этим термином), в тех реликтах, которые сохранились, можно определить следующие достаточно четко выделяемые значения:

— действие, результат которого был аннулирован:

(4) Он вскочил было, но тут же сел опять.

— ситуация, имевшая место в прошлом, но потом прекратившаяся и не давшая ожидаемых плодов:

(5) Я хотел было поступать в институт, но мне что-то помешало.

— ситуация, которой достичь не удалось:

(6) Я уж совсем было уснул, но мне не дали;

— некоторая давняя ситуация в рассказе о старых временах (в одной застывшей формуле):

(7) Жили-были дед да баба.

Все это удивительное многообразие еще активнее в языках, для которых плюсквамперфект — живая форма грамматики. Это многие языки Евразии, в том числе славянские (плюсквамперфект есть в ближайших родственниках русского — украинском и белорусском языках), некоторые языки Африки, Океании, Америки.

Типологическое исследование плюсквамперфекта началось в последние десятилетия XX века, здесь нужно назвать, прежде всего, соответствующие разделы влиятельных типологических работ [Comrie 1985] и [Dahl 1985], а также ряд статей, посвященных специально плюсквамперфекту в конкретных языках. В 1998 году в Москве И. А. Шошитайшвили защитил диссертацию о типологии плюсквамперфекта, где впервые были подробно с типологической точки зрения затронуты многие стороны этой граммемы, до тех пор упоминавшиеся в исследованиях лишь поверхностно. Тем не менее, и после этой работы (и, не сомневаемся, нашей книги тоже) плюсквамперфект остается огромной и практически неисчерпаемой темой, в которой возможны новые и новые открытия.

Книга имеет следующую структуру. Типологическую часть открывает общий очерк плюсквамперфекта как грамматического феномена, способов его образования, его семантики. Затем идут разделы о роли плюсквамперфекта в глагольной системе, в частности, о типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта. Это явление, распространенное чрезвычайно широко: морфологическое разнообразие и семантическое богатство плюсквамперфекта заставляет языки мира распределять эти значения по различным формам. Здесь же рассматриваются ареальные свойства одного из типов плюсквамперфекта — так называемой «сверхсложной» формы. Вторая часть книги посвящена описанию конкретных явлений из истории плюсквамперфекта как грамматической категории в славянских язы-

ках (хотя славянская тема уже затронута и в первой части). Здесь рассматривается праславянская система плюсквамперфекта в связи с происхождением сослагательного наклонения, история древнерусской формы, семантика и лексическое распределение современной русской формы с *было* и ее аналогов на восточнославянской территории. Заключительный раздел посвящен слову *плюсквамперфект(ум)* как метафоре общелитературного языка.

В основе этой книги лежит один из разделов моей кандидатской диссертации, защищенной в 2005 г. (она посвящена синонимии видовременных форм), и прежде всего статьи, опубликованные в 2001—2013 гг. (в том числе одна, написанная совместно с Павлом Владимировичем Петрухиным). При этом, с одной стороны, я пополнил новым материалом и исправил ранее написанные тексты, а с другой стороны, снял повторяющиеся сведения и примеры, а также данные, прямо не относящиеся к плюсквамперфекту.

Хотелось бы сказать спасибо Отделению теоретической и прикладной лингвистики филфака МГУ во главе с Александром Евгеньевичем Кибриком (к несчастью, об этом замечательном человеке сегодня приходится говорить в прошедшем времени — но, конечно, не в плюсквамперфекте), где я начал работу над этой книгой и защитил дипломную работу и кандидатскую диссертацию. Спасибо моему научному руководителю Владимиру Александровичу Плунгяну, автору нескольких важных и проницательных работ о плюсквамперфекте, заинтересовавшему меня такой неисчерпаемой темой, как типология глагольных значений. Спасибо всем друзьям и коллегам, с которыми я обсуждал различные положения этой работы или просто был рядом. Спасибо моим родным и близким, живым и ушедшим.

Дмитрий Сичинава

I. ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ: ОБЩАЯ И АРЕАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

I.1. СВОЙСТВА И СЕМАНТИКА ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА

Плюсквамперфект, согласно преобладающему в лингвистике XX века употреблению этого термина, — форма, базовое употребление которой соответствует контекстам ‘предшествования в прошедшем’. Иными словами — это «абсолютно-относительное время» ([Comrie 1985: 65—69], такой анализ восходит, в конечном счете, к [Reichenbach 1947]), сочетающее значение как «абсолютного» времени (прошедшего), так и «относительного» времени, или таксиса (предшествования). О таксисных конструкциях в языках мира см. сборник Петербургской типологической школы [Храковский (ред.) 2009]. Фактически же, как мы увидим ниже, для плюсквамперфекта в языках мира характерна полисемия, а таксисное значение соответствующие формы сохраняют (или даже вообще развивают) не всегда, но для начала сохраним традиционное определение как рабочее.

I.1.1. Формальное устройство

В большинстве языков мира плюсквамперфект синхронно анализируется с морфологической точки зрения не как самостоятельный показатель, а как комбинация двух показателей, каждый из которых имеет собственную видо-временную семантику. «Европейский» тип плюсквамперфекта параллелен существующим в той же системе показателям перфекта (или результатива); как правило, это аналитическая форма, вспомогательный глагол которой стоит в форме не настоящего, а прошедшего времени. Перфект (ср. англ. *I have read,* древнерусское *читалъ есмь*) — это форма, означающая некоторую прагматическую актуальность ситуации в момент речи (‘окно открывали’ = ‘окно закрыто, но в комнате холодно’); результатив — форма, означающая наличие непосредственного результата действия в момент речи (‘окно открыто’), ср. [Недялков (ред.) 1983], [Dahl 1985], [Маслов 1990], [Bybee et al. 1994], [Плунгян 2011], [Ritz 2012], также

ниже, I.1.2.1—I.1.2.2. Как перфект, так и результатив в языках мира также часто выражаются аналитически.

(1) французский:
J'av-ais l-u
я-AUX-IPF:1SG читать-PARTCP.PST
'Я прочел'

(2) цахурский (нахско-дагестанские, лезгинская группа):
čoǯ a-r-k'ɨn ɨxa [Татевосов, Майсак 1999: 239]
брат.I I-уходить.PFV I.стать.PFV
'Брат ушел'

Известны случаи неполной формальной симметрии между перфектом и плюсквамперфектом, например, в дравидийском языке курух [Старостин 2013: 500], где перфект образуется с помощью презенса глагола *bēʔenā* 'быть', а плюсквамперфект — с помощью претерита глагола *raʔanā* 'существовать, принадлежать'.

Единичными примерами представлен синтетический плюсквамперфект — нечленимый (по крайней мере синхронно) специальный показатель:

(3) латинский:
vid-era-m
видеть:ANT-PPF-1.SG
'Я увидел'

(4) сантали (австроазиатские, группа мунда):
iñ sɛn-le-n-a
я идти-PPF-INTR-INDIC
'Я пошел'

В статье [Плунгян 2001] (также [Plungian, Auwera 2006]), наряду с вышеуказанными двумя, исследуется (на обширном типологическом материале) также третья морфологическая техника, особенно активная в языках «с преимущественной грамматикализацией аспектуальных, а не темпоральных противопоставлений» [Плунгян 1998; Плунгян 2001: 108], где аспектуальные формы имеют временные интерпретации, приписываемые им по умолчанию; по А. И. Коваль, такая интерпретация — «нейтральное время» [Коваль, Нялибули 1997: 175; там же вводится термин «ретроспективное время»]. К глагольным формам, функционирующим в языке независимо, присоединяется специальный показатель — называемый показателем р е т р о с п е к т и в н о г о с д в и г а, — изменяющий эту временную интерпретацию таким об-

разом, что ситуация сдвигается назад. Системы с показателем ретроспективного сдвига характерны для нескольких ареалов: Западная Африка (бамана, мано, кла-дан, волоф, дьола, коромфе, супьире, фула, акан), Океания (токелау, таити), а также креольские языки, использующие грамматику языков этих двух ареалов (отметим, что вспомогательное *had* превратилось в афроамериканском английском в показатель ретроспективного сдвига; см. [Green 2002: 91—93] и I.3.2.2.); обычно в креолах на базе английского в этой функции выступает *ben* или *bin*, [Plungian, Auwera 2006: 327]); кроме того, средняя Волга (марийский, удмуртский), западный (адыгские) и восточный Кавказ (лезгинский, удинский, аварский). Засвидетельствованы подобные показатели и в ряде других языков (например, в Азии: в белуджском, сантали или корейском); как ретроспективный сдвиг может быть интерпретирован коптский показатель «претерита» *ne-...(-pe)* [Тилль, Вестендорф 1955/2007: 234; Малышев 2012: 544]). Вторичные глагольные формы, в которых к финитной форме присоединяется ретроспективизирующая форма вспомогательного глагола, известны в семитских языках; например, так образуется плюсквамперфект («предпрошедшее») в арабском (конструкция типа *kāna faʕala* ‘быть.PFV делать.PFV’ [Гранде 1963/1998: 158]) и в нескольких эфиосемитских языках (см. обзор: [Булах, Коган 2013а: 127]), причем в древнеэфиопском (геэз) эта конструкция представляет собой, возможно, кальку с арабского [Булах, Коган 2013б: 175]. В языке харари данный показатель *nār(a)* является неизменяемым [Визирова 2013: 454]. В индоарийском языке бангани [Цоллер 2011: 240] имеется (наряду с «регулярным» плюсквамперфектом, симметричным перфекту) также форма, образованная от претерита с участием сразу двух вспомогательных глаголов — *thɔ* ‘быть’ в форме имперфекта и *rɔ-* ‘оставаться’ в форме перфективного причастия. В языке ближневосточных цыган (домари) есть эквиполентные показатели «контекстуализации» (*-i*) и «деконтекстуализации» (*-a*). Последний «подчеркивает разрыв между действием, передаваемым глаголом, и активированным в настоящее время речевым контекстом» [Матрас 2011: 794—795]. В языках Америки укажем на показатели *kuri* и *va'ekue* в гуарани [Герасимов 2010: 44] или *ʔu* в онейда [Dahl 1985: 148—149]. См. также подробное исследование семантики соответствующего показателя («децессива») в языке тлингит (семья на-дене) [Cable 2012: 55—80], с упоминанием также материала языка оодхам (юто-ацтекские) и данные языков алгонкинской семьи и изолята уошо [Plungian, Auwera 2006: 333].

В отличие от аддитивных показателей прошедшего времени, показатели ретроспективного сдвига не п р и д а ю т темпоральное значение глагольной основе (как это имеет место, например, в латинском

языке), а модифицируют семантическую интерпретацию готовой словоформы, как, например, в языке фула:

(5) Mi sood-ii dewtere ndee [Коваль, Нялибули 1997 : 175]
купить-PF
'Я (уже) купил (ту) книгу'.

(6) Mi sood-ii-no dewtere ndee
купить-PF-RETRO
'Я купил тогда (когда-то в прошлом, раньше, а не сейчас) (ту) книгу'.

Они обычно факультативны в нарративе при описании прошедших событий; в то же время они чаще выступают в контекстах, соответствующих значениям «зоны неактуального прошедшего (сверхпрошлого)» (о наборе этих значений см. ниже, I.1.2.3—10). Выбор конкретного значения зависит от аспектуального значения (и соответственно временной интерпретации) исходной формы. Так, формы хабитуалиса получают значение актуальной в прошлом и неактуальной в настоящем ситуации, формы имперфектива — как значение 'неактуальная ситуация', так и значение незавершенного действия (конатив), как в удмуртском языке; ирреальные формы развиваются при ретроспективизации будущего и получении «гипотетического» следования в прошедшем (лезгинский язык [Haspelmath 1993: 142]).

Морфологический статус показателя ретроспективного сдвига может быть различным; обычна ситуация со вспомогательным глаголом (как в языке волоф), это может быть суффикс (корейский, лезгинский язык). Частный случай, представленный в дьола (см. также пример выше *eniilo-ɛɛn-ɛɛn*), донгола (нубийские: [Armbruster 1960]), турецком, белуджском, корейском или адыгейском — материальное совпадение показателя ретроспективного сдвига с показателем перфектива или прошедшего времени, иными словами, плюсквамперфект образуется путем его редупликации[1]. Известны также случаи образования плюсквамперфекта путем редупликации морфемы перфекта, например, в кла-дан (южные манде: [Выдрин 2012: 582], по данным Н. В. Ма-

[1] В [Rhee 2007: 247] выдвинута гипотеза, согласно которой корейский «двойной» плюсквамперфект (неизвестный в памятниках до XX века) создан искусственно при переводе с европейских языков, имеющих плюсквамперфект, путем иконического удвоения показания претерита. Гипотеза о подобном калькировании грамматики кажется слишком смелой, учитывая заметную типологическую распространенность такой морфологической техники.

кеевой), где показатель ретроспективного сдвига иной; схоже на начальном этапе устроены и «сверхсложные» формы Евразии (см. I.4).

Плюсквамперфект в таких системах образуется при сочетании морфемы ретроспективного сдвига с показателями перфекта, перфектива (с преимущественной референцией к прошлому) и даже — как, например, в языке сантали [Neukom 2001, Sitchinava 2003] — к показателю синтетического плюсквамперфекта.

Исследование форм с ретроспективным сдвигом связано с известными сложностями; так, этот интерпретирующий показатель нередко факультативен (что указано уже в [Плунгян 1998b]), его значение часто передается контекстом (ср. [Аркадьев 2014] о шапсугском диалекте адыгейского, [Князев 2004] о русском *было* или [Русановский (ред.) 1986: 94] об украинском «давнопрошедшем времени»). Как следствие, во многих языках он редко встречается в текстах, что затрудняет корпусные исследования и требует анализа искусственных примеров (вне широкого контекста) с информантами, причем некоторые из них часто «не видят четкой разницы между формами с ретроспективным сдвигом и без него» ([Сомин 2011: 440] о бесленеевском диалекте кабардино-черкесского), а другие предлагают различные варианты семантического распределения в разных идиолектах. Иногда даже после обстоятельного исследования неочевидно, какую конкретно семантику он добавляет и добавляет ли какую-нибудь, например, к форме перфектного прошедшего; так, вероятно, пока что обстоит дело в самодийских языках (в ненецком или энецком: А. Б. Шлуинский, А. Ю. Урманчиева, личные сообщения).

I.1.2. Семантика

Несмотря на внешнюю композициональность, в большинстве языков мира плюсквамперфект оказывается семантически весьма нетривиальным элементом глагольной системы, для которого характерен целый ряд устойчивых вторичных употреблений. Это позволяет считать плюсквамперфект самостоятельной базовой глагольной формой, или, по крайней мере, двойственным показателем, сочетающим унаследованные признаки комбинации двух граммем и самостоятельные свойства. «This is a situation where you would like to have your cake and eat it», по идиоматическому выражению Э. Даля [Dahl 1985: 67], который в своем типологическом исследовании глагольных систем учитывает показатель плюсквамперфекта и как самостоятельный показатель, и как показатель перфекта. Указанный феномен наблюдается и в

связи с некоторыми другими «сложными» показателями: «в частности, перфект и прогрессив часто сочетаются с прошедшим временем и дают перфект в прошедшем (плюсквамперфект) и прогрессив в прошедшем соответственно; вопрос о том, считать ли их отдельными категориями, остается открытым» [Bybee, Dahl 1989]. Ситуация осложняется тем, что в ряде языков Европы (в основном германских: английский, немецкий, нидерландский) плюсквамперфект сочетает как значения, связанные с переносом семантики перфекта в план прошедшего (‘результирующее состояние в плане прошедшего’, ‘актуальность некоторой ситуации в тот или иной момент времени в прошлом’), так и чисто таксисные («прошедшее в прошедшем», в терминологии, например, работ [Salkie 1989] и [Squartini 1999]).

Мы уже сказали, что, согласно принятым в лингвистике XX века воззрениям, плюсквамперфект обозначает ‘предшествование в прошедшем’; со времен античных грамматиков указывалось также на значение временной дистанции, а именно ‘давнопрошедшего времени’ (в частности, в русскоязычных лингвистических работах XIX—XX вв. термины *давнопрошедшее* и *плюсквамперфект* нередко употреблялись как синонимы). После проводившихся с начала 1970-х годов типологических исследований глагольных систем языков мира уже можно сказать, что в действительности плюсквамперфект обладает целым рядом дополнительных нетривиальных значений, устойчиво представленных в генетически не связанных между собой языках, и более того, что значения ‘давнопрошедшее’ и даже в некоторых случаях ‘предшествование в прошедшем’ не являются непременными атрибутами формы, обладающей характерными признаками плюсквамперфекта. Более того, практически неизвестны языки с плюсквамперфектом, в которых бы не было плюсквамперфектной формы, развивающей хотя бы одно дополнительное значение. Круг этих значений весьма устойчив типологически. Впрочем, недооценка полисемии плюсквамперфекта встречается и в современных работах типологов высокого уровня, ср. [Bertinetto 2014], где говорится, что «в зависимости от языка плюсквамперфект может маргинально проявлять особые семантические свойства». До сих пор в грамматиках, даже иногда ориентированных типологически, отражается традиционное таксисное значение, в лучшем случае ‘давнопрошедшее’ и довольно редко заходит речь о каких-то других употреблениях.

Ниже рассмотрим полисемию плюсквамперфекта подробнее.

I.1.2.1. Таксисное значение

Анализ плюсквамперфекта как времени, выражающего действие, предшествующее некоторому моменту («точка отсчета», point of reference), который, в свою очередь, предшествует «моменту речи», point of speech, предлагается, как и сами выделенные термины, во влиятельной работе [Reichenbach 1947: 288, 290]; подобная структура обозначается следующей формулой:

E — R — S
E(vent), (Point of) R(eference), (Point of) S(peech).

Рейхенбах предлагает для английского Past Perfect название «предпрошедшее» (Anterior Past) [Reichenbach 1947: 297]. Подобный анализ он возводит к «Философии грамматики» Есперсена [Jespersen 1924: 256].

Б. Комри определяет плюсквамперфект как «абсолютно-относительное время»: «значение плюсквамперфекта таково: имеется точка отсчета в прошедшем, а рассматриваемая ситуация локализована до этой точки отсчета, т. е. плюсквамперфект может быть представлен как ‘прошедшее в прошедшем’» [Comrie 1985: 65]. Формула Рейхенбаха в нотации Комри выглядит как

E раньше R раньше S, с интерпретацией ‘E раньше R & R раньше S’ [ibid.:125]

Именно это употребление он считает характеризующим для плюсквамперфекта как грамматической формы. На этом основании Комри отказывает в статусе плюсквамперфекта «глагольным формам, состоящим из вспомогательного глагола в прошедшем и причастия и структурно напоминающими английский плюсквамперфект, но интерпретация которых не соответствует, или по крайней мере не обязательно соответствует, локализации ситуации до точки отсчета, но скорее простому указанию на то, что ситуация находится в удаленном, а не близком, прошедшем. Такие языки включают хинди-урду и современный восточноармянский». [ibid.: 68]. Мы не принимаем такого жесткого подхода к определению границ плюсквамперфекта. Действительно, если мы условимся считать всякую форму, *не обязательно* интерпретируемую как ‘предпрошедшее’, не плюсквамперфектом, а чем-либо иным, то мы рискуем вовсе не найти в языках мира формы, отвечающей определению Комри. Даже английский Past Perfect, для которого действительно нехарактерны абсолютно-временные употребления, имеет тем не менее модальное, контрфактивное (т. е. означает

альтернативу, противоречащую реально произошедшим событиям) употребление (*If I* <u>*had come*</u> *earlier, I would have prevent it* ‘Если <u>бы</u> я <u>пришел</u> раньше, я бы предотвратил это’), которое не предполагает предшествования относительно некоторой точки отсчета[2].

В целом строгая грамматикализованная «последовательность времен» английского типа с жестким разграничением абсолютных и относительных употреблений времен, при которой, в частности, предшествование в прошедшем обязательно влечет за собой употребление плюсквамперфекта, как показывает материал посвященной таксису коллективной монографии [Храковский (ред.) 2009] и других работ, даже в Европе не является (и не являлась) широко распространенным феноменом. Например, она практически отсутствует в литовском [Вимер 2009: 168] и древнегреческом [Ибрагимов 2009] (это верно и для новогреческой, уже аналитической формы, которая функционирует как «frame past» и показатель экспериенциальности [Hedin 1987: 23—28]). Последовательность времен как минимум не является обязательной в болгарском (судя по примерам в [Ницолова 2009], см. также I.4.2.2), шведском [Зорихина-Нильссон 2009: 461] и финском [Томмола 2009: 517, 532] («значение предшествования и так ясно при простом претерите»), факультативна в итальянском вплоть до XIX века [Bertinetto 2014]. Во всех этих языках в контекстах «предшествования в прошедшем» плюсквамперфект не обязателен (или даже невозможен, как в цюрихском швейцарско-немецком диалекте [Squartini 1999], см. также I.4.1.3, или в сербохорватском [Thomas 2000], см. также I.4.2.1), зато у него есть другие, нетаксисные значения (и, как правило, значение перфекта/результатива в прошедшем). Что касается, например, языков Западной Африки, где время, в отличие от аспекта, вообще грамматикализовано слабо, то, например, плюсквамперфект в языке бамана в контексте ‘предшествование в прошедшем’ появляется лишь в 10—15% случаев, «поскольку его отсутствие обычно не вызывает непонимания» [Идиатов 2003: 312], а основные его функции — «предыстория» в дискурсе [там же: 313], см. также 1.3.2.1.2, и аннулированный результат [там же: 314], где его употребление как раз близко к обязательному.

Далее рассмотрим элементы типологической полисемии плюсквамперфекта.

---

[2] О некоторых других противоречиях в теории времени, предлагаемой Комри, писал в своей рецензии на «Tense» Эстен Даль [Dahl 1987], выступивший против строго логического подхода к временным граммемам.

I.1.2.2. Наличие результирующего состояния в прошедшем

Во многих европейских языках (английский, немецкий, итальянский) форма плюсквамперфекта «нейтрализует» контекстуальные различия между таксисно-временным значением ‘предпрошедшее’ и аспектуально-временным значением ‘результирующее состояние в прошедшем’, причем обстоятельство времени указывает в первом случае на время самого события, а во втором — на момент наличия результирующего состояния в момент точки отсчета, так называемое «позициональное использование точки отсчета» [Reichenbach 1947: 294], как в известном немецком примере из [Vennemann 1987: 247] (цит. по [Thieroff 1992: 195]):

(7) Am 1. September 1939 hatte Hitler Polen überfallen.
«1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу».

(8) Am 2. September 1939 hatte Hitler Polen (schon) überfallen.
«2 сентября 1939 года Гитлер (уже) напал на Польшу».

Распространенность этой «нейтрализации» (иными словами — полисемии плюсквамперфектной формы) ведет к тенденции рассматривать эти два значения как единый кластер. Значение ‘результирующее состояние в прошедшем’ для английского или немецкого плюсквамперфекта поддерживается как наличием в глагольных системах этих языков формы перфекта настоящего времени, так и формальным параллелизмом аналитических перфекта и плюсквамперфекта. Тем не менее Комри утверждает [Comrie 1985: 77—82], что в большинстве случаев ‘наличие результирующего состояния’ не может считаться основным значением плюсквамперфекта.

Доказательства этого положения следующие:
— структурное: существование систем, где, несмотря на наличие плюсквамперфекта, (специализированный) перфект отсутствует (напр. французский), а также систем, где наличие перфекта не влечет наличия плюсквамперфекта[3];
— морфологическое: существование систем, где отсутствует формальная параллель между перфектом и плюсквамперфектом (луганда);

[3] В качестве примера Комри приводит суахили, однако этот аргумент убедительно отведен Р. Солки [Salkie 1989: 14], который показывает, что плюсквамперфект в суахили, наоборот, как раз имеется, в то время как наличие перфекта проблематично.

— диахроническое: существование систем, где развитие перфекта в сторону простого прошедшего не затрагивает развитие плюсквамперфекта (французский, немецкий; ср., впрочем, появление в соответствующих системах сверхсложных форм, раздел I.4);
— семантическое: якобы частотное преобладание таксисно-временного значения плюсквамперфекта над аспектуально-временным даже в языках, где наличествуют оба; наличие систем, где плюсквамперфект не имеет аспектуально-временного значения (португальский).

Центральное положение Комри — о невозможности анализировать плюсквамперфект «английского» типа как отнесенный в план прошедшего перфект — вызвало возражения Эстена Даля [Dahl 1987] (впрочем, Даль приводит некоторые аргументы, «пересекающиеся» с аргументами Комри, в пользу более сложного характера этого отношения — [Dahl 1985:144][4]) и Рафаэла Солки [Salkie 1989] (ср. также аспектуальную трактовку плюсквамперфекта в [Klein 1994]); вопрос о первичности аспектуального или временного значений остается, тем не менее, открытым. Кроме того, этот вопрос тесно связан с семантической природой перфекта — одной из самых загадочных грамматических категорий.

Аргументацию в пользу симметрии плюсквамперфекта и перфекта поддерживает трактовка последнего как таксисной граммемы, выражающей предшествование по отношению к точке отсчета, совпадающей с моментом речи. Английский перфект (Present Perfect) уже в [Reichenbach 1947:297] назван «преднастоящим» — Anterior Present[5]. Против этой трактовки возражает Б. Комри [Comrie 1985: 65, 78—79], не допускающий для абсолютно-относительного времени совпадение точки отсчета и момента речи. Ее несколько иначе, чем Рейхенбах, защищает Р. Солки [Salkie 1989], отводя также некоторые вышеприведенные структурные и морфологические аргументы Комри. В то же время подобная трактовка английского перфекта далека от того, что-

---

[4] Именно поэтому в [Dahl 1985] при статистическом обсчете глагольных категорий плюсквамперфект считается дважды — как самостоятельная категория и как прошедшее время перфекта; «несколько шизофренический подход» («a somewhat schizophrenic treatment»), по преувеличенно самокритичной оценке самого Даля.

[5] К такому анализу восходит английский термин *anterior* для обозначения перфекта; он используется, например, в [Bybee et al. 1994]; в [Tatevosov 2001] *anterior* употребляется как (десемантизировавшийся) типологический «ярлык» этой категории, в то время как термин Perfect используется для категорий конкретных языков.

бы быть общепринятой. Его основным значением принято считать трудноопределимую «продолжающуюся релевантность» («текущую релевантность») некоторой предыдущей ситуации в момент речи (историю вопроса см. [McCawley 1971], [Comrie 1976: 56], [McCoard 1978], [Dahl 1985: 132], [Bybee, Dahl 1989: 55]). Это понятие Э. Даль и Е. Хедин предлагают рассматривать прагматически («если применять понятие «текущей релевантности» [к примеру *A bank has been robbed* 'Банк ограбили'], то это в первую очередь означает не то, что имеет место непосредственный результат события, а скорее, что событие имеет те или иные эхо-последствия (отзвуки, repercussions) для участников ситуации коммуникации» [Dahl, Hedin 2000: 391—392]. Таким образом, значение английского перфекта 'наличие в момент речи результирующего состояния' рассматривается как вторичное, но не производное от таксисного. Согласно семантической карте Л. Андерсона [Anderson L. 1982: 231], чисто таксисное значение, свойственное английскому перфекту только в составе плюсквамперфекта и предбудущего, также является вторичным.

Важно отметить, что устойчивость этого кластера из двух значений не является универсальной, как показано в [Salkie 1989] на примере македонского языка и в [Squartini 1999] на примере португальского языка и швейцарско-немецкого диалекта (см. также ниже, соответственно I.2.1.1 о португальском и I.4.1.3 о швейцарско-немецком). Добавим сюда еще чадский язык кирфи (северная Нигерия), плюсквамперфект в котором, образуемый при помощи грамматикализованного глагола 'закончить', имеет только семантику 'предшествование во времени', а результативные значения в плане прошедшего выражаются перфектом [Столбова 2003: 640] или марийский, в котором плюсквамперфект, передающий таксисные, экспериенциальные и антирезультативные значения, «не обладает свойством» выражать «перфект в прошлом», «если не считать отдельных, очень редких случаев» [Серебренников 1960].

К языкам, где нет обязательной «последовательности времен» английского типа, общие выводы, построенные на базе прежде всего английского языка, оказываются трудноприменимыми. Например, в литовском языке [Вимер 2009: 168—169] стандартной передачей предшествования в прошедшем, как и в русском языке, выступает претерит, функционирующий и как абсолютное, и как относительное время:

(9) Jonas <u>sužinojo</u>, kad Eglė (jau) <u>važiavo</u> i Kauną.
'Йонас <u>узнал</u>, что Эгле (уже) <u>поехала/ездила</u> в Каунас'.

Плюсквамперфект же (как и другие сложные времена) представляет собой «время перфектного разряда», «пересекающееся с результативом» [там же: 169—170]. Нижеследующий пример литовского плюсквамперфекта Б. Вимер трактует как таксисный, но в нем очевиден акцент на состоянии в плане прошедшего:

(10) Sustojo pusiaukelėje tarp to, ant ko buvo išaugę ir to ko iš jų buvo pareikalauta.
‘Они остановились на полпути между тем, на чем они выросли (букв. были выросшие), и тем, что от них потребовалось’.

При этом литовский плюсквамперфект, вероятно, даже чаще [там же: 170] употребляется «абсолютно»; в этом случае ему «свойственны определенные прагматические оттенки, которые довольно прочно укоренились в узусе» [там же: 172]. О других значениях литовского плюсквамперфекта (неактуальная ситуация, инферентив) см. ниже, I.1.2.3, I.1.2.8.

Таким образом, мы имеем право рассматривать таксисное значение и значение ‘результатив/перфект в прошедшем’ отдельно.

I.1.2.3. Прекращенная ситуация

Одна из основных вторичных функций плюсквамперфекта в языках мира — перенос ситуации в закрытые временные интервалы в прошедшем (past temporal frames, в терминологии Даля [Dahl 1985: 146—147]). В случаях, когда речь идет о стативных ситуациях или деятельностях, перенос в неактуальный интервал дает закономерное значение ‘прекращенной ситуации’, не имеющей места в настоящем:

(11) дьола (Сенегал)
esukey eniilo-ɛɛn-ɛɛn [Шошитайшвили 1998: 37]
‘Раньше наша деревня была маленькой [а теперь это не так]’.

(12) чувашский
Эпĕ нихçан та çын çăкăрне çисе пурăнманччĕ, хам алăпа ĕçлесе пурăннăччĕ… Халĕ эпĕ никама усăсăр çын пулса тăтăм [Егоров 1957: 199]
‘Пока глаза мои видели, я никогда не кормился у чужого стола, всегда кормился собственным трудом… Теперь же я стал бесполезным человеком’.

В литовском языке, судя по описанию Б. Вимера, значение ‘неактуальной ситуации’ как будто бы пересекается со значением ‘перфект в про-

шедшем’ (или является его прагматической импликатурой): «Плюсквамперфект… иногда приобретает значение припоминания говорящим того или иного положения дел, которое имело место в прошлом и представляется несколько оторванным от момента речи. Такое значение легко возникает тогда, когда глагол в плюсквамперфекте обособлен, т. е. не соотносится ни с каким другим глаголом в прошедшем времени»:

(13) Ar ji tau tada buvo paskambinusi?
‘Она тебе тогда позвонила?’ (букв. ‘была позвонившая’)

П. М. Аркадьев [2012: 104] приводит пример на значение ‘прекращенная ситуация’, вполне аналогичный употреблению русского *было* (см. ниже, раздел II.4.4.1):

(14) — O aš buvau galvojęs šiąnakt eiti pasivaikščioti.
‘А я было думал этой ночью пойти погулять’

I.1.2.4. Аннулированный результат и проксиматив/авертив

С предельными глаголами плюсквамперфект в языках мира дает чрезвычайно распространенное значение ‘аннулированного результата’, так, на месте глагола BUILD ‘(по)строить’ в предложении (TMAQ 129) из анкеты, использовавшейся Далем в [Dahl 1985]:

(Глядя на изображение дома, который теперь снесен):
Кто (ПО)СТРОИТЬ этот дом?

в приблизительно 75% языков, им исследованных, допустим плюсквамперфект («или как единственный вариант, или наряду с другими категориями»).

С этим значением часто сочетаются глаголы двунаправленного движения:

(15) арчинский [Кибрик 1983: 115; Кибрик 1977]
zon šanRi c’uraši uqIali ewdi [цит. по Кибрик 1983: 115]
‘Я вчера в Цуриб ходил’ [говорящий находится не в Цурибе, а в другом месте]

Аннулированный результат представляет собой одно из значений антирезультативного [Плунгян 2001] множества значений, соответствующего нарушению «нормальной» реализации «результативной фазы» процесса. «Другая, не менее важная разновидность антирезультативного значения соотносится с неконтролируемыми предельными процессами и описывает ситуацию (непредвиденной) останов-

ки процесса в непосредственной близости к финалу. Мы будем называть значения такого рода п р о к с и м а т и в н ы м и» [там же: 56]. Для этого значения в типологии используется также термин а в е р т и в [Kuteva 2001: 78]. В работе Плунгяна отмечается недостаточная изученность типологии морфологических средств выражения проксиматива. Это значение кодируется в том числе и плюсквамперфектом, например, в корейском языке:

(16) kɨka əce pan <u>tolakaəssəssta</u> [Kim 1974: 532]
‘Он вчера чуть было не умер’

а также в латинском и сантали (см. разделы I.2.3.1 и I.4.1.5). В древнерусском (см. II.2.1) и русском языке XVIII века (см. II.3.2.5.1) в проксимативном (авертивном) значении были распространены, соответственно, плюсквамперфект и частица *было* вне конструкций типа *чуть было не*, *совсем было*.

К данной семантической зоне примыкает значение действия, намеченного, но ‘еще не’ (not-yet) осуществленного в момент точки отсчета (в перспективе оно достигнуто или должно быть достигнуто). Семантика неначавшегося действия (для этого фазового значения, грамматикализованного, например, в языках банту, в [Плунгян 2000: 306] предлагается термин к у н к т а т и в) выражается плюсквамперфектом в сантали [Сичинава 2001: 97], урду [Дымшиц 2001: 273], древнерусском (конструкция *еще бо не*: [Goeringer 1995], I.2.2.2; [Петрухин 2008], II.2.1), древнеармянском (грабаре) [Козинцева 1998: 211], коптском [Тилль, Вестендорф 1995/2007: 234].

I.1.2.5. Давнопрошедшее — временная дистанция

Согласно Далю [Dahl 1985: 147], «кажется, что использование категорий плюсквамперфекта для обозначения замкнутых временных интервалов — это первый шаг к ситуации, в которой они используются для обозначения давнопрошедшего времени (general remote past)». Действительно, как мы уже упоминали, в некоторых языках (например, восточноармянский, амхарский) плюсквамперфект эволюционирует в направлении выражения временной дистанции:

(17) восточноармянский:
<u>tvel ēr</u> aγǰka-s [Козинцева 1998: 216]
‘[Она] (очень давно) <u>дала</u> (это) моей дочери’.

(18) бесленеевский диалект кабардино-черкесского языка [Сомин 2012]:
А махом сэ мэф1экур слъэгъуат.
a maxʷe-m se mef̣ekʷə-r s-λeʁʷ-a-t
тот день-OBL я поезд-ABS 1SG.ABS-видеть-PST-RETRO
‘В тот день я впервые увидел поезд [воспоминания старика о молодости]’

Значение ‘давнопрошедшего’ (не связанное с ликвидацией результата) выражает, помимо прочих, плюсквамперфект в итальянском (I.2.2.1) и багвалинском (I.4.3.1) языках.

Значение «объективного давнопрошедшего» имеется у плюсквамперфекта в дардском языке кашмири [Захарьин 1981: 185]. Далеко не всегда примеры, приводимые исследователями некоторых других языков, позволяют отграничить это значение от значения ‘прекращенная ситуация’ или ‘аннулированный результат’. Ср. в [Липеровский 1964: 14] о якобы «давнопрошедших» употреблениях плюсквамперфекта в хинди: «акцентирование внимания на дистанции во времени представляется лишь тогда оправданным, когда результат осуществившегося действия является неактуальным для настоящего времени. В противном случае можно употребить перфект». В [Аркадьев 2014] отмечено, что адыгейские информанты часто пытаются истолковать значение грамматических форм через слово «давно», однако проверка контекстов показывает, что на самом деле семантика этих форм иная.

I.1.2.6. Экспериенциальное значение

Экспериенциальное значение — «данная ситуация осуществилась по крайней мере один раз в прошлом, что привело к нынешнему положению вещей» [Comrie 1976: 58], или, в несколько более узком понимании, «агенсу приписываются некоторые качества или некоторые знания в связи с прошлым опытом» [Bybee et al. 1994: 62], — кодируется плюсквамперфектом в различных языках. В выборке Э. Даля [Dahl 1985: 145] оно допустимо в 5 из 20 языков, имеющих форму плюсквамперфекта. О «плюсквамперфектной стратегии» кодирования экспериенциальных значений имеется специальный раздел в неопубликованной работе [Вострикова 2010: 96—101].

(19) португальский:
Havían sido muito poucas as que tinham desaparecido, ascendidas ao Sumo Bem [Santos 1999: 290; трактуется как «arbitrary location in the Past», ‘произвольная локация в прошедшем’]

‘Очень мало было таких [женщин], которые исчезли, вознесшись к Высшему Благу’ (в трактовке [Вострикова 2010], относится скорее к «экзистенциальным», чем собственно к экспериенциальным значениям)

(20) корейский:
kɨka kɨ imsɨkɨl cəne məkəssəssta [Kim 1974:532]
‘Он ел эту пищу’ (=У него был опыт поедания этой пищи, he had an experience of eating the food).

Кроме того, экспериенциальное употребление свойственно «сверхсложным» формам плюсквамперфекта в романских диалектах (подробнее см. I.4.1.3), а также «двойному прошедшему» в адыгейском [Короткова 2009: 277—278] (описание на материале говора аула Хакуринохабль). Плюсквамперфектом (наряду с другими морфологическими средствами) кодируется экспериенциальность в арчинском и татарском языках [Вострикова 2010: 98—99].

Казалось бы, экспериенциальное значение выбивается из этого ряда, поскольку обозначает, напротив, связь с настоящим. Действительно, в большинстве языков здесь выступает форма перфекта, маркирующая такую связь. Выбор плюсквамперфекта объясняется тем, что экспериенциальность нередко связана с действием, которое ныне обычно уже не осуществляется (т. н. «неактуальный экспериенциал»; *когда-то я играл на рояле* или пример из восточноармянского ‘до сих пор он танцевал только со стулом, а теперь он хотел танцевать с настоящей девушкой’ [Козинцева 1998: 215]). «Опыт» здесь противопоставляется «нынешней практике» и плюсквамперфект осуществляет свою обычную функцию контраста двух временных планов. Как отмечает Н. В. Вострикова, существуют языки, где перфект выражает «актуальный опыт», а плюсквамперфект — «неактуальный»:

(21) итальянский:
Eri già stata in questa stanza? [Maiden, Robustelli 2000:293]
‘Ты уже бывала в этой комнате?’ (участники речевого акта находятся в комнате, так что вопрос имеет смысл только при значении ‘когда-либо раньше’)

(22) шапсугский диалект адыгейского:

se	njəbzəg’e	s-je-ŝʷe-ʁ-ep	sane. [Аркадьев 2014]
я	когда.нибудь	1SG.ABS-DAT-пить-PST-NEG	вино

‘Я никогда не пил вино (и сейчас не буду пить)’.

(23) se   njəbzəg’e   s-je-ŝʷe-ʁa-ʁ-ep   sane.
я   когда.нибудь   1SG.ABS-DAT-пить-PST-PST-NEG   вино
‘Я никогда [раньше] не пил вина (а сейчас пью; уместно в устах человека, первый раз притрагивающегося к вину).’

Впоследствии это значение, вероятно, может обобщаться на экспериенциальность вообще.

Одинаковое кодирование ‘неактуального временного интервала’ и экспериенциального значения не является типологически неожиданным. Так, в современном русском языке используется несовершенный вид как в общефактических, так и в антирезультативных контекстах (*вас же предупреждали* и *он приходил*). В славянских языках вторичный имперфектив типа рус. *хаживал,* помимо общефактической, имеет и «неактуальную», и «давнопрошедшую» интерпретацию. А. В. Исаченко [1960: 432] замечает, что эта последняя интерпретация возникает под влиянием контекстов вроде *лет восемь назад, в молодости* и проч.; тем не менее она достаточно устойчива: чешский грамматист Ф. Копечный (цит. по [Молошная 1996:565]) считает, «что различия между чешскими формами *nosil* и *nosíval* воспринимаются как временные: *nosíval* обозначает более отдаленное прошлое»; в XVI столетии Д. Герасимов, русский переводчик латинской грамматики Доната, передает формы латинского Plusquamperfectum формами имперфекта, «последовательно образованными от основ на *-ыва*/*-ива*» [Горшкова, Хабургаев 1981/1997: 357]. Формы на *-ива-* как «давнопрошедшие» воспринимают и некоторые современные лингвисты, например, [Успенский 1993] (см. также ниже, II.3.3.1, в связи с частицей *бывало*).

В этой связи типологически интересны данные мишарского диалекта татарского языка, в котором плюсквамперфект (в отличие от претерита) не допускает хабитуальной интерпретации [Татевосов 2007: 203]. В экспериенциальном значении он может быть употреблен в контексте ‘был ли ты знаком с моим отцом? — да, я его встречал’, но не в контексте ‘был ли ты знаком с моим отцом? — да, я его постоянно встречал’.

I.1.2.7. Модальные значения

Одно из наиболее типологически распространенных значений плюсквамперфекта — употребление в гипотетических конструкциях со значением ‘ирреальное (контрфактивное) условие’. Оно также засвидетельствовано в большей части языков мира, имеющих плюс-

квамперфект: по данным Э. Даля, в предложении из его анкеты (TMAQ 146):

> [Говорящий знает, что мальчик рассчитывал получить деньги, но не получил их]:
> Если мальчик ПОЛУЧИТЬ деньги (вчера), он КУПИТЬ девочке подарок. —

из 20 языков в его выборке 10 допускают плюсквамперфект в условном придаточном предложении (протасисе), 4 — в главном предложении (аподосисе) конструкций. К языкам первого типа относится, например, английский (*If the boy had got the money yesterday, he would have bought a present for a girl*), немецкий, французский и многие другие; к языкам второго типа — хинди [Шошитайшвили 1998: 116]. Некоторые языки допускают плюсквамперфект в обеих частях конструкции — персидский и классическая латынь (используется плюсквамперфект конъюнктива, см. оба примера в II.1.4). В этот же ряд нужно добавить и праславянскую конструкцию с *быхъ*, имевшую изначально плюсквамперфектное значение и окончательно грамматикализировавшуюся как показатель условного наклонения (см. там же).

В нидерландском языке ирреальное значение плюсквамперфекта представлено и вне условной конструкции (возможно, предложения такого типа представляют собой ее усечение):

(24) Had hij maar wat sneller gewerkt! [Барентсен 2009: 272]
‘Работал бы он только немножко быстрее!’ («ирреальность — желание, которое уже не может осуществиться»)

Очень интересно модализованное употребление плюсквамперфекта в шведском языке [Andersson 1977: 257; Зорихина-Нильсен 2009: 429]:

(25) Pelle öppnade dörren innan Johan gick in
Pelle öppnade dörren innan Johan hade gått in
‘Пелле открыл дверь, прежде чем / перед тем как Юхан вошел’

По Андерссону, «если в придаточном предложении употреблена форма плюсквамперфекта, действие, обозначаемое ей, мыслится как возможное. Это, в свою очередь, не исключает того, что действие не будет иметь места». Во втором примере, «по крайней мере в момент открытия двери, действие субъекта придаточного предложения представляет собой лишь одну из возможных альтернатив развития ситуации: Юхан войдет, а, может быть, и нет» [Зорихина-Нильсен 2009: 429].

Употребление плюсквамперфекта и — шире — прошедшего в ирреальных конструкциях давно привлекало исследователей; еще О. Есперсен [Jespersen 1924] использовал для подобных значений название «претерит и плюсквамперфект воображения». Действительно, создание заведомо нереального для говорящего, воображаемого мира связано во многих языках с образом времени, с «метафорой временной дистанции», разобранной в статье [Fleischman 1989]. В статье [Steele 1975: 200], посвященной морфологической близости показателей прошедшего и ирреалиса в юто-ацтекских языках, показано, что подобная же полисемия показателей характерна и для других языков, никак с ними не связанных — гаро (тибето-бирманские, восточная Индия), чипевьян (атапаскские, Канада), маратхи (индоарийские, центральная Индия). Первоначальное значение соответствующего показателя в юто-ацтекских языках исследовательница реконструирует как «усиленное (подчеркнутое) прошедшее» (emphasized past time) [ibid.: 211], которое лишь в некоторых языках перешло в показатель простого прошедшего. Плюсквамперфект также является «усиленным» прошедшим временем, в котором значение предшествования настоящему моменту выражено дважды. Общей семой прошедшего и ирреалиса является «диссоциатив», отграниченность от наблюдаемого положения вещей — «прошедшее время оторвано от настоящего, ирреалис — от реальности» [Steele 1975: 217].

В [Fleischman 1989] ключевым для объяснения этой метафоры выступает понятие «эгоцентричности» языка, который стремится оценивать ситуации с точки зрения их расстояния от «„здесь-и-сейчас" говорящего»: плюсквамперфект представляет ситуацию как удаленную во времени от дейктического центра, а потом эта дистанция метафоризируется как расстояние между реальным и нереальным. Однако, например, в [Dahl 1997] и в [Michaelis 1998] подход Флейшман подвергнут обоснованной критике: отмечается, прежде всего, что такое объяснение не помогает понять, почему чаще всего языки мира выбирают для этой функции именно плюсквамперфект, а не другие формы с референцией к прошлому: дело в том, что значения категории временной дистанции (а именно давнопрошедшее) плюсквамперфект в чистом виде (без идеи неактуальности события) выражает в очень немногих языках. Никаких следов такой семантики нет, в частности, в английском языке, где ирреальная функция плюсквамперфекта в то же время представлена. Даль и Михаэлис предполагают (вслед за [Tedeschi 1981]), что такое представление ирреального условия связано с идеей «бифуркации». Говорящий «возвращается назад» в тот мо-

мент, когда еще было мыслимо осуществление условия, и оно и выражается плюсквамперфектом, так как предшествует во времени ирреальному следствию. Однако и эта теория не дает ответа на вопрос, почему используется именно плюсквамперфект, а не иное прошедшее время; поэтому Даль предполагает, что такие употребления возникли в связи с ирреальным следствием, которое само относится к прошлому (и, соответственно, ирреальное условие должно быть в плюсквамперфекте), а затем распространились и на иные контексты. Альтернативное объяснение, предложенное в [Плунгян 2004а], апеллирует к дискурсивным употреблениям плюсквамперфекта, а именно, к его способности маркировать дигрессию, отступление от основной линии повествования (об этих дискурсивных функциях плюсквамперфекта см. разделы I.1.2.9, I.3).

Другое модальное значение — ’вежливость’, смягчение категоричности — также представлено в семантике плюсквамперфекта и/или показателей ретроспективного сдвига:

(26) волоф (атлантические):
loo <u>begg-oon</u>? [Church 1981]
‘Чего <u>бы</u> вам <u>хотелось</u>?’ (‘что вам угодно?’ ‘qu’est-ce que vous aimeriez?’)

(27) французский:
J’<u>étais venu</u> vous demander mes honoraires [Warthburg, Zumthor 1947], цит. по [Majumdar & Morris 1980: 7]
‘Я <u>пришел</u> попросить Вас о вознаграждении’

(28) английский:
I <u>had been thinking</u> about asking you to dinner [Fleischman 1989:10]
‘Я <u>хотел бы</u> пригласить Вас на обед’ (букв. «Я думал о том, чтобы пригласить Вас на обед»).

Оно также связано с модальной метафорикой прошедшего; понижение категоричности высказывания передается через «инактуализацию» действия («говорящий дистанцируется от своей просьбы» [Steele 1975:216], «риск возможного отрицательного ответа уменьшается, потому что фактически никакого приглашения не высказано» [Fleischman 1989: 9]); такой же эффект характерен и для английских модальных глаголов в прошедшем времени (*might, could*), и для других прошедших времен в английском, французском и испанском языках [ibid.:8—9], и для претеритных показателей в юто-ацтекских языках [Steele 1975: 201, 208]. Значение «вежливой просьбы» имеет

плюсквамперфект в урду [Дымшиц 2001: 272], пример ‘Зачем пожаловали? — Пришел опустить письмо’. Аналогичное значение формы с *было* имелось в русском языке XVIII века (см. раздел II.3.2.6) и в украинском еще первой половины XX века (см. раздел II.7.3.2).

Примером языка с тесной связью между плюсквамперфектом и ирреальностью может служить язык сантали, где показатель плюсквамперфекта -*le*- имеет также функцию общего ирреалиса, а кроме того, обязательно выступает вместо перфектива при отрицании [Neukom 2001: 89—93, Sitchinava 2007]. Впрочем, в описании [Ghosh 2008: 66—67] приведены контрпримеры с перфективным прошедшим при отрицании и указано, что в таких контекстах показатель -*le*-имеет скорее ирреальную интерпретацию; не исключено, что это расхождение связано с диахроническим изменением или диалектным различием. В эфиосемитском языке харари, согласно некоторым описаниям, для относительных глагольных форм (употребляющихся в придаточных предложениях) плюсквамперфект засвидетельствован только при отрицании, хотя жёсткость данного ограничения также ставится под сомнение [Визирова 2013: 454]. Схожее дублирование отрицания формой «отдаленного прошедшего», развивающей значения из «зоны сверхпрошлого», представлено в языках банту дабида и нкоре-кига [Урманчиева 2003: 469—470].

I.1.2.8. Эвиденциальное значение

Значение эвиденциальности, или косвенной (непрямой) засвидетельствованности (см., в частности, [Anderson 1986]), также связанное с отдаленностью от дейктического центра, отмечено для плюсквамперфекта в некоторых языках (хотя, безусловно, не столь массово, как антирезультативное значение плюсквамперфекта или выражение эвиденциальности при помощи результатива/перфекта). В боливийском испанском (пасеньо, койне города Ла-Пас), плюсквамперфект под влиянием языка аймара (формы давнопрошедшего) приобретает заглазное значение:

(29) Hoy día había llegado su mamá de él [Fleischman 1989 : 28]
‘Сегодня приехала его мама’ [но я ее не видал].

(30) Se había puesto a renegar [ibid.: 29].
‘Она сошла с ума’ [как говорят]

Значения адмиративности и эвиденциальности развиваются у плюсквамперфекта также в испанском языке Перу (под влиянием язы-

ков кечуа) и Парагвая (как аналог показателя «сниженной утвердительности» [Герасимов 2010: 46] в языке гуарани *ra'e*, который может и прямо заимствоваться в испанский), а также некоторых регионов Аргентины и Чили [Blestel 2011]. Э. Блестель показывает, что такую эволюцию именно плюсквамперфекта (а не другой формы) нельзя признать чистым калькированием; она имеет также внутренние типологические причины [ibid.: 77] и связана с тем, что плюсквамперфект выступает как маркер «неактуальности».

В английском языке, согласно трактовке [Caenepeel 1995:248] (на наш взгляд, не единственно возможной — вполне представима и таксисная интерпретация) одно из употреблений плюсквамперфекта связано с теми контекстами, в которых говорящий, пересказывая информацию со слов третьего лица, «хочет указать, что за излагаемые факты или мнения несет ответственность третье лицо, и не хочет их разделять», как в следующем примере из издания The Independent, 15 January 1991:

(31) Mr. Major told the Commons that Iraq showed no signs of planning a last-minute withdrawal. It <u>had increased</u> its forces in and around Kuwait to 600,000 men, more than 4,000 tanks and over 3,000 artillery pieces. Chemical weapons <u>had</u> also <u>been deployed</u>. [цит. по Шошитайшвили 1998: 91].
'Г-н Мейджор сообщил Палате общин, что Ирак не проявляет ни малейшего желания планировать отступление в последнюю минуту. [Ирак] <u>увеличил</u> свои силы внутри и вокруг Кувейта до 600 тыс. человек, более 4 тыс. танков и 3 тыс. артиллерийских орудий. Также <u>было развернуто</u> химическое оружие.'

В албанском языке один из двух плюсквамперфектов, принадлежащих к неэвиденциальному ряду форм, возможно, развивает — независимо от перфекта — заглазное значение ([Friedman 1981]; подробнее см. I.2.2.2). В бежтинском языке плюсквамперфект выражает адмиративное значение ('событие противоречит ожиданиям говорящего' [Тестелец, Халилов 2002]). В литовском языке [Вимер 2009: 172] плюсквамперфект развивает инферентивное (умозаключительное) значение, которое Б. Вимер относит к «эпистемической модальности»:

(32) Atrodo, kad... Schönbergas, Webernas ir Albanas Bergas <u>bus atlikę</u> intensyviausią intelektinį darbą svartsydami kompozitoriaus mąstymo esmę...
'Кажется, что… Шенберг, Веберн и Альбан Берг, (скорее всего) <u>совершили</u> весьма интенсивную интеллектуальную работу, вникая в суть мышления композитора'

В эстонском языке употребление плюсквамперфекта означает, что говорящий «дистанцируется от сказанного, скорее всего, он сам при описываемом событии не присутствовал» [Кару, Кюльмоя 2004: 277]; плюсквамперфект придает «дополнительный оттенок неточного знания, незнания или скрываемого автором знания» [там же: 278], выражает «действие в прошлом, достоверность которого точно не установлена» [Kallas 2001].

Эвиденциализация плюсквамперфекта (а именно, особой «сверхсложной формы») широко распространена в «эвиденциальном поясе Старого Света» — на Балканах и в Азии (подробнее см. I.4.3.1.)

I.1.2.9. Дискурсивные функции плюсквамперфекта

Дискурсивные функции плюсквамперфекта — то есть связанные со структурированием текста и местом данного события в пространстве текста — до сих пор обстоятельно не изучены с типологической точки зрения (применительно к английскому материалу см. [Lascarides, Asher 1993], [Caenapeel 1995], к нидерландскому — [Oversteegen, Bekker 2002], к французскому — неизданную работу [Garine 2002], к древнерусскому — [Петрухин 2008]). Между тем, по словам П. В. Петрухина [2008: 214], «в целом плюсквамперфект (в любом языке) — дискурсивная категория par excellence. Отсюда для его анализа, как правило, требуется привлечение широкого контекста».

Далеко не всегда плюсквамперфект указывает просто на некоторое событие в прошлом, предшествующее другому (вообще говоря, каждое новое последовательно излагаемое событие в нарративе предшествует некоторому последующему); он означает в тексте прежде всего события, «посторонние» по отношению к основной линии повествования (в частности, предшествующие некоторому моменту; out-of-sequence в терминологии Т. Гивона [Givón 1982]). Именно такое «отвлечение» от последовательности излагаемых событий и вызывает, согласно гипотезе, высказанной в [Плунгян 2004a], ирреальные употребления плюсквамперфекта. Плюсквамперфект может передавать «фоновую» информацию (см. подробнее I.2.4), сигнализировать о необычных событиях, нарушающих размеренный ход нарратива (см. подробнее [Bertinetto 2014] и 1.3.2.3). В языке супьире (Мали, семья гур) кодирование «countersequential events» является единственным отмеченным в грамматике дополнительным значением плюсквамперфекта [Carlson 1994: 356]. В нидерландском языке плюсквамперфект

«используется в рассказе о прошлом, в котором нарративная перспектива создает дистанцию между слушателем или читателем и нарративом» [Houët 2008: 114].

Кроме того, плюсквамперфект употребляется в зачине повествования, отмечая начало нарратива. В [Сичинава 2001] для этого класса употреблений нами предложен термин «сдвиг начальной точки», подробнее он разобран в отдельной статье [Сичинава 2008] (см. раздел I.3). Примером может служить засвидетельствованное в берестяных грамотах употребление плюсквамперфекта в начале текста: начальная предикация древнерусского нарратива оформляется плюсквамперфектом, затем идет изложение в обычном прошедшем времени; «первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» [Зализняк 1995/2004: 175—177] (сюда же, вероятно, относится и русский сказочный зачин *жили-были,* см. полемику вокруг этого вопроса: [Ткаченко 1979], [Вайс 2003], [Петрухин 2007]). Такой или сходный тип употреблений плюсквамперфекта отмечен в различных языках мира (латинский, итальянский, немецкий, восточноармянский, багвалинский, убыхский, калмыцкий, сантали, панджаби, гуарани). Подробное обсуждение этой функции см. в разделе I.3.

I.1.2.10. Зона «неактуального прошедшего»: общее

Таким образом, плюсквамперфект помещает ситуацию в семантическую зону, элементы которой противопоставляются не только временному плану настоящего, но и аспектуальному значению результативности, и модальному индикативности, и эвиденциальному — прямой засвидетельствованности. Ситуация помещается, в терминологии работ [Dahl 1985] и [Squartini 1999], в «закрытый временной интервал» (past temporal frame). В работе [Plungian, Auwera 2006] для этого круга значений (который может маркироваться не только плюсквамперфектом, но и специальными показателями) используется термин «discontinuous past» (букв. «непродолженное прошедшее»). В основе частных значений, по-видимому, лежит представление о «прошедшем И НЕ настоящем» (обычные формы прошедшего времени, как правило, могут означать и действия, продолжающиеся до момента речи). Ср. весьма четкие формулировки по поводу украинского плюсквамперфекта в академической «Украинской грамматике» [Русановский (ред.) 1986: 94], подробнее см. II.7.3.

Для этой устойчивой области можно ввести обозначение «зона сверхпрошлого» [Плунгян 2001] (superpassé [Arnavielle 1978: 620], ср. также emphasized past time [Steele 1975: 211]) или «неактуальное прошедшее» (именно оно вынесено в название настоящего раздела). Конечно, семантические особенности, допустим, значений ‘давнопрошедшее’ и ‘вежливость’ не могут быть полноценно выражены одним кратким «ярлыком». Более нейтральное обозначение, которое мы также будем использовать в данной работе — «полисемия плюсквамперфекта» («типологически известная полисемия»).

Существуют показатели, выражающие значения «зоны сверхпрошлого / неактуального прошедшего», но применение к ним термина «плюсквамперфект» сомнительно: они не являются морфологически многочастными, как большинство плюсквамперфектов в языках мира, и не выражают ни результативного, ни таксисного значения. Тем не менее очевидна близость таких форм к плюсквамперфекту; вероятно и то, что в прошлом у них были эти значения. Например, такова форма «отдаленного прошедшего» на *-la* в калмыцком языке [Гото 2009: 138], именуемая в авторитетных грамматиках «плюсквамперфектом». При этом она не выражает значения предшествования в прошедшем, но развивает значения, типичные для полисемии плюсквамперфекта [там же: 140—142]. Это, например, прекращенная ситуация:

(33) mana eeǯə öckəldür ʁurvə-n čas-t-an
мы.PL бабка вчера три-EXT час-DAT-POSS.REFL
kozəldur-an xää-lä
очки-POSS.REFL искать-REM
‘Вчера бабушка три часа искала свои очки’

или экспериенциальность:

(34) chi samolet-də nis-lä-č?
ты.NOM самолет-DAT летать-REM-2SG
‘ты летал [когда-нибудь] на самолете?’

Кроме того, калмыцкая форма на *-la* употребляется в дискурсе в зачинной функции со значением ‘сдвиг начальной точки’ (ей обычно оформляется несколько первых предикаций), см. подробнее раздел I.3.2.1.2.

С точки зрения Т. А. Майсака и С. Г. Татевосова [2001], частные значения «зоны сверхпрошлого» (речь идет о багвалинском языке) есть лишь проявления общего значения «замкнутого временного интервала», появляющиеся в результате прагматической импликатуры. Майсак и Татевосов пишут, что «антирезультативность является, по

всей видимости, прагматической импликатурой, появление которой определяется тем, что Плюсквамперфект противопоставляет два временных плана — актуальный, включающий момент речи, и неактуальный. Слушающий, извлекая смысл из высказывания с Плюсквамперфектом, опирается на коммуникативные постулаты… и предполагает, что говорящий стремится сделать свое высказывание максимально адекватным и информативным. Если бы говорящий имел в виду, что результат ситуации актуален в момент речи, он бы не выбрал формы, которая указывает, что ситуация связана с неактуальным временным планом. Однако говорящий использовал именно Плюсквамперфект, и это следует понимать как указание на то, что результат ситуации более не актуален. Данная импликатура достаточно устойчива: оценивая приемлемость изолированных предложений с Плюсквамперфектом, носители домысливают к ним контекст с отмененным результатом… Однако из примеров типа [‘когда-то давно люди изобрели письменность’, см. раздел I.4.3.1. — *Д. С.*] (где, очевидно, не предполагается, что владение письменностью было сперва приобретено, а затем утрачено) видно, что антирезультативность не является компонентом значения Плюсквамперфекта и легко снимается, если этого требует коммуникативный контекст».

Неясно, в какой мере эта интерпретация верна типологически (учитывая, в частности, редкость «давнопрошедшего» значения в языках мира). Вместе с тем обращение к слову *плюсквамперфект* как к метафоре общего языка (см. II.8) показывает, что носители русского языка, в котором никакого плюсквамперфекта нет, из школьных определений типа ‘предшествование в прошедшем’ выводят как общее значение «замкнутого временного интервала», так и некоторые частные значения «зоны сверхпрошлого», что может говорить действительно о большой роли прагматических импликатур при развитии этой семантической зоны.

I.1.3. Диахроническая судьба плюсквамперфекта

Плюсквамперфект характеризуется, особенно в отличие от предельно нестабильного перфекта (об этом см. особенно [Lindstedt 2000]), большой диахронической стабильностью [Bertinetto 2014]. Однако и для него можно выделить ряд типологически известных путей эволюции.

Диахронические пути развития плюсквамперфектных форм связаны с полной утратой таксисной семантики и семантики «результатив-

ности в прошедшем» и эксплуатируют три основных типа дополнительных значений этой формы:

1) Значения зоны «неактуального прошедшего», связанные с прекращенной ситуацией или отменой результата (лезгинские языки, акан, швейцарско-немецкий, сербохорватский, см. I.2.1.3, I.4.2.1).
2) Ирреальные; эволюция плюсквамперфекта в область чисто модальных показателей представлена в поздней латыни и при переходе от латинского языка к романским (см I.2.3) и, как мы показываем ниже, в славянских языках (см. раздел II.1).
3) Эвиденциальные; формы, структурно аналогичные европейским так называемым «сверхсложным формам» плюсквамперфекта, в языках «эвиденциального пояса Старого Света» — от болгарского до таджикского — приобретают значение эвиденциальности, а нередко и эвиденциального претерита, утратившего плюсквамперфектную специфику (см. разделы I.4.2.2 и 1.4.3).

Практически все эти возможные диахронические пути задействованы в глагольных системах с несколькими формами плюсквамперфекта.

I.2. ФОРМЫ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В ГЛАГОЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аналитизм и этимологическая «прозрачность» плюсквамперфекта сближает его с так называемыми «молодыми» по времени грамматикализации глагольными категориями [Bybee et al. 1994]; возможность выбора из нескольких форм прошедшего времени вспомогательного глагола увеличивает «комбинаторные» возможности образования формы, поэтому неудивительно, что синонимия плюсквамперфектов засвидетельствована примерно в полусотне языков. Каждая из этих форм развивает то или иное подмножество из типологически известной полисемии плюсквамперфекта (причем эти подмножества могут совпадать — тогда перед нами полная синонимия — или не совпадать, и тогда речь идет уже о квазисинонимии). Рафаэл Солки, автор одного из наиболее значительных исследований семантики этой глагольной формы, замечает:: «…английский язык, имеющий только одну форму плюсквамперфекта (или две, если считать прогрессив), в этом отношении нетипичен среди языков, имеющих плюсквамперфект. Языки с различием «перфектив / имперфектив», а также те, которые используют в качестве вспомогательного эквиваленты как глагола БЫТЬ, так и глагола ИМЕТЬ, часто располагают большим количеством различных форм. Учитывая, что многие языки обходятся без плюсквамперфекта вовсе, и что он не так уж часто используется в языках, в которых он есть, подобное изобилие форм нуждается в объяснении» [Salkie 1989: 13].

Ниже мы рассмотрим следующие типы сосуществования плюсквамперфектных показателей:

1) плюсквамперфектные соответствия перфекта и аориста (тип, представленный в различных ареалах, например, в лезгинском, акан, португальском, чувашском);
2) различие имперфект/аорист во вспомогательном глаголе (европейское явление) — славянские [van Schooneveld 1959], албанский, романские ([Bertinetto 1987], [Squartini 1998]);

3) сближение плюсквамперфектов, принадлежащих к различным наклонениям, вызванное экспансией одного из них в область модальных значений (латинский язык).
4) системы со сверхсложными (с причастием вспомогательного глагола, в ряде языков функционирующим как отдельный морфологический показатель) и «стандартными» плюсквамперфектами; это ареальное явление для обширного пояса, пересекающего Европу с запада на восток [Thieroff 2000: 288], в общем коррелирующее с утратой простого прошедшего и вытеснением его бывшим перфектом; кроме того, аналогичные формы представлены в балканско-западноазиатском ареале, где развита категория эвиденциальности. Поскольку эта тема тесно связана с ареальной типологией, мы вынесли ее в отдельный раздел I.4.

Кроме того,в данном разделе мы обсудим синонимию плюсквамперфекта и перфекта в плюсквамперфектной функции, представленную в ряде языков. Этот малоизученный случай «контекстной синонимии» грамматических показателей представляет значительный интерес для осмысления плюсквамперфекта как самостоятельного грамматического значения.

Кратко остановимся здесь еще на одном, не указанном выше, типе (квази)синонимии плюсквамперфектных форм. В некоторых языках противопоставление претерит vs. плюсквамперфект, как и другие видо-временные, пересекается с противопоставлением по словообразовательному виду, образуя многомерную парадигму [Сумбатова 2002]. Например, среди европейских языков хорошо известны плюсквамперфектные формы прогрессива в английском (*I had been doing*) и в испанском (*había estado haciendo*). В обоих этих языках есть и перфект прогрессива (*I have been doing, he estado haciendo*), а в испанском сюда добавляется и противопоставление между прогрессивами с имперфектом и аористом вспомогательного глагола (*estaba* vs. *estuve haciendo*, ср. [Горбова 2012]). Взаимодействие плюсквамперфекта с видом в этих языках и влияние вида на образование каких-либо дополнительных значений у плюсквамперфекта практически не изучены, что, конечно, еще не означает, что сочетание этих граммем строго композиционально.

С этой точки зрения интересна работа [Аркадьев 2014], где едва ли не впервые параллельно рассматривается ретроспективизированные перфективное и имперфективное прошедшее на материале шапсугского диалекта адыгейского языка. Здесь наряду с так называемым

«двойным прошедшим», образованным от перфективного прошедшего при помощи совпадающего с его показателем маркера ретроспективного сдвига (*-ва-ве,* в кириллической орфографии *-гъа-гъэ*), есть и плюсквамперфект, аналогично образованный от имперфектива (*-štəва-ве*). В адыгейских говорах, на которых основано описание [Короткова 2009], «двойное прошедшее» нейтрально по признаку вида, поэтому форма на *-štəва-ве* имеет там значение только ‘контрфактивного условия’ [Короткова 2009: 279]. Обе формы шапсугского плюсквамперфекта, по П. М. Аркадьеву, развивают типовые значения «зоны сверхпрошлого», причем для имперфективной (что предсказуемо) более характерна семантика ‘прекращенной ситуации’, а для перфективной — ’аннулированного результата’. Важно, что степень факультативности имперфективной формы заметно выше (и в значении ‘прекращенной ситуации’, и в контрфактивном значении), поскольку имперфект в этом идиоме уже сам по себе достаточно передает семантику «зоны сверхпрошлого».

I.2.1. Морфологические соответствия результатива, перфекта и перфективного прошедшего

В данном разделе речь пойдет о языках, имеющих несколько форм плюсквамперфекта, морфологически соответствующих присутствующим в их глагольных системах формам результатива, перфекта и простого перфективного прошедшего (аориста). Как хорошо известно [Маслов 1984/2004: 54—55], [Bybee et al. 1994: 81—87], эти три грамматические значения связаны диахронически: перфект образуется из результатива, а перфективное прошедшее — из перфекта. Мы вправе ожидать поэтому, что форма, образующаяся при помощи сочетания показателей «результатив / перфект + прошедшее время» может приобретать и собственно плюсквамперфектное значение ‘предшествование в прошедшем’. Именно такая ситуация, согласно многим исследованиям, характерна для плюсквамперфекта, морфологически соответствующего перфекту, в таких языках, как английский или немецкий. Вопрос о том, следует ли считать плюсквамперфект в германских языках просто перфектом, перенесенным в план прошедшего, или показателем с особым значением, является предметом давней дискуссии и обширной литературы: [Comrie 1985: 77—82], [Vennemann 1987] (немецкий материал), [Dahl 1987], [Salkie 1989: 14], [Klein 1992], [Oversteegen, Bekker 2002] (нидерландский материал). Избираемая авторами позиция во многом зависит от трактовки перфекта, который

некоторые из них (Солки, Кляйн) вслед за [Reichenbach 1947] рассматривают просто как показатель предшествования по отношению к настоящему (подробнее об этой концепции см. выше, I.1.2.1, I.1.2.2). Что же касается результатива, то известны языки, в которых морфологический «результатив в прошедшем» имеет нерезультативную интерпретацию, а также некоторые другие значения, типологически характерные для плюсквамперфекта; из языков, включенных в посвященную результативу коллективную монографию [Недялков (ред.) 1983] к таким относятся арчинский [Кибрик 1983: 115] (см. также I.1.2.4) и гомеровский древнегреческий [Перельмутер 1983: 147].

I.2.1.1. Сохранение параллелизма двух плюсквамперфектов, связанного с результативными оттенками

Глагольная система португальского языка к XIX веку сохранила, с одной стороны, простое прошедшее время, восходящее к латинскому перфекту, и синтетический плюсквамперфект, восходящий к соответствующей латинской форме[1]. С другой стороны, в португальском, как и во всех романских языках, появились новые аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта, образованные при помощи вспомогательного глагола (*ter* или *haver* ‘иметь’). Согласно исследованию М. Сквартини [Squartini 1999: 68—74], в португальском языке XVII—XIX веков между двумя формами плюсквамперфекта существовало семантическое различие; в частности, в контекстах, передающих результирующее состояние в прошедшем, не мог употребляться синтетический плюсквамперфект, а только аналитический:

(1) Eu tinha saido, quando elle entrou[2]
*Eu saira, quando elle entrou [Barboza 1862; цит. по Squartini 1999: 69—70]
‘Я [уже] вышел, когда он вошел’

[1] Достаточно условно можно говорить о синтетическом прошедшем и плюсквамперфекте в португальском языке как о морфологических параллелях (хотя этимологически соответствующие латинские формы связаны друг с другом); зато наличествовала параллель между соответствующими аналитическими формами, которая понуждала рассматривать и две синтетические формы как параллельные.

[2] Мы сохраняем в португальских примерах, вслед за Сквартини, орфографию источника.

В нерезультативных контекстах со значением ‘предпрошедшее’ авторы XIX века предпочитают синтетическую форму, хотя и аналитическая возможна:

(2) Isto passara-se havia vinte e tantos anos [Эса де Кейрош, «Os Maias» (1888); цит. по ibid.:71]
‘Это произошло двадцать с лишним лет до того’,

а в результативных встречается только аналитическая:

(3) Não tinha acabado de ouvir este narração quando a luz viva de muitas tochas allumiou subitamente as escadarias [Эркулану, «O Monásticon» (1844—1848), ibid. 71]
‘Как только я дослушал этот рассказ до конца (букв. не закончил я слушать этот рассказ), как внезапно яркий свет множества факелов разлился по лестничным пролетам’

Кроме того, только синтетическая (но не аналитическая) форма плюсквамперфекта имела значение ‘прекращенная ситуация’:

(4) Fôra a Cidade antigamente habitada de Bramenes [Фрейри ди Анради, «Vida de Dom Joaõ de Castrõ, quarto Viso-Rey da India» (1651); ibid.]
‘Это был город, ранее населенный браминами’.

В диалектах македонского языка представлено несколько форм «перфекта» [Graves 2000], которым соответствуют две формы плюсквамперфекта (*бев видел* — старая и *имав видено* — новая), из которых вторая употребляется преимущественно в экспериенциальных контекстах (это значение македонского плюсквамперфекта подробно рассмотрено в указанной работе), а также в значениях результирующего состояния в прошедшем. Согласно В. Фридману [Friedman 1981, Фридман 1996] *бев-* и *имав-* плюсквамперфекты противопоставлены в македонском языке как выражение «чистого таксиса» и «статального результирующего состояния» соответственно; в нижеследующем примере обстоятельство времени указывает на точку отсчета, а не на момент события:

(5) Во шест саатот картите Мито веќе ги имаше купено
‘В шесть часов у Мито были куплены билеты’

В то же время старая форма, *бев*-плюсквамперфект развивает абсолютно-временное значение ‘давнопрошедшее’, согласно [Fici 2001]; возможно, это употребление скорее с ‘неактуальной’ семантикой:

(6) Той каза дека му го беше носил виното три пати
‘Он говорит, что он ему [когда-то] три раза приносил вино’.

Очень близкое распределение двух плюсквамперфектов в салоникском говоре еврейско-испанского языка (ладино), скорее всего, связано ареально (а не типологически) с македонскими говорами Солуни (возможен общий греческий субстрат; ср. в [Graves 2000] указание на юго-западное происхождение македонского перфекта с глаголом *има*); в еврейско-испанском языке [Malinowski 1984, примеры цит. по Squartini 1999: 84] перфект образуется в основном при помощи глагола *tener* ‘иметь’ (исторически ‘держать’), плюсквамперфект — при помощи глагола *aver* (используется, как и *haber* в испанском языке, только как вспомогательный, исторически ‘иметь’); в тех же редких случаях, когда мы имеем глагол *tener* в плюсквамперфекте, он выражает «отрицательные или дуративные ситуации, включающие момент речи», в частности, экспериенциальное значение:

(7) Empesso a konsentir una dulsor ke no lo tenia konsentido nunka en su vida.
‘Он начал ощущать нежность, которую до этого никогда в жизни не ощущал’.

Для выражения значения результирующего состояния в прошедшем используется и «старый» плюсквамперфект:

(8) Kuando venimos en Israel, ya avia tomado una butika mi marido
‘Когда мы переехали в Израиль, мой муж уже приобрел магазин’

В лезгинском языке (данные по [Haspelmath 1993: 142—145], ср. практически тождественный текст [Haspelmath 1994: 272—275]) имеются две формы плюсквамперфекта, образованные от форм перфекта и аориста при помощи показателя ретроспективного сдвига *-j* (с показателем отрицания *-č* показатель ретроспективного сдвига имеет форму *-ir*):

глагол ‘идти’:
перфект *fenwa* — плюсквамперфект I («Past Perfect») *fenwa-j*
аорист *fena* — плюсквамперфект II («Past Aorist») *fena-j*.

Перфект в лезгинском языке имеет как результативное, так и собственно перфектное («текущая релевантность») значение; соответствующий ему плюсквамперфект I имеет как результативную, так и чисто таксисную интерпретацию («предшествование во времени по

отношению к другой ситуации в прошедшем»). Дополнительных значений из «зоны сверхпрошлого» он не развивает.

Плюсквамперфект II имеет таксисное значение, выражая «ситуации, имевшие место ранее основной линии повествования»; сохранение результата к моменту точке отсчета при этом не обязательно:

(9) Alataj jisuz Dilbera q’we predmetdaj pis q̄imetar q̄ačunaj [Haspelmath 1993: 143]
‘За год до того Дилбер получил по двум предметам плохие оценки’,

а также развивает основные значения «зоны сверхпрошлого», связанные с неактуальными временными интервалами:

‘давнопрошедшее’:
(10) Či xüre sa itimdi däwedilaj güğüniz wičiqʰ galaz nemserin dišehli xkanaj…
‘Один человек из нашей деревни, вернувшись с войны, привез с собой немку…’

‘прекращение ситуации’:
(11) Sifte q’we wacra ada waxtwaxtunda čarar kx̂enaj.
‘Первые два месяца она все время писала письма’. [Теперь они почему-то больше не приходят].

‘аннулированный результат’:
(12) Zun q̄e Q’asumxürel fenaj
‘Я сегодня ходил в Касумкент’ [говорящий уже вернулся в свою деревню].

Типологически отчасти схожая картина представлена в шапсугском диалекте адыгейского языка [Аркадьев 2014]. В этом диалекте, в отличие от литературного языка и говора, плюсквамперфект в котором описан в [Короткова 2009], аналитическая форма на *-ew šət-* «причастие + глагол ‘стоять’» имеет «стативное» значение, а ее претеритное соответствие на *-ew š(ə)təʁ* (или, с дальнейшей морфологизацией, суффикс *-štəʁ*) выступает как «новый аналитический плюсквамперфект», имеющий значение результирующего состояния в прошедшем и таксисное:

(13) se sə-qə-ze-ḳʷe-m fatime p-šxə-št-er
я 1SG.ABS-DIR-REL.TEMP-идти-OBL Фатима 2SG.ERG-есть-FUT-ABS

q-ə-wəhazərə-ʁa-ʁ-ew štə-ʁ.
DIR-3SG.ERG-готовить-PST-PST-ADV AUX-PST
'Когда я пришел, Фатима уже приготовила обед'[3].

В то же время для плюсквамперфекта, образованного от перфективного прошедшего при помощи удвоения показателя / ретроспективного сдвига («двойное прошедшее»), таксисная функция является «скорее периферийной»:

(14) fatime pːisme ə-txə-ʁa-ʁ,
Фатима письмо 3SG.ERG-писать-PST-PST
se sə-qə-ze-ḳʷe-m.
я 1SG.ABS-DIR-REL.TEMP-идти-OBL
'Фатима уже написала письмо, когда я пришел (когда я пришел, письмо было написано)'

Зато эта форма активно развивает значения из «зоны сверхпрошлого», в частности:

аннулированный результат:
(15) zarjeme ʔʷəḳ'əbze jə-ʁe-ḳʷedəʁa-ʁ.
Зарема ключи 3SG.ERG-CAUS-пропасть-PST-PST
'Зарема потеряла было ключи (но уже нашла)'

контрфактивное условие:
(16) bereŝaɣe fatime qe-s-x'e-ʁa-ʁe-me
тогда Фатима DIR-1SG.ERG-вести-PST-PST-COND
s-jə-šə-ʔe-nəʁe deʁʷə-štə-ʁ.
1SG.PR-POSS-LOC-быть-NML хороший-FUT-PST
'Если бы я тогда женился на Фатиме, моя жизнь была бы лучше'.

Итак, исходным распределением двух квазисинонимичных плюсквамперфектных форм, соответствующих различным формам из ряда «результатив—перфект—простое прошедшее», является следующее: плюсквамперфект, соответствующей форме, находящейся левее в этом ряду, не развивает значений, связанных с замкнутыми временными интервалами, ограничиваясь собственно таксисным и результативным (экспериенциальное значение в македонском и ладино неизменно сочетается с таксисным); плюсквамперфект, соответству-

[3] В этом примере в составе причастия на *-ew* употреблен показатель ретроспективного сдвига (т. е. показатель перфективного прошедшего повторен), однако это для данной конструкции это, видимо, не обязательно.

ющей форме, находящейся в этом ряду правее, такие значения развивает. По крайней мере одно такое значение засвидетельствовано в португальском, македонском, лезгинском и шапсугском адыгейском. Информация же по еврейско-испанскому языку, которой мы пользовались, недостаточна, чтобы на ее основании утверждать, что у второй плюсквамперфектной формы нет дополнительных значений.

Характерная черта описанной системы — ее нестабильность; согласно гипотезе М. Сквартини, «форма, ограниченная контекстами «прошедшее в прошедшем», нестабильна в своих семантических ограничениях и легко может их потерять» [Squartini 1999: 74]. Исследуя остаточные системы, мы обнаружили два основных пути, по которому может пойти такая система. Первый — полная синонимия обеих форм, с меньшей употребительностью нерезультативного варианта, как более «старого», именно такой путь развития исследован Сквартини на примере португальского языка (и обнаруживает, как выясняется, параллель в удмуртском и турецком языках). Второй — утрата нерезультативной формой таксисного значения и превращение ее в «неактуальное прошедшее». Второй вариант развития уже тем самым выходит за пределы (квази)синонимии: перед нами уже пример полностью семантически дифференцированных форм с разными базовыми значениями; однако для полноты типологической картины мы считаем полезным разобрать оба варианта развития.

I.2.1.2. Первый диахронический путь развития: от квазисинонимии к полной синонимии

Дальнейшее развитие подобных систем удобно проследить на примере португальского языка, где «грамматические ограничения, описанные грамматистами девятнадцатого века, как представляется, уже не выполняются строго» [Squartini 1999: 73]. Действительно, в XX веке в португальском языке исчезло противопоставление между двумя плюсквамперфектами, заключающееся в том, что синтетическая форма не могла употребляться в контекстах, связанных с результирующим состоянием в прошедшем; теперь такие употребления вполне нормальны, как видно из тех примеров, где английский результатив в прошедшем (пассив *was done*) переводится на португальский язык при помощи синтетического плюсквамперфекта:

(17) He was shaved close to the blue roots of his beard, and his hands were clean.
Barbeara-se até às raízes azuis da barba, tinha as mãos muito limpias [Santos 1999: 293].
'Он был выбрит до синих корней бороды, и у него были чистые руки'.

(18) The world was awake now, and Kino arose…
Enfim, o mundo acordara. Kino levantou-se… [ibid.: 291]
'Наконец, мир пробудился, и Кино встал…'

Действительно, собственно семантические различия между этими формами стерлись, и «подсистема предпрошедшего оказывается весьма избыточной… все три формы [т. е. синтетическая и со вспомогательными *tinha* и *havia — Д. С.*] в рамках системы являются свободными вариантами» [Катагощина, Вольф 1968: 165]. В современном литературном языке, согласно статье [Petruck 1992], распределение этих форм аналогично тому, которое установлено Бенвенистом [Бенвенист 1959] для аналитических и синтетических форм прошедшего времени во французском языке: аналитический плюсквамперфект используется в повествовании, которое ведется от первого лица; синтетический — при «отстраненном» повествовании о событиях, не затрагивающих рассказчика; «случаи проникновения *tinha*-плюсквамперфекта в недиалогический нарратив от третьего лица, как представляется, указывают на повышение значительности протагониста с точки зрения повествователя; подобным же образом, использование *-ra*-плюсквамперфекта в нарративе «Я-романа» является средством критического разделения ролей повествователя и действующего лица» [Petruck 1992: 411].

Синонимия двух плюсквамперфектов (возможно, частичная, но достаточная для вытеснения одной из форм) наблюдается и в турецком языке. Здесь имеются две формы плюсквамперфекта: одна образуется от формы перфективного прошедшего на *-di*, другая — от формы бывшего перфекта (нынешнего эвиденциального прошедшего) на *-miş*, к которым прибавляется показатель «прошедшего времени» *-(i)di*[4], который в турецком языке может интерпретироваться как показатель

[4] Этот показатель восходит к форме претерита вспомогательного глагола **ermek*; в некоторых работах (напр. [Дмитриев 1960]) формы на *-di* и синхронно анализируются как «сочетания с глаголом *idim*»

ретроспективного сдвига с широкой сферой действия[5]; получившиеся в результате сложные показатели выглядят как -*diydi* и -*mişti* соответственно. Форма на -*mişti* представляет собой плюсквамперфект, выражающий, помимо таксисного, и все основные значения «зоны сверхпрошлого»; эвиденциальные значения для нее не характерны:

‘предпрошедшее’, ‘результирующее состояние в прошедшем’:
(19) Ben geldiğim zaman, sen gitmiştin [Csató 2000: 40]
‘Когда я пришел, ты уже ушел’
(20) 1922 yılı sona ererken, Lozan’da mali konularla ilgili konuşmalar duraklama dönemine girmişti [Meydan 1996: 131]
‘К концу 1922 года переговоры в Лозанне по финансовым вопросам застопорились’ (букв. «вошли в стадию замедления)

‘аннулированный результат’:
(21) Kalenin en yüksek ucundaki kayalar işlenmişti [Bastürk, Danon-Boileau, Morel 1996: 151; авторы предлагают эвиденциальную (конкретнее, инферентивную) трактовку]
‘На самом верху крепостных стен камни были обтесаны’ [табличка на развалинах крепостной стены]

‘прекращенная ситуация’:
(22) Ahmet Ali’yi düşünmüştü [Johanson 1994: 263]
‘[Раньше] Ахмет думал об Али’ [«и больше этого не делает» — комментарий Л. Юхансона]
(23) Ben bundan 4—5 yıl önce Türkiye’de bir yıl Japonca dersi almıştım [Csató 2000: 40]
‘Четыре года или пять лет назад я в течение года изучал японский язык в Турции’

‘неактуальный экспериентив’
(24) Böyle yerlere hiç gelmemiştim [Кононов 1956: 241]
‘В такие места я [раньше] никогда не ходил’
а также дискурсивной функцией ‘сдвиг начальной точки’:

(25) Şehre saat 10 da varmiştik, bürosuna saat 3 te gittik. [Lewis 1967: 123]
‘Мы прибыли в город в 10 часов, отправились в его контору в 3 часа’.

[5] Он присоединяется также к форме футурума / проспектива -*acak*, прогрессива -*iyor*, хабитуалиса / гномического настоящего (традиционно называемого «аористом») -*ar*, а также ирреальных наклонений — см., среди многих других, [Johanson 1971, Aksu-Koç 1988 : 20].

Форма на *-diydi* (морфологический вариант: *di* + личный показатель + *di*) является «редкой» [Дмитриев 1960: 50], она «не такая обычная, как плюсквамперфект на *-mişti*» [Lewis 1967: 128], Л. Юхансон вовсе не включает ее в краткий обзор турецкой глагольной системы [Johanson 1994], и действительно, к этому есть все основания: ее значение является подмножеством (возможно, собственным; описание семантики этой формы в грамматиках либо отсутствует, либо очень кратко) значений формы на *-mişti*: это значение таксисное:

(26) Ben sizinle beraber gelmedimdi, fakat yaptıklarınızı öğrendim [Кононов 1956: 240]
‘Я с вами не ходил, но узнал, что вы делали’.

и зачинное употребление ‘сдвиг начальной точки’:

(27) Bir zamanlar John ile tanıştıydım [Cinque 2002]
‘Однажды я встретил Джона’.

Аналогичная синонимия формы, соответствующей претериту (*-ды эле-*) и формы, соответствующей перфекту (*-ган эле-*), среди тюркских языков представлена еще в киргизском [Юлдашев 1965: 198]; здесь эти формы «полностью совпадают» по семантике, причем, судя по примерам, преобладает антирезультативная интерпретация.

В качестве примера форм, противопоставленных по признаку результативности (plusquamperfectum status и plusquamperfectum actionis), Л. Юхансон [Johanson 2000: 106] приводит плюсквамперфекты двух языков Поволжья — удмуртского (финно-угорские) и чувашского (тюркские), образованные от основ перфекта и аориста.

Однако в удмуртском языке (см. аналогичный анализ в [Шошитайшвили 1998: 72—78]), «плюсквамперфекты», образованные как от перфекта, так и от аориста при помощи показателя ретроспективного сдвига *вал*, «являются конкурирующими временами, допускающими взаимную замену одного времени другим» [Серебренников 1960: 124]:

Плюсквамперфект, образованный от перфекта:

(28) Мон со пала мыным вал но, шонер сюрес кузя отчы мыныны уг луы вылэм [там же: 122]
‘Я пошел было в том направлении, но оказалось, что туда прямой дорогой не пройдешь’.

Плюсквамперфект, образованный от аориста:

(29) Ми пересен тэлэ палэзь доры мынӥз вал. Соку тыльысь солдатьёс потӥзы но пересез кутӥзы [там же: 124].
‘Мы пошли [было] со стариком в лес за рябиной. В это время из лесу вышли солдаты и старика схватили’.

Синонимия форм наблюдается и в чувашском языке; здесь они имеют значения, связанные с неактуальными временными интервалами — прекращение ситуации и аннулированный результат (примеры по [Егоров 1957: 198—199]):

Плюсквамперфект, образованный от перфекта:

(30) Иртнӗ ҫул шкулта вӗренекенсем программӑри ыйтусене чылай лайӑх пӗлни палӑрнӑччӗ.
‘В прошлом году учащиеся обнаружили было довольно хорошее освоение программного материала’.

(31) Эсир кӑҫал курорта каяс тенӗччӗ, кайрӑр-и?
‘Вы в нынешнем году собирались ездить на курорт, ездили ли?’

Плюсквамперфект, образованный от аориста:

(32) Эпӗ ӗне те туясаттӑм, анчах ӑнмарӗ, вилсӗ кайрӗ.
‘Я и корову было завел, но не было удачи: она пала’.

(33) Эсӗ киле каймассаттӑн-и вара?
‘Разве ты не уехал домой?’ [«спрашивающий сам видел, как он (собеседник спрашивающего — Д. С.) выехал домой»].

Синонимия форм приводит к тому, что вторую форму «в настоящее время можно считать в чувашском языке явлением отчасти вымирающим» [там же: 198]; с типологической точки зрения интересно, что именно плюсквамперфект, образованный от перфективного прошедшего, и в португальском языке, и в турецком редок, а в португальском выходит из употребления (через промежуточную стадию ограниченности литературным регистром); см. в следующем разделе аналогичную ситуацию с удинским языком. Причиной этого, видимо, является больший семантический «возраст» перфективного прошедшего времени [Bybee et al. 1994: 78]; плюсквамперфект, таким образом, опережает в развитии свое соответствие в плане простых прошедших времен (и в португальском, и в турецком, и в чувашском перфективное прошедшее является свободно функционирующей грамматической формой). Другой вариант развития подобных систем мы рассмотрим в следующем разделе.

I.2.1.3. Второй диахронический путь развития — образование специфической формы, не выражающей таксисных значений

В своем обзоре плюсквамперфекта в языках мира Э. Даль [Dahl 1985: 147—149] упоминает о двух языках, которые имеют отличную от плюсквамперфекта категорию для выражения «past temporal frames»: это нигеро-конголезский (группа ква) язык акан и ирокезский язык онейда. В этом последнем для выражения таксисного значения плюсквамперфекта используется перфективное прошедшее, а значения, связанные с неактуальным временным интервалом, передаются при помощи сочетания перфективного прошедшего с особым аддитивным показателем, который можно трактовать как показатель ретроспективного сдвига[6].

Нас более интересует ситуация в акан, в котором имеется плюсквамперфект, образованный от перфекта при помощи показателя ретроспективного сдвига *-na*, а также форма, не имеющая таксисного значения, которая образуется при помощи того же показателя от аориста («перфектива, который, как большинство перфективов, ограничен референцией к прошедшему времени» [Dahl 1985: 148]). Эта форма, которую можно назвать «неактуальным прошедшим», встречается в контекстах, связанных с экспериенциальным значением в прошедшем, а также в контекстах, характерных для аннулированного результата (‘ты открывал окно?’ [окно закрыто], ‘кто построил этот дом?’ [дом снесен]).

Ситуация в акан близка к той, которую мы видим в агульском языке, относящемся к той же группе нахско-дагестанских языков, что и лезгинский. В агульском языке имеется особая форма плюсквамперфекта (*ruχunaji* ‘был прочитан’) [Майсак 2012: 237] или «результатива в прошлом» [Мерданова 2004: 94—95], образованная от той же основы, что и результатив (*ruχuna(j)a* ‘прочитан’). Она морфологически параллельна результативу (исторически результатив содержит вспомогательный глагол ‘находиться (внутри)’ в настоящем времени, а данная форма — в прошедшем). Значения этой формы — ‘результирующее состояние в прошедшем’ и ‘предшествование в прошедшем’:

(34) zun naq’ χulas qajiguna, gi ʔu k’eǯ lik’inaji
‘Когда я пришел домой, он (уже) написал два письма’ (перевод предложения из [Dahl 1985]: TMAQ 139)

---

[6] Такую трактовку, предложенную В. А. Плунгяном [1998], поддерживает и сам Э. Даль (В. А. Плунгян, устное сообщение).

Форма же «неактуального прошедшего» [Мерданова 2004: 87—88], [Майсак 2012: 237], например, *ruχun-ij* 'прочитал (когда-то)', образованная от той же основы, что перфект, или «прошедшее перфективное» (ср. *ruχune* 'прочитал'), и аналогичным образом на историческом уровне включающая связку прошедшего времени, «используется для обозначения ситуации, принадлежащей «закрытому временному интервалу» в прошлом … Прошедшее неактуальное описывает ситуацию, относящуюся к уже не актуальному для говорящего временному плану» [Мерданова 2004: 87], например:

(35) cac ʕulana zun maskawdis šunij [там же]
'Прошлым летом я ездил в Москву'

Это время используется в антирезультативных контекстах:

(36) me saldat eχiramʒ̆i deʕuiʔ k'inij. hal ge düjil qajnaa.
'Солдат был убит на прошлой войне. Теперь он воскрес' (перевод примера из [Squartini 1999])

но, в отличие от соответствующей лезгинской формы, не может выражать таксисных значений.

Похожая картина представлена и в другом языке лезгинской группы — удинском. Здесь имеются нечетко противопоставленные перфект (*-e-*) и претерит (*-i-*). Показатель ретроспективного сдвига *-i-* (в крупнейшем удинском диалекте, ниджском, чаще имеющий вид *-j-*; генетически он связан с показателем претерита) дополнительно присоединяется к обоим (о ниджском диалекте см. [Майсак 2008: 128—131])[7]. Получившаяся форма (*-i- -i-* или *-ij-*) не выступает в таксисной плюсквамперфектной функции, а служит именно для обозначения неактуального временного интервала в прошедшем:

(37) me-tär b-i-q'un-i apči pexambar-ğ-oxol
PROX-ADV делать-PST-3PL-RETRO ложный пророк-PL-COMIT
šo-t'-ğ-o baba-ğ-on [Schulze 2001; Лк 6:26]
ABL-OBL-PL-GEN отец-PL-ERG
'Так поступали с лжепророками отцы их'

Кроме того, эта форма практически не отмечена в современных устных текстах; все примеры, представленные в неопубликованной

[7] Здесь мы используем, в частности, неопубликованные материалы, любезно предоставленные нам Т. А. Майсаком.

грамматике В. Шульце — из перевода Евангелия на варташенский диалект, выполненного братьями Бежановыми в конце XIX в. (что сближает ситуацию уже с чувашской и португальской).

Собственно плюсквамперфект, образующийся от перфекта, в ниджском диалекте имеет таксисное значение, означая события, свершившиеся прежде основной нарративной цепи:

(38) pasč’ağ-en kağəz-i boš cam-p-e-ne-j
царь-ERG письмо-GEN в писать-AUX-PF-3SG-RETRO
‘Царь написал (ранее) в письме…’

В варташенском диалекте это время употребляется в контрфактивных контекстах и выбирается по умолчанию при сочетании с гипотетической частицей *gi-*:

(39) ägänä zu ǯähil gi-z bak-e-i oxari-ne-i
если я молодой HYP-1SG быть-PF-RETRO легко-3PL-PST
‘Если бы я был молод, это бы было [для меня] легко’

В ряде северных говоров русского языка, где, с одной стороны, развился новый результатив/перфект на *-ши*/*-ша* (ср. [Трубинский 1983]), а с другой стороны, сохраняется древнерусский плюсквамперфект типа *был ходил*, сосуществуют два плюсквамперфекта — синхронно соотносящихся с результативом/перфектом (типа *был пришедчи*) и претеритом (*был пришел*) соответственно. Результативное значение сохраняет, как правило, только первая форма («результат действия актуален для какого-то момента (или периода) в прошлом», [Рыко 2002: 183—184]). Пример из говора торопецко-холмского региона[8]:

(40) А я думаю вот, это в войны я думаю, и немцы были уже тута пришочча, эга, и все, тоже хотели узнать, как отгадать; а я им х‹--›, я говорю, вам, я вам не скажу, как отгадывать, ага («к тому времени, когда происходило загадывание-отгадывание загадок, немцы были уже *пришочча*», пример и комментарий — [там же: 184]).

Эта форма приобретает и антирезультативное значение (‘отмененный результат’):

(41) Во, какая оказия, ай, холодно-то, замершша была, ай, лихонько мое, сынок, ой, либо поись захошь, я поставлю на этот, а хочешь? («еда замерзла, потом оттаяла, но все еще холодная»; там же).

Формы типа *были взявши* широко представлены в русских диалектах Латгалии, в том числе старообрядческих [Čekmonas 2001: 116—117]

[8] Мы заменяем фонетическую передачу на условно-орфографическую.

(за указание благодарим Е. Н. Борис). В севернорусском диалекте цыганского языка под влиянием местных русских говоров также формируется новый причастный плюсквамперфект: *pany sys zamrazyno/ zamrazyji* ‘Вода была замерзшая / замерзши’ [Русаков 2011:729]; в этом же диалекте старый общецыганский плюсквамперфект (*ker-d-(j) om-as(i)* ‘я сделал’), «нерасчлененный в аспектуальном отношении и употреблявшийся как в таксисном значении предшествования, так и в значении давнопрошедшего», вышел из употребления [там же: 727—728]. Подобные плюсквамперфектные формы на *-шы* есть в северо-западных (полоцких) белорусских говорах [Мацкевіч 1959: 218—219], где также спорадически развивают значение аннулированного результата (см. ниже, II.7.2).

Вместе с тем форма «*был-* + *-л*-причастие» в анализированном Рыко торопецком говоре ограничивается значениями ‘неактуальная (хабитуальная) ситуация в прошедшем’ и синонимична формам с частицей *бывало*:

(42) Ай, рассказывали, старинные люди были гомонили, таперь-то нет ничова, а раньше все говорили [Рыко 2002: 183].

В последнем примере видно одинаковое значение плюсквамперфекта, образованного от претерита, и сочетания претерита с наречием *раньше.* Значение «неактуального прошедшего» имеет и плюсквамперфект, образованный от претерита, в других северных (архангельских и вологодских) говорах [Пожарицкая 1991, 1996].

Похожее распределение двух плюсквамперфектных форм в белуджском языке (иранская группа, Пакистан) осложнено модальным развитием той из них, которая ограничивается семантикой «неактуального прошедшего». Здесь имеются плюсквамперфект, формально аналогичный европейскому типу (причастие прошедшего времени на *-əg* + неотделяемый вспомогательный глагол в прошедшем времени, *šwtəgətwn* ‘я ушел’) и соответствующий перфекту, который образуется при помощи презенса связки, совпадающего с лично-числовым окончанием претерита (*šwtəgwn* ‘я ушел’) [Barker, Mengal 1969: 333—334, 336]. Эта форма употребительна и в результативных (‘некоторое событие актуально в момент точки отсчета’), и в антирезультативных контекстах («результаты или эффекты действия, выраженного Past Perfect, обычно ко времени последующего события в прошедшем прекращаются»): оба представлены в следующем примере:

(43) məy meman aht-əg-ət-ənt,
наши гости прийти-PARTCP-быть.PST-3.PL
bəle ma bazara šwt-əg-ət-ən
но мы на.базар уйти-PARTCP-быть.PST-1.PL
‘К нам пришли (было) гости, но мы (уже) ушли на базар’ [ibid.: 336]

Вторая форма плюсквамперфекта соответствует «комплетиву», или «пунктуальному времени», означающему единичное завершенное событие в прошлом без результативности или актуальности в момент точки отсчета [ibid.: 338 ff]. От перфекта и первого плюсквамперфекта эти две формы отличаются тем, что в них вместо причастного суффикса *-əg-* к глагольной основе присоединяется основа связки в прошедшем времени *-ət-* (комплетив *šwtətwn,* плюсквамперфект комплетива *šwtətətwn*). Оказывается, что эта последняя форма (образованная при помощи сочетания двух одинаковых показателей претеритной семантики, см. I.1) не демонстрирует ограничений, характерных для комплетива (который сочетается только с точечными, единичными событиями), и в то же время не употребляется в таксисных контекстах, а представляет собой далеко продвинутое по пути грамматикализации «неактуальное прошедшее», сочетающееся в том числе и с хабитуальными ситуациями, состояниями и т. п. [ibid.: 341]. Действительно, эта форма имеет два значения, характерных для семантической «зоны сверхпрошлого»: давнопрошедшее и модальное.

(44) ai drwst kəwm rokəpti Synda šwt-ət-ət-Ø
его все племя восточный в.Синд идти-быть.PST-быть.PST-3.SG
‘Все его племя ушло в восточный Синд’ (комментарий авторов: «Либо действие произошло давно, либо рассматривается как вероятное» [т. е. ‘давно ушло’/’возможно, ушло’])

Сосуществование ретроспективизированного перфектива и симметричного перфекту плюсквамперфекта известно также в нескольких эфиосемитских языках, например, в геэз и тигре [Булах, Коган 2013а: 127, 2013б: 175]; наличие и характер семантического различия между ними нуждается в дополнительном исследовании.

Таким образом, мы выявили прототипическую конфигурацию системы с несколькими плюсквамперфектами, соответствующими граммемам из ряда «результатив — перфект — перфективное прошедшее» и обнаружили два возможных пути диахронического развития. Первый — в сторону уподобления двух плюсквамперфектов друг другу,

что ведет к ограничению функционирования одного из них, а именно образованного от «старой» формы, второй — в сторону расподобления, а именно противопоставлению плюсквамперфекта, образованного от «новой» формы, и неактуального прошедшего, которое выступает как претеритный коррелят «старой» формы.

I.2.2. Плюсквамперфекты, образованные при помощи аориста и имперфекта вспомогательного глагола

Сосуществование в глагольной системе форм плюсквамперфекта, образованных при помощи аориста и имперфекта вспомогательного глагола, хорошо прослеживается на романском (французский, испанский и итальянский)[9] и славянском (книжный древнерусский, сербохорватский, верхнелужицкий) материале, а также в албанском языке. Во всех этих языках характер дополнительной дифференциации квазисинонимичных форм носит достаточно сложный и нетривиальный характер, связанный с категориями вида (старофранцузский), временной дистанции (романские), модальности и эвиденциальности (возможно, славянские и албанский). О семантике соответствующих плюсквамперфектных форм верхнелужицкого и сербохорватского языков речь пойдет в разделе II.1.5 в связи с вопросом о происхождении славянского условного наклонения типа *пошел бы.*

I.2.2.1. Романские языки: аспектуальная «рокировка» двух плюсквамперфектов

Семантика старофранцузских форм, восходящих к латинским *habui factum* и *habebam factum*, в эпоху, засвидетельствованную средневековыми памятниками (XII—XIII столетия), еще вполне сохраняла связь с семантикой аориста и имперфекта соответственно. Плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола выступал для обозначения действия, не исчерпанного к моменту точки отсчета (значение, близкое к ‘результирующему состоянию в прошедшем’), в то время как плюсквамперфект со вспомогательным глаголом в простом прошедшем типа *ot amé* ‘любил’ соответствовал действию, представ-

[9] В португальском языке данная форма (*houve dito* ‘я сказал’) существовала лишь в галисийско-португальский период (XIII в.), уже со значением непосредственно предпрошедшего. Она исчезла достаточно рано [Вольф 1988: 56].

ленному в виде точки или отрезка и «уже исчерпанному (pleinement révolue)» [Raynaud de Lage 1975: 123] до точки отсчета:

(45) Li cuenz Guilelmes reperoit de berser / d'une forest ou ot grant piece esté. [Price 1971, цит. по Salkie 1989: 22]
'Граф Вильгельм возвращался с охоты / из леса, где он долго пробыл'.

(46) Cil qui devant erent alé / avoient ja le cerf levé.
'Те, кто раньше прошли, уже подняли оленя'. [Кретьен де Труа, XII век, цит. по Raynaud de Lage 1975: 123; комментарий: «те, кто прошли раньше, не вернулись; вспугнутый же олень еще не убит; охота продолжается»]

В пределах одного предложения две эти формы выражали и относительно-временные отношения между ситуациями, вероятно, благодаря таксисному значению имперфекта 'одновременность':

(47) Galehos sist au castel que il avoit assis et ot amenei une grant gent… [Foulet 1925: 204]
'Галахад сел у замка, который он осаждал и к которому привел много [своих] людей'. (комментарий: «Галахад осадил замок и все еще осаждал его, в то время как своих людей он привел в определенный день, в известный час и всех одновременно»)

Соответствующая испанская форма достаточно рано развила «абсолютно-временное» (возможно, связанное с временной дистанцией или структурированием дискурса), которое в современном языке не сохранилось:

(48) …et una espada a que dizen Joyosa que me ovo dado en donas aquel Bramant.
'и шпага, которую называют Жойоза [Драгоценная], которую мне дал в подарок этот Брамант'. [Хроника Альфонса Мудрого, XIII стол.]

(49) Allí habló Arias Gonzalo, / bien oiréis lo que hubo dicho.
'И стал говорить (there spoke) Ариас Гонсало, / сейчас вы услышите, что́ он сказал' [Романсеро, XV—XVI стол.; обе цит. по Squartini 1998: 202].

Возможно также анализировать эту форму в связи с модальным и дискурсивным значением, свойственным уже тогда испанской глагольной форме на *-ra*, восходящей к латинскому плюсквамперфекту

индикатива. Согласно [Lunn, Cravens 1991], эта последняя форма имела в эпоху «Сида» модальные значения, связанные как с ирреальностью, так и с «общеизвестностью» ситуации в прошедшем; они могли сочетаться и с аналитическим плюсквамперфектом [с. 154—155]; см. также [Петрухин 2004а]. В приведенных примерах речь идет о событиях, уже известных, по мнению автора, читателю / слушателю: в первом случае *Bramant*, агенс ситуации ‘дать’, сопровождается определенным местоимением *aquel* ‘тот’; во втором случае ситуация вводится в дискурс буквально в предыдущей предикации. Это значение можно проинтерпретировать как исключение ситуации из нарративной цепи, характерное для дискурсивных употреблений плюсквамперфекта (см. I.1.2.9, I.3).

Начиная с XIII века письменные памятники отражают экспансию плюсквамперфекта с имперфектом вспомогательного глагола за пределы зоны «результатива в прошедшем». Это приводит к периоду близкой синонимии и конкуренции обеих указанных форм. Интересный пример колебания между двумя формами в практически идентичных контекстах в одном и том же тексте (*Смерть Артура,* XIII стол.) приводит Л. Фуле:

(50) Or dist li contes que tant demora Lanselos chies l’iermite de la forest k’il fu auques garis de la plaie ke li veneres li ot faite.
‘Так говорит повесть, что Ланселот столько провел времени у отшельника в лесу, что совершенно выздоровел от раны, которую охотник нанес ему’.

(51) Si demorerent ensamble laiens .Viij. jors entiers tant que Lanselos fu tos garis de sa plaie ke li veneres li avoit faite.
‘Они провели там вместе целых 8 дней, так что Ланселот совершенно выздоровел от раны, которую охотник нанес ему’.

Мы видим, что во втором примере употреблена форма с имперфектом вспомогательного глагола, в то время как ситуация ‘Ланселот ранен охотником’ не наличествует в момент точки отсчета, напротив, к этому моменту она полностью исчерпывается. Таким образом, уже достаточно рано форма-предок нынешней французской *avait fait* развивает значение аннулированного результата, выйдя за пределы собственно результативной зоны[10].

[10] Замечено, что форма с имперфектом вспомогательного глагола может встречаться в контекстах, ранее свойственных таковой с аористом, но не наоборот [Raynaud de Lage 1975: 123]

Состояние, при котором эти формы полностью синонимичны, сохраняется в окситанском языке ([Гурычева, Катагощина 1964: 155—156], со ссылкой на [Ronjat 1930—1941: III : 202], где сказано, что они употребляются с «одинаковыми оттенками значения»); пример на плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола:

(52) Adounc, quand aguère mena lou Vibre au large sus un à-plan, ié faguère faire quâqui pas e pièi, en lou clugant, intrère moun pèd dins l’estréu pèr me bouta dins la sello (Arbaud) [там же]
‘Итак, когда я вывел Бобра [коня] на широкую открытую местность, я заставил пройти его несколько шагов и, зашорив его, поставил ногу в стремя, чтобы сесть в седло’.

Семантика же формы с аористом вспомогательного глагола — бывшего *habui factum* — сужается до очень специфической области. Действительно, эта форма последовательно сохраняется во всех текстах, начиная с XIII столетия, в тех случаях, когда речь идет о действии, недалеко отстоящем от точки отсчета. С XIV же века она ограничивается этим значением (не считая значения комплетива — о чем ниже), более того, ее употребление начинает обуславливаться вхождением в зависимую предикацию с союзами вроде ‘когда’, ‘после того как’, ‘как только’. Уже в XV веке, по констатации Фуле [Foulet 1925: 207] форма современного французского «прошедшего предшествующего» [Корди 2009: 227] — passé antérieur — носила ту же семантику и употреблялась в тех же условиях, что и ныне. Вероятно, движение в этом направлении началось и раньше, даже в XII в., ср. однотипные сочетания из поэмы «Ами и Амиль» [Buridant 2000: 376—377]: *si com elle ot sa proiere fenie; quant la damme ot finee sa priere* (оба ‘когда она/дама закончила свою молитву’); в последнем случае, как отмечено в [Adams 2013: 648], уже с тем же порядком слов, что в современном языке.

Подробное описание семантики этой формы в современных французском и итальянском (где она называется trapassato remoto) языках проведено в работе [Bertinetto 1987]; дополнительные замечания (в том числе и в связи с испанским языком) высказаны в [Squartini 1998: 197—202]. Во всех этих языках, по Бертинетто, главным значением формы служит з а в е р ш е н и е действия в момент, н е п о с р е д с т в е н н о предшествующий точке отсчета. Именно поэтому П.-М. Бертинетто предлагает для этих форм ярлык «passé immédiatement antérieur» и характеризует их аспектуальное значение как «terminativity». Для них даже лексически характерно сочетание с глаголами, означающими исчерпание ситуации. Характерно, что они не сочета-

ются в итальянском языке с наречиями вроде *già* 'уже', сигнализирующими некоторую дистанцию между точкой отсчета и моментом осуществления действия (ср. несочетаемость русского *уже* с *только что*).

Приведем примеры из трех романских языков:

(53) Enfin, quand il eut assez savouré ce spectacle, il dispersa précipitamment des parfums exotiques…
'Наконец, едва он [Дез-Эссент] вполне насладился этим зрелищем, он начал с поспешностью рассеивать в воздухе экзотические ароматы… [Гюисманс, «Наоборот»]

(54) Quando il professore se ne fu andato, tutti tirarono un sospiro di sollievo. [Bertinetto 1987: 344]
'Как только профессор ушел, все вздохнули с облегчением'.

(55) Apenas hubo oído eso el moro, cuando con una increíble presteza se arrojó de cabeza en la mar. [Сервантес, «Дон Кихот», Gramática 1931: 270]
'Стоило мавру это услышать (букв. «едва услышал это мавр»), и он с невероятною быстротою бросился вниз головой в море' (пер. Н. Любимова)

(56) Cuando hubo preparado la comida, llamó la madre a sus hijos
'Как только мать приготовила еду, она позвала детей' («в современном языке это значение может быть выражено через Cuando terminó de preparar 'когда она закончила готовить'» — как видим, терминативная семантика наличествует и в испанском языке)[11]

Е. Е. Корди [2009: 231—232] считает, что во французском языке «контактное предшествование» (как, впрочем, и «дистантность») привносится не семантикой формы как таковой, а употреблением союзов, в данном случае типа *dès que*, *aussitôt que*, *sitôt que* 'как только', *à peine* 'едва'. По-видимому, в некоторых примерах (особенно с «нейтральными» в этом отношении союзами типа *quand* и *lorsque* 'когда', *après* 'после') действительно необязательно усматривать минимальную временную дистанцию:

(57) N'avons-nous pas vu la Librairie exploitant le mot *pittoresque*, quand la littérature eut tué le mot *fantastique*. [Honoré de Balzac. L'illustre Gaudissart (1832), параллельный корпус НКРЯ]

---

[11] За этот и некоторые другие примеры из испанского языка, а также за консультацию, мы благодарим Э. Оливан Гарсиа и К. Уитли (Барселона).

Разве мы не наблюдаем (дословно: ‘не видали ли мы’), как издательства наживаются на слове «живописный», после того как литература убила слово «фантастический»? [Оноре де Бальзак. Прославленный Годиссар (пер. Н. Коган, 1970)]

Кроме того, во всех трех разбираемых романских языках эта форма стала указывать только на предшествование по отношению к ситуации, выраженной глаголом в простом перфективном прошедшем (а не в имперфекте) — это можно рассматривать как естественное следствие семантики «непосредственного предшествования» (имперфект имеет таксисное значение «одновременность» и не может означать начало действия). Е. Е. Корди утверждает, что глагол в главном, так и в зависимом предложении «обозначает единичное действие» [Корди 2009: 227]. Это не совсем так, поскольку перфективное прошедшее, охватывающее ряд повторяющихся действий, в действительности в такой конструкции допустимо:

(58) Quand le cancer eut crevé, elle le pansa tous les jours [Gustave Flaubert. Un coeur simple (1877), параллельный корпус НКРЯ] ‘Когда у него обнаружилась (прорвалась) раковая опухоль, она каждый день делала ему перевязки’

Отметим любопытный пример, где passé antérieur выражает предшествование по отношению к действию, выраженному плюсквамперфектом (в этой функции выступает также редчайший «дополнительно ретроспективизированный» плюсквамперфект, см. ниже, I.4.1.5):

(59) En 1904, un scandale avait éclaté en France, quand on eut découvert qu’un des plus hauts officiers ne procédait aux nominations de ses collègues que sur indication du Grand Orient de France.
‘В 1904 г. во Франции разразился скандал, когда обнаружили, что один из высоких военных чинов руководствовался указаниями Великого Востока Франции при назначении офицеров’ [www.ifspb.com. Сайт Французского института в Санкт-Петербурге [ABBYY LingvoPRO] (2002—2006)]

Бертинетто также отмечает ограничения на семантический тип предиката, налагаемые этими формами в итальянском языке; по его данным, плюсквамперфект, образованный при помощи аориста вспомогательного глагола, сочетается только с предельными ситуациями или с деятельностями, представленными как предельные при помощи ограничивающих временных обстоятельств (вроде *abbastanza* ‘достаточно’):

(60) Dopo che ebbe praticata la ragazza *per qualche semana*, decise che proprio non era amore quello che sentiva per lei.
‘После того, как он *в продолжение нескольких недель* посещал эту девушку (общался с этой девушкой), он решил, что то, что он чувствовал к ней, не было любовью’ [Squartini 1998: 200]

(Несмотря на перевод Сквартини «he had known», вряд ли здесь можно усмотреть состояние; перед нами пример перфективного представления деятельности).

Форма типа *habui factum* в романских языках, однако, не всегда сохраняет таксисную семантику. Закрепляется также чисто видовременное значение, не связанное с точкой отсчета, а именно комплетив, указывающий на исчерпание действия и получение результата; при абсолютном употреблении формы на представление ситуации ложится уже «двойной» аспектуальный груз; она изображается «точечно», как осуществляющаяся предельно быстро, причем здесь также распространено (хотя и не обязательно) употребление «ограничивающих» наречий (фр. *en un tournemain* ‘в один момент’, *en un clin d’œil* ‘в мгновение ока’). Это значение (и это ограничение) также относятся к весьма раннему времени; так, уже в конце XII столетия в «Истории священной войны» Амбруаза читаем:

(61) Plus tost eurent il pris Meschines
C’uns prestres n’ad dit ses matines.
‘Они похватали девиц быстрее, чем священник прочел заутреню’. [Foulet 1925: 207]

а у Бокаччо в «Декамероне» (XIV стол.):

(62) Alzata alquanto la lanterna, ebber veduto il cattivel d’Andreuccio.
‘Слегка приподняв фонарь, они [мгновенно] заметили несчастного Андреуччо’ [Squartini 1998: 198]

Можно сказать, что сочетание с плюсквамперфектом усиливает до логически мыслимого предела перфективную семантику романского аориста (the P[assé] A[ntérieur] is *a fortiori* perfective tense, как замечает Бертинетто [Bertinetto 1987: 381], не рассматривающий, впрочем, абсолютного употребления этой формы, которое теперь свойственно только французскому языку); происходит «сжатие в точку» либо самого действия (при употреблении в независимых предложениях), либо *временной дистанции* между действием и точкой отсчета. Это влечет два последствия: во-первых, при абсолютном употреблении

романский перфектив в системе плюсквамперфекта предстает уже фактически не как ограничивающий, а как «событийный», близкий к славянскому совершенному виду (который, по наблюдению Э. Даля, часто препятствует сочетанию с обстоятельством *медленно* — см. подробнее [Плунгян 1998а]); во-вторых, в некоторый момент благодаря таксисной составляющей плюсквамперфекта происходит грамматикализация значения временной дистанции.

Заметим, что такое развитие плюсквамперфекта — в сторону значения ‘быстроты’ и ‘завершенности’ — не является уникальной особенностью обсуждаемых романских систем, а отмечено также и для плюсквамперфекта в немецком языке. Е. И. Шендельс отмечает, что немецкий плюсквамперфект, выступая на месте более обычного претерита, «вызывает эффект неожиданного и быстрого завершения действия» [1970: 102]. Он чаще употребляется с моментальными глаголами вроде *verschwinden* ‘исчезнуть, скрыться’, *springen* ‘прыгнуть’, а также подчеркивается обстоятельствами *plötzlich* ‘мгновенно’, *sofort* ‘тотчас, сию минуту’, *im Nu* ‘в мгновение ока’. Заметим, что он — точно так же как и во второй группе романских примеров — не выражает в этом случае предшествования, напротив, предшествующее действие выступает в претерите, а последующее в плюсквамперфекте:

(63) Sobald der Kardinal des Vorgangs inne wurde, war er aus der Karosse gesprungen (Г. Манн, «Итальянские новеллы»)
‘Едва кардинал узнал об этом событии, он выпрыгнул из кареты’.

Так же как и в случае с французским Passé Antérieur, плюсквамперфект в сложносочиненных предложениях подобного рода «интенсифицирует сему» [там же: 103] завершенного действия; в тех случаях, когда необходимости в подчеркивании завершенности нет, употребляется претерит.

Значение ‘действия, за которым сразу же следует реализация другого действия, имевшего место в прошлом’, имеется у плюсквамперфекта в языке урду [Дымшиц 2001: 273]. В другом индоарийском языке — панджаби — плюсквамперфект «употребляется также в придаточных предложениях, указывающих на внезапность или преждевременность действия, описанного в главном предложении» (‘Как только падишах услышал эти слова, он тут же понял, что эти люди завидуют Бирбалу’) [Хохлова 2011: 475—476]; как видим, сюда подключаются и другие характерные для плюсквамперфекта семантические единицы (‘неожиданность’, ‘нарушение нормального хода ситуации’).

Вряд ли можно в данном случае говорить о том, что этот переход был обусловлен эволюцией перфекта[12]. Рафаэл Солки [Salkie 1989: 22], утверждающий обратное, подменяет понятие «перфект» (романский аналитический) понятием «перфекта латинского», то есть романского аориста. По-видимому, такому изменению значения поспособствовало изменение семантики последнего в сторону собственно перфективности; он утратил возможность означать состояния в прошедшем, не «ограниченные» эксплицитно при помощи наречий: в то время как по-французски и теперь можно сказать *Ils vécurent longtemps* 'Они прожили долго', а контексты, подобные приводимому в [Salkie 1989: 22] *airs out les oulz* 'у него были бельма на глазах', начали в некоторый момент требовать во французском языке имперфекта — заметим, впрочем, что этот процесс, согласно Фуле, закончился веком позже по сравнению с перерождением аористного плюсквамперфекта — и то, и то в письменном языке [Foulet 1925: 206]. Вытеснение же аориста перфектом (с семантической точки зрения — утрата перфекта) произошло во французском, по всем свидетельствам, также несколько позже, завершившись к XVI столетию [Foulet 1925]. Мы видели, что такая же эволюция постигла пару плюсквамперфектов и в испанском языке, где синтетический аорист функционирует до сих пор.

По мнению Бертинетто, подобная эволюция аористного плюсквамперфекта связана с семантикой его «составных частей» — действительно, простое прошедшее стативных глаголов (в том числе вспомогательных глаголов 'быть' и 'иметь') в романских языках в части случаев (хотя и не всегда) имеет инхоативное значение:

французский:
(64) Et ils se turent [Сент-Экзюпери, «Маленький принц»]
'И они замолчали'

в то время как причастие прошедшего времени несет, напротив, комплетивную семантику (которая «склеена» в большинстве языков, не исключая и итальянский, со значением «завершения ситуации»). В результате одна форма совмещает «концы и начала», ситуация «сжимается», что вызывает ограничения на семантический тип предиката. Тем не менее такое объяснение не кажется вполне достаточным для наблюдаемого «сжатия» не самой ситуации, а временной дистанции.

---

[12] Обратной, на наш взгляд, ошибочной точки зрения придерживается и Й. Кларе [Klare 1964: 117].

Кажется конкурентоспособным и такое объяснение данной ситуации. Плюсквамперфект, как форма, сигнализирующая о разрыве временных планов и нарушении «естественного хода событий» [Шендельс 1970: 107], выступает в дискурсе как знак «неестественных» темпоральных характеристик либо самого события, либо временного промежутка между ним и другим событием (ср. [Bertinetto 2014]). Это помогает также объяснить, почему аналогичная функция наблюдается у плюсквамперфекта в немецком языке, где нет оппозиции «аорист/имперфект» и, в общем, видовые значения практически не грамматикализованы.

Рассматриваемая форма находится на периферии романских глагольных систем. Во французском языке она вытесняется образованной при помощи двух вспомогательных глаголов формой passé surcomposé (недиалектное, закрепленное в нормативных грамматиках употребление; подробнее см. ниже, 1.4.1.3). В итальянском она, по свидетельству Бертинетто, «принадлежит исключительно письменному языку», отсутствует в языке прессы, и даже примеры из художественной литературы XX века звучат как архаизмы [Bertinetto 1987: 343]. В обоих случаях самое естественное объяснение, которое приводит еще Л. Фуле — это изменение стилистического регистра соответствующих простых времен. Действительно, французский и итальянский (литературный) аористы в настоящее время свойственны только письменному стилю, где употребляются только в «отстраненном» нарративе, «историческом дискурсе» по [Бенвенист 1959]: «Сложные времена, независимо от того, обозначают ли они совершенность или предшествование, распределяются по двум планам сообщения так же, как простые времена: одни из них принадлежат плану речи, другие — плану повествования… *quand il eut fini… il rentra* ‘когда он закончил… он вернулся’ относится к историческому плану — из-за наличия аориста и предшествования к аористу [там же: 282]). Однако, на наш взгляд, сужение семантики и установление лексических ограничений, описанное выше, вполне достаточны для маргинализации этой формы; примером этому может служить испанский язык, где «это время употребляется мало» [Gramática 1931: 270], в то время как синтетический аорист аналитическим не вытесняется. Кроме того, данные [Engel 1994, 1996] показывают, что в контекстах, типичных для passé antérieur, при подстановочном тесте в 55,8% случаев возникает аорист, passé simple — форма, в сочетании с временным союзом вроде ‘как только’, однозначно указывающая на близкое предшествование. Это отмечается и в итальянском языке, где различие между плюсквамперфектом с аористом вспомогательного глагола, с

одной стороны, и собственно аористом, с друой стороны, релевантно фактически только при некоторых глаголах, относящихся к классу предельных процессов (accomplishments), когда аорист может получить инхоативную (а не завершающую) интерпретацию, как в примере:

(65) Nonappena ebbe lavato la macchina, lesse il giornale.
'Как только он помыл машину, он прочел (стал читать) газету'.

(66) Nonappena lavò la macchina, si accorse delle macchie di ruggine.
'Как только он начал мыть машину, он заметил пятна ржавчины'. [Bertinetto 1987: 357—358]

В португальском языке, где плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола утрачен очень рано, функцию «непосредственного предпрошедшего» также выполняет аорист; при переводе следующего предложения из романа Дж. Стейнбека «Жемчужина» английский плюсквамперфект со значением «результатив в прошедшем» заменяется на аорист:

(67) …and when the day had come, in the offices of the pearl buyers, each man sat alone…
Mal rompeu a manhã, cada um dos compradores sentou-se sozinho na sua lojeca [Santos 1999: 288]
'Как только[13] рассвело, скупщики [жемчуга] уселись каждый в своей лавочке…'

Это объясняется тем, что достаточно архаичная португальская глагольная система сохраняет здесь обычное для латинского языка употребление Perfectum в подобных контекстах:

(68) Legiones ubi *primum* planitiem attigerunt, infestis contra hostes signis constituerunt. [Цезарь, «О галльской войне», цит. по Mellet 2000: 100]
'*Как только* (солдаты) легиона достигли долины, они выстроились лицом к лицу с неприятелем, готовые атаковать'.

Заметим на первый взгляд парадоксальное развитие таксисного значения плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола. Мы говорили, что речь здесь идет о предельной ситуации, результат которой

[13] Наречие, эксплицитно указывающее на непосредственное предшествование, переводчик привнес от себя; согласно Д. Сантуш, это связано с тем, что английский плюсквамперфект в придаточных с союзом *when* совмещает результативное значение со значением непосредственного предшествования.

достигнут в момент, сколь возможно близкий к точке отсчета. Иными словами, о действии, результат которого наличествует в этой точке. Известно, что в языках мира отражается нечто вроде «прагматической презумпции» достижения результата в конечной точке предельного процесса, препятствующей грамматикализации «антирезультативных» значений типа ‘предельное действие исчерпано, но результата нет’ [Плунгян 2001: 53]. Что же касается временных относительных предложений с союзом, указывающим на одновременность (when-clauses), то употребление плюсквамперфекта в таких придаточных предложениях сигнализирует одновременность результата ситуации, выраженной в придаточном предложении, и осуществления ситуации в главном; согласно [Squartini 1999: 63], это употребление относится к «характерным примерам перфекта в прошедшем» («prominent instances of perfect-in-the-past»).

Таким образом, несколько огрубляя ситуацию (но не искажая ее), можно сказать, что в романских глагольных системах между показателями плюсквамперфекта произошла своего рода «рокировка» значений; «прошедшее в прошедшем» приобрело значение ‘достижение результата непосредственно перед точкой отсчета (и — как наиболее вероятное следствие — сохранение его к этой точке)’. Это отразилось в ставшем парадоксальным итальянском термине trapassato remoto, буквально ‘предпрошедшее отдаленное’; такое название (симметричное названию аориста passato remoto) зафиксировало начальный этап развития этой романской формы (‘отдаленность’ как знак неактуальности в момент точки отсчета). Происходит семантическая эволюция, обратная той, которая считается основной (см., напр., [Bybee, Dahl 1989, Bybee et al. 1994]) при эволюции прошедших времен; а именно, претерит приобретает значение ближайшего, фактически результативного прошедшего[14]. Одновременно эта эволюция затрагивает таксис-

---

[14] С этой точки зрения представляет интерес употребление современного разговорного аналога passé antérieur — passé surcomposé в его литературном значении (см. о нем подробнее 1.4.1.3). Эта форма образуется от аналитического претерита (passé composé), сохраняющего и перфектное значение; согласно [Hill 1984], в контекстах вроде

Lorsqu’il <u>a fini</u> son travail, il <u>est rentré</u> chez lui
‘Когда он <u>закончил-PC</u> свою работу, он <u>вернулся-PC</u> домой

употребление двух прошедших времен делает акцент на последовательности действий, в то время как passé surcomposé в первом предложении несет результативный оттенок [Hill 1984: 107].

ную составляющую значения семантики плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола, которая фактически выражается уже синтаксическими средствами. Это приводит к тому, что в большинстве случаев эта форма может быть свободно замещена аористом.

Между тем плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола из «перфекта в прошедшем» также становится во французском, испанском и итальянском «сверхпрошлым» временем (super-passé) [Arnavielle 1978: 620], развивающим весь спектр (или значительную часть спектра) канонической полисемии плюсквамперфекта.

Помимо стандартных значений, описанных в нормативных грамматиках, а именно результативности в прошедшем:

(69) Hier, à 5 heures, j'avais fini mon travail
'Вчера к пяти часам я [уже] закончил мою работу'

и предшествования в прошедшем:

(70) Je m'aperçus que le temps avait changé
'Я заметил, что погода изменилась' [оба примера из Arnavielle 1978: 615], —

французскому «регулярному» плюсквамперфекту свойственны и абсолютные, нетаксисные значения, соответствующие «зоне сверхпрошлого» (давнопрошедшее время, прекращенная ситуация, значение аннулированного результата). На то, что не все эти употребления допускают объяснение при помощи введения «подразумеваемой» ситуации в одном из простых прошедших времен, обратил внимание Т. Арнавьель. С его точки зрения, плюсквамперфект функционирует как простое прошедшее время (tiroir simple du passé), отличающееся от аналитического прошедшего (бывшего перфекта) более четкой локализацией («закреплением», ancrage) событий в неактуальном временном плане, без какой бы то ни было связи с настоящим моментом. Согласно [Majumdar, Morris 1980], подобное развитие функций плюсквамперфекта связано с утратой во французском языке аориста (passé simple), роль которого занимает плюсквамперфект, в то время как аналитическая форма прошедшего времени (passé composé) сохраняет перфектное значение. Однако, как нам представляется, новое значение плюсквамперфекта не может быть сведено к простому «воспроизведению» старого прошедшего времени.

Его употребления, как видим, соответствуют различным значениям канонической полисемии плюсквамперфекта; это прежде всего абсолютно-временное значение 'давнопрошедшее время':

французский:

(71) Quand j’étais petit, mon grand-père m’avait donné des conseils de morale [Arnavielle 1978: 617]
‘Когда я был маленьким, дедушка давал мне нравоучительные советы’. (=‘это было очень давно’)

итальянский:

(72) Quel disegno lo avevo fatto io il primo giorno che lavoravo all’instituto
‘Этот рисунок я сделал в первый день моей работы в институте’ (употребление плюсквамперфекта не подразумевает, что рисунка более не существует) [Squartini 1999: 58]

Значение ‘прекращенной ситуации’:

французский:

(73) Le roi Fayçal avait toujours pensé, en effet, que seuls les Etats-Unis pouvaient obliger Israël à se retirer des territoires occupés (*Midi Libre,* 26 mars 1975, цит. по [Arnavielle 1978: 621])
‘Действительно, король Фейсал всегда полагал, что лишь Соединенные Штаты могут заставить Израиль уйти с оккупированных территорий’

Речь идет о только что почившем короле; подобное употребление плюсквамперфекта при описании поступков недавно умерших, — относящихся, естественно, к закончившемуся и неактуальному временному интервалу, — согласно Т. Арнавьелю, является частотным; к этим же выводам приходит и Д. Энджел [Engel 1994: 231]). Это не самостоятельное значение, но следствие сочетания претерита с неактуальной семантикой и «предиката индивидного уровня» (описывающего стабильное свойство индивида; термин введен в [Carlson 1977], подробнее см. [Татевосов 2004: 233—235]), а именно так называемый «эффект срока жизни» (lifetime effect).

(74) Je l’avais bien prévu, que pour un tel ouvrage / Cinna saurait choisir des hommes de courage (Корнель, «Цинна», цит. по [Arnavielle 1978: 615]).
‘Я предвидел, что для такого дела Цинна сможет подобрать отважных людей’
(= ‘я предвидел, но теперь состояние «предвидения» кончилось — «такое дело» осуществлено’)

Значение аннулированного результата:

(75) Il nous est impossible d'aller te voir à l'Ascension. Maman avait posé des jours. Mais, justement le jour de l'Ascension nous sommes invitées… [Majumdar, Morris 1980 : 7]
'Мы не можем приехать к тебе на Вознесение. Мама уже назначила (было) время поездки, но на самое Вознесение мы приглашены…' (комментарий авторов статьи: «отделение события в прошедшем от авторского настоящего времени (the writer's present)… привносится, по крайней мере частично, благодаря тому, что ситуация, в которой находится автор, между прошедшим событием и настоящим временем изменилась»).

Подобное же употребление наличествует и в испанском языке:

(76) Había nacido en 1910
'Он / она родился (родилась) в 1910 году' [«подразумевается, что этого человека больше нет в живых»]

Более четко грамматикализованное значение аннулированного (или недостигнутого) результата имеет соответствующая форма в итальянском языке; анализу этого значения в сопоставлении с русской конструкцией посвящена статья [Fici 2003]:

(77) Mi ero comprata delle scarpe rosse, ma mi è toccato riportarle indietro perché mi stavano piccole.
'Я [было] купила себе красные туфли, но мне пришлось отнести их обратно, потому что оказались малы'.

Для итальянского плюсквамперфекта характерно экспериенциальное употребление, так называемый «неактуальный экспериенциал» (см. также I.1.2.6):

(78) Non aveva mai visto il libro che le fai vedere adesso [Maiden, Robustelli 2000: 293]
'Она никогда не видала [раньше] книгу, которую ты ей сейчас показываешь'

Начиная с XVII века во французском языке грамматикализуется модальное значение контрфактивного условия; до этого и в аподосисе, и в протасисе условной конструкции употреблялся конъюнктив:

(79) Si j'avais eu le temps, je t'aurais écrit [Fleischman 1989:5]
'Если бы у меня было время, я бы тебе написал'.

Сравни соответствующий испанский пример, где употребляется плюсквамперфект конъюнктива:

(80) Si hubiera tenido tiempo, te habría escrito [ibid.]

Наряду с временным, французский плюсквамперфект развивает и значение «вежливой просьбы» (точнее — «смягчения категоричности»), которая, как мы знаем, типологически свойственна этой форме:

(81) J'étais venu vous demander mes honoraires. [Warthburg, Zumthor 1947], цит. по [Majumdar, Morris 1980: 7]
'Я пришел попросить Вас о вознаграждении'.

Развитие значение аннулированного (или недостигнутого) результата у «регулярного» плюсквамперфекта Ф. Фичи [Fici 2003] связывает с тем, что на комплетивную семантику причастия накладывается значение «неактуальности», выразителем которого (такой взгляд восходит к [Coseriu 1976]) имперфект в романских языках является по преимуществу; таким образом, это объяснение параллельно тому, которое Бертинетто предлагает для эволюции плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола. Как нам представляется, такая трактовка не всегда справедлива для романских языков: на примере южнофранцузских и итальянских говоров мы видим, что имперфектный плюсквамперфект вполне может ограничиваться таксисными значениями, в то время как антирезультативные значения выражаются ретроспективизированными (сверхсложными) формами, см. ниже I.4.1.3.

Итак, плюсквамперфект со вспомогательным глаголом в имперфекте приобретает дополнительные «абсолютные» значения, связанные с «зоной сверхпрошлого» ; эти функции становятся практически равноправными с таксисной функцией, так что та уже более не может считаться единственной базовой. Тем самым семантическая дифференциация двух первоначально синонимичных форм принимает двусторонний характер: обе формы не только приобретают дополнительные значения, но и модифицируют набор базовых. С точки зрения дифференциации некогда (квази)синонимичных форм весьма показательны результаты работы [Engel 1996]. В ходе исследования информантам предлагалось заменить инфинитив в тестовых предложениях нужной глагольной формой. В контекстах, характерных для форм, выражающих непосредственное предшествование (passé antérieur и passé surcomposé), лишь в 2—3% случаев возникает плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола; в большинстве случаев, как

мы уже замечали, эти формы вытесняются соответствующими простыми глагольными временами (passé simple и passé composé), которые не могут маркировать одновременности с аналогичными формами в главном предложении и тем самым при употреблении в придаточных предложениях времени маркируют предшествование. Таким образом, развитие французского плюсквамперфекта в сторону «сверхпрошлого» или даже «простого прошедшего» привело к тому, что оно не вытесняет формы плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола (passé antérieur) в типичных для последнего контекстах, несмотря на маргинализацию этой формы. Итак, синонимию двух плюсквамперфектов по крайней мере в современном французском языке можно считать уже полностью разрушеннной.

Таким образом, в романских языках таксисное значение плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола ограничивается значением ‘непосредственное предшествование’, а развившееся абсолютное — значением ‘комплетив’ с дополнительным компонентом ‘быстрота’; эти значения остаются для данной формы устойчивыми; в то же время плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола захватывает всю «зону сверхпрошлого», кроме, по-видимому, тех (диалектных) систем, где значения этой зоны принимает сверхсложная аналитическая форма — ретроспективизированное аналитическое прошедшее / перфект (см. подробнее I.4.1.3).

I.2.2.2. Книжный древнерусский и албанский: конкуренция двух форм с нечетким распределением

В процессе исторического развития формы имперфекта и аориста глагола **byti* (*běaše* и *bě*) в славянских языках сливаются; исчезает формальное различие и между соответствующими формами плюсквамперфекта (*běaše xodilъ* и *bě xodilъ*). При анализе древних памятников, где оба формальных противопоставления еще сохраняются, традиционно полагалось, что они не соответствуют какому-либо семантическому различию (именно такой подход свойственен трудам А. Мейе, А. Вайана, Н. ван Вейка, см. [van Schooneveld 1951: 97]).

Единственный современный славянский язык, где сохраняются обе формы плюсквамперфекта такого типа (хотя и как стилистические архаизмы) — сербохорватский; здесь они имеют несколько фонетических вариантов каждая. Синхронно они уже не анализируются как образованные при помощи различных видо-временных форм глагола ‘быть’; формы вспомогательного глагола считаются вариантами им-

перфекта. Плюсквамперфект с формой, восходящей к имперфекту вспомогательного глагола, выглядит как *bejah* (*bijah*) *čitao* ‘я читал’, с формой, восходящей к аористу совершенного вида — как *beh* (*bjeh*) *čitao*. Семантического различия между ними нет: они «являются свободными вариантами» [Кречмер, Невекловский 2005: 182].

Вопрос о сущности различия между двумя плюсквамперфектами, образованными при помощи имперфекта и аориста вспомогательного глагола (*бяше ходилъ* и *бѣ ходилъ* соответственно) в книжном древнерусском языке — и даже о том, существует ли это различие вообще — очень сложен и насчитывает более чем вековую историю изучения. Им занимался еще А. А. Потебня, предположивший ([1874/1958: 262]), что имперфект вспомогательного глагола «захватывает момент, далее отстоящий от настоящего, чем момент, обозначаемый аористом». В. И. Чернов [1961: 5], приведя ряд контрпримеров, опровергающих это мнение, утверждает, что различие между этими конструкциями — синтаксическое: вспомогательный глагол в форме аориста, с его точки зрения, употребляется в начале зависимого предложения после союза, с которым сочетается в единый проклитический комплекс (вроде *иже бѣ заложилъ*, *зане бѣ почалъ, бѣ боялъся*). К. ван Схоневелд [van Schooneveld 1959: 122—134], для работы которого характерен жестко структуралистский подход к древнерусским глагольным временам, связывает употребление плюсквамперфекта, образованного при помощи имперфекта вспомогательного глагола, с «фоновой» («синхронизирующей») семантикой имперфекта. Так как имперфект маркирует одновременность некоторых ситуаций, то и плюсквамперфект со вспомогательным глаголом в имперфекте означает «ретроспекцию со стороны некоторого момента в прошедшем на предшествующий момент, которая синхронизирована с другим происшествием в более поздний момент времени в прошедшем» [ibid.: 128]. Наиболее подробным опытом решения вопроса о семантическом различии на материале одного памятника книжного древнерусского языка — «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку — является небезынтересная, но спорная работа [Goeringer 1995].

72% плюсквамперфектов в тексте «Повести» образовано при помощи аориста от имперфективной основы глагола *быти*; согласно К. Герингеру, именно эту форму можно считать нейтральным способом выражения предшествования в прошедшем в книжном древнерусском («аорист — немаркированная форма вспомогательного глагола», стр. 321). Однако это наблюдение верно только для данного памятника; в Новгородской первой летописи, по данным [Петрухин

2004: 100], картина почти строго обратная: формы с имперфектной связкой, напротив, составляют 75 %; одного этого факта достаточно для сомнения в том, что данные правила применимы и к другим древнерусским памятникам (которые, впрочем, могли отражать разные локальные и диахронические нормы).

В «Повести временных лет», по данным Герингера, употребления плюсквамперфекта типа *бѧше ходилъ*, образованного с помощью имперфекта глагола *быти*, распадаются на три группы:

(I) «Изменение статуса действия или события», сюда входят знакомые нам значения ‘прекращенная ситуация’ и ‘аннулированный результат’:

(82) оу Ꙗрополка же жена грекини бѣ, и бяше была черницею, бѣ бо привелъ ю ѿць его С҃тославъ, и вда ю за Ꙗрополка красоты ради лица еꙗ.
‘У Ярополка же была жена гречанка, а [перед тем] была она монахиней, [в свое время] привел ее отец его Святослав и выдал ее за Ярополка, красоты ради лица ее’ (здесь и далее перевод Д. С. Лихачева; слова, добавленные переводчиком, мы заключили в скобки).

В первом случае употреблен имперфектный плюсквамперфект, подчеркивавший, что к моменту точки отсчета (повествование идет о войне сыновей Святослава в 977 году) жена Ярополка монахиней не была; во втором случае употребляется аористный плюсквамперфект, подчеркивающий, что результат ситуации ‘Святослав привез пленную монахиню из Византии на Русь’ не аннулирован.

(83) Рече же имъ Феѡдосии: се азъ по Б҃жью повелѣнью нареклъ бѧхъ[15] Иꙗкова, се же вы свою волю створити хощете [ibid.: 326]
‘Феодосий же сказал им: «Вот я по Божию повелению назвал [вам] Иакова, а вы на своей воле настаиваете»’ [по требованию монастырской братии печерский игумен Феодосий уже изменил свое решение и нарек своим преемником другого монаха, Стефана].

(II) «формульные» употребления с сочетанием *еще бо не*, указывающем на то, что некоторая ситуация к моменту точки отсчета

[15] Отметим, что в Ипатьевской летописи в этом месте *бѣхъ* (ср. подготовленный П. В. Петрухиным электронный текст ПВЛ по Ипатьевскому списку с грамматической разметкой: http://www.lrc-lib.ru/rus_letopisi/Hypatian/index.php?page=6901&line=30)

еще не произошла, но между точкой отсчета и моментом речи все-таки осуществилась («контрфактив-будущее», по Герингеру; см. также ниже об этом употреблении, II.2.1):

(84) влекомоу же ѥмоу по Роучаю къ Днѣпроу, плакахоуся ѥго невѣрнии людье, еще бо не бѧхоу приꙗли ст҃аго крщньꙗ [ibid.: 323]
‘Когда влекли [Перуна] по Ручью к Днепру, оплакивали его неверные, так как не приняли еще они святого крещения’

(III) «Эвиденциальные употребления» — контексты, в которых «субъекты… реагируют на события, о которых у них нет сведений из первых рук, но о которых они узнали из других источников» (о нестандартной трактовке этого понятия Герингером см. ниже):

(85) Ѡльга же оустремися съ сн҃мъ своимъ на Искоростѣнь град, ꙗко тѣе бѧху оубили моужа еꙗ, и ста ѡколо града с сн҃мъ своимъ, а деревляне затворишася въ градѣ.
‘Ольга же устремилась с сыном своим к городу Искоростеню, так как те убили ее мужа, и стала с сыном своим около города, а древляне затворились в городе’

(86) И позва к собѣ нарочитыѣ мужи, иже бяхоу иссѣкли варягы, и ѡбльстивъ и исѣче.
‘И призвал к себе лучших мужей, которые перебили варягов, и, обманув их, перебил’

«Согласно Повести временных лет, Ольга была в Киеве, когда древляне убили ее мужа Игоря, но она узнала об обстоятельствах его гибели от древлянских послов. Аналогично, Ярослав отсутствовал, когда новгородцы убили варягов, но узнал об этом позже» [ibid.: 328, там же есть и третий пример].

Все три типа значений, выделяемые Герингером у древнерусского книжного имперфектного плюсквамперфекта, в принципе не являются типологически неожиданными. Антирезультативное значение развивается и у французского имперфектного плюсквамперфекта еще тогда, когда нейтральным способом выражения предшествования в прошедшем был аористный плюсквамперфект (см. выше, п. 1.1.). О типологически известной семантике ‘еще не’ у плюсквамперфекта см. I.1.2.4. Наконец, параллель последнего употребления — эвиденциальные значения именно у имперфектного (но не аористного) имперфекта — обнаруживается, согласно работе [Friedman 1981], в албанской глагольной системе.

Соответствующие формы неадмиративного ряда (глагол ‘работать’, форма 1 л. ед.ч.) выглядят как *kisha punuar* (вспомогательный глагол в имперфекте + конверб) и *pata punuar* (вспомогательный глагол в аористе + конверб). Некоторые информанты, с которыми работал исследователь, утверждают, что употребление высказываний:

(87) Shabani ua pati blere biletat n’oren dy
Shabani ua kishte blere biletat n’oren dy
‘Шабан купил им билеты к двум часам’

связано с прямой и косвенной засвидетельствованностью: первое предложение предполагает личное свидетельство говорящего, в то время как второе указывает на то, что говорящий не присутствовал при покупке билетов. В. Фридман отмечает также, что аористный плюсквамперфект не может употребляться в типично пересказывательных контекстах с оборотами *kam degjuar, degjova* ‘я слышал’, *tha se*... ‘он сказал, что...’

В то же время другие исследователи албанской глагольной системы усматривают здесь распределение, аналогичное раннестарофранцузскому и связанное с результативностью. В [Buchholz, Fiedler, Uhlisch 1977: 693] утверждается, что плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола означает события, связанные с точкой отсчета (или продолжающиеся в этот момент), в то время как плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола означает события, предшествующие моменту в прошлом, которые, как правило, никак не связаны с этим моментом (см. также классификацию «ретроспективных» форм в албанском в [Hewson, Bubenik 1997: 109—110]; авторы проводят также типологическую параллель с формальным устройством старославянского плюсквамперфекта).

В обоих рассматриваемых случаях нет полной уверенности в том, что мы имеем дело именно с эвиденциальностью. Трактовка К. Герингером этого понятия (как он сам отмечает) достаточно необычна: как правило, эвиденциальность подразумевает засвидетельствованность / незасвидетельствованность того или иного события говорящим, а не персонажем, названным в третьем лице. В работе В. Фридмана также нет полной уверенности в том, что выражение такой семантики налицо; оно отмечается «некоторыми информантами». Сложно сказать, что́ перед нами: реальные зачатки эвиденциальной или родственной ей дифференциации или пример параллельного функционирования полностью синонимичных форм, образуемых при помощи аориста и имперфекта, подобный старофранцузским в текстах вроде «Смерть

Артура». В этом последнем случае достаточно тонкие, но каждый раз совершенно разные типы противопоставления двух древнерусских форм, выявленные Потебней, Черновым, Схоневелдом и Герингером, могут носить в значительной степени иллюзорный характер.

С точки зрения П. В. Петрухина [2008: 215—216], в изученных им Киевской и Галицко-Волынской летописях (XII—XIII вв.) дифференциация между этими двумя формами является не семантической, а формальной и регистровой. По его наблюдениям, «в Киевской летописи форма аориста могательного глагола не употребляется в форме 3 л. мн. ч. (*бѣша*); форма *бѣ* в ней носит более «книжный» характер, чем *бѧше(ть)*, т. е. чаще выступает в контекстах, относящихся к церковной жизни, постройке храмов и т. п. (один из таких контекстов представляет собой типичный формуляр, т. е. полностью «закреплен» за *бѣ*: это сообщение о захоронении князя, по древнерусской традиции, в церкви, «*юже бѣ самъ создалъ*», — сюда относится почти четверть всех употреблений этой формы в Киевской летописи)». Кроме того, в «в последней четверти Киевской летописи форма *бѣ* встречается гораздо реже, чем в предыдущем тексте» [там же].

I.2.2.3. Выводы

Видовое противопоставление между перфективом и имперфективом вспомогательного глагола оказывает влияние на семантику плюсквамперфекта. Во всех случаях (романские, книжный древнерусский, албанский) плюсквамперфект с аористом вспомогательного глагола ограничивается таксисным значением, не развивая дополнительных, связанных с «зоной сверхпрошлого». Отклонения от этого связаны с особенностями видо-временных систем конкретных языков, но не с полисемией, свойственной собственно плюсквамперфекту. В романских языках засвидетельствовано — для плюсквамперфекта типологически уникальное — значение комплетивности с семантическим оттенком ‘быстро’, что объясняется спецификой аориста в этих языках; кондициональное значение славянского аористного плюсквамперфекта типа *быхъ ходилъ*, возможно, возникает отчасти вследствие контаминации с морфологически независимым кондиционалом (см. подробнее II.1). Форма, образованная при помощи имперфекта вспомогательного глагола, напротив, всюду развивает значения, относящиеся к типологически характерной для плюсквамперфекта семантике.

I.2.4. От противопоставления плюсквамперфектов по модальности к синонимии: casus latinus [16]

Особый интерес для типологических исследований синонимии плюсквамперфекта представляет латинский язык, в котором имелись две формы плюсквамперфекта — Plusquamperfectum Indicativi и Plusquamperfectum Coniunctivi — выражавшие семантику двух наклонений, индикатива и конъюнктива соответственно. Строго говоря, изначально это соотношение само по себе не относится к проблематике синонимии глагольных категорий; перед нами так называемая «многомерная парадигма», в терминах работы [Сумбатова 2002]. Обе эти формы регулярно выражают, помимо собственно плюсквамперфектного, также граммему другой категории, в данном случае модальности. Однако диахроническая судьба этой пары демонстрирует сильнейшее сближение этих форм и стирание различия по признаку наклонения, что, несомненно, связано с тенденцией плюсквамперфекта к эволюции в сторону ирреальных значений (о которой см. I.1.2.7), таким образом, грамматическая синонимия возникает в ходе изменения глагольной системы.

Лучшие описания семантики глагола в латинском языке (прежде всего [Hofmann, Szantyr 1965], [Ernout, Thomas 1972] и, особенно, работы С. Мелле [Mellet 1988, 1994, 2000]) обращают внимание на особенности семантики форм латинского плюсквамперфекта, которые не могут быть сведены к традиционным семантическим ярлыкам ‘предшествование в прошедшем’ и ‘давнопрошедшее’. Многие наблюдения и трактовки, предлагаемые этими исследователями, мы используем в настоящей работе.

I.2.3.1. Плюсквамперфект индикатива и его модальные значения

Основным значением латинского Plusquamperfectum Indicativi традиционно считается таксисное, то есть ‘прошедшее в прошедшем’. Вместе с тем таксисное употребление Plusquamperfectum, как показывает анализ ([Ernout, Thomas 1972, Mellet 1994, 2000]) даже классических текстов, не говоря о памятниках доклассических (Плавт) или более позднего времени, но также отражающих народную речь («Сатирикон» Петрония, надписи), не было обязательным. В контекстах, где в английском или французском обязательно относительное время, широко употреблялся латинский Perfectum:

[16] В основе этого раздела лежит статья [Сичинава 2003]

(88) Dedi equidem quod mecum egisti (Плавт, *As.* I,3,19; [Mellet 2000: 101])[17]
‘Я дал столько, сколько мы с тобой условились (букв. «ты со мной условилась»)’

(89) Ab iis Caesar haec facta cognovit, qui sermoni interfuerunt ([Цезарь, *Bell. C.*, III, 18, 5; Ernout, Thomas 1972: 225])
‘Цезарь узнал это от тех, кто присутствовал на переговорах’.

Плюсквамперфект же, согласно [Väänänen 1967], в «простонародном и позднем языке» (dans la langue populaire et tardive) употреблялся абсолютно, «со значением имперфекта»; примеры, приводимые исследователями, соответствуют различным значениям канонической полисемии; так, «значению имперфекта» соответствует значение прекращенной ситуации:

(90) Non sum ego qui fueram: mutat via longa puellas [Проперций, I, XII, 12]
‘Я не тот, что был [раньше]: и юные девы меняются в разлуке’[18].

(91) Incipiunt odisse quod fuerant et profiteri quod oderant [Тертуллиан, *Apol.,* I, 6]
‘[Новокрещенные] начинают ненавидеть то, чем они были, и исповедовать то, что они ненавидели’; комментарий С. Мелле [Mellet 1994: 120] к подобным контекстам, частотным у христианских авторов: «точка отсчета здесь выводится из контекста, и легко можно восстановить что-то вроде «до их обращения», оправдывающее выражение предшествования; кроме того, употребление плюсквамперфекта, как кажется, подчеркивает разрыв [выделение наше — *Д. С.*] между двумя периодами».

очень частотно и уже известное нам значение аннулированного результата:

---

[17] Примеры из классических авторов выверены по электронному корпусу латинских текстов «Perseus» (http://www.perseus.tufts.edu/), материалы которого опираются на авторитетные издания. Названия произведений записаны с использованием сокращений, принятых в классической филологии. Примеры из христианских авторов (Тертуллиан, Григорий Турский) также сверены по электронным изданиям.

[18] Ср. также: Quod fueram, non sum ‘Чем был — не есмь’ (надпись-эпитафия, [Väänänen 1967: 140]).

(92) Repudio quod concilium primum intenderam (Теренций, *Andr.* 733; [Mellet 1994:111])
'Отказываюсь от плана, который раньше составил'.

Плюсквамперфект в латинском языке употребляется и в антирезультативных конструкциях другого типа; причина, воспрепятствовавшая достижению результата, вводится в придаточном предложении с темпоральным союзом *cum,* который традиционно называется *cum inversum*, букв. «обратное, противоположное cum». В конструкциях с cum inversum возможен как имперфект, так и плюсквамперфект; если имперфект в главном предложении носит чисто *конативный* характер ('результат ситуации не был достигнут', подробнее о латинском imperfectum de conatu см. [Mellet 1988: 288—292]), не указывая на стадию, на которой вмешалось непредвиденное обстоятельство, то плюсквамперфект подчеркивает прерывание нормально развивающейся ситуации на этапе, очень близком к достижению результата, привнося проксимативное (авертивное) значение «чуть было не»[19]:

(93) Moderatione plura quam vi composuerat, cum redire in Syriam iubetur (Тацит, *Ann.*, XII, 49, 2; [Mellet 1994: 113])
'Он уже почти утихомирил [провинцию], скорее с помощью умеренности, нежели силы, когда получил (букв. получает) приказ возвращаться в Сирию'.

У классических авторов распространено употребление плюсквамперфекта с дискурсивным значением 'сдвиг начальной точки' [Mellet 1994: 112, 1988: 294] (см. подробнее ниже, I.3.2.3).

Развиваются и оба модальные значения, характерные для «зоны сверхпрошлого»: уже с достаточно раннего периода засвидетельствовано значение 'смягчение категоричности утверждения':

(94) Hegio, hoc te monitum, nisi forte ipse non vis, volueram (Плавт, *Capt.,* 309, [Mellet 1994: 117])
'Гегион, мне бы хотелось, если ты не против, обратить твое внимание на это'.

и становится характерным употребление плюсквамперфекта в аподосисе (главном предложении) ирреальной условной конструкции. Пер-

[19] В языке сантали [Сичинава 2001] дуратив прошедшего времени (семантически близкий европейскому имперфакту) также передает конативное, а одна из плюсквамперфектных форм — проксимативное значение.

воначально плюсквамперфект индикатива в таких конструкциях употреблялся «с целью выразительности» [Ernout, Thomas 1972: 380]), недостигнутый результат тем самым (благодаря семантике индикатива) представлялся как достигнутый; согласно С. Мелле ([Mellet 1994: 117]), «для логики рассказа важнее сама квази-завершенность действия, чем досадное обстоятельство (grain de sable, букв. «песчинка»), которое помешало действию»; таким образом, перед нами не только модальное, но также и одно из антирезультативных, а именно проксимативное (авертивное), употребление плюсквамперфекта:

(95) Praeclare viceramus, nisi… fugientem Lepidus recepisset Antonium (Цицерон, *ad Fam.,* XII, 10, 3, [Ernout, Thomas 1972: 380—381]).
‘Мы одержали бы славную победу, если бы [только] Лепид не принял у себя бежавшего [с поля боя] Антония’.

В раннесредневековой латыни плюсквамперфект индикатива в ирреальных контекстах становится [Ernout, Thomas 1972: 383] еще более распространенным, нейтральным способом выражения:

(96) Si fas fuisset, angelum de caelo evocaveram [Григорий Турский, *Hist. Fr.,* V, 18]
‘Если б было это дозволено, я бы призвал ангела с небес’.

В романских языках она, как увидим, станет основной (и — кроме Иберии — единственной) функцией формы — наследницы латинской *cantaveram.*

I.2.3.2. Плюсквамперфект конъюнктива и его экспансия в модальной зоне значений

Латинский конъюнктив (как и современные французский и немецкий), как известно, сильно грамматикализован и носит в значительной степени синтаксический характер, маркируя определенные типы зависимых предложений вне зависимости от *референциального статуса* (то есть параметра «реальность / гипотетичность / ирреальность») соответствующих ситуаций. Это верно и для плюсквамперфекта конъюнктива; в нижеприведенных примерах выбор наклонения ничем — кроме типа соответствующей предикации, чаще всего связанного с употребленным союзом — не обусловлен, а значения соответствуют рассматривавшимся выше для плюсквамперфекта индикатива:

(97) Nuper cum morte superioris uxoris novus nuptiis domum vacuefecisses, nonne etiam alio incredibili scelere hoc scelus cumulavisti? [Цицерон, *Cat. 1*, 14; Mellet 1994: 240]
‘Некогда, после того, как ты смертью прежней своей жены освободил дом для нового брака, не добавил ли ты к этому преступлению новое невероятное преступление?’ (таксисное значение)[20]

(98) Itaque in intimis est meis, cum antea mihi notus non fuisset. [Цицерон, *Att.* IV, 16, 1; Mellet 1994: 241]
‘И вот он в числе моих близких друзей, а раньше был мне незнаком’ (значение прекращенной ситуации).

Собственно модальные употребления латинского конъюнктива связаны с употреблением как в независимых (оптатив: *Fiat lux!* ‘Да будет свет’), так и в некоторых типах зависимых предикаций (прежде всего условных периодах: *Si sim Iuppiter, iam hercle ego uxorem ducam* ‘Если б я был Юпитером, то тотчас бы, клянусь, взял ее в жены’).

Парадигма конъюнктива в латинском языке включает четыре формы: Praesens, Perfectum, Imperfectum и Plusquamperfectum; формы будущего времени оказываются вне модальной оппозиции, и таким образом, формы презенса конъюнктива получают и футуральную интерпретацию. Данные [Ernout, Thomas 1972] и [Väänänen 1967] позволяют нам построить таблицу «распределения» этих форм в собственно модальном значении для трех периодов развития латинского языка (полужирным выделены преобладающие формы):

	Гипотетический статус, настоящее	Ирреальный статус, настоящее	Гипотетический статус, прошедшее	Ирреальный статус, прошедшее
Доклассическая эпоха	Praesens	Praesens, Perfectum	Imperfectum	Plusquamperfectum

[20] С. Мелле выводит и это употребление из постулируемого ей семантического инварианта конъюнктива; согласно ее трактовке, здесь вводится в рассмотрение некоторое множество альтернативных ситуаций, в данном случае {убить жену и раскаяться / убить жену и быть осужденным / убить жену и совершить новое преступление}, и употребление конъюнктива подчеркивает, что Катилина сделал наименее ожидаемый для честного человека выбор. Нам не кажется целесообразным рассматривать для всех без исключения латинских конструкций с конъюнктивом в зависимой предикации (по крайней мере, для подобных примеров) какой-либо модальный механизм выбора наклонения.

Классическая эпоха	Praesens, Perfectum	Imperfectum, Praesens, Perfectum, Plusquam-perfectum	Imperfectum, Praesens, Perfectum, Imperfectum, Plusquam-perfectum	Plusquam-perfectum
Позднелатинская / ранне-романская	Praesens, Perfectum, Imperfectum	Plusquamperfectum (переход в письменном языке закончился в VIII веке)		

Форма плюсквамперфекта конъюнктива в доклассическую эпоху сравнительно редка [Mellet 1994]; в доклассическую и классическую эпоху наиболее частотным ее значением является ирреальная ситуация, относящаяся к прошедшему:

(99) Si quiessem, nihil evenisset mali (Теренций, *Andr.* III, 4, 25; [Ernout, Thomas 1980: 378])
‘Если б я был спокоен, ничего дурного бы не произошло’ [но спокоен я не был].

(100) Utinam ille omnes secum suas copias eduxisset! (Цицерон, *Cat.* II, 4, [Mellet 1994: 242])
‘О, если бы он только увел свои войска вслед за собой!’ [но он не увел].

Плюсквамперфект конъюнктива употреблялся и для выражения не ирреальной, но гипотетической модальности (событие относится к будущему), с добавлением идеи «смягчения», «осторожного выражения гипотезы»; таким образом, перед нами и здесь не что иное, как параллель к индикативному употреблению этой формы:

(101) Quid, tu, Brute? possesne dicere, si te, ut Curionem quondam, contio reliquisset? [Цицерон; *Br.,* 192; Ernout, Thomas 1972: 379]
‘Что, Брут? смог бы ты говорить, если бы тебя, как некогда Куриона, покинуло собрание?’ (комментарий Эрну и Тома: «гипотеза представлена как ирреальная из учтивости к лицу, которому задается вопрос»).

Достаточно рано (первые примеры [Väänänen 1967] еще у Витрувия, II стол. до Р. Х.) плюсквамперфект конъюнктива начинает захватывать вышеозначенную сферу имперфекта конъюнктива, вплоть до ирреалиса настоящего; процесс этот завершается в письменном языке, однако, не раньше VIII столетия [Mellet 1994]. Согласно [Ernout,

Thomas 1972: 383], этот процесс связан с «общей тенденцией плюсквамперфекта замещать имперфект» — то есть с постоянно присутствовавшей, а к концу латинской эпохи ставшей преобладающей тенденцией плюсквамперфекта индикатива употребляться в контекстах, связанных с неактуальными замкнутыми временными интервалами. Свидетельством экспансии форм плюсквамперфекта в ущерб другим формам конъюнктива может служить грамматика «Ars Minor» Доната, созданная в IV веке; этот автор не выделяет особых форм Perfectum конъюнктива в «оптативной» функции, считая, что они совпадают с формами плюсквамперфекта: «*Lego* verbum activum… quod declinabitur sic: …optativo modo… praeterito perfecto et plusquamperfecto *utinam legissem*, *legisses*, *legisset*» (в переводе М. С. Петровой: *Lego* — действительный глагол… будет спрягаться так:…в желательном наклонении… в предшествующем законченном времени и предшествующем предпрошедшем *utinam legissem*, *legisses*, *legisset*) [Donatus 1999]; но в собственно «конъюнктиве» перфект и плюсквамперфект разграничиваются [ibid.].

Семантически плюсквамперфект конъюнктива распространяется на всю модально-временную семантическую зону, отделенную от «здесь и сейчас» говорящего или во временном (прошедшее), или в модальном (ирреалис) отношении, или в обоих. Подобная эволюция этой формы получила, помимо семантической, и морфологическую поддержку; как отмечается в [Togeby 1966: 177] и [Väänänen 1967: 142], формы Perfectum конъюнктива *cantaverim-cantaverit*, имперфекта конъюнктива *cantarem-cantaret* и предбудущего (имевшего и модальные значения, в значительной степени пересекающиеся с Perfectum конъюнктива; о них см. подробнее, напр., в [Hofmann, Szantyr 1965: 322], [Mellet 1994: 162—167]) *cantavero-cantaverit*, на значительной части латинской территории в силу фонетических процессов контаминируются, образуя единую парадигму т. н. потенциалиса.

Таким образом, плюсквамперфект индикатива в поздней латыни призван выражать ситуации с реальным референциальным статусом, несомненно, с точки зрения говорящего, имевшие место в прошлом, но отнесенные в неактуальный временной интервал; плюсквамперфект конъюнктива объединяет все ирреальные и гипотетические модально-временные сочетания, кроме гипотетического настоящего. Итак, обе эти формы образуют парадигму неактуальной «зоны сверхпрошлого»; однако нельзя постулировать между ними четкую оппозицию «гипотетичность vs. ирреальность»; из прагматических соображений и форма конъюнктива «вторгается» в гипотетический контекст,

и форма индикатива — в ярко ирреальный, причем это последнее употребление грамматикализуется и становится основным для данной формы.

I.2.3.3. Конвергенция двух плюсквамперфектов на периферии Романии

Появление и развитие нового, аналитического плюсквамперфекта, опирающегося на новый, также аналитический перфект, а также, по мнению К. Тогебю [Togeby 1966: 179] некоторые фонетические изменения, способствующие контаминации с парадигмой романского аориста (бывшего Perfectum), привели к тому, что в языках-потомках латыни форма плюсквамперфекта индикатива почти повсеместно ограничивается значением условного наклонения, таким образом, генерализуется употребление этой формы в аподосисе условной конструкции, отмечавшееся еще у Цицерона. К идиомам, где прослеживается такая эволюция, относятся далматинский, южноитальянские говоры, франко-провансальский[21], окситанский, гасконский и каталанский [Togeby 1966: 177—180]. В настоящее время все эти формы вымерли, уступив место новому кондиционалису, образовавшемуся из аналитической конструкции «инфинитив + имперфект глагола ‘иметь’» (фр. *devrait* < *debere habebat*).

Наследник латинского *cantavissem* во всех романских языках (кроме сардинского, где сохраняется старый имперфект конъюнктива) ограничивается развившимся в позднелатинский период значением претерита косвенного наклонения, однако ‘отнесенность к прошлому’ становится преобладающей составляющей его значения; эта форма распространяется на целевую («проспективную», по С. Мелле) модальность в прошедшем (уже начиная с позднелатинской эпохи, например, у бл. Августина):

(102) Saint Hildegarde, l’abbé, voulut […] que les prieurs la racontassent dans les couvents réguliers. [Гюго, «Легенда о монахине»]
‘Святому Ильдегарду, аббату, было угодно, чтобы начетчики рассказали [эту историю] во всех монастырях регулярного устава’

[21] В литературных франко-провансальских текстах деграмматикализованная и лексикализовавшаяся форма глагола ‘долженствовать’ *doire* < *debuerat* встречается вплоть до XVII века — подробнее см. [Duraffour 1934]).

(103) Y habiendo mandado el duque que delante de la plaza del castillo se hiciese un espacioso cadahalso… [Сервантес, «Дон Кихот», часть II, гл. 56]
‘И когда герцог приказал, чтобы на площади перед замком был построен просторный помост…’

и на чисто синтаксические употребления конъюнктива:

(104) Bien qu’il fût aveugle, aucun ne l’égalait dans la connaissance des écritures. [Флобер, «Искушение св. Антония»]
‘Хотя он и был слеп, но в знании писаний ему не было равных’.

в то время как ирреалис в настоящем начинает передаваться уже имперфектом индикатива:

(105) Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait.
‘Если б молодость знала, если б старость могла’.

В современном итальянском языке имперфектом могут кодироваться и ирреальные ситуации, относящиеся к прошедшему:

(106) Si venivi, ti divertivi
‘Если бы ты пришел, ты бы обрадовался’ [Bertinetto 1994].

Таким образом, обе формы-наследницы латинского плюсквамперфекта являются формами различных косвенных наклонений, причем если для *cantaveram* при выборе формы преобладает модальная, то для *cantavissem* — темпоральная составляющая семантики.

На этом фоне выделяется судьба латинского плюсквамперфекта в двух окраинных языках романской зоны — в испанском[22] и в румынском.

Испанская форма на *-ra*, ставшая предметом обширной литературы (библиографию см. в [Togeby 1966], [Lunn, Cravens 1991], [Klein-Andreu 1991]), засвидетельствована на протяжении многих веков как в темпоральных, так и в модальных значениях. В староиспан-

[22] В португальском языке ситуация, по-видимому, была близка к испанской, т. е. долго сосуществовали оба употребления; в языке XVI в. форма на *-ra* употреблялась и в ирреальном значении (*eu o fizera se pudera* ‘я сделал бы это, если бы смог’ [Вольф 1988: 127]), и такое употребление сохраняется в бразильском португальском, в то время как в европейском варианте эта форма употребительна только в функции плюсквамперфекта индикатива (см. о португальском синтетическом плюсквамперфекте также выше, I.2.1.1 и след.).

ских памятниках («Сиде» и романсах) форма на -*ra* носит в основном таксисный:

(107) Demando por Alffonso, do lo podrie fallar; // Fuera el rey a San Fagunt aun poco ha. («Поэма о моем Сиде», [Lunn, Cravens 1991])
'Он спросил, где он мог бы найти Альфонса; // Король незадолго до этого удалился в Сан-Фагунт'

но и антирезультативный характер:

(108) Firme estido Pero Vermudez, por esso nos encamo; // Un colpe reçibiera, mas otro firio («Поэма о моем Сиде», ibid.)
'Храбро держался Педро Бермудес, он не дрогнул; // Один удар получил [было], но ответил на него своим (букв. еще одним)'

а формы с модальным (кондициональным) значением находятся в меньшинстве ([Togeby 1966: 180] с ссылкой на результаты [Becker 1928]).

Развитие аналитического плюсквамперфекта оттеснило испанский синтетический плюсквамперфект дальше в план прошедшего; ср. вывод Ф. Клейн-Андреу, исследовавшей текст XIV века: «форма индикатива на -*ra* становится все более и более связанной с «низкофокусной» референцией (то есть с фоновыми событиями), в то время как новый аналитический плюсквамперфект предпочитается для событий переднего плана (foregrounding)» [Klein-Andreu 1991: 173]. Синтетическая форма стала, в частности, выражать предшествование во времени по отношению к ситуации, выраженной аналитическим плюсквамперфектом:

(109) Enrique III, al subir al trono a los catorce años para dar fin a la anarquía, que en el Estado alimentaran sus poderosos tutores, había ratificado las ligas hechas por su padre.
'Генрих III, вступив на престол в возрасте четырнадцати лет, чтобы положить конец анархии, которую развели в государстве его могущественные опекуны, подтвердил договоры, заключенные ранее его отцом' (де Ларра, XIX век, [Lunn, Cravens 1991: 156]).

Заметим, что мнение, согласно которому темпоральное значение формы на -*ra* «искусственно восстановлено романтиками в XIX веке» (ср. указания на это в [Squartini 1999] и [Togeby 1966]), нуждается в корректировке; во всяком случае, академическая грамматика дает два примера на таксисное значение этой формы уже для XVIII столетия — один из них связан именно со «второй степенью предшествования»:

(110) A la mitad del siglo, la paz había ya restituído al cultivo el sosiego que no conociera jamás, y a cuyo influjo empezó a crecer y prosperar. [Ховельянос, «Доклад об аграрной реформе», Gramática 1931: 273]
‘К середине века мирная жизнь уже вернула сельскому хозяйству спокойствие, которого оно никогда не знало [ранее] и благодаря влиянию которого оно начало расти и процветать’

в то же время как начиная с XVII столетия преобладает модальная, ирреальная трактовка:

(111) También pudieran callarlos por equidad [Сервантес, «Дон Кихот», ч. II, гл. 3, ibid.]
‘И все же они могли бы умолчать об этом из чувства справедливости’ (пер. Н. Любимова),

и наконец, начиная с Кальдерона (XVII век; [Togeby 1966: 180] со ссылкой на результаты [Becker 1928]) господствует употребление в аподосисе (спорадически отмечаемое, повторим, на протяжении всей истории испанского языка) и протасисе ирреальных условных предложений. В первом случае форма конкурирует с «новым» романским кондиционалисом (от *amare habebat*), во втором — с ирреальным имперфектом конъюнктива (произошедшем, как мы знаем, в испанском от плюсквамперфекта конъюнктива):

(112) Yo amara / amaría las riquezas, si mi dieran / diesen la salud que mi falta.
‘Я (по)любил бы богатства, если они бы дали мне здоровье, которого мне недостает’ [Gramática 1931].

В дальнейшем форма на *-se* повсюду становится заменимой на форму на *-ra*, в частности, в «подчиненных предложениях, содержащих глагол в конъюнктиве» [Gramática 1931: 274], иными словами, в случае синтаксического употребления косвенного наклонения.

Между тем в современном языке[23] сохраняется и значение формы на *-ra*, как представляется, не связанное с модальностью; это, во-первых, контексты, где она получает таксисную интерпретацию («прошедшее в прошедшем»):

[23] Такое употребление характерно не только для кастильского, но также и для латиноамериканского испанского, и рассматривалось некоторыми авторами как грамматический «американизм»; см. сводку указаний различных исследователей в [Степанов 1963: 168—169].

(113) La petición de suspender la cotización fue presentada por el Banco Central después de que a las diez se iniciara la sesión de la bolsa. [Squartini 1999: 83, модифицированный пример из Hermerén 1992] ‘Предложение остановить котировки было внесено Центральным банком после того, как в десять часов началась биржевая сессия’.

во-вторых, значения «неактуального прошедшего»:

(114) Naciera en Barcelona en 1910
‘Он / она родился (родилась) в Барселоне в 1910 году’ [«подразумевается, что этого человека больше нет в живых»][24]

в-третьих, некоторые употребления (как форм на -*ra*, так и на -*se*), модальный характер которых сомнителен:

(115) La pareja, que se hiciera famosa por interpretar el papel de marido y mujer en « El pájaro espino », es en la vida real un matrimonio feliz. [Журнал «¡Hola!», 6.7.1985, Lunn, Cravens 1991: 149]
‘Супруги, которые прославились исполнением роли мужа и жены в «Поющих в терновнике», в действительности представляют собой счастливую пару’
(116) Al día siguiente de que Isabel Preysler… iniciase en un chalet de Marbella su veraneo, según informamos en la página 44 de este número… [Журнал «¡Hola!», 17.8.1985, Lunn, Cravens 1991: 150]
‘На другой день после того, как Исабель Прейслер начала свой летний отпуск в коттедже в Марбелье, о чем мы писали на стр. 44 этого номера…’

В исследовании [Lunn, Cravens 1991] эти последние отнесены к «модальным»; конъюнктив, согласно авторам, в испанском языке объединяет как гипотетические и ирреальные, так и «хорошо известные читателю» ситуации; но в таком случае аналогичное употребление ожидалось бы и для презенса испанского конъюнктива. На наш взгляд, вряд ли эти примеры могут говорить о некоторой специфической модальной функции конъюнктива; пока корпус примеров не будет расширен, правомерно говорить о десемантизировавшемся наклонении, которое автоматически вызывается союзом *que* и сложными союзами, его содержащими. В таком случае подобный анализ может быть распространен и на пример, приводимый М. Сквартини, хотя мы все-таки вправе рассматривать форму в этом примере как несущую и таксис-

[24] За этот пример, а также за консультацию, мы благодарим Э. Оливан Гарсиа и К. Уитли (Барселона).

ную семантику, потому что в нем употреблена синтетическая *ra*-форма, а не «новый» аналитический плюсквамперфект конъюнктива (*hubiera* / *hubiese iniciado*).

Не столь долгую историю имело расхождение форм, восходящих к *cantaverat* и *cantavisset*, в румынском языке (о румынском плюсквамперфекте см. также [Marin 1985]; о характерных для него в дискурсе «ретроспективных» употреблениях, маркирующих отступление от основной линии повествования, см. [Сикацкая 1984, 1985]). В этом языке форма *cântase*[25] «сохраняет значение плюсквамперфекта *cantavisset*, в то же время приобретая модальное значение формы *cantaverat*» [Togeby 1966: 175], иными словами, меняет свою принадлежность к наклонению; это связано, согласно К. Тогебю [183—184], с тем, что балканские языки обладают ограниченным набором форм наклонения, поэтому румынский, утеряв имперфект конъюнктива и плюсквамперфект индикатива, воспользовался формой на *-se* для заполнения второй лакуны, а не первой (другую попытку объяснения этого перехода, с опорой на фонетические факторы и даже славянский субстрат, см. [Elson 1997]). С нашей точки зрения, это также было обусловлено семантической близостью плюсквамперфекта и ирреалиса, но к сожалению, плохая документированность румынского языка вплоть до позднего Средневековья затрудняет детальное изучение этого феномена.

Итак, в испанском языке два потомка двух латинских плюсквамперфектов, один из которых продолжает сохранять плюсквамперфектные значения, а другой прошел через их утрату и ограничение чисто модально-временными функциями, становятся в значительной степени (хотя и не целиком) взаимозаменимыми выразителями значений «зоны сверхпрошлого» (предпрошедшее, антирезультатив, ирреалис); в румынском языке одна из этих форм — изначально форма конъюнктива — становится плюсквамперфектом индикатива. Возможность возникновения обоих распределений была уже заложена в распределении этих форм, имевшемся в латинском языке накануне распада.

Таким образом, модальные значения, развиваемые латинским плюсквамперфектом индикатива (среди употреблений которого велик удельный вес употреблений, соответствующих типологически устой-

[25] В принятой в 1950—90-х годах орфографии: *cîntase*.

чивой «зоне неактуального прошедшего»), «наложились» на десемантизированный, синтаксический характер конъюнктива в этом языке; это привело к частичному стиранию семантической границы между обеими формами и к тому, что в двух языках-потомках латыни, относящихся к двум перифериям романского мира, форма-наследник одного из двух латинских плюсквамперфектов «дрейфует» из одного наклонения в другое.

I.2.4. Перфект в плюсквамперфектной функции и собственно плюсквамперфект

Таксисное значение предшествования по отношению к общей цепи повествования — и, шире, изложение событий, развивающихся вне основной линии нарратива — в языках мира нередко выражается формой перфекта. Следующее описание этой функции, предложенное в работе [Недялков, Инэнликей, Рахтилин 1983: 106—107] для чукотского перфекта, применимо и ко многим другим языкам:

«...Временной формой, описывающей развертывание событий, цепь последовательных действий, является аорист. ⟨…⟩ Перфект же выделяет отдельные действия в такой цепи. Его основное значение — прошедшее законченное ненарративное. Поэтому он часто используется при выражении изолированных событий, в частности, при уходе в более далекое прошлое по отношению к основной линии повествования (плюсквамперфектное значение)». Аналогичные употребления перфекта имеются также в корякском и алюторском языках [Волков и др. 2012: 437].

Данное значение действительно представляет собой, по-видимому, ослабленный вариант базового значения перфекта, «текущей релевантности» (ср. [Anderson L. 1982]).

Отметим тот важный факт, что в чукотском языке перфект (через плюсквамперфектную семантическую стадию) развивает второстепенные значения, характерные для плюсквамперфекта и «зоны сверхпрошлого» [Недялков, Инэнликей, Рахтилин 1983], [Волков и др. 2012: 437—438], в частности, значение недостигнутого результата:

(117)	ekwetrʔu-ɣʔe-t	neme.	anə	ɣ-enarer-łenat
	отправиться-AOR-3PL	опять	DEICT	PF-искать-3PL.PF
	taŋ-ʔotchoj,	łʔu-k	na-taŋə-łwawə-n.	
	EMPH-долго	найти-INF	INV-EMPH-не.смочь-3SG.AOR	

‘Отправились они опять. Ох и искали они очень долго — найти никак не смогли’

Для целей нашего исследования особое значение имеет тот факт, что перфект в плюсквамперфектной функции употребляется не только в языках, не имеющих специальной формы плюсквамперфекта, замещая, таким образом, ее в целом (к таким как раз и относится чукотский), но и в языках, где есть отдельная форма плюсквамперфекта. Этот феномен указан, например, в [Bertinetto 1986: 421—422], где приводятся примеры из итальянского и французского; П.-М. Бертинетто утверждает, что формы плюсквамперфекта и перфекта в романских языках синонимичны и вступают в положение конкуренции.

В разговорном немецком языке перфект (наряду со сверхсложными формами, о которых см. ниже, I.4.1) также выступает в плюсквамперфектной функции. «Желанием придать налет разговорности, непринужденности, снизить стиль объясняется употребление вместо плюсквамперфекта формы перфекта у Г. Гейне:

(118) Der verzweifelnde Republikaner, der sich wie ein Brutus das Messer ins Herz stieß, hat vielleicht zuvor daran gerochen, ob auch kein Hering damit geschnitten worden» [Шендельс 1970: 41]
‘Отчаявшийся республиканец, который, подобно Бруту, всадил себе в сердце нож, может быть, предварительно понюхал, не разрезали ли этим ножом селедки’

Кроме знака социолингвистического регистра, перфект является и прагматическим знаком «субъективной окрашенности», апеллирующим к речевой ситуации: «автор может… комментировать события, размышлять, обращаться к читателю. Он может сливаться с одним из персонажей и передавать события с точки зрения персонажа» [там же: 99].

В нарративе немецкий перфект выступает и в особой дискурсивной функции, которая имеет общую черту с плюсквамперфектным «сдвигом начальной точки» (а именно, выступает в первом предложении нарратива, так называемый «озаглавливающий» Überschrifts-perfekt), но противоположна ему по принципу отношения к плану настоящего — она указывает на соотнесенность с планом настоящего. «Временная форма в первом предложении имеет значимость сигнала. Если это перфект, то он устанавливает связь с моментом речи, с речевой ситуацией и сигнализирует о ретроспективном видении событий» [там же: 98]. В контекстах, типичных для «сдвига начальной точки», используется претерит; зачины типа *Er war einmal*… ‘Жил-был…’ представляют ситуацию «без всякой связи с настоящим. Рассказчик переносит своих слушателей сразу в прошлое. Претерит создает впечатление временной дистанции» [там же].

Использование перфекта в плюсквамперфектной функции — явление, давно отмеченное в книжном древнерусском языке, особенно в языке летописей. А. А. Зализняк замечает (его формулировки местами практически совпадают с формулировками Бертинетто относительно романских языков): «В летописях в авторской речи (т. е. в системе, где полностью актуальны аорист и имперфект) перфект фактически весьма редко употребляется в ⟨…⟩ исходном значении. Чаще всего он выступает в значении, которое в принципе должно принадлежать плюсквамперфекту, а именно, обозначает действие, предшествующее тому, которое передано аористом (иначе говоря, перфект здесь передает состояние, существующее не в момент речи, а в момент некоторого действия в прошлом). ⟨…⟩ Тем самым в летописях плюсквамперфект и перфект в значительной части случаев выступают как грамматические синонимы» [Зализняк 1995/2004: 175].

Соотношение перфекта в плюсквамперфектной функции и собственно плюсквамперфекта (под собственно плюсквамперфектом здесь подразумеваются все три древнерусских конструкции — с аористом и имперфектом вспомогательного глагола, а также сверхсложная, см. ниже раздел II.2) подробно исследованы (с привлечением типологических параллелей) П. В. Петрухиным [2004] на материале Новгородской первой летописи. Многими исследователями (начиная с Е. С. Истриной [1923]) отмечалась «ретроспективная функция» древнерусского перфекта в нарративе, «причем явление, обозначенное им, не входит в последовательную цепь событий, но стоит особняком, относясь к предшествующему времени» [Истрина 1923: 199]; особо следует выделить формулировку Р. О. Якобсона: «Перфект в древнерусском языке выражает возвращение назад, т. е. ретроспективу со стороны говорящего: он пользуется перфектом, чтобы составить краткое обозрение прошедшего… или же перфект означает просто процесс, предшествующий тому, который обозначен в непосредственном контексте» [Jakobson 1948: 29]. Ср. приводимый Э. Кленин пример из ПВЛ по Лаврентьевскому списку, где перфект (со связкой в настоящем времени) употреблен в плюсквамперфектном значении:

(119) Ини же не свѣдуще рекоша, ꙗко Кии <u>есть</u> перевозникъ <u>былъ</u>.
‘Иные же, не зная, говорили (сказали), что Кий <u>был</u> перевозчиком’.

Тем не менее различие между плюсквамперфектом и перфектом в данной функции долго оставалось малоизученным [Klenin 1993: 331], ср. также [Tommola 2000: 460].

Согласно данным Петрухина, плюсквамперфект и перфект в Новгородской первой летописи противопоставлены по целому ряду параметров, из которых ключевым является дискурсивно-прагматический: «перфект передает известную информацию, плюсквамперфект — новую; соответственно, первый обозначает события „заднего плана“ повествования, выполняя в том числе „анафорическую“ функцию, а второй используется для событий „переднего плана“» [2004: 93].

Приведем лишь один пример из статьи П. В. Петрухина, где перфект и плюсквамперфект непосредственно представлены в соседних контекстах (причем в составе тождественных синтаксических конструкций):

(120) И седѣша новгородци бес кн҃зѧ •ѳ҃• мсць, и призваша и-Суждалѧ Судилу, Нежату, Страшка, оже <u>бѣху бѣжали</u> из Новагорода С҃тослав дѣлѧ и Ѩкуна, и даша посадницьство Судилу Новѣгородѣ. И послаша по Гюргѧ по кн҃зѧ Суждалю, и не иде, нъ посла сн҃ъ свои Ростислав, оже то и преж <u>былъ</u> (запись 1141 г., л. 22)
‘И пробыли новгородцы без князя 9 месяцев, и призвали из Суздаля Судилу, Нежату и Страшка, которые (раньше) <u>бежали</u> из Новгорода из-за Святослава и Якуна, и поставили Судилу посадником в Новгороде. И послали за князем Юрием в Суздаль, но тот не явился, а послал сына своего Ростислава, который <u>был</u> (в Новгороде князем) и раньше’.

«Перфект здесь отсылает к событиям двухлетней давности, довольно подробно изложенным в летописи, а следовательно, известным читателю; напротив, о Судиле, Нежате и Страшке ничего не говорилось в предыдущем тексте, равно как и об их побеге из Новгорода. Вероятно, если бы летописец рассчитывал, что читатель располагает внетекстовой информацией об этих персонажах и, что особенно важно, об их побеге, он скорее употребил бы перфект» [там же: 92]. В терминах прагматики, «сведения, описываемые с помощью перфекта, составляют прагматическую пресуппозицию (презумпцию), т. е. суждение, которое говорящий/пишущий считает само собой разумеющимся, в частности, известным слушателю/читателю» [там же: 86]. Таким образом, соотношение «перфект—плюсквамперфект» используется для грамматикализации «фоновой» (backgrounding) дискурсивной функции, свойственной, например, модальной форме на *-ra* (восходящей к плюсквамперфекту индикатива) в современном испанском [Lunn, Cravens 1991]; распределение этой формы, напоминающее

представленное в древнерусском летописании, отмечено уже в средневековых испанских текстах [Klein-Andreu 1991; Петрухин 2004a].

Данное явление прагматически легко объяснимо: «событие, о котором сообщается впервые, должно получить четкую таксисно-временную локализацию, и для этого используется плюсквамперфект. Напротив, событие, о котором читатель (слушатель) уже знает, тем самым, уже локализовано во времени, и поэтому здесь вполне достаточно употребить немаркированную в плане таксиса форму — например, простое прошедшее» [Петрухин 2004a: 98—99], см. выше, I.2.3.3.

Кроме того, данная квазисинонимическая пара разграничена и по признаку результативности: «плюсквамперфект почти всегда имеет результативное значение, перфект же не маркирован по признаку „результативность“, хотя в большинстве примеров он имеет нерезультативное значение; кроме того, событие, обозначенное перфектом, как правило, характеризуется большей временной дистанцией относительно „точки отсчета“ в повествовании, чем событие, обозначенное плюсквамперфектом» [Петрухин 2004a: 93, 83]; на аналогичное — «не-результативное» и «не-актуальное» значение перфекта в другом древнерусском памятнике — Лаврентьевской летописи обратила внимание Э. Кленин [Klenin 1993].

Результативная семантика плюсквамперфекта в Новгородской первой летописи доказывается и его употребительностью только с обстоятельствами времени, относящиеся к периоду сохранения результата (reference time), но не с обстоятельствами, указывающими на время самого события (event time). Характерна сочетаемость с наречием *уже*:

(121) Трѧсе сѧ землѧ въ пѧткъ по Велицѣ дни :е҃: нед въ обѣдъ, а инии уже <u>бѧху отобѣдали</u> (запись 1230 г., л. 109об.)
‘Произошло землетрясение в пятницу на пятой неделе по Пасхе, в обеденное время, а некоторые уже и <u>отобедали</u>’.

В отвлечении от прагматической функции сходное соотношение перфекта в плюсквамперфектном употреблении и плюсквамперфекта имеется в пермских языках (коми-зырянском и удмуртском). В этих языках в нарративе для передачи действий, предшествующих основной линии повествования, употребляется форма перфекта, имеющая также эвиденциальные употребления [Leinonen, Vilkuna 2000: 499] и влекущая «разрыв» (break) в основной линии повествования [ibid. 499, 500]. Б. А. Серебренников [1960] именует такое употребление «перфектом впечатления» и указывает, что в некоторых других языках ему соответствет плюсквамперфект.

Формы же плюсквамперфекта (неэвиденциального; о выражении эвиденциальности в коми-зырянском плюсквамперфекте см. особую работу одного из соавторов только что цитированной статьи [Leinonen 2000]) указывают на результирующее состояние в прошедшем («интерпретация чисто результативная, но отнесенная к прошедшему»):

(122) коми

Kor sijö loktis, me völi sad'möma [ibid: 511, Leinonen 2000: 434]

'Когда он/она пришел/пришла, я [уже] проснулся'.

В некоторых языках у перфекта есть и другие дискурсивные значения плюсквамперфектного типа, например, интродуктивное употребление в начале нарратива «сдвиг начальной точки» (об этом типе значений см. ниже, раздел I.3.; в [Сичинава 2008] есть также особый раздел об интродуктивном употреблении перфекта). К таким языкам относятся, опять же, немецкий (функция Überschriftsperfekt [Шендельс 1970: 98]), а также удинский, ср. начало сказки «Благодарный мертвец», опубликованной А. Дирром [Dirr 1928: 60—63]:

(123) ba$_1$-ne-k$_2$-e sa pasč'ağ me-t'-aiba$_1$-ne-k$_2$-e-i

быть1,2-3SG-PF один царь PROX-OBL-GEN быть1,2-3SG-PF-RETRO

xib ğar sa vaxt'-a fikir-re-b-i …

три сын один время-DAT мысль-3SG-делать-PST

'Жил-был один царь, у которого было три сына. Однажды он подумал: [интересно, кто из моих сыновей самый умный?]'

Как видим, в приведенном нами контексте параллельно с перфектом выступает и плюсквамперфект, образованный от перфекта при помощи показателя ретроспективного сдвига *-i*, который совпадает с показателем претерита (*ba-ne-k-e-i*). Таким образом, специфика, разграничивающая перфект и плюсквамперфект — грань между актуальностью и неактуальностью — здесь уже стерта; тенденции к развитию дискурсивного значения этих форм сошлись в одной точке.

Мы видим, что употребительность перфекта в плюсквамперфектной функции в генетически не связанных глагольных системах обнаруживает нетривиальные черты, попарно «связывающие» древнерусский и немецкий (перфект — «субъективная» форма, апеллирующая к знаниям читателя), а также древнерусский и пермские языки (плюсквамперфект обнаруживает свойства, характерные для «результатива в прошедшем», в то время как перфект не столь жестко привязан к точке отсчета, а сигнализирует разрыв в нарративной цепи вообще; последнее свойство перфекта, вообще говоря, присутствует и в не-

мецком). Эти свойства показывают, что перфект в плюсквамперфектных употреблениях сохраняет в значительной мере свою прагматическую семантику ‘текущей релевантности’ (но может, как в чукотском, развивать и значения из «зоны сверхпрошлого»). В то же время плюсквамперфект в системах, где перфект допускает подобные употребления, еще недостаточно грамматикализован как собственно таксисный показатель и показатель разрыва нарративной цепи. Специфические для него употребления связаны с семантикой результирующего состояния в прошедшем. По крайней мере, это так на первоначальном этапе: обсуждаемый Бертинетто романский и обсуждаемый Шендельс немецкий плюсквамперфекты имеют ряд вторичных употреблений, связанных с «зоной сверхпрошлого».

I.3. ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ В ТЕКСТЕ: ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА И «СДВИГ НАЧАЛЬНОЙ ТОЧКИ» [1]

Нарративный текст (а в данном разделе речь пойдет исключительно о нем, хотя мы понимаем, что нарратив — хотя и чрезвычайно важный и распространенный, но далеко не единственный тип дискурса, релевантный для исследования грамматических значений) редко начинается с того, что собственно называется «нарративом». Иными словами — с первого же звена цепочки сменяющих друг друга событий. Действительно, такая стратегия не везде удачна прагматически. Участнику коммуникативного акта, воспринимающему текст, часто нужно узнать — причем в рамках того же сообщения — обстоятельства, в которых разворачиваются эти события, их предысторию, а главное — «кто есть кто», выяснить, говоря языком формальным, константы и пространства возможностей той «истории», которая сейчас прозвучит. Даже в тех случаях, когда собеседник и так знает, о чем, в общем, пойдет речь, когда текст служит как бы развернутым ответом на вопрос вроде *Ну как оно все прошло вчера?* — могут понадобиться отступления, пояснения, введение новых действующих лиц и проч. В основополагающей работе по структуре нарратива [Labov 1972] выделяется вводный фрагмент, служащий «прологом» к нарративу; Лабов называет его «ориентирующим» (orientation)[2]; за ним следует собственно действие-завязка (complicating action).

В данном разделе речь пойдет только о части этой проблематики — а именно, об определенном типе маркирования фрагментов текста, вводящих последующий нарративный текст, при помощи грамматических форм глагола. При таком маркировании выбираются особые

---

[1] В основе этого раздела лежит статья [Сичинава 2008].

[2] Ему может предшествовать еще так называемое резюме (abstract) всего текста вроде *Расскажу, как я повстречал медведя* или *Вчера на охоте со мной случился забавный случай;* маркирование такого дискурсивного фрагмента мы специально не разбираем.

формы, которые характеризуют событие с точки зрения его временной и/или прагматической удаленности или (реже) близости по отношению к наличной ситуации, а именно: плюсквамперфект и «неактуальное прошедшее» (удаленность) или перфект (близость; об этом употреблении перфекта см. выше, I.2.4). Мы называем эту стратегию «сдвигом начальной точки».

В разделе I.3.1 комментируются используемые нами термины, имеющие отношение к дискурсивным функциям. В разделе I.3.2 мы рассматриваем типы маркирования фрагментов текста, вводящих дальнейший нарратив, при помощи плюсквамперфекта. В заключительном разделе I.3.3 мы говорим об аналогиях, которые «сдвиг начальной точки» находит в других областях грамматики — они помогают понять raison d'être такой стратегии, избираемой многими генетически не связанными языками.

I.3.1. Терминология, связанная с дискурсивными функциями

В дальнейшем мы будем использовать следующие термины, в общем, широко употребительные в теории нарратива:

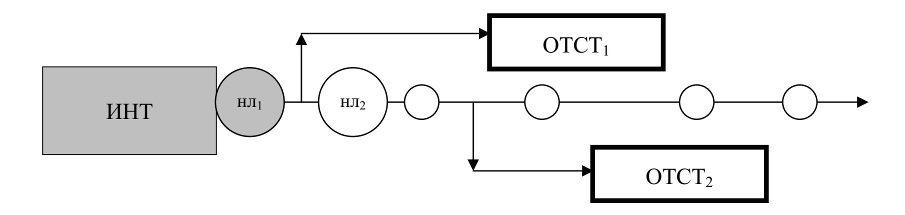
— «нарративной линией/цепью» текста называется цепочка последовательных событий, «о которых» и идет речь в тексте (*услышав это, рыцарь тотчас <u>оседлал</u> коня и <u>отправился</u> на помощь*). Ситуации, не входящие в нее, обычно относят к «фоновой информации» (background);

— «интродуктивным фрагментом» называется фрагмент, предшествующий самому первому событию нарративной линии и вводящий предысторию событий, действующих лиц, обстоятельства и проч. (*давным-давно на высокой горе <u>стоял</u> замок, и в нем <u>жил</u> король*);

— «отступлениями» назовем фрагменты текста, прерывающие на разных этапах нарративную линию и излагающие ситуации и события, происходившие вне соответствующего момента нарратива — либо во временном плане (*король вспомнил,* [*как шесть лет назад во время войны он <u>встретил</u> предсказателя, который <u>напророчил</u> ему…*]), либо в логическом (*король приказал заковать провидца в кандалы,* [*а в это время сын короля <u>выехал</u> на охоту и <u>встретил</u> оленя*]). В работе [Givón 1982] такой тип дискурса включается в класс «вне последовательности» (out-of-sequence).

Собственно, «интродуктивный фрагмент» тоже стоит вне последовательности повествования (разве что «отступлением» его назвать нельзя — еще не от чего «отступать»), и между этими двумя типами (по крайней мере в том, как они маркируются в глагольной словоформе) есть, как увидим, немало общего. Тем не менее, в центре нашего внимания находится именно маркирование интродуктивного фрагмента, а также фрагмента, непосредственного смежного с ним — то есть первого (может быть, нескольких первых) действий из нарративной линии (*[жил-был король]; [однажды он выступил в поход против могущественного соперника, покорил часть его земель]…*).

Представим эти понятия на схеме (НЛ$_1$, НЛ$_2$… — события нарративной линии, ИНТ — интродуктивный фрагмент, ОТСТ$_1$, ОТСТ$_2$… — отступления):

Заливкой выделены фрагменты дискурса, расположенные «перед последовательностью» (включая первое звено нарратива), жирной рамкой — отступления, или фрагменты «вне последовательности». Для тех и других в языках мира зафиксировано маркирование при помощи плюсквамперфекта, неактуального прошедшего или (реже) перфекта.

В работе [Сичинава 2001], посвященной австроазиатскому языку сантали (группа мунда), мы назвали употребление этих форм для обозначения интродуктивного фрагмента и/или первого события нарративной линии «сдвигом начальной точки» — особой дискурсивной функцией этих форм.

Прокомментируем все три слова этого термина: начнем, естественно, с н а ч а л а — фрагмент дискурса, маркируемый таким образом, располагается в непосредственной близости от начала нарративной последовательности (*Жил-был король, однажды король созвал своих сыновей*…) или «накладывается» на первые несколько ее звеньев, в частности, на самое первое (*Посадил дед репку, выросла репка большая-пребольшая*…). Т о ч к а, вообще говоря, не означает того,

что в аспектологии принято считать «точечными событиями», а акцентирует внимание на точке отсчета, с которой развертываются события, на изложении предварительных обстоятельств, на специфическом сигнале начала нарратива. Наконец, сдвиг и означает специфику рассматриваемого нами маркирования — выбор вместо формы, нейтральной по отношению к плану настоящего и означающей временную локализацию по умолчанию, другой формы, означающей либо неактуальность и разрыв с планом настоящего, либо, напротив, прагматическое приближение к нему. Гораздо чаще встречается, по нашим сведениям, первая ситуация (в частности, именно так обстоит дело в языке сантали); однако она не является единственно возможной, и, соответственно, используемый нами термин не предрешает того, о сдвиге в каком «направлении» идет речь.

Отметим, что специальное маркирование интродуктивного фрагмента — явление, независимое типологически от обсуждаемого в этом разделе явления, то есть использования в этой функции «сдвигающих» глагольных времен. Есть языки, где в этой позиции выступает специальный показатель, не имеющий иных употреблений. Так, в [Anderson S. 1979] описывается «нарративный» показатель в языке агем (бантоидный язык бенуэ-конголезской семьи), используемый «в первом предложении рассказа, отсылающего к событиям, произошедшим в отдаленном прошлом», а весь остальной рассказ ведется в другой форме, так называемом «консекутиве». В старояпонском языке эпохи Хэйан (на японский материал нам указал П. М. Аркадьев) имелась особая форма на *-keri,* которую Н. А. Сыромятников [2002: 88—89] называет «инвентивом» и указывает, что она «употребляется широко в зачинах, вводя в ситуацию, обозначая начавшееся в прошлом состояние, послужившее фоном для последующих событий»; дальнейшие события нарратива излагались в других временах.

I.3.2. Плюсквамперфект и показатели неактуального прошедшего в интродуктивной функции

Использование таких форм, как плюсквамперфект или иные показатели семантики «неактуального прошедшего», в интродуктивной функции объясняется через двуплановость коммуникационной ситуации нарратива. Такое объяснение предложено, в частности, Т. А. Майсаком и С. Г. Татевосовым, анализировавшими багвалинский плюсквамперфект [Майсак, Татевосов 2001: 366]: «Плюсквамперфект, который противопоставляет актуальный и неактуальный временные

планы,… является своего рода связующим звеном между нарративной последовательностью и ситуацией коммуникации».

Интродуктивная функция, как уже говорилось, с чисто семантической точки зрения в принципе может рассматриваться как частный случай события «вне последовательности» в терминологии Гивона. Однако далеко не всегда она маркируется так же, как отступления от нарративной линии (в частности, она нехарактерна для литературного английского Past Perfect; об отсутствии импликации в обратную сторону сказано только что), а кроме того, ее маркирование часто «накладывается» на первые звенья собственно нарратива. Поэтому использование плюсквамперфекта и неактуального прошедшего в этой функции безусловно заслуживает особого рассмотрения. В свою очередь, «интродуктивность» предстает как некоторое множество более частных функций, которые не всегда маркируются одним и тем же средством. В настоящем разделе мы и рассмотрим это множество.

I.3.2.1 Дискурсивный маркер вводного фрагмента

I.3.2.1.1. «Предыстория»

Использование плюсквамперфекта в абсолютном начале текста — позиция, в наименьшей степени благоприятная для классического «толкования» этой формы: «предшествование по отношению к некоторому событию в прошлом». В самом деле, ни о каком другом событии, будь то событие в прошлом или не в прошлом, речь еще не шла, и ситуации излагаются в том порядке, в каком происходили в действительности. В таких случаях, казалось бы, ничто не мешает обычному для нарратива употреблению одного и того же времени (претерита, перфектива или аориста). Для таксисной трактовки этой функции (как, впрочем, и практически всех, перечисленных выше как типовые значения зоны неактуального прошедшего, — «отмененный результат», «ирреальное условие» и другие) нужно прибегать к тем или иным метафорам или конструктам.

Такая ситуация налицо, в частности, при использовании этой формы для маркирования последовательности событий, предшествующих точке, с которой начинается «основное» повествование. Иными словами, плюскамперфект выступает именно и только как средство субъективно разграничить «историю» от «предыстории», ведь в таком случае все события идут строго одно за другим, иконическая последовательность выдержана, но некоторое событие объявляется «точкой отсчета» (в классической терминологии Рейхенбаха—Комри), а осталь-

ные — предшествующими ему (и всей последующей нарративной линии). Е. И. Шендельс характеризует соответствующую функцию немецкого плюсквамперфекта так: «Плюсквамперфект в препозиции производит впечатление смысловой паузы. Он отрезает, вычленяет какой-то временной отрезок, представляя его в виде пролога, после которого начинается собственно повествование» [Шендельс 1970: 107].

Такая дискурсивная функция есть также у плюсквамперфекта в итальянском языке. В этом времени нередко строится «вступление» к рассказу (несколько предложений; см. также [Bertinetto 2014]):

(1) Don Camillo si era lasciato un po' andare durante un fervorino a sfondo locale con qualche puntatina piuttosto forte per quelli là e così, la sera dopo, attaccatosi alle corde delle campane perché il campanaro l'avevano chiamato chi sa dove, era successo l'inferno[3].
'Дон Камилло [накануне] малость увлекся, обличая местные нравы и в особенности «тех самых, которые», и вот, следующим вечером, как только он ухватился за колокольные веревки, ибо звонарь уехал (букв. его позвали) Бог знает по какому делу, случилось нечто ужасное' (начало рассказа Джованнино Гварески «Inseguimento su strada»).

Все финитные глагольные словоформы этого вступления стоят в плюсквамперфекте (русскому *как только он ухватился* соответствует причастный оборот *attaccatosi*) независимо от их взаимной последовательности («нечто ужасное» случилось заведомо после того, как дон Камилло «малость увлекся», но уехал ли звонарь до «обличений» главного героя или после — неизвестно и не влияет на выбор времени). Дальнейшее повествование ведется в passato remoto, обычном нарративном времени письменного итальянского языка. В русском переводе желательно употребить слово *накануне*, передающее часть информации, выраженной в оригинале плюсквамперфектом (однако не всю, так как интродуктивный фрагмент захватывает и события «следующего вечера» — плюсквамперфект употребляется независимо от того, насколько событие удалено во времени от начальной точки повествования).

Авторы грамматики [Maiden, Robustelli 2000] указывают, что «для передачи событий, которые в известном смысле представляют собой прелюдию к центральному эпизоду в нарративе, в итальянском гораздо охотнее, чем в английском, употребляется плюсквамперфект»

[3] Автор признателен Павлу Петрухину и Ольге Гуревич за данный пример.

[ibid.: 293]; там же приведен пример из прессы, вполне аналогичный только что приведенному литературному.

В данном случае интродуктивный фрагмент представляет собой микронарратив, события которого, по крайней мере, отчасти, действительно предшествуют излагаемым далее. Однако более частотный случай не позволяет и такой трактовки.

I.3.2.1.2. «Исходное положение вещей»

Достаточно широко представлено в языках мира такое явление, как особое маркирование интродуктивного фрагмента, означающего не последовательность точечных событий, а положение вещей, верное на протяжении всего нарратива или по крайней мере его начального фрагмента (это частный случай такого дискурсивного значения, как ф о н о в а я и н ф о р м а ц и я — ситуация, имеющая место на протяжении временного интервала, включающего в себя события нарративной линии; ср. [Майсак, Татевосов 2001: 365]). Так, в нижеследующем примере из языка сантали сочетанием перфекта с показателем ретроспективного сдвига *tahẽ̃kan* (то есть плюсквамперфектом) маркируется продолжительная ситуация, на фоне которой завязывается повествование:

(2) ṭis jokheñre cɔ̀n, kathae, pea koṛa mit’ṭaǹ jojo dare buṭạṛeko durup-akan-tahɛ̃kan-a, ar onkoteye mit’ ṭaǹ hor paromakana.
сидеть-PF-RETRO-INDIC
‘Однажды, как говорят, трое мальчиков сидели под плодовым деревом рядом с дорогой, которая там проходит (букв. пролегла)’. [Фризен 1982: 48]

Как известно, основные персонажи в русских сказках (и, что особенно важно для оценки древности явления, иногда и в северных былинах) вводятся конструкций *жил-был*/*жила-была*/*жили-были*, которая формально совпадает с древнерусским плюсквамперфектом, известным из средневековых источников. Подробнее об этой форме см. раздел II.2; о славянской форме на фоне европейских сверхсложных см. раздел I.4.2. В филологии XIX—XX вв. господствовала точка зрения, согласно которой *жили-были* представляет собой реликт древнерусского плюсквамперфекта. Однако в монографии [Ткаченко 1979] (см. также [Вайс 2003: 55]) утверждается, что отсутствие подобных конструкций в иных славянских языках, в том числе восточнославянских, и наличие близких (хотя и не тождественных) зачинов в фольклоре пермских и волжских финно-угров свидетельствует о кальке с

типичного «двойного глагола» из какого-либо вымершего финно-угорского языка, послужившего субстратом, предположительно мерянского или муромского. Исходная конструкция реконструируется как **elä-wole*-. С точки зрения Д. Вайса, это решение полностью закрывает проблему: «Интересно отметить, что все еще пользующаяся популярностью среди русистов альтернативная гипотеза о славянском происхождении формулы *жил-был* (обычно ее выводят из давнопрошедшего времени) отстаивается исключительно авторами, которым работа [Ткаченко 1979], по всей видимости, неизвестна» [Вайс 2003: 55]. Таким образом, по Ткаченко и Вайсу, конструкция *жили-были* изначально становится в ряд не со словоизменительными формами глагола, получающими ту или иную интерпретацию в дискурсе, а с чисто лексическими или синтаксическими формулами, маркирующими зачин в фольклоре (вроде распространенных на Кавказе оборотов со значением ‘был, не был’ или западноевропейского ‘был однажды’ с безличной конструкцией: *es war einmal, il était une fois* и тому подобное).

Однако выводы работы [Ткаченко 1979] подвергнуты подробной и убедительной критике в статье П. В. Петрухина [2007]. Оказывается, что собранный Ткаченко финно-угорский материал практически не содержит примеров устойчивой конструкции ‘жили’ + ‘были’, которая использовалась бы именно в интродуктивной функции (значительную часть материала составляют серединные формулы типа русского *долго ли, коротко ли*, причем нередко с несколько иной структурой; если интродуктивная семантика есть, то она сочетается и с другими функциями), что не согласуется с фактом общевеликорусского бытования формулы *жили-были* именно в таком виде и именно с такой семантикой. В качестве «единственно возможного» субстратного источника у Ткаченко постулируется мерянский язык, о котором не известно в сущности ничего, а распространение формулы по всей России объясняется явно курьезным образом через влияние «центральных областей Русского государства», фольклор которых якобы пользовался «особым авторитетом» (!).

С другой стороны, зачинная семантика присутствует у плюсквамперфектных конструкций исконно восточнославянского происхождения (факт, еще не выявленный ко времени написания работы Ткаченко и статьи [Евгеньева 1951], на которую тот во многом опирается[4]). Ин-

---

[4] Трудно удержаться от искушения процитировать в контексте данного раздела утверждение Евгеньевой, вполне объяснимое тогдашним состоянием вопроса: «представляется поэтому совершенно невероятной постановка

тродуктивная семантика несколько другого типа имелась у плюсквамперфекта в разговорном древнерусском, представленном в берестяных грамотах (см. следующий раздел). Кроме того, грамматические формы с согласуемым *был-*, типа *родилась была, пришли были*, употребляемые далеко не только и не столько с глаголом *жить,* широко представлены в северных русских диалектах (см. прежде всего [Пожарицкая 1991, 1996]) и вряд ли могут быть объяснены исключительно как калька с финно-угорских форм (хотя дополнительное формальное и семантическое влияние, контактное и/или субстратное, представляется вполне вероятным, см. [Петрухин, Сичинава 2006]). Оказывается, что среди значений этих диалектных форм как будто представлена, судя по описанию С. К. Пожарицкой, и семантика, близкая к интродуктивной: так, есть указание на «бóльшую дейктическую самостоятельность *было*, которое как бы вводит ситуацию прошедшего времени, о котором ведется рассказ» [Пожарицкая 1991: 790]). К сожалению, в обсуждаемых статьях не приводятся фрагменты текстов (только отдельные предложения), а диагностировать дискурсивные функции той или иной глагольной формы можно, только располагая полным текстом или, по крайней мере, достаточно широким контекстом примера. В цитируемых автором примерах «введение ситуации прошедшего времени» совмещено с семантикой ‘прекращенной ситуации’:

(3) У меня мама-то было была.
(4) Было у нас еропорт был вóде.

Интродуктивная функция восточнославянского плюсквамперфекта также отмечена в приводимых Е. Ф. Карским [1956: 376] примерах из белорусских говоров Витебщины и Могилевщины (раздел II.7.3.1), в частности, представлена в белорусском фольклоре, хотя и маргинально, и конструкция *жылi-былi* (см. там же), что, конечно же, дополнительный аргумент против версии о финно-угорском влиянии. Таким образом, версия о субстратном влиянии в некоторых регионах в принципе не исключена, но связь *жили-были* с плюсквамперфектом в целом может считаться вполне реальной[5]. Конкурентоспособным

plusquamperfekt’а в зачине, в начальной фразе... Это — отнюдь не специфика plusquamperfekt’а» [там же: 168—169].

[5] В статье [Менгель 2007: 24] (учитывающей в том числе и материал работ Пожарицкой) проводится в целом довольно искусственное разделение между согласуемыми формами с *был/была/были* (семантически якобы таксисными) и несогласуемых с *было* (семантически «давнопрошедшими»); так как *жили-были* в эту гипотезу не вписывается, Менгель ничего не остается,

объяснением этой конструкции в целом может быть ее возведение к сериализации (типа *жить-поживать* или *сидит курит*), возникшей уже собственно на славянской почве[6], и, вероятно, с описанными М. Н. Шевелевой конструкциями с избыточным *есть* (II.2.3). Возможно, эти явления, ввиду омонимии, поддерживали тенденции, заложенные уже в древнерусском плюсквамперфекте (это относится и к северным конструкциям с согласуемым глаголом, см. там же).

Функция маркирования «исходного положения вещей» может выражаться отдельно от «предыстории» (а это значит, что «исходное положение вещей» концептуализируется как интродуктивный фрагмент, а «предыстория» — нет). Так, например, в языке бамана (нигеро-конголезские, группа манде) показатель ретроспективного сдвига («оператор», по [Идиатов 2003]) *tun* выступает как показатель событий вне нарративной последовательности, в том числе маркирует предикации вида *жил-был X*. Между тем нарративную предысторию разворачивающихся в тексте событий, для которой в итальянском языке, как мы видели, используется плюсквамперфект, язык бамана трактует как часть главной нарративной цепи. В тексте, взятом из [Recueil 1980: 22 ff] и разбираемом в [Plungian, Auwera 2006], показатель *tun* не сопровождает нарративные фрагменты, входящие в предысторию (ниже, как и в этой статье, дается только перевод; соответствия форм, содержащих этот показатель, подчеркнуты соответствия нарративного времени, перфектива — выделены полужирным):

(5) (а) Жила-была сиротка.
(б) Ее мать **умерла и оставила** ее мачехе (другой жене отца).
(в) У мачехи тоже была дочь.
(г) Раньше, когда девочки собирались выйти замуж, они шли и приносили калебас.
(д) Каждая стремилась найти калебас, чтоб добавить его к своему приданому.
(е) Сиротка, когда **подошла** ей пора выходить замуж, должна была пойти с девушками своего возраста туда, где росли калебасовые деревья.
(ж) Итак, девушки **пришли** за ней.

как принять версию Ткаченко—Вайса о том, что это вообще не плюсквамперфект, а калька с финно-угорских языков.

[6] Благодарю В. Б. Крысько, указавшего на это при обсуждении моей работы в декабре 2013 г.

Как видим, исходное положение вещей (конструкции типа *жили-были*, 5а и 5в) трактуется как интродуктивный фрагмент и маркируется так же, как неактуальная «фоновая» информация (5г, 5е — конец), однако иначе, чем факты предыстории (*ее мать умерла и оставила ее,* 5б), выступающие в одном ряду с основной линией нарратива (5е — начало; 5ж).

На протяжении этого раздела мы намеренно оставляли без комментария одну особенность, наличествующую во всех разбираемых случаях:

— в связи с примером из бамана заметим, что показателя *tun* нет в звене 5д, составляющем часть фоновой информации; В. А. Плунгян и Й. ван дер Аувера поясняют, что «(д) представляет собой естественное продолжение (г) и строится в временном интервале (temporal frame) предыдущего предложения» [ibid.].

— в связи с примером из сантали заметим, что уже во второй предикации нет показателя *tahẽkan,* хотя «проходящая дорога» в той же мере (если не в большей, ввиду постоянства ситуации) принадлежит к исходной ситуации, что и «сидящие мальчики»;

— наконец, в связи с русским *жили-были* заметим, что, каким бы ни было его происхождение, соответствующая застывшая формула маркирует обычно только самую первую предикацию сказки (конечно, нужно иметь в виду то, что здесь речь идет уже о лексической единице и соответственно только о возможностях замены лексем *жить* и *быть*): *Жили-были дед да баба, и была / жила / ?жила-была у них Курочка Ряба*; ср. типовые примеры в своде Афанасьева: *Жил-был* (sic) *мужик да баба, у них было два сына* [Афанасьев 1985: III: 67]; *В некотором государстве жил-был купец, у него был сын Иван* [там же:73]; ср. также с перестановкой компонентов: *Был-жил старик со старухою. У них было три дочери; меньшая была такая красавица, что ни в сказке сказать, ни пером написать* [там же: II: 94].

Действительно, для показателей неактуального прошедшего гораздо характернее не маркировать интродуктивный фрагмент целиком (на всех без исключения предикациях), а отмечать только первые несколько предикаций (в частности, только одну, самую первую). Такая стратегия была представлена, помимо перечисленных примеров, еще в вымершем в XX в. убыхском языке (абхазо-адыгские; мы пользовались также данными анализа [Короткова 2009]). Здесь плюсквамперфект образуется сочетанием показателя перфективного прошедшего *-q(a)* и особого показателя «прошедшего времени» *-ê(y)t*, выступа-

ющего также в составе имперфекта. Этот суффикс -*ê(y)t*, который можно интерпретировать как показатель ретроспективного сдвига, Ж. Дюмезиль [Dumézil 1931: 50] этимологически возводит к претериту связки — то есть так же, как и русское *было,* и сантали *tahẽkan*. Среди функций, которые можно выделить у словоформ плюсквамперфекта в убыхских текстах, налицо и интродуктивная, причем именно рассматриваемого свойства. Приведем первое предложение сказки «Гордячка»:

(6) adiγe-γa šoč-γa yedänä a-nəŝwə-nə
Черкесия-LOC Шочуа-LOC очень DEF-красивый-ATTR
a-pčəqə-nə ṭiṭi-n wä-θ’-qə-nə zä-pxädiku
DEF-порядочный-ATTR человек-ATTR DIR-быть-PF-ATTR один-девушка
le-θ-q-êyt.
LOC-быть-PF-RETRO
‘В Черкесии, в Шочуа жила очень красивая, порядочная девушка благородного происхождения (= из [благородных] людей бывшая)’ [Dumézil 1931: 123]

Во втором предложении этого же текста (‘много юношей были на ее [руку] претендентами’) показатель -*ê(y)t* не повторен.

Показатель неактуального прошедшего (т. н. «отдаленного прошедшего») -*la* (о его семантике см. I.1.2.10) в калмыцком языке также маркирует первые несколько предикаций рассказа, после чего рассказ ведется в претерите или praesens historicum [Гото 2009: 141]. В парагвайском гуарани показатели-ретроспективизаторы *kuri* и *va’ekue* употребляются «в первой клаузе, для локализации всей истории в прошлом по отношению к времени сообщения; после этого следует цепочка темпорально немаркированных форм» [Герасимов 2010: 44—45]. В индоарийском языке панджаби [Хохлова 2011: 475] «плюсквамперфекту свойственна функция «зачина» текста, повествующего о прошлом».

Показатель плюсквамперфекта (или неактуального прошедшего) служит, таким образом, начальным сигналом некоторого дискурсивного фрагмента, тесно скрепленного логическими связями, одновременно маркируя его интродуктивный статус. Можно сказать, его сфера действия распространяется сразу на несколько клауз.

В непосредственной связи с таким употреблением стоят две частные дискурсивные функции плюсквамперфекта и/или неактуального прошедшего: маркирование самого первого звена собственно нарратива и маркирование первого звена нарративных эпизодов, вводящих новых персонажей или события (если угодно, «глав» или «разделов»

текста). В этом случае текст (или фрагмент текста) лишен специального «интродуктивного» раздела, зато его начало сигнализируется особым образом. Эти функции мы и рассмотрим далее. Отметим сразу, что вторую из них не следует относить к множеству значений, которое мы называем «сдвиг начальной точки»; это уже иная, хотя и связанная с ним, дискурсивная функция, которую мы разберем более кратко.

I.3.2.2 «Первый шаг», или «Цепная реакция»

Метафора «цепной реакции», вынесенная нами в заголовок этого раздела, предложена Е. И. Шендельс при анализе функций немецкого плюсквамперфекта. В данном разделе ее работы [Шендельс 1970: 106—107] обсуждается уже упоминавшаяся нами функция маркирования «экспозиции» (в нашей терминологии, интродуктивного фрагмента, который сам представляет собой нарратив, или «предысторию» событий). «При непосредственном соседстве двух форм предшествующий плюсквамперфект „заряжает“ своими семами претерит. Давая экспозицию, автор может избрать любой вариант: передать все события в плюсквамперфекте или только начать с плюсквамперфекта, предоставив остальное влиянию цепной реакции».

Подобная «цепная реакция» появляется, судя по приводимым Шендельс примерам, не только в начале текста, но и при использовании плюсквамперфекта в отступлениях от основной линии нарратива:

(7) Einst war ich auf dieser Bank eingeshlafen und träumte von Glück und Liebe (Г. Гейне, одно из срединных предложений книги «Идеи. Le Grand»).
‘Когда-то я заснул на этой скамье и грезил о счастье и любви’

Здесь первая предикация стоит в плюсквамперфекте, вторая — в обычном претерите (используемом как для передачи сменяющих друг друга событий в нарративной цепи, так и в фоновой функции).

В целом ряде генетически не связанных языков засвидетельствовано более общее дискурсивное употребление плюсквамперфекта или показателей неактуального прошедшего — для передачи *первого* события в нарративной цепи, для последующих используется нарративное время по умолчанию. Таким образом, самое первое событие в нарративной цепи одновременно трактуется и как интродуктивный фрагмент, сигнализирующий о начале развертывания событий; это в одно и то же время «уже» нарратив и «еще» не нарратив (для построения минимальной цепочки нужно два последовательных события).

В то же время выбор «неактуальной» формы относит рассказ в область более или менее замкнутого временного интервала. Неизвестно, всегда ли в таком случае показатель первой предикации «заряжает» весь текст «своими семами», говоря словами Шендельс, но такая стратегия явным образом совмещает сигнализацию начала текста и семантику «прошедшего, но не настоящего».

Такая функция (особо не выделяемая, насколько нам известно, существующими описаниями) имеется у плюсквамперфекта в турецком языке, причем так ведет себя и форма, образованная от перфекта на -*miş*- (в отличие от перфекта не имеющая эвиденциальных оттенков значения), и более редкая форма, где показатель претерита *ti*-/*di*- повторен дважды (см. также выше, I.2.1.2, там же примеры).

Уже упоминавшийся древнерусский плюсквамперфект с *был*- в берестяных грамотах имеет функцию маркирования первой предикации. «В ряде случаев фраза с плюсквамперфектом стоит в самом начале рассказа… Далее могут описываться какие-то другие события… но первая фраза уже относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого. В книжном тексте сказуемое такой фразы должно было бы стоять в аористе» [Зализняк 1995/2004: 175—177]. Наиболее яркий пример — длинный нарратив из грамоты № 724 (XII в.), начинающийся так:

(8) Ѿ Савы покланѧнее къ братьи и дружине. <u>Оставили</u> мѧ <u>были</u> людье, да остать дани исправити было имъ досени, а по первому пути послати и отъбыти проче. И заславъ Захарьѧ въ в[ѣ]ре уроклъ…

‘<u>Покинули</u> меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав человека, клятвенно заявил…’

Подробнее об этом и о других примерах из берестяных грамот см. II.2.2.

Плюсквамперфектная форма употребляется в обсуждаемой функции и в афроамериканском английском — причем в ряде случаев это не стандартный Past Perfect, а сочетание *had* с формой претерита, например, *had gave*, а не *had given,* что вообще нередко для аналитических форм в Black English и креолах (таким образом, это *had* выступает как показатель ретроспективного сдвига/неактуального прошедшего; ср. анализ нестандартных употреблений этого маркера в [Green 2002: 91—93]). Так, в [Rickford, Théberge-Rafal 1996: 229] отмечено: «одним из обычных контекстов для претерита с *had* является, например, маркирование *первой* клаузы, содержащей завязку (complicating

action) в нарративе — что исключает возможность ретроспективного отступления (flashback)». В цитируемых примерах интродуктивный фрагмент (в терминах У. Лабова, используемых в работе, “abstract” и “orientation”: предикации 11а—11б) излагается в «стандартном» претерите, а первое звено нарративной цепи, 11в, содержит показатель *had*:

(9) (а) This is a story that happened to me Monday, not long ago
(б) I was on my way to school
(в) and I <u>had slipped</u>
(г) and fell
(д) and I ran back in the house
(е) to change my clothes ⟨…⟩
«Вот какая история случилась со мной в понедельник, не так давно. Я шел в школу, <u>поскользнулся</u> и упал, и побежал домой переодеться…»

Исследователи отмечают, что такая форма в исследуемых ими нарративах не употребительна ни в значении предшествования некоторой (пусть даже воображаемой) точке отсчета (употребление плюсквамперфекта согласно Рейхенбаху и Комри), ни в значении отступления от последовательности нарративных событий (out-of-sequence; употребление плюсквамперфекта согласно Гивону), поэтому необходимо выделение особой дискурсивной функции [ibid.: 229—231]. Ср. также на ту же тему работу [Ross, Oetting, Stapleton 2004], где указано, что данная форма выступает также для структурирования основной нарративной линии (в то время как ее использование в собственно интродуктивном фрагменте, в описании «исходной ситуации» — orientation — отмечается редко).

Данная функция имеется у плюсквамперфекта в восточноармянском языке (не отмечена в специальной статье об армянском плюсквамперфекте [Козинцева 1998]; возможно, включена в класс «давнопрошедших» употреблений, [там же: 216—217]), ср., например, начало фольклорной притчи «Человек и арбуз»:

(10) Mi mard ənkuyzi caŕi tak jmeruk <u>ēr c’anel</u>. Ev ptuġi žamanak ekav tesav mecamec jmeruknerə ev caŕin najec’, tesav, or ənkuyzə manr ēr.
‘Один человек <u>посадил</u> под ореховым деревом арбуз. И в пору урожая пришел и увидел огромные арбузы, а посмотрев на дерево, увидел, что орех мелкий (был)’.

В багвалинском языке (нахско-дагестанские, аваро-андо-цезская группа) плюсквамперфект «вводит точечное событие, которое служит отправным пунктом для дальнейшего повествования», «употребляет-

ся в интродуктивных предложениях, которые задают основную событийную рамку повествования и характеризуют действующих лиц»:

(11) Saha dē s'ajlā jełijo juk'a.
'В прошлом году я ездила [поступать] учиться'
(первая фраза нарратива; [Майсак, Татевосов 2001: 366]).

В работе Т. А. Майсака и С. Г. Татевосова, где дискурсивные функции всех багвалинских глагольных форм разобраны подробно, отмечено, что багвалинский язык проводит различие между теми разновидностями интродуктивной функции, которые мы в этой работе называем «исходное положение вещей» и «первый шаг». Действительно, исходное положение вещей («предложения, задающие исходные координаты и событийную рамку повествования» [там же: 365], причем «время действия ситуации… включает время действия всего нарратива, или, по крайней мере, большого нарративного фрагмента» [там же: 366]) обозначается в этом языке не плюсквамперфектом, а имперфектом. Плюсквамперфект же «лишь определяет временную координату, от которой отсчитываются последующие события» [там же].

В языке сантали в такой функции может выступать даже «двойной» плюсквамперфект — форма, сочетающая и синтетический показатель плюсквамперфекта -*le*-, и показатель ретроспективного сдвига -*tahɛ̃kan*- (ситуация в языках мунда, где имеется и тот, и другой показатель, с типологической точки зрения, как кажется, уникальна):

(12) adɔ mit'dhao, kathae, ac' eskarge hạñhar hanhar oṛak'tɛ peṛahɔṛɔk'ɛ
sen-le-n-tahɛ̃kan-a; adɔ unrɛ uni hanhartɛt' buḍhidae
идти-PPF-INTR-RETRO-INDIC
daka-utuy-e-t'-a…
варить-готовить.карри-DUR-TR-INDIC
'Тогда однажды, говорят, он сам, один пошел к тестю и к теще, чтобы сделаться их родственником; итак, теща варит ему карри…'
[сказка "The stupid Son-in-Law"; цит. по Grierson 1966: IV: 58].

Употребление в начале сантальского нарратива, с наречиями *sedae jɔkhɛn, sedae jugrɛ* 'давно' или *mit'dhao* 'однажды' того или иного из этих показателей с дальнейшим переходом на немаркированные времена совершенно обычно (ср. [Neukom 2001: 95], [Сичинава 2001: 102]).

Плюсквамперфектная стратегия маркирования первого звена нарратива («первый шаг»), как мы видим, представлена в языках мира

весьма часто и при этом не может трактоваться лишь как частный случай употребления плюсквамперфекта для маркирования событий вне нарративной цепи (по принципу «одно звено — еще не цепь»). В [Plungian, Auwera 2006] отмечено, что типологическая независимость маркирования «отступлений» (out-of-sequence по Гивону), с одной стороны, и «сдвига начальной точки» (в понимании наших работ [Сичинава 2001, 2003] о сантали и латыни), с другой стороны, доказывается примером языка агем (см. I.3.1.), где есть особый показатель первого события нарратива, не имеющий иных функций. Из языков, материал которых привлекается в настоящей работе и которые используют плюсквамперфект/неактуальное прошедшее для «сдвига начальной точки», употребления этой же самой формы в функции «out-of-sequence» нехарактерны для древнерусского и разновидностей Black English, изучавшихся в работах Рикфорда и соавторов.

I.3.2.3. Структурирование дискурса, ввод новых персонажей: функция, родственная «сдвигу начальной точки»

Независимо Л. Нойкомом и нами было указано на специфические функции одного из типов плюсквамперфекта (включающего особый показатель неактуального прошедшего, так называемого «ретроспективного сдвига») в австроазиатском языке сантали — данная форма вводит новую ситуацию и новых персонажей не только в начале текста, но и в начале более мелких дискурсивных единиц [Сичинава 2001: 103, Neukom 2001: 96, Sitchinava 2007: 318—319]. «Нижеследующий пример идет после фрагмента, описывающего ссору мужчины с призраком из-за девушки. Рассказ продолжается:

(12) adɔ un jɔkhɛn-ge, kathae, toyo-dɔ oka-sɛn cɔ̀n
и то время-FOC говорят шакал-TOP где-ALL всюду
ạtiñ-e cala-k’-kan-tahɛ̃kan-a
кормить(ся)-3SG:SUB ходить-INTR-PROGR-RETRO-INDIC
‘В это время, говорят, где-то в поисках пищи бродил один шакал’ [Neukom 2001: 96]»

Параллель такому употреблению отыскивается в другом языке, совсем на сантали не похожем — латыни. У классических авторов распространено употребление плюсквамперфекта с дискурсивным значением, относящим все дальнейшее повествование в закрытый интервал прошедшего, ср. [Mellet 1994: 112, 1988: 294], где этот феномен называется «плюсквамперфектом начала», le plus-que-parfait d’ouverture.

Этот прием встречается и при введении в текст новых персонажей и сюжетов:

(3) Bello Punico secundo (…), Masinissa rex Numidarum (…) multa et praeclara rei militaris facinora fecerat (Саллюстий, B. Iug., 5, 4, [Mellet 1994: 112])[7]
‘Во время второй пунической войны (…) Масинисса, царь нумидийцев, (…) совершил немало славных воинских подвигов’ [и далее идет рассказ о подвигах Масиниссы с употреблением форм Perfectum].

«Разграничивающая» функция показателей «предшествования» (anteriors), используемых для структурирования дискурса в креольских языках, упоминается в [Givón 1982]. Новый «топик» вводится показателем *tun* в бамана ([Plungian, Auwera 2006]; [Плунгян 2004]). Подробный анализ такой же функции книжного древнерусского плюсквамперфекта в языке летописей предложен в статье [Петрухин 2008].

Статья [Bertinetto 2014] посвящена «аористическим» употреблениям плюсквамперфекта, при которых плюсквамперфект выступает в качестве последовательного звена нарратива. С точки зрения Бертинетто, эти употребления — результат «аористического дрейфа» плюсквамперфекта, аналогичного такому же (гораздо более обычному) развитию перфекта. Исследователь усматривает здесь семантический оттенок «резкого скачка вперед», изменения скорости развития нарратива (plot-acceleration). С нашей точки зрения, в этих употреблениях можно также видеть акцентирование внезапных событий, завязывающих некоторый новый микроэпизод (и смену персонажа-протагониста), ср. итальянский пример:

(14) — Capitano, — gridò, — all’erta! Un orso si è introdotto nel nostro rifugio! Il comandante, svegliato bruscamente da quelle grida, s’era sbarazzato prontamente della coperta e aveva afferrato il fucile che s’era messo al fianco. — Dov’è, Torp? — chiese. [E. Salgari (1862—1911), Avventure di prateria, di giungla e di mare]
‘— Капитан, — крикнул он, — тревога! К нам в укрытие залез медведь! Командир, тотчас проснувшись от этих криков, быстро скинул одеяло и схватил ружье, которое поставил рядом. — Где он, Торп? — спросил [командир]’

[7] Для этого примера (в контексте произведения Саллюстия) возможна также интерпретация ретроспективного «отступления» от основной линии событий (за это уточнение благодарим Ю. В. Баранова).

В этом примере первые два плюсквамперфекта (‘скинул’ и ‘схватил’) входят в нарративную цепь событий, в то время как третий (‘поставил’) употреблен в стандартном значении этой формы.

По другим поводам в статье Бертинетто затрагивается и употребление плюсквамперфекта для ввода и обрисовки новых персонажей — правда, в анализируемых им итальянских текстах эти формы маркируют не одну предикацию, а целые цепочки вплоть до 20 (!) плюсквамперфектов подряд, — и его роль в структурировании микроэпизодов современной итальянской прозы.

Между данной функцией и «сдвигом начальной точки» есть немало общего (связь с первым упоминанием новых персонажей и обстоятельств); связаны они, вероятно, и генетически. Тем не менее мы не относим эту функцию к «сдвигу начальной точки», поскольку здесь речь идет не об абсолютном начале текста, а о структурировании дискурса на более мелкие фрагменты, связанные с другими. В отличие от собственно «сдвига начальной точки», где на первом плане — противопоставление коммуникативной ситуации и текста, относимого в неактуальное прошедшее при помощи соответствующих глагольных форм, здесь акцентируется уже противопоставление между различными ситуациями в прошедшем. Эта функция граничит и с функцией «отступления» от нарративной цепи, в том числе и во временном плане (ср. неоднозначно трактуемый латинский пример).

I.3.3. Некоторые общеязыковые аналогии

Интродуктивный фрагмент текста, как мы видели, во многих языках специально маркируется (в частности, имеет особый тип маркирования — «приближающий» или «удаляющий» с прагматической и объективно-дейктической точки зрения). Кроме того, широко представлен такой эффект, как «цепная реакция» — специфическому маркированию подвергаются только первое предложение дискурсивного фрагмента (интродуктивного, как собственно при «сдвиге начальной точки», или иного, как при структурировании текста и введении новых эпизодов) либо первое предложение нарративной цепи, остальные используют маркирование по умолчанию. Встает вопрос, являются ли эти факты изолированными либо же представляют собой отражение некоторых более общих языковых тенденций.

Возможно предложить следующие аналогии, помогающие объяснить причину наблюдаемых явлений.

Во-первых, использование особого глагольного показателя для маркирования интродуктивного фрагмента (а также введения нового эпизода) представляет собой в известной степени параллель к хорошо известному в лингвистике различию «данное vs. новое» (в принципе независимому от коммуникативного членения «тема vs. рема», ср., напр. [Падучева 1985: 114—115]). В частности, такой специфический феномен, как «независимое начало» или «независимая рема» (см. там же), т. е. референт, до начала текста, как и весь текст, неизвестный слушающему, а после первого же предложения вроде *жил-был Вася* (рема) или *Майор был скуп* (тема, или «начало», по Падучевой) становящийся непоправимо «старым» и «данным» — прямо связан с необходимостью введения в пространство текста новых ситуаций[8]. Конечно, в нарративе каждое новое событие, сменяющее друг друга, является «новым», однако второе и последующие события происходят уже в пространстве заданных констант и внутри логики уже начавшейся и развивающейся нарративной последовательности.

Во-вторых, однократное выражение глагольного маркирования целого текста находит аналогии на других уровнях языка. В морфологии аналогом здесь выступает не только такое хорошо известное явление, как групповая флексия [Мельчук 1997: I: 198], относящаяся к нескольким сочиненным однородным членам предложения или ко всей именной группе (в таком случае «на поверхностно-морфологическом уровне», по Мельчуку, флексия «стирается»; такие правила могут быть и факультативными), но и вообще экономное однократное выражение некоторой морфологической категории, не требующее согласования и повторения граммем (либо появления обусловленных граммем) при каждой словоформе (ср. *black cat-s* vs. *черн-ые кошк-и*). Нефинитные глагольные формы, а также особые промежуточные образования, так называемые «инъюнктивы» или «семантически немаркированные» элементы парадигмы, демонстрируют феномен «наследования» грамматических категорий из полностью оформленных финитных словоформ, причем, как правило, из левого контекста [Шлуинский 2004]. В синтаксисе, как известно, широко представлены такие процессы, как со-

[8] Оговоримся, что здесь мы не касаемся вовсе такой коммуникативно-дискурсивной категории, как фокус, представленной во многих языках мира (северокавказские, палеоазиатские и др., между прочим, и разбираемый в статье сантали); в таком случае всякое событие маркировано как находящееся или не находящееся в фокусе внимания говорящего и/или слушающего. Эта категория имеет свою специфику и, в общем, не связана прямо с противопоставлением нарративных фрагментов ненарративным.

чинительное сокращение и эллипсис; для наречных компонентов и кванторов естественно иметь широкую сферу действия (scope), а не вноситься «под скобки» и повторяться при каждом слове, для которого они релевантны. Так что в том, что глагольный показатель имеет сферу действия, превышающую пространство одного предложения, с точки зрения языка нет ничего необычного: это по сути тривиальная экономия языковых средств, давно, со времен Поливанова и Мартине, известная общеязыковая тенденция. Точно так же неудивительна и крайняя, начальная позиция этого показателя, что прозрачным образом связано с естественным порядком развертывания текста (переосмысление «задним числом» нарративного фрагмента, объем которого в принципе открыт, в обычном случае невыгодно для слушающего).

В-третьих, заметим, что в целом ряде случаев для инактуализирующего сдвига «начальной точки» употребляется специфический аддитивный показатель ретроспективного сдвига, добавляющийся к готовой словоформе; часто он имеет также известную просодическую автономию. Можно рассматривать, вообще говоря, *были* в северно-русском плюсквамперфекте (не говоря уже о русском *жили-были*, ныне представляющем чисто лексическую формулу), бамана *tun* или *tahẽkan* в сантали не только как морфему, но и как особое (полу)самостоятельное слово, выступающее «сигналом» того или иного дискурсивного фрагмента — то, что, например, в [Schiffrin 1987] называется discourse marker, а в [Путеводитель 1993] или [Киселева, Пайяр (ред.) 1998] «дискурсивным словом». «Сигнальная» функция такого показателя, таким образом, встает в один ряд не только с явлениями вроде групповой флексии, но и со структурирующими текст лексическими единицами вроде *итак* и *в самом деле* (или, если говорить специально о «сдвиге начальной точки», то со стандартными сказочными зачинами, упоминавшимися в 1.3.2.1.2); а для них уже как раз совершенно нормально и естественно маркировать соответствующий фрагмент дискурса один и ровно один раз (и притом именно в самом его начале). Ср. хотя бы структурирующие дискурс слова *во-первых, во-вторых* и *в-третьих* в данном разделе: каждое из них открывает достаточно большой абзац, который весь является сферой его действия.

Обсуждаемый «пучок» функций глагольных форм, обозначенный как «сдвиг начальной точки», вполне вписывается как в общеязыковые принципы поверхностного выражения семантики, так и в принципы организации дискурса. Этот набор функций независим (как по сути, так и по способам выражения) от других, в том числе дискурсивных, функций плюсквамперфекта, неактуального прошедшего и перфекта.

I.4. АРЕАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ: СВЕРХСЛОЖНАЯ ФОРМА ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В ЕВРАЗИИ [1]

Формы различных языков мира с двумя причастиями полнозначного и вспомогательного глаголов, структурно аналогичные древнерусской *ходилъ есмь былъ* (или, без главного вспомогательного глагола, *ходилъ былъ*), мы будем наывать *сверхсложными* — как устоявшийся перевод французского термина *passé surcomposé*[2]. До 1970—1980-х годов работы о таких формах были посвящены западноевропейским языкам и не включали в себя каких-либо территориальных, генетических или типологических обобщений. Речь шла прежде всего о французских сверхсложных формах вида *il a eu oublié* 'он забыл' [Foulet 1925], — которые, в одном из своих значений, закреплены в нормативной грамматике, хотя имеют широкий спектр нелитературных употреблений во французских/франко-провансальских говорах, — а также о долго не замечавшихся немецкой грамматической традицией аналогичных формах Perfekt II вида *er hat vergessen gehabt.* В 1990-е годы появились обобщающие работы по романским языкам [Holtus 1995], а также первые работы, где привлечены ареальные и типологические параллели, в том числе за пределами Европы. Здесь надо прежде всего назвать работу [Litvinov, Radčenko 1998], посвященную немецкому

[1] В основе этого раздела лежит значительно расширенная статья [Сичинава 2007].

[2] В русскоязычной литературе, например, в [Челышева, Нарумов, Романова (ред.) 2001] или [Корди 2009: 234], термин *surcomposé* передается именно как *сверхсложный*; во всяком случае, очевидно, что русская лингвистическая терминология не знает такого разнобоя, который имеется в европейской (в [Holtus 1995] перечисляется 8 французских терминов, 7 немецких, 6 итальянских — и даже этот список, как мы впоследствии убедились, не полон). Мы следуем этому употреблению, калькирующему наиболее распространенный термин, — фр. *formes surcomposées* (он известен с 1749 г., согласно словарю Petit Robert). Кроме того, мы употребляем термин «ретроспективизированный (перфект / прошедшее время / плюсквамперфект)», который, разумеется, гораздо шире: он относится и к языкам с совсем другой техникой образования ретроспективизирующего показателя (от акан до корейского).

языку, но с привлечением некоторого количества внешних параллелей. Над западноевропейскими сверхсложными формами работали Андреас Амман [Ammann 2005, 2007] и (наряду с собственно перфектом, в основном на романском материале) Герхард Шаден [Schaden 2009]. Отдельная глава о европейских сверхсложных формах преимущественно на французском материале включена в «Оксфордское руководство по времени и виду» [Saussure, Sthioul 2012]. Появилось и первое фундаментальное исследование диахронии сверхсложных форм [Buchwald-Wargenau 2012], выполненное на немецком материале.

Рассмотрение в этом контексте форм незападноевропейских языков встречается реже. Аналогичные французским сверхсложные эвиденциальные формы в персидском языке назвал *passé surcomposé* крупнейший французский иранист Жильбер Лазар [Lazard 1996]. Что касается славянско-западноевропейских параллелей, то следует указать на работу Анке Левин-Штайнман [Levin-Steinmann 2004], посвященную болгарскому пересказывательному наклонению; в ней проводится эксплицитное сравнение некоторых форм этого ряда с немецкими сверхсложными. Русские (и вообще славянские) формы вида *ходилъ былъ*, помимо такого специфического для этой группы случая, как болгарский пересказывательный ряд форм, до нашей с П. В. Петрухиным работы [Петрухин, Сичинава 2006] как будто никто не сопоставлял ни со сверхсложными формами Европы, ни с аналогичными формами Азии (преимущественно эвиденциальными). Между тем они, находясь на стыке между этими двумя крупными ареалами, представляют значительный интерес для изучения характерных особенностей обоих, а также для истории возникновения, распространения и изменения системной функции соответствующих форм.

I.4.1. Европейский ареал сверхсложных форм

I.4.1.1. Границы ареала

Сверхсложные формы отмечены в Европе (речь о Балканах и Поволжье пока не идет) в языках нескольких разных групп и имеют достаточно разнообразную семантику (что отмечается всеми исследователями) и социолингвистический статус (в одних языках это — одна из форм литературного языка, в других — конструкция чисто просторечная или диалектная и избегаемая в литературной речи, в третьих — литературный архаизм). В отвлечении от семантики, сверх-

сложная структура в чистом виде (или ей наследующая) представлена или была представлена в следующих языках и диалектах:

Романские: французский (в том числе галло-романские диалекты разных регионов, включая франко-провансальские; отмечено в средневековых текстах), окситанский, каталанский, итальянский (северные диалекты), венетский (= венецианский диалект итальянского), романшский (швейцарский ретороманский), фриульский, румынский (диалекты);

германские: нидерландский (диалекты, в том числе фламандские, и средневековые тексты), африкаанс, датский (некоторые диалекты), немецкий (разговорная форма различных регионов; диалекты, преимущественно южные, в том числе имеющий самостоятельный статус швейцарско-немецкий диалект), идиш;

кельтские: бретонский

албанский (гегские говоры);

баскский (изолят).

Наконец, сверхсложными по происхождению формами располагает большое количество славянских языков: словенский, сербохорватский, словацкий, болгарский, украинский, белорусский, русский (форма с *было* и согласуемые формы в диалектах); в польском и чешском раньше эти формы были широко продуктивны, но в современном языке употребляются реже (ср. [Молошная 1996], [Johanson 2000], соответствующие статьи в [Славянские языки 2005] и ниже, I.4.2). К этому списку надо также прибавить маргинальную эвиденциальную форму в македонском [Graves 2000: 493] и устаревшую верхнелужицкую ([Litvinov, Radčenko 1998: 69]; в [Šewc 1968: 179] указано, что эти формы встречались в старых верхнелужицких текстах до XVIII в.) В этом смысле верхнелужицкий язык представляет редкий пример идиома, в котором сверхсложный плюсквамперфект вымер, а регулярный остался.

В отличие от аналогичных форм неславянских языков Европы, статус которых описывается по-разному у разных авторов, эти формы в славянских грамматиках (если они, конечно, вообще в них учитываются, а не считаются устаревшими или нелитературными) всегда квалифицируются как плюсквамперфект, «предпрошедшее» или «давнопрошедшее время». Единственным исключением является русская конструкция вида *пошел было*, плюсквамперфектом или «давнопрошедшим» синхронно не именуемая (но ее связь с древнерусским плюсквамперфектом историками языка констатируется). Показательно, что в работе [Saussure, Sthioul 2012] большинство славянских форм

(кроме македонской и лужицких) не отнесены к сверхсложным, но сказано, что славянские языки их «утратили».

Из предложенного перечня видно, что языки с такого рода формами образуют ареал без явных разрывов, пересекающий Европу с запада на восток (или, если угодно, с востока на запад: к этому вопросу мы еще вернемся). В [Haase 1994: 282] утверждается, что сверхсложные формы развились в баскском под романским влиянием. Отметим, что баскский язык находится на самом краю ареала; в иберо-романских языках как будто бы нет ничего подобного, хотя в соседнем с баскским гасконском (который может рассматриваться как вариант окситанского или особый язык) сверхсложная форма представлена ([Wójtowicz 2008: 57]; за указание благодарим Н. М. Заику). С другой стороны, лакуной на карте сверхсложных форм предстает другой неиндоевропейский — венгерский язык, где единственный плюсквамперфект образуется аналогично плюсквамперфекту в волжских и пермских языках; там к спрягаемой форме прошедшего времени добавляется неизменяемая связка в прошедшем времени *volt* 'было' (о волжском и пермском плюсквамперфекте сопоставительно с русским диалектным см. II.2.3). Таким образом, ареальный фактор здесь в известной степени связан с генетическим; баскский язык в принципе мог «задержать» распространение данного явления по романской зоне, получив его от северных романских соседей, но не передав южным, в то время как венгерский развил тенденции, вполне сходные с финно-угорскими языками другой ветви.

Разумеется, исключительно генетически наблюдаемое явление нельзя объяснить: в романских и германских языках к северу и югу от очерченного таким образом ареала сверхсложных форм нет[3]. Как уже

---

[3] Английские маргинальные (и обычно отвергаемые носителями) примеры типа *I have had done* тем не менее сравнительно частотны, как показывает поиск в Интернете, причем преимущественно в экспериенциальных контекстах (*Oddly enough, one of my divorced friends <u>has had seen</u> a similar pattern with her ex* 'Странно, но у одной моей разведенной подружки <u>было</u> похожее с ее бывшим'). Лингвистические работы, специально им посвященные, нам пока не известны (интересны были бы и социолингвистические, в том числе контактные, параметры их бытования — есть, например, не вполне «грамотные» и в других отношениях примеры из «сингапурского английского», которые вряд ли могут быть показательны). Неясно, какой процент этих примеров представляет собой опечатки (недосмотр при редактировании). Первая известная нам работа (после нашей [Сичинава 2007]), где обсуждаются эти формы — [Saussure, Sthioul 2012]; с точки зрения авторов, они, «вероятно,

отмечалось в литературе вопроса, это явление в Европе достаточно четко коррелирует с утратой аналитическим перфектом своего первоначального значения достигнутого состояния или важного для говорящего события, после чего эта форма начинает означать просто прошедшее время (иногда с видовым значением перфективности). Переход от перфекта к претериту — одна из первых надежно установленных типологических тенденций эволюции видо-временных форм ([Meillet 1909]; [Маслов 1983: 47, 50]; [Маслов 1984/2004: 54—55, 297]; [Bybee et al. 1994: 81—87], [Squartini, Bertinetto 2000]); затем старая форма претерита (наподобие французского passé simple, немецкого Präterit или славянского аориста; такая тенденция верна и для албанских гегских говоров [Johanson 2000: 134]) уходит из языка. Ареал утраты старого претерита (и, тем самым семантической утраты старого перфекта, при его материальном сохранении и господстве) в Европе как раз и повторяет выше очерченные границы. Из работ последнего времени надо отметить [Abraham 1999, 2004, Thieroff 2000] — в этих статьях указанный ареал противопоставлен так называемому «приморскому» или «прибрежному» (maritime), где перфект сохраняется. В работе [Сичинава 2008a] мы показываем, что этот «средне-европейский» или «континентальный» ареал носит принципиально важный характер для европейских глагольных систем, коррелируя еще и с другим параметром — феноменом неунифицированного «выбора вспомогательного глагола» при различных семантических классах предикатов (типа *ich habe gesehen* / *ich bin gekommen*); ср. также статью [Smith 2007], где независимо от нашей работы обсуждается эта корреляция на материале английского и немецкого языков.

Часто считается, что сверхсложные формы вообще возникают вследствие утраты старого прошедшего времени (теория «заполнения лакун», о которой см. [Sechehaye 1908], [Hopper, Traugott 1993], [Dahl 2004]),

---

требуют интерпретации, связанной с примечательным или трудным прошлым опытом». Ср. также работу [Fennell 2002] о схожей форме «ретроспективизированного плюсквамперфекта» с иным порядком вспомогательных глаголов (*If we had've known that, we would've told you*, I.4.1.5). Учитывая связь этого явления в Европе с утратой перфектом своего первоначального значения (I.4.2.3), возможно, мы имеем место с одним из свидетельств разрушения английского перфектного значения в живой речи при его сохранении в литературном языке (активным сторонником точки зрения, согласно которой такой процесс имеет место, является Джим Миллер, ср. [Миллер 1998], [Miller 2004]). Появление, особенно субнормативное. таких форм может предшествовать утрате оппозиции «перфект—претерит» на несколько веков (I.4.2.3).

что в аналитической форме бывшего перфекта начинает выступать вспомогательный глагол, что и приводит к рождению сверхсложных форм. Уже первые исследователи сверхсложных форм предполагали, что их появление связано с соображениями перестройки глагольной системы. Классическая работа Люсьена Фуле, посвященная сверхсложным формам и их развитию, заканчивается восклицанием: «претерит умер, да здравствует претерит! Но больше нет перфекта — и уже несколько веков» [Foulet 1925: 252]

Значит, сверхсложная форма — это «новый претерит»? Или, может быть, «новый перфект», как предполагал Эмиль Бенвенист («по функции *j'ai eu fait* представляет собой новый перфект к *j'ai fait*, ставшему аористом… Система таким образом восстанавливается, и обе пары оппозиций снова становятся симметричными» [Бенвенист 1959: 284])?

Тем не менее, диахронические исследования сверхсложной формы в конкретных языках независимо показывают, что подобные прямолинейные хронологические заключения некорректны [Stefanini 1970, Buchwald-Wargenau 2012, Петрухин 2013]. Чтобы рассмотреть подробно этот вопрос (см. ниже), стоит подробне остановиться на семантике сверхсложных форм и повторно рассмотреть их структуру с точки зрения специфической морфологической техники ретроспективного сдвига (см. выше, I.1.1).

I.4.1.2. Сверхсложные формы как ретроспективизированные

Напомним, что «ретроспективный сдвиг» — дополнительный показатель, модифицирующий семантику готовой словоформы другого времени. Существенно, что обсуждаемые в настоящей работе сверхсложные формы допускают интерпретацию именно как содержащие показатель ретроспективного сдвига, а именно второго причастия вспомогательного глагола, присоединяющегося к форме перфекта (*ходилъ* — *ходилъ* ***былъ***), этот показатель может выступать и как инфикс (*j'ai lu* — *j'ai* ***eu*** *lu*).

французский язык:

(1) претерит *j'ai lu* — плюсквамперфект *j'ai <u>eu</u> lu* 'Я прочел', так называемое «сверхсложное прошедшее» (passé surcomposé);

южные «диалекты» немецкого языка, включая швейцарсконемецкий «диалект»:

(2) претерит *er isch cho* — плюсквамперфект *er isch cho <u>gsii</u>* 'Он пришел', так называемый Perfekt II (соотв. лит. нем. *er ist gekommen* — *er ist gekommen gewesen*) [Squartini 1999: 60—61]

идиш:

(3) претерит *ix hob geholfn* — плюсквамперфект *ix hob <u>gehat</u> geholfn* ‘Я помог’ [Чернин, Хакина 2000: 159]

баскский:

(4) претерит *irakurtu dut* — плюсквамперфект *irakurtu <u>izan</u> dut* ‘Я написал’ [Lafitte 1979: 386]

древнерусский:

(5) претерит *ходилъ* (3 л.), *есмь ходилъ* (1 л.) — плюсквамперфект *<u>былъ</u> ходилъ* (3 л.), *есмь <u>былъ</u> ходилъ* (1 л.) [Петрухин, Сичинава 2006];

польский:

(6) претерит *czytałem* — плюсквамперфект *czytałem <u>był</u>* ‘я читал’ [Молошная 1996: 566]

словацкий:

(7) претерит *doniesli* — плюсквамперфект *<u>boli</u> doniesli* ‘принесли’ [там же]

украинский:

(8) претерит *почав* — плюсквамперфект *почав <u>був</u>* ‘начал было’ [Chinkarouk 1998], наряду с несогласуемой, аналогичной русской, частицей *почав <u>було</u>* (см. II.7.1)

Стоит остановиться на морфологических особенностях способа образования этих форм в романских (южнофранцузские диалекты, романшский) и в германских (идиш) языках.

В то время как большинство глаголов во французском языке образует аналитические формы при помощи вспомогательного глагола *avoir* ‘иметь’, а меньшинство, как правило, непереходные глаголы-события — при помощи глагола *être* ‘быть’, при образовании форм passé surcomposé от этих последних, вместо ожидаемой (и действительно наличествующей в литературном языке) последовательности:

(9) *j’<u>ai été</u> <u>tombé</u>* ‘Я <u>упал</u>’ (при формах passé composé от глагола tomber — *je suis tombé*, от глагола *être* — *j’ai été*),

южнофранцузские говоры дают единообразный показатель-«инфикс» ретроспективного сдвига *eu* (причастие от глагола *avoir*), который вставляется между вспомогательным глаголом и причастием:

(10) Si vu save, vu, al e u tombe ‘Вы знаете, он падал’ (т. е. il est eu tombé; запись М. Менье, цит. по [Foulet 1925: 236])
(11) Ça m’est eu arrivé ‘Со мной такое случалось’ (ibid.)

Даже в литературном французском языке подобная стратегия применяется при образовании (достаточно редких) форм passé surcomposé от рефлексивных глаголов (требующих спряжения с глаголом *être*). Согласно [Delattre 1950] (цит. по [Hill 1984: 94]), следующее предложение из студенческого сочинения:

(12) *Quand on s’a été assis, l’évêque a fait la prière.
‘Когда все сели, епископ прочел молитву’.

несмотря на логически безупречный способ образования, неприемлемо; требуется вставка показателя *eu* — *Quand on s’est eu assis*. П. Делаттр объясняет это аналогией с более частотной аналитической моделью *il a eu fait*; в таком случае неясно, почему эта аналогия не затрагивает аналитических форм с одним вспомогательным глаголом. Согласно [Cornu 1953: 165], подобный эффект объясняется требованием нормативной грамматики, согласно которому вспомогательный глагол *être* располагается непосредственно после местоименного дополнения; но это правило не действует для случаев вроде *il est eu tombé*, не говоря уже о том, что апелляция к «нормативной грамматике» имеет мало отношения к южным патуа. А. Абейе и Д. Годар [Abeillé, Godard 2002: 447] считают, что форма *eu* — в отличие от «стандартных» случаев типа *il a eu fait* — воплощает здесь синтаксически возвратный глагол (содержащий в аргументной структуре «анафорический аффикс»), который (как и все возвратные глаголы во французском) требует вспомогательного *être*; пример Делаттра недопустим, так как сочетание *s’a* не существует «на морфологическом уровне»; впрочем, как они сами же и отмечают, правильная модель содержит последовательность *est eu,* которая в иных случаях во французских аналитических формах тоже нигде не представлена. О выборе вспомогательного глагола в сверхсложных формах см. также [Paesani 2003].

С нашей точки зрения, это изменение устанавливает единообразный аддитивный показатель ретроспективного сдвига, который прибавляется к форме аналитического прошедшего и некоторым образом модифицирует его семантику. Дополнительным аргументом в пользу такого вывода служит исследование Р. Жоливе [Jolivet 1984], который на материале употребления этих форм в романской Швейцарии пока-

зал, что с точки зрения просодии, а также допустимости вставки наречия эта форма членится не как *a* / *eu* // *parlé*, но как *a* // *eu* / *parlé*; происходит «автономизация монемы *eu*, которая служит показателем семантического оттенка, свойственного региональному употреблению» (о различии «литературного» vs. «регионального» употребления данной формы см. ниже) [Jolivet 1984: 171—172].

Как отмечается в «Практическом руководстве по романшскому языку…» (известен также как швейцарский ретороманский), выбор вспомогательного глагола при образовании сверхсложных форм не случаен: «дополнительным вспомогательным глаголом должен быть глагол *esser* или *haver*, причастие которых имеет единственную функцию — маркировать сдвиг (décalage) во времени (выделено нами. — *Д. С.*), а не вспомогательный глагол, подобный *vegnir* 'приходить', обладающий совсем иной функцией» [Liver 1982: 288, цит. по Holtus 1995: 101].

С морфологической точки зрения в точности такая же ситуация, как и в южнофранцузских диалектах, наблюдается и в германском языке идиш. В то время как большинство глаголов в идиш образуют аналитическую форму прошедшего со вспомогательным глаголом *hobn* 'иметь', а некоторые непереходные глаголы — с глаголом *zayn* 'быть', плюсквамперфект от всех глаголов образуется неизменно при помощи *gehat*, причастия глагола *hobn*: «Можно было бы ожидать форму *geven*, причастие прошедшего времени от *zayn*, в плюсквамперфекте глаголов, которые спрягаются с *zayn*, например *geyn* 'ходить', однако… это неграмматично, и *gehat* присутствует в плюсквамперфекте всех глаголов:

(13) ix <u>hob gehat gezogt</u>
'Я <u>сказал</u>'
(14) ix <u>bin gehat gegangen</u>
'Я <u>ушел</u>'
*ix bin geven gegangen». [Gold 1998: 228]

Подобная унификация в идиш, как и в южнофранцузских диалектах, представляет собой новое явление; формы с *geven* еще отмечаются как архаичный нестандартный вариант [ibid.: 236]. Согласно [Jacobs 2005: 218], неунифицированные формы (с *geven*) характерны для литовского диалекта и нескольких других изолированных ареалов, а «смешанные» — для литературного идиш и польского диалекта. Заметим, что в швейцарско-немецком диалекте такой унификации не произошло, и в качестве показателей плюсквамперфекта выступают

причастия обоих вспомогательных глаголов: *ghaa* и *gsii* [Squartini 1999:60—61].

В статье Э. Голд предлагается, на основании синтаксических тестов, анализировать *gehat* как «наречный адъюнкт к глагольной группе причастия прошедшего времени»; исследовательница предполагает, что «это слово функционирует как наречие, сдвигая точку отсчета в прошедшее»; «прошедшее и плюсквамперфект в сущности имеют одну и ту же структуру, за исключением того, что плюсквамперфект содержит наречный элемент, *gehat*, сдвигающий точку отсчета дискурса в прошедшее» [Gold 1998: 232].

В немецком языке дополнительное причастие вспомогательного глагола (*gehat*, *gewesen*) также автономно просодически и может выступать как особая синтагма, добавляющая антирезультативный компонент значения:

(15) Mein nächster Gast hat auch schon einmal ihre Liebe gefunden … gehabt, und hat sie dann aber wieder verloren. ([Hennig 2000: 95], из ток-шоу, представление участника)
'Моя следующая гостья тоже однажды нашла … было свою любовь, и снова ее потеряла'.

Хенниг дает такое пояснение этому примеру: «Ведущая после слова *gefunden* сделала паузу и добавила *gehabt*, подчеркнув голосом».

Аналогичное обособление восходящей к показателю плюсквамперфекта частицы *было* возможно и в современном литературном русском языке; в ряде севернорусских говоров отмечена сильная просодическая автономизация как согласуемого *был (-а, -о, -и)*, так и (чаще) несогласуемого *было* [Пожарицкая 1991, 1996]; см. также II.2.3.

Итак, во всех перечисленных формах причастие вспомогательного глагола (*eu, ghaa* / *gsii, gehat, былъ, był, boli*) представляет собой, по определению, показатель ретроспективного сдвига, переводящий претеритное значение в «предпрошедшее» или в другие значения «зоны сверхпрошлого».

Показатель ретроспективного сдвига, восходящий к причастию глагола 'иметь' и/или 'быть', имеет достаточно широкую сферу действия; исследования [Cornu 1953] и [Holtus 1995] показывают, что в романских языках он сочетается с большинством времен индикатива[4]

---

[4] Замечено ([Cornu 1953: 124, Bleton 1982: 35, Holtus 1995: 89]), что плюсквамперфект, образованный при помощи аориста вспомогательного глагола, не ретроспективизируется (т. е. форма **il eut eu fait* нигде не засвидетельство-

и конъюнктива, прибавляя как значение ‘исчерпанности ситуации’, так и значение смягчения категоричности требования (последнее уже с XV века — см. [Foulet 1925: 208—209]).

I.4.1.3. Семантика

Здесь мы, наконец, подходим к семантике обсуждаемых форм. В языках Западной Европы она достаточно разнообразна, причем нигде не дублирует полностью семантику существующих (или существовавших) в системе претерита, плюсквамперфекта или перфекта (хотя часто круг значений и пересекается — порой со всеми тремя формами).

Специфической является ситуация во французском литературном: сверхсложная форма замещает устаревшую форму passé antérieur, где вспомогательный глагол стоял в простом прошедшем времени, наследуя своеобразный, хотя и представленный в других романских языках круг значений этой последней (‘непосредственно перед’, ‘быстро’ и т. п.; см. I.2.2.1 и [Bertinetto 1987]). Во французском языке начиная с XV столетия сверхсложная форма начинает использоваться в функции предпрошедшего (причем предшествование другому событию в прошлом здесь, как правило, непосредственное):

(16) Quand on a eu fini nos études nous sommes revenus à St. Etienne. [Carruthers 1993, цит.по Squartini 1998: 204]
‘Когда (как только) мы закончили учиться, мы вернулись в Сент-Этьен’.

и просто как перфективное прошедшее, с семантическим компонентом ‘быстро’:

(17) Il a eu vite terminé son travail. [Vet 1980, цит. по Squartini 1998: 204]
‘Он быстро закончил работу’.

вана). Однако исходная форма *il eut fait* утрачена в разговорной речи вслед за синтетическим аористом; что же касается литературного языка, то это явление можно объяснить семантикой формы *il eut fait*, для которой (см. I.2.3.1) характерно значение ‘непосредственное предпрошедшее’; увеличение разрыва между двумя ситуациями в прошедшем вступило бы в противоречие с компонентом ‘непосредственность’. В системах, где аорист и resp. аористный плюсквамперфект сохранены, такие формы отмечены (например, в окситанском); к сожалению, семантика их по существующим описаниям не совсем ясна (ср. [Stefanini 1970: 292]: «добавляет оттенок полного завершения»; это значит, что окситанскому плюсквамперфекту, образованному от аориста, не свойственно — в отличие от французского, итальянского и испанского — «предельное» значение).

В обоих этих базовых употреблениях сверхсложное прошедшее синонимично французскому плюсквамперфекту, образованному при помощи аориста — passé antérieur, и противопоставляется ему только как регистровый вариант (относясь к temps de discours, к временам, связанным с дейктическим центром, согласно известной дихотомии Бенвениста). В литературных произведениях эта форма встречается только в прямой речи [Корди 2009: 234]. Возможно, оно добавляет по сравнению с книжным аналогом только некоторый оттенок результативности [Hill 1984: 107]. Аналогичная замена отмечена и в северных диалектах итальянского языка, утерявших синтетический аорист:

генуэзский диалект
(18) Quand'ò avùo finito de çenà son sciortïo. [Челышева 2001: 110]
'Когда я закончил ужинать, я вышел [из дому]'

Подобная эволюция связана с вытеснением синтетического аориста аналитическим, которое распространилось и на вспомогательный глагол; перед нами, таким образом, картина синонимии глагольных форм с дополнительным регистрово-стилистическим распределением. Для французского языка это значение сверхсложной формы признается нормативными грамматиками и засвидетельствовано в литературном языке (Декарт, Вольтер, Лафонтен, Бальзак, Сименон) [подробнее см. Foulet 1925, Корди 2009], хотя употребляется все реже и для разговорной речи уже не очень характерно. В системе литературного языка (и вообще недиалектной разговорной речи) эта форма противопоставлена также «регулярному» плюсквамперфекту, образованному при помощи имперфекта вспомогательного глагола и, разумеется, полностью наследует оппозицию между этим последним и своим предшественником — формой passé antérieur.

Если оставить указанные факты в стороне, то обращают на себя внимание значения сверхсложных форм, связанные с неактуальными интервалами в прошлом, «прошедшим И НЕ настоящим», и производные от них. Оказывается, что для европейских сверхсложных форм эта семантика характерна в целом более, чем для «регулярных» плюсквамперфектов с прошедшим временем вспомогательного глагола (которые в Западной Европе почти всегда тоже существуют в тех же языках). Прежде всего, для западноевропейской сверхсложной формы обычно не характерно таксисное значение, которое со времен [Reichenbach 1947] (точка зрения принята в [Comrie 1985]) считается «основным» значением плюсквамперфекта. Нечасто встречается и такое специфическое именно для плюсквамперфекта значение, как пе-

ренос семантики перфекта в план прошедшего (Perfect-in-the-Past, подробно обсуждаемый в [Salkie 1989] и [Squartini 1999], вроде ‘когда я пришел с работы, брат уже написал три письма’, I.1.2.1—I.1.2.2). С древнейших фиксаций (для старофранцузского это XII век[5]) мы видим прежде всего именно значения отмененного результата и прекращенной ситуации. Эти же значения сохранялись и в современных говорах юга Франции (Марсель, Сент-Этьен)[6], а также в других романских идиомах до самого XX столетия (при том, что французской литературной нормой они, начиная с ее становления — XVI—XVII вв., подробнее см. [Foulet 1925, Cornu 1953] — не допускаются). Для носителей литературного французского они являются характерной диалектной приметой южной речи, фигурируют в анекдотах и кинофильмах (С. Хьюитт, личное сообщение).

старофранцузский:

(19) I’ai ehut trouueit tribulacion et meschief et dolour et i’ai lou nom de nostre signour [Лотарингская псалтирь, XIV век, Пс. 114,3, цит. по Stefanini 1970: 291]
‘Я встретил тесноту и скорбь, тогда призвал я имя Господне’.
(«теснота и скорбь» отступили в прошлое, Господне присутствие и помощь вместе с псалмопевцем; в тексте Вульгаты в обоих случаях формы Perfectum — tribulationem et dolorem inveni, et nomen Domini invocavi);

(20) Se Lietart t’a eü pené, Il le t’a bien guerredoné [«Роман о Лисе», часть («ветвь») X, начало XII века, Stefanini 1970: 291]
‘Если Лиетарт и причинил тебе зло, он возместил тебе страдания’.

французский (южные диалекты):

(21) Il a eu coupé, ce couteau [Foulet 1925: 232]
‘Он же резал, нож-то’ [а теперь не режет][7]

---

[5] Этот факт свидетельствует о том, что появление сверхсложных форм в принципе может значительно опережать утрату простого прошедшего; в старофранцузском XII века простое прошедшее (passé simple) было полностью живым. См. ниже, I.4.2.3.

[6] Для этих областей они описаны лучше всего; отмечены они также в романской Швейцарии (об этом см. [Jolivet 1984], [Saussure, Sthioul 2012]), а также на северо-востоке — в Валлонии, Пикардии, Шампани, Лотарингии [Cornu 1953]. Формы со значением, аналогичным южнофранцузскому, распространены также во французском языке Бретани (вероятно, под бретонским влиянием; С. Хьюитт, личное сообщение).

[7] Один из самых знаменитых примеров «регионального» употребления сверхсложной формы, обсуждающийся во многих работах вплоть до [Sau-

(22) Il a eu fait plus chaud. [Bleton 1982: 35]
‘Бывало (и) теплее’. [а сейчас холодно]
(Согласно М. Блетону, прагматическая интерпретация подобных форм связана с утверждением отсутствия ситуации в настоящем: «это ироническое иносказательное указание на то, что погода изменилась»).

(23) Il nous l’a bien eu dit, mais on a oublié. [Bleton 1982 : 35]
‘Конечно, он нам это говорил, но мы это забыли’.

немецкий[8]:

(24) A: Als das Kind dann geboren war — euer Verhältnis?
B: War, also bis zu dem Zeitpunkt, sagen wir mal ganz gut in Anführungsstrichen, ich hab gedacht gehabt, das wär wirklich die wahre Liebe, aber dann mittlerweile, hat es ist dann rausgekommen, dass es ‘ne Urlaubsliebe war und dass es doch nicht so war. ([Hennig 2000: 93], из ток-шоу)
‘A: Когда родился ребенок — какой была ваша реакция?
B: Была до определенного момента, в кавычках, как говорится, я полагал, то была настоящая любовь, но между тем выяснилось, что это был всего-навсего курортный роман’

(25) Ich hatte dich gestern überall gesucht [Vater 1983: 209]
‘Я тебя вчера везде искал’ [но в некоторый момент перестал искать, и сейчас это неактуально — ср. полностью аналогичный пример из швейцарско-немецкого диалекта]

(26) Ich schob ihm die Medaille hin. “Hier hast du deine Hundemarke wieder. Hab sie ganz vergessen gehabt” (Remarque) [Thieroff 1992: 214, пример ранее приводился в Sherebkow 1971: 28].

---

ssure, Sthioul 2012]. В частности, он используется в книге крупного представителя Женевской лингвистической школы Анри Фрея «Грамматика ошибок» [Frei 1929]; к сожалению, в русском переводе этой работы, сделанном при моем участии (2006), указанный пример по моему недосмотру переведен ошибочно (‘нож разрезал’).

[8] Для немецкого языка сверхсложные формы описаны очень подробно в целом ряде работ, в том числе даже в популярных (отдельный сюжет посвящен им в бестселлере, первоначально появившемся в виде колонок в журнале «Шпигель», [Sick 2004/2012: 179—182]). Мы пользовались также неопубликованной работой [Мащенко 2004], содержащей, в частности, корпусное исследование сверхсложных форм в разговорной немецкой речи.

‘Я придвинул ему медальон. «Возьми свой собачий жетон. Я совсем о нем забыл»’. [«медальон был некогда забыт, а теперь уже нет»]

баскский:

(27) Irakurtu izan dut
‘Я читал это’ (некогда, где-то мне случалось читать; “non-resultative anterior” [Haase 1994: 282]; они «часто относят действие и его осуществление в истекший отрезок времени в прошлом (passé revolu), в отдаленное и неопределенное прошлое» [Lafitte 1979: 386])

В этом смысле очень показателен цюрихский немецкий (Züritüütsch). Как пишет М. Сквартини [Squartini 1999], пяти формам в системе прошедшего времени представленным в стандартном немецком (Perfekt, Präteritum, Plusquamperfekt, Perfekt II, Plusquamperfekt II), в Züritüütsch соответствуют всего две — перфект со связкой, функционирующий как простое прошедшее, и «сверхсложный» плюсквамперфект, состоящий (как русская некнижная форма, *passé surcomposé* и другие подобные формы) из перфекта вспомогательного глагола и причастия прошедшего времени. В таксисном значении сверхсложная форма прямо недопустима, а обязательна лишь в значении отмененного результата.

Контекст: Две служащие магазина ищут покупку, забытую покупателем в магазине. Одна говорит, что не может найти ее. Другая возражает:

(28) Ich ha s gsee ghaa!
‘Я видела это [а теперь не могу найти]’

Контекст: Сообщается о телефонном звонке, происшедшем, когда адресата не было дома.

(29) S Ursi hät dich gsuecht ghaa.
‘Урси искала тебя’ [тебя не было, так что «прагматические последствия звонка отсутствуют»]

(30) Im 1990 bin ich en go sueche, aber es isch z spaat gsii. Er hät nämlich zwäi Jaar voorheer… uf Bern züglet (*ghaa).
‘В 1990 году я стал искать его, но было слишком поздно. Действительно, он за два года до того… уехал в Берн’.

В румынских диалектах форме *a fost plecat* ‘он уехал’ (при простом прошедшем *a / este plecat*) не присуще значение «повторной актуали-

зации» действия в прошедшем [Marin 1985: 463]. Интересно, что эти диалекты морфологически «разнесли» ретроспективизированный перфект в абсолютном и таксисном употреблении: последний образуется при помощи несогласованного причастия (в отличие от первого, образующегося при помощи согласованного причастия) [Marin 1985: 466].

Особое место занимает здесь экспериенциальное значение:

южнофранцузские диалекты:
(31) J'ai eu chanté avec mes enfants. [Carruthers 1993; цит.по Squartini 1998: 205]
'Я [как-то] пела со своими детьми'.

фриульский:
(32) o aj bu:t vjodu':t il pape [Benincà 1989: 578, цит. по Squartini 1998: 322]
'Я [однажды] видел Папу'

окситанский:
(33) m'es agu arriba de ié vèire li prince Vitour e Louis, mai que d'uno fes. [Foulet 1925: 245]
'Мне случалось видеть принцев Виктора и Людовика, и не один раз'.

В [Alibèrt 2000: 326] указано, что эти формы играют важную роль в окситанском языке, означая, по сравнению с перфектом, шаг (recul) назад в прошлое и неопределенность во времени; приводимый пример толкуется через 'мне случалось' или 'когда-то…'.

Это значение не всегда можно отделить от значения прекращенного действия («ностальгия», по определению Фуле):

(34) J'ai eu vendu des cartes à 5 sous la douzaine. [Foulet 1925: 231]
'Я [,бывало,] продавал открытки по 5 су за дюжину'.

(35) Ils ne font pas de bon café, il a eu été meilleur. [Foulet 1925: 244]
'[Сейчас] не делают хорошего кофе, [раньше] кофе был лучше'.

В [Saussure, Sthioul 2012] в качестве «общего значения» «литературной» и «региональной» французской форм (авторы скептически относятся к традиции их разграничивать) предложена «релевантность либо для момента речи, либо для точки отсчета». На наш взгляд, такое толкование не очень содержательно, но продиктована эта формулировка именно прагматическим содержанием подобного рода экспериенциальных и «ностальгических» употреблений.

Аналогичные употребления есть в бретонском языке [Le Roux 1957], [Trépos 1980: 234—235], [Favereau 1997], [Schaden 2009], преимущественно в трегорском диалекте (С. Хьюитт, личное сообщение):

(36) bed e meus butuned beked
быть.PARTCP PTCL иметь.1SG курить.PARTCP до
daou bakad bemdez
два пачка.PL ежедневно
'Я [в свое время] выкуривал до двух пачек в день'

Сочетание антирезультативности с экспериенциальным значением отмечено и у сверхсложной формы плюсквамперфекта в некоторых датских диалектах [Schaden 2009: 210]:

(Контекст: Есть у тебя эта книга?)
(37) Jeg har haft lånt den på biblioteket (men jeg har afleveret den igen).
'Я брал эту книгу в библиотеке, но опять вернул ее'.

Вряд ли справедливо мнение, изложенное в [Schlieben-Lange 1971], согласно которому удвоение перфектного показателя (в окситанском языке, где усматривается значение «удаленности во времени») соответствует удвоению «результативного значения». Один показатель отвечает здесь за отнесение ситуации в план прошедшего с полным ее исчерпанием (включая ее результат), другой же соответствует актуальности некоторого последствия (но не результата) ситуации в настоящем.

Именно к этим типам употребления (прекращенная ситуация, аннулированный результат, экспериенциальное значение) и относятся морфологические особенности, подчеркивающие автономность второго вспомогательного глагола, которые отмечались большинством исследователей для южных диалектов французского языка (см. выше) и противопоставляли их «литературном» употреблению этой нормы. Таким образом, формальная особенность здесь находится в прямой связи с семантической; если для сверхсложных форм с таксисным значением предшествования (генетически связанным с исторически предшествовавшей формой passé antérieur) возможна трактовка, связанная с изменением времени вспомогательного глагола (вместо простого прошедшего аналитический перфект)[9], то для форм со значениями, соответствующими «зоне сверхпрошлого», напрашиваются именно те выводы, к которым фактически и приходят исследовате-

[9] Ее предлагал, в частности, Л. Теньер [Tesnière 1935].

ли — а именно, что второй вспомогательный глагол представляет собой особый показатель.

Заметим вслед за М. Скартини [Squartini 1998], что французский, окситанский и романшский ретроспективизированный перфект в так называемом «региональном» (абсолютном) употреблении не имеет никаких ограничений на семантический тип предиката, в то время как он же, замещая в литературном французском языке passé antérieur, наследует его ограничения.

Спецификой некоторых европейских сверхсложных форм является дополнительная эпистемизация, добавление «субъективности»; таков баскский язык [Lafitte 1979: 387], некоторые разновидности верхненемецкого [Saussure, Sthioul 2012] и некоторые диалекты итальянского ([Marcato 1986], [Holtus 1995: 100]), где сверхсложная форма (как очевидно, независимо и по типологическим причинам) означает ‘неожиданность’:

баскский
(38) igandean ikusi izan dut [Lafitte 1979: 387]
‘Я [случайно] увидел его в воскресенье’.

В разговорном немецком сверхсложная форма обнаруживает и ряд других значений, нехарактерных для «регулярного» плюсквамперфекта; таковы, прежде всего, эвиденциальные употребления: пересказывательные [Levin-Steinmann 2004] и опять же адмиративные («неожиданность для говорящего», [Hennig 2000], [Ammann 2005]).

Чисто модальное значение ‘неосуществившегося условия в прошлом’, характерное для плюсквамперфекта и «неактуального прошедшего», выражается сверхсложными формами в сардинском [Jones 1993] и средневековом нидерландском [Миронов и др. 2000: 241].

сардинский, нуорский диалект:
(39) Si los aío áppitos kérfitos, los aío (áppitos) comporatos [Нарумов 2001: 174]
‘Если бы я (их) захотел, я бы их купил’.

средневековый нидерландский
(40) Daer soude meerre verdriet of comen hebben ghewesen, hadden si geweest daer ghegaen [Миронов и др. 2000: 241]
‘Там возникло бы много неприятностей (осложнений, раздражений), если бы они туда направились’.

Таким образом, в европейском ареале сверхсложные формы развивают значения из «зоны сверхпрошлого» / «неактуального прошедшего» и фактически не имеют таксисных значений.

I.4.1.4. Соотношение с «регулярным» плюсквамперфектом

Назовем не-сверхсложный плюсквамперфект, образующийся при помощи претерита вспомогательного глагола, *регулярным*. В ряде языков данного ареала эта форма также развивает дополнительные значения «зоны сверхпрошлого» (продолжая употребляться, по крайней мере в литературном языке, и как показатель таксиса). Отметим, что в литературном немецком языке это значение выражается также и перфектом, и плюсквамперфектом. Переводом предложения из анкеты Э. Даля [Dahl 1985: 149]:

(41) You OPEN the window (and then closed it again)?

как отмечает Р. Тирофф [Thieroff 1992: 198—199] могут служить, в зависимости от ситуационного контекста, еще два варианта:

Контекст: окно закрыто, никакой информации о действиях слушающего говорящий не имеет.
(42) Hast du das Fenster geöffnet? (перфект)
(43) Hattest du das Fenster geöffnet? (плюсквамперфект)

Контекст: говорящий полагает (на основании косвенных свидетельств — например, он слышал), что слушающий сам закрыл окно.
(44) Hattest du das Fenster geöffnet?
*Hast du das Fenster geöffnet? [при выборе перфекта в вопросе прагматически более естественным был бы ответ Nein, ich habe das Fenster geschlóssen (с просодическим выделительным акцентом на последнем слове) ‘Нет, я закры́л окно’]

В некоторых немецких диалектах «регулярный» плюсквамперфект выражает также и значение прекращенной ситуации, например, в Гессене:

(45) wo waren Sie auf dem Gymnasium? — Ich war in Mainz auf dem Gymnazium gewesen [Behagel 1924: 302]
‘Где вы учились (претерит) в гимназии? — Я учился в гимназии в Майнце (плюсквамперфект),

а в современном языке, согласно [Weinrich/Thurmair et al. 1993: 230], он выступает как «окказиональное фоновое время (Hintergrundtempus = англ. background time)»: которое, судя по примерам, иногда более естественно трактовать также как значение прекращенной ситуации:

(46) Hier ist ja alles ganz anders, als ich früher immer gedacht hatte.
‘Теперь все по-другому, как я всегда раньше и думал’ [произошло некоторое «подтверждение», и ситуация «думания» закончилась].

(47) Ich hatte dich gestern überall gesucht [Vater 1983: 209]
‘Я тебя вчера везде искал’ [но теперь ты нашелся, и сейчас это неактуально — ср. полностью аналогичный пример (27) из швейцарско-немецкого диалекта]

Собственно «фоновое» значение плюсквамперфекта характерно скорее для литературного языка: из двух одновременных действий то, которое является «фоном» для второго, передается плюсквамперфектом «для подчеркивания их разобщенности» [Шендельс 1970: 108].

Кроме того, немецкий «регулярный» плюсквамперфект имеет и функцию «сдвига начальной точки», отмеченную, например, в [Шендельс 1970: 106—107] (см. подробнее выше, I.3.2.2). Как видим, ретроспективизированный перфект вступает в данном случае в отношение полной синонимии с плюсквамперфектом и с точки зрения нормативной грамматики предстает как «избыточная» форма; это определяет маргинализацию первого в глагольной системе литературного немецкого языка[10].

Аналогичное развитие имело место и во французском языке. «Регулярный» плюсквамперфект, образованный при помощи имперфекта вспомогательного глагола (*avait fait*) во французском языке первоначально был связан со значением «результирующее состояние в прошедшем». В дальнейшем он стал нейтральным способом выражением таксиса, развив также (к XX веку) фактически все значения «зоны

[10] Противопоставления между плюсквамперфектом и ретроспективизированным перфектом, согласно [Thiel 1964], входит в аналогичное обнаруженному Э. Бенвенистом для французского языка противопоставление между временами «нарратива» и «сообщения» (Erzähltempora vs. Mitteilungstempora), в первый ряд входят претерит, плюсквамперфект и ретроспективизированный плюсквамперфект, во второй ряд — перфект и ретроспективизированный перфект. Таким образом, этот последний оказывается «функциональным аналогом» «регулярного» плюсквамперфекта (этот же вывод делается и в [Eroms 1984], и в [Abraham 1999]).

сверхпрошлого», вплоть до вежливой просьбы, не говоря уже об антирезультативном (подробнее см. выше, 1.1.2.1). Эта эволюция и стала, видимо, одной из причин того, что надежды на великое будущее сверхсложных форм, высказанные в [Foulet 1925] и [Cornu 1953], — этим формам предстояло якобы стать неотъемлемой частью литературного языка, образовав «новый претерит», — не оправдались; на большей части франкоязычной территории значения ‘исчерпание ситуации’, ‘прекращение ситуации’ и ‘аннулированный результат’ стали выражаться «обычным» плюсквамперфектом. Такое же развитие претерпел регулярный плюсквамперфект в итальянском и испанском (см. там же), а также в варианте окситанского — лимузенском [Dahl 1985: 147]. Ср. историю форм в верхнелужицком языке, где сверхсложный плюсквамперфект вышел из употребления, а «регулярный» остался [Šewc 1968: 178—179]; при этом в верхнелужицком есть и «итеративный претерит» также плюсквамперфектного происхождения (II.1.5).

I.4.1.5. Дополнительно ретроспективизированный и «регулярный» плюсквамперфекты

В ряде языков со сверхсложными формами вышеописанного типа (французский, немецкий, баскский) имеется также особая форма, которую можно обозначить как «дополнительно ретроспективизированный плюсквамперфект». Морфологически она представляет собой «регулярный» плюсквамперфект (а не просто перфект!), к которому добавлено ретроспективизирующее причастие вспомогательного глагола.

В рамках рейхенбаховской теории глагольного времени значение этой группы форм описывают так: «глагол в [зависимой] клаузе расположен на один шаг назад, чем плюсквамперфект, то есть представляет собой прошедшее в прошедшем в прошедшем, выражающее ситуацию, предшествующую по отношению к ситуации в главной клаузе, которая сама находится в плюсквамперфекте» [Comrie 1985: 76]. Это устойчивое (хотя и встречающееся, по понятным причинам, исключительно редко, в длинных периодах в литературном языке) значение, которое отмечается во французском языке еще в XV столетии:

(48) …et avoit icelle ducesse Jaqueline espousé le duc Jehan de Brebant, cousin germain au duc Phelipe, et enparavant avoit eu espousé le conte de Pontieu, filz au roy Charles le bien Amé… mais… fut elle

fourtraite du païs de Haineau… et menée en Angleterre, et là espousa ladite dame Jaqueline le duc de Clocestre. Et par ainsi eut la ducesse Jaqueline deux maris vivans. [Филипп де Коммин, «Мемуары», XV стол., Foulet 1925: 214].

‘и вышла помянутая герцогиня Жаклина [она же Якоб(ин)а Баварская] замуж (=была замужем за ним) за герцога Иоанна Брабантского, двоюродного брата герцога Филиппа [Бургундского], а ранее она выходила замуж за графа Пуатье, сына короля Карла [VI] Возлюбленного… но… ее похитили из земли Эно (Геннегау)… и привезли в Англию, и там эта дама Жаклина вышла замуж за герцога Глостерского. Таким образом, оказалось у герцогини Жаклины два живых мужа’.

Однако уже в этом примере на таксисное соотношение налагается и результативное; плюсквамперфект *avait éspousé* означает, что брак Жаклины с Иоанном не был расторгнут к моменту брака ее с герцогом Глостерским; ретроспективизированная же форма *avait eu éspousé* означает, что до момента второго брака этой «vaillante dame» [Foulet 1925: 214] первый брак уже стал достоянием истории. Засвидетельствована эта форма и в литературном языке XIX века:

(49) [M. Valenod] régnait, pour ainsi dire, à Verrières… M. Valenod avait dit en quelque sorte aux épiciers du pays : Donnez-moi les deux plus sots d’entre vous; aux gens de loi : Indiquez-moi les deux plus ignares; aux officiers de santé : Désignez-moi les deux plus charlatans. Quand il avait eu rassemblé les plus effrontés de chaque métier, il leur avait dit : « Régnons ensemble » (Стендаль, «Красное и черное», цит. по ibid.; пример приводится многими исследователями, в т. ч. в [Comrie 1985: 76])

‘[Г-н Вально], можно сказать, прямо царствовал (IPF) в Верьере… он обращался к местным лавочникам и говорил (PPF): «Выберите мне двух завзятых дураков из вашей среды»; к судейским людям: «Выберите мне двух первоклассных невежд»; к лекарям: «Укажите мне двух самых отчаянных шарлатанов». А когда он таким образом собрал (PPF.RETRO) самую шваль от каждого ремесла, он предложил (PPF) им: «Давайте царствовать вкупе»’ [перевод С. Боброва и М. Богословской]

И в данном случае, однако, употребление ретроспективизированного плюсквамперфекта *il avait eu rassemblé* не только воспроизводит семантику passé antérieur ‘непосредственное предшествование’, но и

подчеркивает временную последовательность событий (ср. таксисное значение имперфекта ‘одновременность’) и препятствует итеративному пониманию ситуации ‘каждый раз, когда он собирал, он говорил’ (ср. в простых прошедших временах *quand il rassemblait, il leur disait* с итеративным значением и *quand il rassembla, il leur dit* с семельфактивным значением; плюсквамперфект снимает это противопоставление).

Такую же роль — эксплицитное указание на последовательность между временными планами (Zeiträumen) и между ситуациями, принадлежащими этим планам, играет, согласно [Eroms 1984], ретроспективизированный («двойной») плюсквамперфект и в немецком языке:

(50) In dem Augenblick fühlte er sich am linken Arm ergriffen und zugleich einen sehr heftigen Schmerz. Mignon hatte sich versteckt gehabt, hatte ihn angefaßt und ihn in den Arm gebissen. (Гете, «Годы учения Вильгельма Мейстера», 1796, цит. по [Eroms 1984: 346]).
‘В этот миг кто-то вцепился ему в левую руку, а вслед за тем он ощутил (PRAET) резкую боль. Притаившаяся (PPF.RETRO) Миньона схватила (PPF) и укусила (PPF) ему руку’ [перевод С. Займовского]

Ретроспективизация плюсквамперфекта в «абсолютном», дейктическом значении (которое иногда можно проинтерпретировать и как «пропуск» промежуточного звена в ретроспективизированном плюсквамперфекте) приводит к еще одному дополнительному значению — ’давнопрошедшее в прошедшем’:

(51) Das Ganze war denn doch etwas seltsam. Aber die Sache mit den noch nicht “eingeantworteten” Teilen des großmütterlichen Erbes hatte der Doctor Preindl dem Baron gegenüber schon früher einmal erwähnt gehabt (Х. фон Додерер, «Меровинги», 1962, цит. по [Squartini 1999]).
‘Итак, все дело представляло собой нечто особенное. Однако доктор Прайндль ранее уже затронул в присутствии барона вопрос о еще не «завещанных» частях наследства бабушки’.

Здесь употребление ретроспективизированного плюсквамперфекта поддерживается указывающими на временную дистанцию наречиями *schon früher* ‘уже ранее’. В меньшей степени контекстно зависимым является значение «разрыва» между двумя прошедшими событиями в баскском языке:

(52) haren hitza irakurtu izan nuenean, ihardetsi nion
‘Когда я прочел его записку, я ему ответил’ (комментарий П. Лафитта [Lafitte 1979: 386]: [форма] выражает определенный момент раздумья, паузу между действиями, выраженными в придаточном и зависимом предложениях’)

Нетривиальным образом в этих формах взаимодействует ретроспективный сдвиг с ирреальными значениями плюсквамперфекта. В южных диалектах французского языка в аподосисе условных предложений (где плюсквамперфект употребляется начиная с XVII столетия) показатель ретроспективного сдвига *eu* служил для эмфатического подчеркивания контрфактивности посылки (ср. рус. *стоило бы им только захотеть*...):

(53) Si les Turcs avaient eu voulu, ils n’auraient laissé partir personne des Dardanelles [Foulet 1925 : 225]
‘Если бы турки хотели этого, они бы никого не выпустили из Дарданелл’ [но тем не менее турки позволили «тому, кому не надо» пройти через проливы]

В немецком языке в подобном значении ретроспективизируется плюсквамперфект не индикатива, а конъюнктива. В работе [Thieroff 1992: 272—273] анализируются немногочисленные примеры подобных конструкций из языка прессы, для которых предлагается чисто таксисное объяснение. Согласно Тироффу, в следующих примерах:

(54) Wenn Kai geschlafen hätte, wären wir gekommen.
(55) Wenn Kai geschlafen gehabt hätte, wären wir gekommen.
‘Если бы Кай спал, мы бы пришли’

первое предложение означает, что приход состоялся бы, пока Кай спал, а второе — что после его пробуждения (в обоих случаях в действительности Кай бодрствовал).

Подобное употребление ретроспективизации, согласно Тироффу, связано с тем, что в немецком языке плюсквамперфект конъюнктива ранее потерял таксисное значение — в силу типологической тенденции к сокращению видо-временных различий. Ретроспективизированная форма (Plusquamperfekt II), таким образом, восполнила относительно-временную лакуну, образовавшуюся в системе форм конъюнктива.

Столь же системно значима ретроспективизация аналогичной формы и в баскском языке. «Что касается сверхсложного прошедшего

предположительного (eventuel) времени, то оно очень важно: это нормальный способ выразить предшествование условия: *ikusi balu* ‘если бы он видел’ может означать действие, одновременное с [действием, выраженном в] главном предложении, *ikusi izan balu* ‘если бы он до этого увидел’ обычно означает предварительное условие» [Lafitte 1979: 383].

Для снятия подобной же неоднозначности в разговорном английском языке отмечен, в контрфактивных предложениях, особый плюсквамперфект типа *had’ve done,* с «лишним» *‘ve* (восходящим к *have*), что также напоминает сверхсложную форму — правда, с иным порядком элементов (*had have done* вместо **have had done*), возможно, под влиянием выступающей в условных предложениях конструкции с модальным *would: would’ve (would have) done* [Fennell 2002]:

(56) If we had’ve known that, we would’ve told you.
‘Если бы мы знали это (раньше), мы бы сказали вам’

Любопытную типологическую параллель к разобранным ранее примерам ретроспективизированного плюсквамперфекта в европейских языках представляет уже разбиравшийся выше австроазиатский язык сантали. Для синтетического плюсквамперфекта (-*le*-), сочетающегося с показателем ретроспективного сдвига (-*tahɛ̃kan*-), характерны следующие значения [Сичинава 2001, Sitchinava 2007]:

аннулированный результат, отнесенный в план прошедшего:

(57) ape auri-pe hejuk’ regi-e unum-le-n-tahɛ̃kan-a
‘Он упал в воду до того, как вы пришли [и его уже успели вытащить]’

усиление контрфактивного значения плюсквамперфекта -*le*- (имеет аналог в южнофранцузских говорах, не имеет, как представляется, аналога в немецком):

(60) am alo-m hech’-le-n khan
ты не-2.SG прийти-PPF-INTR когда
iñ tuñ-le-d-e-tahɛ̃kan-a
я стрелять-PPF-TR-3.SG-RETRO-INDIC
‘Если б ты не пришел, я застрелил бы его’

Последний пример переводится также как ‘I was at the point of shooting him’, то есть содержит также и проксимативное / авертивное значение (см. выше, I.1.2.4).

Еще одно значение (не описанное в грамматиках и выявленное нами в [Сичинава 2001] на материале текстов) сантальского ретроспективизированного плюсквамперфекта (впрочем, это значение характерно и для некоторых прочих ретроспективизированных форм) — это дискурсивный «сдвиг начальной точки» (I.3.2.2—I.3.2.3).

Таким образом, основное значение ретроспективизированного плюсквамперфекта — «размножение» таксисного компонента; подобная форма «отодвигает» в план прошедшего как собственно значение ‘предпрошедшего’, так и другие элементы «зоны сверхпрошлого», характерные для плюсквамперфекта в данном языке.

Итак, если ретроспективизированное аналитическое прошедшее в европейских языках утрачивает таксисное значение и ограничивается дополнительными значениями плюсквамперфекта (становится «неактуальным прошедшим»), то ретроспективизация плюсквамперфекта играет, напротив, в основном таксисную роль. Для объяснения этого механизма подходит теория «заполнения лакун» (I.4.1.1).

I.4.2. Славянские сверхсложные формы

I.4.2.1. Семантика

На этом фоне славянские формы типа *ходилъ былъ*, согласно общим очеркам, не останавливающимся подробно на их семантике (таковы, в частности, статьи издания [Славянские языки 2005]), на первый взгляд выглядят гораздо менее интересно — как обычное обозначение «предшествования в прошедшем».

Вместе с тем сколько-либо более подробный анализ славянского материала немедленно показывает, что это не так или, по крайней мере, не совсем так. Для западнославянских сверхсложных форм характерны, наряду с таксисными, и «абсолютные» (иногда квалифицируемые как «давнопрошедшие») употребления: «стилистический вариант» прошедшего времени или «подчеркнутое выражение плана прошлого» в словацком [Horák 1964, Паулини 1982: 137, Маслов 1984/2004: 233], «обозначение действия в прошедшем, которое перестало иметь место или перестало иметь место его последствие» [MSJ 1966: 533]; «просто совершенное прошедшее действие (особенно давно совершившееся)» в чешском [Широкова 1961: 230]. Таксисное значение преобладает у польской формы (это подтверждают и данные параллельного корпуса НКРЯ), однако уже в середине XVIII века она

начинает исчезать из живой речи [Klemensiewicz 1985: 620] и остается как маркированный элемент литературного языка; плюсквамперфект «прежде всего употребляется в стилистически изысканных литературных текстах, в текстах бытового характера он может не употребляться вообще» [Saloni 2007: 19]. Устаревшей и исчезающей эта форма является, согласно описаниям, и в чешском [Havránek, Jedlička 1960: 248], используется как «архаизующее стилистическое средство» [PMČ 2008: 317]. В XV—XVI вв. польский (и в некоторой мере чешский) плюсквамперфект с его таксисной семантикой оказал влияние на значение плюсквамперфекта в староукраинской и старобелорусской «простой мове» ([Петрухин 2013]; см. также 2.7).

Анализ сербохорватской сверхсложной формы в работе П.-Л. Тома [Thomas 2000] показывает, что ее первичная функция — маркировать отмененный результат. В этом языке *л*-форма (совершенного и несовершенного вида) практически вытеснила аорист и имперфект из разговорного языка, ограничив их употребление некоторыми письменными регистрами. Соответственно, различия между «регулярным» плюсквамперфектом, образованным при помощи имперфекта вспомогательного глагола (*on beše napisao*) и сверхсложным плюсквамперфектом (*je bio napisao* / *bila napisala*) также носят стилистический характер, однако второй гораздо более частотен (первый служит для «архаизации текста»). Сверхсложная форма не может встречаться в контексте, характерном для западноевропейской «последовательности времен». Так, пример из романа Ф. Мориака «Тереза Дескейру»

(59) Il me demanda si j'<u>avais lu</u> La Vie du Père de Foucauld. [Thomas 2000: 120]
‘Он спросил меня, <u>читала</u> ли я «Житие отца де Фуко»’.

переводится на сербохорватский при помощи аналитического прошедшего времени:

(60) Upita me da li <u>sam čitala</u> ‘Život oca Fukoa’.

Употребление в значении ‘результирующее состояние в прошедшем’ факультативно, как показывают два перевода[11] предложения из романа А. Камю «Посторонний»:

[11] Первый из них сделан белградским, второй — загребским переводчиком; однако это несущественно, т. к. П.-Л. Тома не удалось обнаружить различий между употреблениями плюсквамперфекта в сербском и хорватском вариантах языка.

(61) J'ai voulu fumer une cigarette à la fenêtre, mais l'air avait fraichi (PQP) et j'ai eu un peu froid.
(62) Hteo sam da popušim cigaretu na prozoru, ali vazduh je postao (P) svežiji i bilo mi je pomalo hladno.
(63) Htjedoh popušiti cigaretu na prozoru, ali je bilo zahladnjelo (PQP) pa mi je bilo malo hladno.
‘Мне захотелось покурить у окна, но воздух [уже] сделался свежее, и мне стало чуть-чуть прохладно’.

Сверхсложная форма употребляется в результативных контекстах вроде ‘Когда мы приехали, они ушли’ для снятия двусмысленности; однако и в этом случае грамматикализуется употребление наречия *već* ‘уже’, которое позволяет «сэкономить» на этой форме[12].

Обязательным же является употребление ее в значении ‘аннулированного результата’:

(64) Ja sam ga bila oprala. Otkud sad na njemu ove mrlje?
‘Я мыла / стирала эту вещь. Откуда же на ней взялись эти пятна?’

Согласно хорватской грамматике [Silić, Pranjković 2007: 193], плюсквамперфектные формы редки, вытесняются перфектом и применяются либо для архаизации стиля, либо чтобы «особо подчеркнуть предшествование в прошедшем», но примеров на это значение не приводится (все допускают интерпретацию как перфект в прошедшем).

В рецензии П. В. Петрухина [Петрухин 2004b] на работу Розанны Бенаккьо о словенских диалектах Фриулии [Benacchio 2002] отмечена известная неполнота описания семантики сверхсложных форм. В то время как Бенаккьо пишет, что словенский диалектный плюсквамперфект «не имеет специальных модальных значений и выполняет лишь темпоральную функцию, обозначая либо давнопрошедшее, либо непосредственное предшествование точке отсчета в прошлом», приводимые ей примеры в реальности практически точно соответствуют классическим западноевропейским, означающим отмененный результат:

(65) Si bila wan raklä wžë te drügi vijäč.
‘Я вам уже говорила (об этом) в прошлый раз’.

---

[12] В русском языке употребление такого «плюсквамперфектного наречного компонента» вроде *уже*, *раньше*, *до этого* также фактически грамматикализовано [Comrie 1985: 70]: ср. [?]*Ваня сидел на том месте, где лежала шляпа Пети*; подобные неестественные предложения часто возникают при непрофессиональных переводах с английского.

— не «давнопрошедшее», а акцент на том, что говорящую не слушали;

(66) Na jë muknula; an bil pusikal din fregul
‘она так и остолбенела: он только лишь чуть-чуть покосил’

по предположению Петрухина, речь идет о незавершенности работы: «покосил было и перестал».

Как отмечено в той же рецензии, И. А. Бодуэн де Куртене в своих работах о резьянском диалекте всегда переводит эту форму при помощи конструкции с частицей *было*.

Действительно, в современном русском языке, как известно, для конструкции (утратившей согласование) типа *пошел было* характерно прежде всего значение отмененного результата (подробнее см. работы [Barentsen 1986. Шошитайшвили 1998, Князев 2004], подробнее см. II.4). Отметим, тем не менее, тяготение лексически ограниченных употреблений *было* к модальной семантике: *хотел было*, *собирался было, начал было* (скорее ‘но раздумал / не вышло’, чем ‘мне помешали’). Согласуемые формы (*ходили были*) сохраняются в северных и северо-западных диалектах (подробнее см. II.2.3).

Схожие (но несколько более архаичные, в том числе со следами таксисного значения) употребления форм плюсквамперфекта («давнопрошедшего времени») представлены в украинском и белорусском языках. Это формы с согласуемым вспомогательным глаголом типа *ходив був, хадзіў быў* (подробнее см. ниже, II.7); есть в этих языках также более маргинальные конструкции с несогласуемым *було, было*, иногда воспринимаемые как русизмы (в украинском она существует с очень давнего времени в литературном языке). Любопытно, что контактное влияние восточнославянских языков, возможно, взаимно: в разговорной русской речи Украины и Беларуси изредка встречаются согласованные формы вместо частицы *было* (см. II.7).

Названные конструкции восходят к древнерусскому некнижному плюсквамперфекту типа *ходилъ (есмь/еси) былъ*, имеющему сверхсложную структуру. Проведенное в работе [Петрухин, Сичинава 2006] привлечение древнерусского и современного диалектного материала показывает, что функции древнерусской сверхсложной формы достаточно четко соответствуют типологически известной семантике неактуального прошедшего (см. раздел II.2). Не исключены дополнительные влияния на дальнейшую эволюцию конструкции с *было*: как со стороны финно-угорских языков, так и со стороны исконных конструкций с избыточным *есть* (см. [Шевелева 2007, 2008]). Отметим, что в древнерусском языке широкий набор значений из этой формы разви-

вал и «регулярный» плюсквамперфект типа *ходилъ бѣ (бѧше)*, впоследствии полностью утраченный (см. [Петрухин 2008] и раздел II.2.1)

I.4.2.2. Эвиденциализация

Несомненное контактное влияние на сверхсложную формуобнаруживается на самом юге славянской зоны — в болгарском и македонском языках. Болгарский язык входит в так называемый «эвиденциальный пояс Старого Света» (термин [DeLancey 1997]), где имеется четко грамматикализованный показатель информации, переданной не из первых рук (и тем самым не столь «ответственно» сообщаемой говорящим от своего лица). Обычно такое развитие получает перфект; болгарский и македонский языки, где форма на *-л* и представляет собой форму «пересказывательного наклонения» (литература о болгарском очень велика, ср., прежде всего, [Levin-Steinmann 2004] и [Ницолова 2006]; о македонском см. [Graves 2000] и [Fici 2001]), не исключение.

В болгарском языке сверхсложная форма типа *бил чел* — то есть формально дважды выражающая эвиденциальность — выражает особое «ироничное» недоверие к сказанному собеседником, так называемые формы «эмфатического» ряда (в болгарской традиции «форми за по-силно преизказване» [Фридман 1983: 118]); эти формы «связаны… с серьезными сомнениями по поводу этой информации и возможностью ее оспорить» (см. также [Маслов 1956: 255]):

(67) Клинтон бил убедил американците за мисията в Босна [Guentchéva 1996: 53; вышеприведенная трактовка примера принадлежит З. Генчевой]
‘Клинтон [якобы] убедил американцев в [необходимости военной] миссии в Боснии’ («эмфатический» аорист).

(68) Война няма. Аз не съм чувал да има война. — Нямало било война![13] Вземи вестника и ще видиш… [Фридман 1983: 121]
‘Войны нет. Я не слышал, чтоб была война. — [Ну да, как же], нет войны! Возьми газету и увидишь!…’ («эмфатический» презенс)

---

[13] И. А. Мельчук [1998: 200] рассматривает этот пример как употребление «цитатива для выражения недостоверности» и дает перевод ‘Говорят, что войны нет’ или ‘я сомневаюсь, что войны нет’. Согласно З. Генчевой, эта форма морфологически противопоставлена цитативу (*нямало война*); носитель болгарского (Е. Валчанова), с которой мы консультировались, подтверждает трактовку Генчевой.

Соответствующая форма со вспомогательным глаголом *е* ‘есть’ носит инферентивное (‘умозаключение’) значение:

(69) Защо не се е явил да разкаже всичко, каквото е знаел?.. Може би не е бил изяснил докрай някой обстоятелства. [Feuillet 1996: 84]
‘Но почему он не явился рассказать все, что знал?.. Может быть, он [тогда еще] не выяснил досконально некоторых обстоятельств’.

Неэвиденциальная болгарская форма «регулярного» плюсквамперфекта (с формой имперфекта связки) не является последовательным средством выражения таксиса: «простого хронологического предшествия данного действия действиям основной линии повествования бывает недостаточно для употребления плюсквамперфекта… Употребление плюсквамперфекта особо настойчиво проводится в тех случаях, когда для говорящего или пишущего важна та или иная связь данного более раннего действия с действиями или состояниями, входящими в основную линию повествования» [Маслов 1956: 241]. Например, согласно [Ницолова 2009], в зависимых предложениях при глаголе речи в первом лице «временами индикатива обозначается точка зрения говорящего в качестве участника событий». Эта «точка зрения» вовсе не соотвествует законам consecutio temporum западноевропейского типа:

(70) Казах ти, че купих книгата [Ницолова 2009: 128]
‘Я сказал тебе, что купил книгу’

(71) Съобщаваме ви, че още през ноември бяхме открили пазар [там же: 129]
‘Мы сообщаем вам, что еще в ноябре мы открыли базар’.

В первом примере, несмотря на явное значение предшествования в прошедшем, употреблен аорист. Во втором примере, напротив, плюсквамперфект употреблен, хотя действие «сообщаем вам» выражено настоящим временем. Очевидно, выбор плюсквамперфекта в нем диктуется иными причинами (например, тем или иным нарушением нормального хода развития ситуации). Вероятно наличие элемента другой семантики (например, экспериенциальной) в следующем примере:

(72) И изведнъж ми се стори странно, че досега не бях чул нищо за него. [там же: 125]
‘И вдруг мне показалось странным, что до сих пор я не слышал ничего о нем’.

В работе [Маслов 1956: 241—242] указываются еще значения болгарского плюсквамперфекта в независимых предложениях, связанные с зоной «неактуального прошедшего»:

(73) От мерак да стане чорбаджийски зет беше си изгубил мозъка сиромахът.
‘От желания стать зятем хозяина потерял было рассудок, бедняга’,

в том числе и ‘контрфактивное условие’

В македонском языке сверхсложная форма носит эвиденциализированный и маргинальный характер: один из информантов в исследовании [Graves 2000: 493] употребил ее при сочетании значений ‘аннулированный результат’ и ‘эвиденциальность’. За первое значение отвечает македонский перфект с глаголом ‘иметь’, за второе — *л*-перфект (но без связки):

(74) [Глядя на картинку, изображающую разрушенный дом]
Кој ја имал изградено оваа куќа?
‘Кто строил этот дом?’

I.4.2.3. К вопросу о хронологии развития ареалов сверхсложных форм

Как видим, ситуация со сверхсложными формами в славянских языках связана не только с европейским, но и с азиатским ареалом, о котором речь впереди. Прежде чем переходить к нему, остановимся на роли славянских сверхсложных форм в европейском ареале с исторической точки зрения.

Известно, что существование имперфекта (и тем самым плюсквамперфекта с имперфектом вспомогательного глагола типа *ходилъ бѧше*) в восточнославянской зоне (разумеется, не считая церковнославянского влияния) ставится многими авторами, прежде всего Г. А. Хабургаевым [Хабургаев 1991], под сомнение. Плюсквамперфектная форма с аористом вспомогательного глагола (типа *ходилъ быхъ*) засвидетельствована в сербском, верхнелужицком, среднечешском; но в большинстве славянских языков (в том числе даже в этих трех) она прежде всего развила значение условного наклонения (> рус. *пошел бы*), возможно, в некоторых языках под влиянием исконно оптативной формы *ходилъ бимь*, характерной для македонско-хорватского ареала и соответствующих старославянских памятников, но, вообще говоря, такое развитие плюсквамперфекта возможно и независимо (подробнее о

проблеме см. II.1)[14]. На восточнославянской территории форма с *былъ* являлась с древнейших времен (она известна как минимум с XI века, см. II.2.2.) единственной «плюсквамперфектной» формой в живой речи (см. подробнее там же). Известно, с другой стороны, что восточнославянская территория была одной из первых по времени в Европе второго тысячелетия, где синтетическое перфективное прошедшее (аорист) было утрачено в живой речи (по разным оценкам, от дописьменного периода до XIII—XIV в.); таким образом, прошедшее время из перфекта и сверхсложная форма чрезвычайно рано завоевали нераздельно господствующие позиции в глагольной системе (хотя, по-видимому, утрата аориста в живой речи произошла после появления сверхсложной формы, см. [Петрухин 2013]). И лишь на несколько веков позже этот процесс происходит в языках западных и части южных славян (в сербохорватском плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола как книжная форма встречается и сейчас), а к XVI—XVII векам, видимо, относится и активное распространение сверхсложных форм в германских и романских языках (хотя первые романские сверхсложные формы фиксируются, напомним, еще с XII века [Stefanini 1970], а германские с XIV [Buchwald-Wargenau 2012]). Правда, редко где результат перестройки глагольной системы достигает такой же четкости, поскольку в романских языках сохраняется имперфект (и плюсквамперфект с ним во вспомогательном глаголе), а в германских — претерит у ряда базовых глаголов, включая вспомогательные (впрочем, во многих южнонемецких диалектах, включая швейцарский, претерит и плюсквамперфект вида *war gekommen* утрачены полностью; это же произошло и в испытавшем сильное славянское влияние языке идиш).

Допустимо предположить, таким образом, что восточнославянский/древнерусский ареал стал в Европе исходной точкой (по крайней мере хронологической) не только в распространении прекрасно известного изменения «‘перфект’ → ‘претерит’», но и в развитии сверхсложных форм, тем более что это подтверждается показаниями старейших известных письменных памятников.

Эти два процесса, судя по карте их распространения, демонстрируют взаимосвязь, однако старое представление о том, что сверхслож-

[14] Любопытно, что в словенских диалектах Истрии в условное наклонение превратился плюсквамперфект не с аористом, а имперфектом вспомогательного глагола [Benacchio 2002]; тем самым сверхсложная форма и здесь оказалась господствующей.

ные формы возникают после (и вследствие) исчезновения старого претерита, представляет собой слишком сильное допущение. И в романских, и в германских, и, скорее всего, в славянских языках эти формы возникли, когда простой претерит был живой формой речи. Вероятно, причину возникновения сверхсложных форм следует искать в эволюции не столько претерита, сколько самого перфекта, лежащего в основе этой формы. Так, исследовавшая историю немецких сверхсложных форм И. Бухвальд-Варгенау присоединяется к гипотезе, согласно которой их возникновение связано с общей слабостью немецкого перфекта и перестройкой глагольной системы [Buchwald-Wargenau 2012]; о типологической нестабильности перфекта как глагольной формы см. [Lindstedt 2000].

I.4.3. Азиатский ареал сверхсложных форм

I.4.3.1. Семантика

Для языков упомянутого в разделе I.4.2.3 «эвиденциального пояса Старого Света», охватывающего Кавказ, Балканы, Поволжье, большую часть территории распространения тюркских и иранских языков, чрезвычайно характерно наличие в системе форм, представляющих собой сочетание двух причастий эвиденциального перфекта — от смыслового и вспомогательного глагола. Второй вспомогательный глагол в настоящем времени, в отличие от западноевропейских языков, обычно необязателен или даже (как в тюркских языках) вообще не употребителен. В этом смысле устройство перфекта и сверхсложной формы в славянском ареале приближается как раз к «азиатскому» типу (этим термином применительно к данной зоне мы будем пользоваться для краткости, не забывая о Балканах и Поволжье)[15]. Отметим, что данная картина не вполне соответствует изложенному, в частности, в [Bybee, Dahl 1989] представлению, согласно которому утрата связки иконически соответствует большей степени грамматикализации (в персидском перфекте, сохраняющем исходное значение при наличии претерита в системе, связка в настоящем времени может опускаться, в тюркских вовсе невозможна, в то время как во французском

[15] В работе [Saussure, Sthioul 2012] с европейскими сверхсложными формами сравнивается также корейское «двойное прошедшее», где редуплицируется суффикс претерита (I.1.1), и, по крайней мере на некотором этапе развития, тибетская форма.

аналитическом прошедшем, полностью утратившем перфектную семантику, норма безусловно требует вспомогательного глагола).

Часто форма с двумя вспомогательными глаголами входит в парадигму эвиденциальных форм, параллельную базовой. Так обстоит дело, например, в персидском языке, — как помним, именно для персидского эвиденциального плюсквамперфекта Ж. Лазар предложил использовать за пределами романистики термин passé surcomposé. Семантика персидской сверхсложной формы — сочетание характерной для плюсквамперфекта семантики (в том числе связанной с зоной «неактуального прошедшего») и эвиденциальных значений:

Предпрошедшее + инферентив (вывод из ситуации):

(75) az suxanoni modaraš mo fahmidem ki u kayho ba šahr kūčida buda-ast [Jahani 2000: 200]
‘Со слов его матери мы поняли, что он давно уже переехал в город’.

Прекращенная ситуация + пересказывательное:

(76) sâbeqan rânandegi karde bude vali al’ân nemitune rânandegi bokome [ibid.:200]
‘Раньше он, [дескать], водил машину, теперь он не может водить ее’.

В то же время персидский плюсквамперфект, образованный также от причастия на -*e*, не имеет эвиденциальных употреблений, а ограничивается типологически известной для плюсквамперфекта семантикой:

‘результирующее состояние в прошедшем’:
[Контекст: X: Вчера мой брат пролетел по лестнице с котлом супа через шесть ступенек. Y: Наверное, суп разлился. X: Нет,]

(77) âxe mohkam dar dahaneš gerefte bud [Хадарцев 2001: 131]
‘…ведь он крепко держал его во рту (букв. «взял его в рот»)’

‘аннулированный результат’:

(78) dorost karde budam vali sage xord keiko [Jahani 2000: 194]
‘Я испек [= сделал готовым] кекс, но собака его съела’

а также ‘ирреальное условие’ (см. пример в разделе II.1.4) и ‘давнопрошедшее’ [Рубинчик 2001: 248—249]

Параллелизм двух рядов прошедшего времени — неэвиденциального и эвиденциального — наличествует и в близкородственном персидскому (и иногда считающемуся его вариантом) таджикском языке [Lazard 2000: 222]; соответствующие формы плюсквамперфекта — *karda-bud* vs. *karda buda-ast* (в диалектах стяжение — *kardud, kardudas*).

Согласно современным описаниям другого иранского языка — курдского (диалект курманджи, часто считающийся отдельным языком; см. работу [Bulut 2000: 174]), здесь также образуется параллельная форма; к форме плюсквамперфекта (образованной при помощи прошедшего времени и глагола *bûn* 'быть') добавляется *e* — связка 'быть' в настоящем времени. Значения этой формы также соответствуют различным комбинациям эвиденциальных и плюсквамперфектных значений:

Давнопрошедшее пересказывательное:

(79) Wi du sal berê dıbıstan xelas kırıbûye [Bulut 2000 : 174]
'[Говорят, что] он окончил школу два года назад'.

Предпрошедшее инферентивное:

(80) Gava ku tu hatiyi, ez çû bûme [ibid.]
'[Насколько я понимаю], я уже ушел, когда ты пришел'.

«Простой» же плюсквамперфект (*hatibûn* 'я погулял') входит в курдском языке, в отличие от перфекта, в ряд индикативных, а не «индирективных» (эвиденциальных) форм [ibid.: 175, 183—184].

Схожую с иранской систему (приводя эту параллель) описывает С. Г. Татевосов в багвалинском языке, относящемся к нахско-дагестанской семье [Татевосов 2001: 294, Татевосов 2009: 354]. «Регулярный» плюсквамперфект, образующийся при помощи претеритного деепричастия на *-o* и прошедшего времени вспомогательного глагола 'быть', выступает как «аналог перфекта» [Майсак, Татевосов 2001: 356], обладая результативным употреблением:

(81) gurił č'ihi Xindi t'erērōb bežun buk'a t'erēbo [там же: 356]
'Рубашка была застегнута булавкой' (букв. «сверху на рубашке была воткнута втыкаемая игла»)

Багвалинский плюсквамперфект развивает и значения, характерные для «зоны сверхпрошлого»:

аннулированный результат:

(82) den hungar ruhano ruk'a [там же: 355]
'Я открывал окно'

давнопрошедшее:

(83) s̄es̄erda aramur q̥ajq̥aj urRiribo buk'a [там же: 355]
'Давным-давно люди изобрели письменность'

дискурсивная функция «сдвиг начальной точки» — плюсквамперфект «вводит точечное событие, которое служит отправным пунктом для дальнейшего повествования»:

(84) s̄aha dē s’ajlā jełijo juk’a

‘В прошлом году я ездила [поступать] учиться’ [первая фраза нарратива; там же: 366].

Плюсквамперфект, в отличие от перфекта с причастием на *-о*, «не имеет заглазных употреблений» [там же: 356]. Но здесь также имеется ряд аналитических форм «перфектной серии», образующихся при помощи перфекта вспомогательного глагола ‘быть’, которые и выражают значение косвенной засвидетельствованности. Этот ряд включает и форму «заглазного плюсквамперфекта» — «претеритное деепричастие + перфект вспомогательного глагола»:

(85) ebeb han ebeb tuXumłas̄ Xindi sanilibo buk’abo ek̥’a [Татевосов 2001: 297, 2009: 354]

‘Каждое селение образовалось из каждого тухума’.

Несомненную близость по рассматриваемому параметру с иранскими и дагестанскими языками проявляют некоторые тюркские языки — чувашский, башкирский и узбекский. В чувашском языке для передачи косвенной засвидетельствованности с перфективным причастием используется показатель *пулнӑ,* исторически представляющий собой перфектное причастие с суффиксом *-нӑ* от вспомогательного глагола; таким образом, структурно такая форма аналогична сверхсложным формам, утратившим вспомогательный глагол в настоящем времени (например, славянским). «Глагол *пулнӑ* вместо *-ччӗ* (исторически форма прошедшего времени от ‘быть’ — *Д. С.*) употребляется в тех случаях, когда рассказчик сам не был очевидцем тех событий, о которых он рассказывает…

(86) Ку хире çулсерен тӗштырӑ акса тӑнӑ пулнӑ, кӑçал кок-сагыз акас тетпӗр.

‘В прежние годы это поле засевалось обыкновенно зерновыми культурами, а в нынешнем году мы предполагаем засеять его коксагызом’.

В этом примере *акса тӑнӑ пулнӑ* указывает на то, что говорящий раньше не интересовался этим участком, он только констатирует, что в прежние годы жители использовали его так, а теперь они и сам говорящий заинтересованы в его использовании иначе. Если бы в этом предложении стояла форма с *-ччӗ: акса тӑнӑччӗ,* то это означало бы

то, что говорящий и сам вместе с другими всегда участвовал в использовании этого участка» [пример и комментарий: Егоров 1957: 200]. В данном случае значение прекращенной ситуации сочетается с эвиденциальным. Обычный плюсквамперфект в чувашском не имеет эвиденциальных значений (ограничиваясь, судя по примерам, семантикой ‘прекращенной ситуации’ и ‘аннулированного результата’):

(87) Сĕреке Ваçки çинчен мана Макçам пичче çакна каласа кăтартнăччĕ [там же: 199]
‘Вот что некогда рассказывал мне дядя Максим о Ваське Сергееве’.

В башкирском языке эвиденциальный плюсквамперфект (употребляющийся, в частности, при перфектной нарративной стратегии, при рассказе «о событиях давно минувщих времен, очевидцем которых говорящий не мог быть») образуется, как и в чувашском языке, при помощи перфекта (он же «прошедшее неопределенное время» или финитная форма на -*ған* с пересказывательной, адмиративной и инферентивной семантикой [Юлдашев (ред.) 1981: 274—275]) от вспомогательного глагола *бул-*: *алған булған* ‘он уже (оказывается) взял’ [16], то есть с двумя показателями перфекта:

(88) Емештәр өйгә ҡайтып ингәндә, эңер төшөп, киске аш ваҡыты еткән булған. [Юлдашев (ред.) 1981: 276];
‘Когда Емеш и ее подруги пришли домой, уже наступил вечер, пора было ужинать’.

Обычный плюсквамперфект (на -*ғайны*/-*гәйне* < -*ған*+*ине* ‘быть (прош.вр.)’ [Дмитриев 1948: 160]) характеризуется в грамматиках как «предпрошедшее определенное» и соответствует «очевидному действию в прошлом, которое произошло раньше другого действия» [Юлдашев (ред.) 1981: 276]. Все приводимые примеры соответствуют значению ‘результирующее состояние в прошедшем’ (семантика этимологически тождественных форм прочих тюркских языков — на -*ган эди-* — подробно обсуждается в [Юлдашев 1965: 167—184]):

(89) Заһит ревкомдан сыҡ’ ҡанда, буран көндөҙгөгә ҡарағанда ла көсәйгәйне.
‘Когда Загит вышел из ревкома, уже шел [= начался] сильный буран’.

Этимологически тождественная башкирской форма на *-ган булган* означает эвиденциальный плюсквамперфект в татарском языке [Исхакова и др. 2007: 491—492]

---

[16] Эвиденциальная семантика у этой формы представлена также в татарском и кумыкском языках [Юлдашев 1965: 202—203].

Схоже устроен плюсквамперфект, образованный от имеющего заглазные и инферентивные употребления -*ган*-перфекта, в узбекском языке. Д. М. Насилов [1999: 367—368] отмечает, что «модальный показатель» *экан* (перфект от глагола «быть») «в контексте относительных времен входит в состав аналитической формы времени, которая противостоит такой же аналитической форме с *эди* (претериту вспомогательного глагола — *Д. С.*) по признаку наличия значения эвиденциальности (ср. также [Исхакова и др. 2007: 495]:

(90) у кел-ган эди ‘он пришел’ (плюсквамперфект)
(91) у кел-ган экан ‘он, оказывается, пришел тогда’ (плюсквамперфект с пересказывательной семой)».

Специфической чертой большинства указанных систем является то, что плюсквамперфект, образованный при помощи претерита связки, никаких эвиденциальных значений не развивает, хотя и содержит в своем составе перфект; для этой цели специально выступает сверхсложная форма, семантика которой, как видно из примеров, состоит в перенесении эвиденциального перфекта в план прошедшего.

I.4.3.2. Вопрос о «заполнении лакун» в системе

В отличие от европейской сверхсложной формы, азиатская эвиденциальная форма развивается не на фоне утраты оппозиции перфекта с претеритом. Ее семантика регулярно складывается из семантики плюсквамперфекта и/или неактуального прошедшего, с одной стороны, и эвиденциального компонента, с другой. На первый взгляд, напрашивается трактовка, согласно которой она выстроена по аналогии в составе целого ряда эвиденциальных форм, а основная ее функция — распространять оппозицию «эвиденциальность vs. неэвиденциальность» на план предпрошедшего, что она возникла в порядке чистого «заполнения лакун» (ср. об этой теории возникновения новых грамматических форм и ее критике в [Dahl 2004] и [Hopper, Traugott 1993]).

И тем не менее есть основания считать, что сверхсложная форма такого типа не является изначально эвиденциальным аналогом плюсквамперфекта, а представляет собой такую же сверхсложную форму с изначально временным значением, как в европейских языках, которая прошла, под мощным влиянием перфекта, дополнительное развитие в сторону эвиденциальности.

Во-первых, что касается теории «заполнения лакун», то среди языков «эвиденциального пояса Старого Света» есть немало таких, в ко-

торых лакуна не заполняется — нет сверхсложной формы, но регулярный плюсквамперфект между тем не принимает никаких специально эвиденциальных значений: так обстоит дело в турецком (форма -*mişti,* по происхождению ретроспективизированный перфект на -*miş,* «лишен инферентивных *miş*-оттенков» [Johanson 1994: 262], «никогда не служит для выражения эвиденциальных значений» [Csató 2000: 40]; это же верно, по-видимому, и для аналогичных форм типа -*мыш эди-* и в тех прочих тюркских языках, где они представлены, [Юлдашев 1965: 184—188]); в гагаузском языке форма на -мышты- сочетает как эвиденциальное, так и таксисное значение [Покровская 1964: 203]), в узбекском (форма -*иб эди*, от эвиденциального перфекта на -*иб*: [Кононов 1960: 222], [Джураева 1968: 85]), в казахском (аналогичная форма на -*п едi* [СКЯ 1962: 342—346]), а также в грузинском [Boeder 2000: 296—298, 313], [Hewitt 2005: 272] и в западноармянском (плюсквамперфект, образованный при помощи причастия на -*er* [Donabédian 1996 : 97—100]; перфект на -*er* < -*eal* в западноармянском имеет эвиденциальные употребления).

Во-вторых, в некоторых языках данного региона, например, в иранских, включая и средневековый персидский, отмечен сверхсложный плюсквамперфект (например, в диалектах дари: [Иоаннесян 1999: 73]) с неэвиденциальными («перфект в прошедшем» и «давнопрошедшее») значениями. Ср. аналогичную сверхсложную форму с результативной семантикой в хинди [Липеровский 1976]; в традиции описания хинди — «форма со сложным причастием»:

(92) Barāmde ke nīce muhalle kā caukīdār <u>baiţhā huā thā</u> — kālā kuttā.
‘Внизу веранды <u>сидел</u> страж квартала — черный пес’

Сверхсложная форма на -*ган полган* в хакасском, полностью этимологически тождественная разбиравшейся выше башкирской форме, имеет плюсквамперфектное (не эвиденциальное) значение, так как характерные для прочих тюркских языков плюсквамперфекты со вспомогательным *эди* в хакасском отсутствуют [Юлдашев 1965: 203]. То же верно и для сверхсложных форм типа -*ған болған-* и в шорском языке [Исхакова и др. 2007: 492].

В-третьих, развитие эпистемически и модально окрашенных значений отмечено и у западноевропейских сверхсложных форм — в баскском, итальянских диалектах (см. примеры выше). Есть в этом ряду и эвиденциальные значения — в пересказывательных контекстах употребляется сверхсложная форма в немецком языке (*<u>habe</u> gelesen <u>gehabt</u>*, она выражает пересказ форм плюсквамперфекта в чужой

речи). Пример плюсквамперфекта конъюнктива в пересказывательной функции:

(93) S_1: Als ich Herrn Meier anrief, hatte er meinen Artikel gerade gelesen.
S_2: S_1 sagte mir, als er Herrn Meier angerufen habe, habe er, Meier, seinen Artikel gerade gelesen gehabt [Thieroff 1992: 249]
'S_1: Когда я позвонил господину Майеру, он уже прочел (PPF) мою статью.
S_2: S_1 сказал мне, что когда он позвонил господину Майеру, тот (Майер) уже прочел (PF.CONJ.RETRO) его статью'

В работе [Levin-Steinmann 2004: 100ff, 249ff] с такими немецкими употреблениями типологически сопоставляется болгарская сверхсложная форма, о которой идет речь выше. А. Левин-Штайнман полагает, исходя из типологических соответствий и генетически идентичных форм в других славянских языках, что исходным у *бил*-форм является именно временно́е значение.

I.4.4. Выводы

Славянские сверхсложные формы занимают позицию на стыке двух больших ареалов употребления сверхсложных форм — западноевропейского, для которого характерно формирование форм «неактуального прошедшего» в условиях утраты противопоставления «претерит vs. перфект», и азиатского, для которых характерна эвиденциализация сверхсложных форм и вторичное встраивание их в эвиденциальный ряд.

Особенности трех ареалов сверхсложных форм таковы:

	Западноевропейский ареал	Славянские языки	Азиатский ареал
Форма: один вспомогательный глагол	—	+	+
Система: утрата оппозиции перфект vs. Претерит	+	+	—
Система: утрата других плюсквамперфектных форм	—/(+)	+	—/(+)
Семантика: зона «неактуального прошедшего»	+	+	+
Семантика: эпистемизация/ модальность/эвиденциальность	(+)	—	+

Славянские глагольные системы в интересующем нас аспекте отличает общая черта, сконцентрированная прежде всего в данной группе и противопоставляющая славянские большинству языков в обоих ареалах — а именно, сокращение функций или полная утрата везде (кроме болгарского и македонского, примыкающих к азиатскому ареалу), вслед за аористом и имперфектом, и соответствующих типов плюсквамперфекта (которые могут материально сохраниться, переходя в условное наклонение), в результате сверхсложная форма остается единственной «плюсквамперфектообразной» формой в системе. По этому признаку со славянскими языками сближаются некоторые германские — прежде всего идиш (ареально ближайший к славянским и испытавший сильное славянское влияние) и южнонемецкие диалекты. В азиатской же зоне, напротив, единственный известный нам язык, где других плюсквамперфектов, кроме двойного перфекта, нет, — это максимально удаленный от основной территории ареала хакасский.

Наконец, общим между ареалами является типологическое сходство — развитие значений, характерных для зоны «неактуального прошедшего», причем для ряда языков в европейском ареале и для азиатского особую роль играет модальная и эвиденциальная семантика. Славянские формы по семантике ближе к западноевропейским (более того, с них хронологически, по-видимому, начинается экспансия этого типа в Европе), однако с точки зрения морфологии (утрата или факультативность связки) примыкают к азиатскому ареалу, а в ряде случаев демонстрируют конкретные контактные влияния (русский язык — возможное финно-угорское, болгарский — несомненное тюркское), но с сохранением внутренних тенденций развития.

Вне Евразии аналоги сверхсложной формы известны в эфиосемитских языках, например, в амхарском, где в функции вспомогательного глагола выступает сложный конверб глагола *norā* ‘жить’ [Булах, Коган 2013а: 127], а также в языке тигринья [Булах, Коган 2013в: 282—283], где плюсквамперфект (судя по примерам, имеющий также значения типа ‘прекращенная ситуация’/'хабитуалис в прошедшем') образуется путём сочетания имперфективного презенса основного глагола с аналитическим перфектом вспомогательного глагола *näbärä* ‘быть’ (связка *ʔəyyu* при этом факультативна): *ʔab wärḥi ḥansab samuna nay kədan yəwwähabänna neru ʔəyyu* `Раз в месяц нам выдавалось хозяйственное мыло`. Семантика этих конструкций нуждается в особом исследовании.

II. СЛАВЯНСКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

II.1. ПРАСЛАВЯНСКАЯ СИСТЕМА ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТОВ И ИСТОРИЯ УСЛОВНОГО НАКЛОНЕНИЯ [1]

В разделе обсуждаются выявленные сравнительно-историческим языкознанием факты, связанные с историей славянского условного наклонения, а также выдвигавшиеся исследователями гипотезы о происхождении указанной формы. Представляется перспективным исследование этой проблемы при помощи методов грамматической типологии. Согласно нашей гипотезе, происхождение славянского условного наклонения связано с одной из форм славянского плюсквамперфекта, образующейся при помощи аориста вспомогательного глагола и *l*-причастия. Подобная эволюция значения, а также резкое изменение значения одной из плюсквамперфектных форм типологически характерны для плюсквамперфекта вообще и для глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта в частности. Обсуждаются различные аргументы в пользу этой гипотезы, в том числе семантика указанной формы в некоторых современных славянских языках.

Предметом раздела является проблема происхождения глагольной формы, присущей всем славянским языкам, а именно формы условного (сослагательного) наклонения, такой, как рус. *читал бы.* Этот вопрос уже не раз поднимался в рамках работ по сравнительной грамматике славянских языков, начиная с трудов классиков компаративистики второй половины XIX в. — первой половины XX в., и в связи с ним было высказано немало ценных замечаний. Тем не менее, насколько нам известно, он еще не был предметом отдельного исследования в рамках современной грамматической типологии, рассматривающей, во-первых, историю морфологических значений — в связи с историей соответствующих форм (элементы такого подхода, как увидим, были уже у младограмматиков), а во-вторых, историю того и другого в конкретном языке или группе языков — в связи с типологическими за-

[1] В основе этого раздела лежит статья [Сичинава 2004].

кономерностями изменения как внешней, так и содержательной стороны языкового знака. Между тем привлечение подобной методики позволяет выдвинуть гипотезу, помогающую, на наш взгляд, объяснить некоторые факты истории и современности славянского кондиционала, отмеченные различными исследователями, однако, по тем или иным причинам, не включенные в общую картину.

II.1.1. Старославянское условное наклонение: факты и вопросы

Реконструкция практически всей праславянской глагольной системы (а не только форм условного наклонения) традиционно основывается на данных старославянских памятников (ср. обобщающую формулировку П. С. Кузнецова [1961: 82], согласно которой общеславянская глагольная система восстанавливается «по формам, представленным в древнейших славянских памятниках, и на основании сравнения этих форм с формами других индоевропейских языков»). Весьма часто этот принцип используется и без эксплицитного на то указания. Г. А. Хабургаев в одной из своих последних работ, изданной посмертно ([Хабургаев 1991], где и прочая литература), аргументированно поставил под сомнение обоснованность такой стратегии реконструкции, в частности, именно в том, что касается форм условного наклонения (подробнее см. ниже, II.1.4). Но так как, в силу вышеупомянутой традиции, в фокусе рассмотрения компаративистики долгое время находилась именно старославянская глагольная система, то мы начнем с синхронного и диахронического анализа старославянской, лучше всего изученной формы. Выводы, полученные в связи с ней, помогут нам лучше понять происхождение условного наклонения в славянских языках в целом, даже если перед нами не праформа, а одна из аналогичных форм в близкородственных языках.

В старославянских памятниках интересующая нас форма представляет собой сочетание *l*-причастия соответствующего глагола и спрягаемой формы вспомогательного глагола *быти*. Важной особенностью условного наклонения является наличие двух парадигм вспомогательного глагола. Формы одной парадигмы (с основой *bi*-, в дальнейшем, по форме 1 лица единственного числа, условимся называть их *bimь*-формами) встречаются преимущественно в глаголических старославянских памятниках западного (македонского) происхождения (Мариинском евангелии, Зографском евангелии, Ассеманиевом евангелии, Синайской псалтири и Синайском требнике), в то время

как формы другой парадигмы (с основой *by*-, в дальнейшем — *byхъ*-формы) характерны для восточных кириллических старославянских памятников (Саввиной книги, Супрасльской рукописи, а также Остромирова евангелия, которое занимает промежуточную позицию между собственно старославянскими памятниками и образцами церковнославянского языка русского извода)[2]. Заметим, что в некоторых памятниках представлены формы и той, и другой парадигмы.

Парадигмы вспомогательного глагола старославянского условного наклонения имеют следующий вид[3]:

	1 л. ед. ч.	2 л. ед. ч.	3 л. ед. ч.	1 л. мн. ч.	2 л. мн. ч.	3 л. мн. ч.
1-й ряд форм	*бимь*	*би*	*би*	*бимъ* или *бихомъ*	*бисте*	*бѫ* или *бишѧ*
2-й ряд форм	*быхъ*	*бы*	*бы*	*быхомъ*	*бысте*	*бышѧ*

Данные ряды форм обладают сразу несколькими характерными особенностями, выделяющими их на фоне системы старославянского глагола, а именно:

1) Первая парадигма вспомогательного глагола за пределами форм собственно условного наклонения аналогов не имеет; в такой форме, как общее правило, не встречаются не только другие глаголы, но даже и сам глагол *быти* в невспомогательном употреблении [Meillet 1934/1951: 213]. (О редких исключениях из этого правила речь пойдет чуть ниже, но на фоне массовости аналитической формы они представляют собой явным образом маргинальные явления). Это нехарактерно для прочих старославянских аналитических форм с *-l*-причастием: для перфекта (*ходилъ есмь*; связка в настоящем времени), для плюсквамперфекта (*ходилъ бѣхъ*; связка в имперфекте), для предбудущего (*ходилъ бѫдѫ*; связка в форме настоящего времени совершенного вида), а также для форм страдательного залога с *-n-* и *-t*-причастиями.

[2] Более полная информация со статистикой по каждому памятнику: [Vaillant 1948/1952: 281—282].

[3] Мы приводим только формы единственного и множественного числа; форма двойственного числа (первого лица, *быховѣ*) является гапаксом, отмеченным в Супрасльской рукописи [Vaillant 1948/1952: 282].

2) Вторая парадигма, напротив, имеет непосредственную параллель в системе старославянского глагола: это форма аориста, причем во втором и третьем лице мы имеем не *бысть* (а именно такие формы — наряду с *бы* — имеет глагол *быти* в невспомогательном употреблении), но всегда *бы*.
3) Существуют формы (1 л. мн. ч. *бихомъ* и 3 л. мн. ч. *бишѧ*)[4], морфологическая структура которых обнаруживает контаминацию форм *bimь*- и *byxъ*-парадигмы (они чаще встречаются в памятниках, где преобладает первая парадигма, поэтому в нашей таблице условно включены в соответствующую строку).

В связи с этими фактами во второй половине XIX века перед исследователями исторической грамматики славянских языков встал следующий ряд вопросов: 1) каково происхождение *bimь*-форм? 2) какова причина сосуществования и контаминации двух параллельных рядов форм? 3) почему аналитическая глагольная форма «аорист глагола 'быть' + *l*-причастие» стала означать условное наклонение?

На протяжении последующих нескольких десятилетий компаративистами были предложены решения всех трех вопросов, и исследования последующего времени, насколько нам известно, по сути ничего не прибавили к версиям, которые предложили классики славистики и индоевропеистики указанного периода — от Франца Миклошича до Антуана Мейе.

II.1.2. Проблема славянского условного наклонения в сравнительно-историческом языкознании

Первую гипотезу относительно параллелизма парадигм славянского условного наклонения мы встречаем у Ф. Миклошича (см. [Panzer 1967: 43]), и эта гипотеза опирается на семантику и структуру аналитических форм. Выдающийся славист видел в *бимь* особую форму аориста (это «алгебраическое» решение подсказывается эквивалентностью *ходилъ бимь* и *ходилъ быхъ*); однако компаративистами последующих поколений было показано, что происхождение этой формы совсем иное. Основаниями для этимологической реконструкции *bimь*-парадигмы послужили, помимо индоевропейских соответствий, также те очень немногочисленные случаи самостоятельного употребле-

[4] О контаминированном происхождении формы 2 л. мн. ч. *бисте* (вместо незасвидетельствованного **bite*) см. ниже.

ния аналогичной формы (не только от *быти*, но и от некоторых других глаголов), которые встречаются в старославянских текстах.

А. Мейе приводит следующие этимологические данные: «Основа *bi-* напоминает основу лат. *fiō*, *fīs*… Возможно также, что *bi-* является старым оптативом (желательным наклонением) и сохраняет оптативный суффикс в форме *-*i*-, фигурирующий в формах повелительного наклонения типа дадимъ, дадите; в этом случае его можно сблизить с др.-перс. *biyā*, имеющим оптативный суффикс в форме *-*yē*- (*-*jē*-)… Окончание -*мь* в бимь напоминает употребление -μι в греческом оптативе типа φέροιμι (в соответствии с нетематическим типом εἴην). Впрочем, мы встречаем форму старого оптатива 1 л. ед. ч. *отъпадѣмь* для перевода гр. ἀποπέσοιμι (Син. и Бол. псалтырь, VII, 5) и форму 1 л. ед. ч. *бѫдѣмь*, **tožětь* в церковнославянском и древнем сербскохорватском языках; это дает основание для гипотезы, согласно который тип *бимь*, *би* восходит к старому оптативу… В изолированном употреблении, как, напримевр, в случае *би оубо боıати сѧ*… (Супр. рук., 149, 5…), *би*, повидимому, имело значение старого оптатива» [Meillet 1934/1951: 213—214]. В монографии Х. Станга «Балтийский и славянский глагол» [Stang 1942: 198] (ср. также [Иванов 1981: 176—177]), рассматривается параллель между *bimь*-формой и литовскими формами прошедшего времени от глагола ‘быть’, в древности имевшими также, видимо, и ирреальное значение (Вяч. Вс. Иванов [1981: 177] допускает, что «в подобных фактах балтийских языков отражается период до грамматического оформления чисто временны́х противопоставлений»). Итак, происхождение *bimь*-формы, скорее всего, связано с индоевропейским оптативом (желательным наклонением), хотя детали этой эволюции не всегда ясны.

Почти одновременно с поисками этимологических корней славянского *bimь* появляются и первые гипотезы о происхождении собственно условного наклонения. Характерно, что они, как и версия Ф. Миклошича, опираются на внешнюю структуру аналитической формы. Так, К. Бругман усматривает в *ходилъ бимь* оптатив прошедшего времени, «Optativus praeteriti» [Panzer 1967: 44]. Аналогичную трактовку исходного значения формы предлагает и В. Вондрак [Vondrák 1928: 396] — «желание, отнесенное в прошедшее и невыполнимое также и в настоящем». Итак, структура формы композициональна: вспомогательный глагол указывает на наклонение, *l*-причастие — на время. В таком случае следует предполагать весьма древнее расширение значения также и на гипотетическое условие, связанное с настоящим или будущим временем [Meillet 1934/1951: 214]. О типологических парал-

лелях, подкрепляющих это истолкование аналитической формы с *bimь*-формой вспомогательного глагола[5], см. ниже, II.1.4.

Между тем для перечисленных историков языка была очевидна трудность, которая сопровождает объяснение аналитической формы: трудность эта заключается в том факте, что уже в весьма древнюю эпоху *bimь*-формы начинают сосуществовать с формами аориста — *byxъ*-формами, контаминироваться с ними и вытесняться ими. Выше уже упоминались явления, свидетельствующие в пользу этого — существование старославянских памятников с преобладающими *byxъ*-формами, наличие форм *бихомъ* и *бишѧ*. Выяснение этимологии *bimь*-форм (особенно балтийские параллели) не только подтверждает контаминированный характер этих последних, но также дает все основания полагать, что и в форме 2 л. мн. ч. *бисте* -*s*- заимствовано из аориста, а сама эта форма полностью вытеснила незасвидетельствованное **bite* еще «с доисторических времен» [Кузнецов 1951: 450]. Добавим, наконец, важнейший аргумент: в истории отдельных славянских языков реликты *bimь*-форм отмечены только в южнославянском ареале; в западно- и восточнославянских языках (включая местные церковнославянские изводы) засвидетельствована исключительно *byxъ*-форма (см., помимо сравнительных грамматик: [Panzer 1967: 19—46]; [Белоусов 1982: 154]; [Хабургаев 1991: 43]). Этот факт, в силу вышеприведенного традиционного постулата о тождестве старославянской и праславянской глагольной системы, обязывал историков языка предполагать вытеснение *bimь*-форм *byxъ*-формами на всей славянской территории.

В уже цитировавшемся классическом труде Антуана Мейе «Общеславянский язык» находим следующую идею относительно этой экспансии аориста: «la flexion… s'expliquerait aisément par l'analogie: la forme composée avec *бимь* ayant le sens de l'*irréalis* grec, l'emploi du prétérit va de soi» [Meillet 1934: 265] (перевод П. С. Кузнецова, [Meillet 1934/1951: 213]: «формы… легко объясняются аналогией; так как сложная форма с бимь имела значение греческого irrealis, то употребление прошедшего времени ясно само по себе»); ср. также ниже: «образование бихомъ по типу быхомъ объясняется свойством прошедшего времени, с которым связано употребление бимь» (точнее: «которое **внутренне присуще, inhérent,** употреблению бимь». — *Д. С.*).

[5] В дальнейшем для краткости условимся называть аналитические глагольные формы с *bimь*- или *byxъ*-формами вспомогательного глагола, соответственно, аналитическими *bimь* или *byxъ*-формами.

Формулировка Мейе оставляет не совсем понятным вопрос о том, какая именно сторона славянского кондиционала — внешняя или семантическая — делает переход от ирреалиса к прошедшему времени столь очевидным. То, что семантическая близость прошедшего времени и условного наклонения (во второй половине XX века ставшая предметом значительной типологической литературы; см. подробнее II.1.4) была в общем известна и во времена Мейе, явствует, в частности, и из вышеприведенных гипотез Бругмана и Вондрака; в 1920-х годах эту же проблему, применительно к синхронному материалу («претерит воображения»), поставил О. Есперсен [Jespersen 1924].

Но все же нам кажется более вероятным, что в «Le slave commun» на первый план ставится чисто формальная контаминация. Действительно, Мейе говорит о том, что «в целом, *бимь*, будучи обособлено (точнее: **слишком** обособлено, **trop** à part — *Д. С.*), заменялось аористом *быхъ*» [Meillet 1934/1951: 213]; таким образом, аористная форма глагола *быти*, не имевшая своего соответствия среди форм вспомогательного глагола, распространилась на ту единственную форму, которая как раз никаких соответствий вне вспомогательной функции не имела. Соглашаться с этим достаточно убедительным решением, на наш взгляд, — не значит отвергать семантическую сторону произошедшего изменения.

Однако представитель следующего поколения французской славистики, А. Вайан, уже совершенно недвусмысленно говорит о том, что контаминация *bimь*- и *byxъ*-форм носила чисто формальный характер: «форма *быхъ* похожа на аорист, но это не аорист: непонятно, каким образом аорист… может выражать ирреальность…» [Vaillant 1966: 95]; «Не существует сложной формы с аористом *быхъ*, потому что между перфектом [выражаемым *l*-причастием] и аористом имеется противоречие» [ibid.: 90]. Ему вторит Б. Панцер, автор вышедшей год спустя фундаментальной работы по славянскому кондиционалу (в основном посвященной синхронной стороне вопроса); он подчеркивает чисто формальный характер проблемы («из формальной оппозиции не следует делать вывод, что условное наклонение в старославянском — это перфективное прошедшее»), сопровождая свои выводы примечательными теоретическими указаниями: «Что́ означает эта форма, может показать только исследование ее употребления»; «мы не желаем вслед за младограмматиками смешивать происхождение и функцию…» [Panzer 1967: 43, 44]. Таким образом, даже те соображения относительно «внутренней семантики формы», которые имелись еще у Вайана, отметаются.

Между тем, насколько нам известно, ни один исследователь не рассматривал другой логической возможности: а именно, что контаминация произошла не между вспомогательным глаголом и формой аориста невспомогательного глагола *быти*, а между вспомогательными глаголами двух различных форм, то есть аналитических *bimь*- и *byxъ*-форм, возникших независимо. Но ведь, по мнению Вайана, неконтаминированной аналитической *byxъ*-формы в силу семантических ограничений («противоречия» между перфектом и аористом) не существует и существовать не может. Так ли это в действительности? А если это не так, то не могло ли подобное семантическое развитие аналитической *byxъ*-формы и вовсе не зависеть от контаминации? Чтобы ответить на эти вопросы, нам не миновать обращения к материалу за пределами старославянских памятников.

II.1.3. Плюсквамперфект вида «аорист вспомогательного глагола + причастие» и его типологические параллели

В вышедшей за несколько десятилетий до фундаментального труда Вайана не менее обстоятельной работе с точно тем же названием («Сравнительная грамматика славянских языков») Вацлава (Антона Венцеля) Вондрака приводится пример той самой формы с аористом во вспомогательном глаголе, существование которой «запрещено» Вайаном. И эту форму очень сложно объяснить через контаминацию с «классическим» *bimь*-кондиционалом: значение ее чисто временнóе, а именно плюсквамперфектное. Речь идет о старочешском плюсквамперфекте с аористной связкой (*bych*) [Vondrák 1928: 150; там же др. примеры]:

(1) jakož mu by přikázal Hospodin
[и фараон не послушал их], как и говорил[6] ему Господь (Оломоуцкая Библия, начало XV в., Исх. 7: 13).

Нельзя ли предположить, тем не менее, что перед нами образец точно такой же контаминированной формы, которая по какой-то причине развила, наряду с кондициональным, плюсквамперфектное значение, позднее отмершее? Ведь в современном чешском языке, да уже и в XVI—XVII вв., форма со спрягаемой *bych*-связкой — это именно форма условного наклонения [Vondrák 1928: 155, Panzer 1967: 35—37].

[6] В Вульгате здесь латинский plusquamperfectum: praeceperat.

На наш взгляд, такое решение проблемы явно неприемлемо. Во-первых, едва ли можно указать какие-либо типологические аналоги развитию чисто плюсквамперфектного значения у кондициональной формы, прежде такого значения не имевшей[7] (в то время как прямо противоположное направление развития представлено в очень многих языках, о чем см. следующий раздел). Во-вторых и в главных, типологически наиболее ожидаемым значением формы «аорист вспомогательного глагола + причастие прошедшего времени» является именно плюсквамперфектное. Во множестве языков мира плюсквамперфект образован при помощи формы прошедшего времени вспомогательного глагола (ср. I.1.1). В тех же из этих языков, где имеется несколько форм прошедшего времени, как правило, существует и несколько форм плюсквамперфекта, образующихся при помощи различных временны́х форм глагола-связки (см. выше, раздел I.2.2). Из языков, где имеется различие имперфект/аорист (перфективное прошедшее), к таким языкам относятся романские, албанский, а также, что особенно интересно для нашей проблематики — книжный древнерусский язык (в основе которого лежит церковнославянский русского извода).

На славянской территории, помимо интересующего наш чешского случая, известны еще два плюсквамперфекта с двумя другими видовременными формами вспомогательного глагола. Эти аналитические формы стали предметом изучения в книжном древнерусском, где они выглядят как *ходилъ бѣ* и *ходилъ бѧше* — 3 л. ед. ч. [van Schooneveld 1959: 123—140; Goeringer 1995][8]. *Бѣ* рассматривается как форма аориста глагола *быти* (от имперфективной основы), параллельная уже знакомому нам *бы(сть)* [van Schooneveld 1951]; *бѧше* — как форма имперфекта. Несмотря на большой объем собранного и систематизированного К. ван Схоневелдом и К. Герингером материала, семантическое распределение между двумя плюсквамперфектами в языке древнерусских летописей остается, на наш взгляд, дискуссионным (подробнее см. выше, I.2.2.2).

Таким образом, в существовании славянского плюсквамперфекта с формой вспомогательного глагола *byxъ* с типологической точки зрения нет ничего невероятного; напротив, оно совершенно естественно.

---

[7] О вероятном отсутствии у *bimь*-форм изначального плюсквамперфектного значения см. также ниже, в разделе II.1.4.

[8] Плюсквамперфект с перфектом вспомогательного глагола (ср. др-рус. *ходилъ (есть) былъ*) также отмечен в достаточно ранний период, но становится одной из основных форм глагольной парадигмы в славянских языках позже (ср., однако, [Хабургаев 1991]); подробнее см. II.2.

Даже если бы старочешская форма, цитируемая В. Вондраком, не сохранилась в письменных источниках, все равно следовало бы считать вполне вероятным ее существование, и именно с таким значением.

Уже после публикации статьи [Сичинава 2004], где была выдвинута гипотеза о существовании праславянской плюсквамперфектной формы с *bухъ*, эта форма была открыта не только в старочешской, но и в древнерусской письменности. В. Б. Крысько [2011: 830—831], исследуя текст Софийского Пролога (рукопись рубежа XII—XIII вв.), обнаружил и проанализировал в нем две формы, омонимичные условному наклонению, но передающие реальные события, причем в контекстах, подходящих для плюсквамперфекта (в греческом оригинале в обоих случаях аорист):

(2) Аще бо не оубьєнъ бы былъ… мнѣло бы сѧ мнозѣмъ, ꙗко привидѣниємь бы҇с и не по истинѣ ѡдѣлъсѧ бы въ чл҇вѣчьскоую плъть.
‘Если бы [Иисус остался в Вифлееме и] не был бы убит [по приказу Ирода]… казалось бы многим, что Он был привидением и в действительности не облекся в человеческую плоть’.

В первых двух предикациях из этого примера имеются вполне стандартные контрфактивные употребления сослагательного наклонения; однако в третьей такой же формой маркировано реальное для любого христианина событие. Здесь можно было бы предполагать описку под влиянием первых двух форм и предполагать конъектуру **бѣ*, хотя разночтений в других списках, как отмечает В. Б. Крысько, нет. Однако есть и второй пример, где нет никаких других форм условного наклонения, а значение отвечает типичной для плюсквамперфекта семантике ‘нереализованное действие’, причем в сочетании с предшествованием в прошедшем:

(3) ѡбаче аще єреси до коньца не ѿверглъсѧ бы, нъ и въ цр҇квь приде слоужащю великомоу Василию, и дары прїнесе
‘Однако, хотя он [император-арианин Валент] и не до конца отказался от ереси, тем не менее и в церковь пришел, когда служил великий Василий, и дары принес’.

С точки зрения В. Б. Крысько, эти формы из Софийского пролога подтверждают гипотезу о происхождении славянского условного наклонения из плюсквамперфектной формы «и являют собой первые, древнейшие примеры данной архаичной формы плюсквамперфекта в славянской письменности».

Но, установив существование такой формы, причем исконной, мы тотчас же сталкиваемся с новыми вопросами. Каким образом эта фор-

ма смогла чрезвычайно рано утратить свое первоначальное значение, а в старославянском тесно контаминироваться с аналитическим условным наклонением, восходящим к индоевропейскому оптативу? Почему во многих регионах (в частности, восточнославянском) в кондициональном значении с начала письменной эпохи засвидетельствована только форма с *bухъ* без каких-либо следов контаминации? Говоря словами А. Вайана, «непонятно, каким образом аорист… может выражать ирреальность». Оказывается, и этот вопрос достаточно хорошо освещен в грамматической типологии, и решение его не представляет особенной трудности.

II.1.4. Гипотеза о развитии славянского условного наклонения из плюсквамперфекта

Обсуждая построения Бругмана, Вондрака и Мейе, мы уже отмечали известную близость прошедшего времени и ирреалиса в условной конструкции; неосуществленное условие, грубо говоря, осмысляется как «невозвратно упущенная возможность», переводится в план прошедшего. Упоминали мы и о том, что во второй половине XX в. данный факт становится предметом типологических исследований; назовем здесь, прежде всего, статьи [Steele 1975; Fleischman 1989; Dahl 1997]. Оказывается, что типологически такое развитие гораздо более характерно не просто для прошедшего времени, а именно для плюсквамперфекта. Это явление подробно анализируется в статье [Плунгян 2004а]; для наших целей достаточно указать основные факты (см. также выше, I.1.2.7).

Как отмечает Эстен Даль [Dahl 1985: 145—146], исследовавший плюсквамперфект, как и многие другие грамматические категории, на материале обширной типологической выборки, для половины языков, имеющих эту форму, характерно ее семантическое развитие в сторону ирреалиса, и именно в условных конструкциях. В значительной части языков плюсквамперфект употребляется только в ирреальной посылке (протасисе), как это имеет место в английском или французском:

(4) If the boy had got the money yesterday, he would have bought a present for the girl.
Si le garçon avait touché l’argent hier, il aurait acheté un cadeau pour la petite fille.
‘Если бы мальчик получил вчера деньги, он купил бы девочке подарок’.

Но встречается и ситуация, когда мы видим плюсквамперфект как в посылке, так и в следствии (аподосисе):

(5) Латинский язык (плюсквамперфект конъюнктива):
Si tacuisses, philosophus mansisses.
‘Если бы ты помолчал, то сошел бы за философа (остался бы философом)’.

(6) Персидский язык:
Agar pesare Omid Ali be dâdam naraside bud zambil-am-râ âb borde bud. [цит. по Шошитайшвили 1998: 116]
‘Если бы сын Омида Али не прибежал на наш вопль, мою корзину унесло бы водой’.

Именно этот случай имеет место и в старославянском, и в других славянских языках (ср. русские переводы вышеприведенных примеров). Наша конструкция «в старославянском… служит главным образом для выражения неосуществившегося условия» [Meillet 1934/1951: 214; Vaillant 1966: 95]:

(7) аште бо бисте вѣрѫ имали Мосеови, бисте ѩли и Мьнѣ (Ин. 5: 46)
‘Если бы вы верили Моисею, то поверили бы и Мне’.

Впрочем, в связи с этой конструкцией необходимо отметить, что аналитическая *bimь*-форма также находит некоторые типологические параллели — как внешние, так и семантические — среди форм плюсквамперфекта. Ее этимологическая структура (глагол ‘быть’ в оптативе + причастие прошедшего времени) в известной степени близка к формам плюсквамперфекта сослагательного наклонения в романских языках. Итальянский плюсквамперфект конъюнктива вроде *fosse arrivato* ‘он прибыл’ является основным средством выражения ирреальной посылки в условных конструкциях, причем в этих контекстах плюсквамперфект индикатива неграмматичен. Соответствующая форма в литературном французском языке (*qu’il fût arrivé* ‘чтобы он прибыл’), ныне устаревшая, в части своих употреблений синонимична кондиционалу прошедшего времени с ирреальной семантикой (так называемая «вторая форма» условного наклонения). Однако аналогия здесь все же неполная: в рассматриваемых романских формах вспомогательный глагол стоит не просто в неизъявительном наклонении (а именно в конъюнктиве), но также — как и плюсквамперфект индикатива — имеет дополнительную граммему прошедшего времени (а именно имперфект). Подобная структура ожидалась бы и для фор-

мы с таким значением в славянских языках, учитывая аналогичное устройство славянских плюсквамперфектов. Но семантика прошедшего времени для славянских реликтовых форм оптатива типа *bimь* не характерна (см. выше, II.1.2), и поэтому нет никаких специальных оснований предполагать у аналитической *bimь*-формы изначально плюсквамперфектное значение.

В старочешском языке интересующий нас *byxъ*-плюсквамперфект около XVI в. полностью «перенял функции кондиционала» [Vondrák 1928: 155], то есть, видимо, со значительным опозданием повторил развитие аналогичной формы в старославянском. Опоздание это могло, в частности, объясняться тем, что аналитическая *bimь*-форма, мощный морфологический и семантический «катализатор» такого развития, на соответствующей части славянской территории могла и отсутствовать. Как предполагает Г. А. Хабургаев [1991: 42—43], «регулярные для старейших глаголических евангельских текстов формы сослагательного наклонения с *бимь — бѫ* … явно связаны с глагольной системой базового диалекта и вряд ли были известны славянским говорам за пределами Балканского полуострова, включая будущие восточнославянские и польские, где сослагательное наклонение образовывалось с аористом вспомогательного глагола». Действительно, в пользу данной гипотезы свидетельствует, главным образом, редкость *bimь*-формы уже в старославянских памятниках болгарского происхождения, а также наличие ее рефлексов лишь в некоторых из современных славянских языков, причем нынешнее географическое распределение той или иной основы вспомогательного глагола примерно соответствует известному из памятников X—XI веков (подробнее см. ниже).

В то же время есть основания полагать, что аналитическая *byxъ*-форма имела более широкое распространение, чем *bimь*-кондиционал. Об этом говорит, в частности, тот факт, что, во-первых, всюду, где засвидетельствована *bimь*-форма, она носит следы очень ранней и «глубокой» контаминации с *byxъ*-формой, а во-вторых, всюду, где *bimь*-формы нет, наличествуют рефлексы *byxъ*-формы. Кроме того, даже независимо от только что изложенных соображений, нет никаких оснований считать аналитическую *byxъ*-форму инновацией по отношению к другим аналитическим формам славянского глагола. Известно, что второе и третье лицо аориста атематических глаголов, в том числе *byti*, с чрезвычайно ранней эпохи имеет и вариант на *-tъ* с сигматической вставкой: «в неправильных глаголах, где присоединение *-tъ* имело место в древности и где устойчиво сохранялись эти формы,

мы имеем… бысть наряду с бы» [Meillet 1934/1951: 204][9]. В результате форма аориста 2 и 3 л. *bystъ* становится даже преобладающей. В то же время соответствующие формы вспомогательного глагола в составе условного наклонения, как мы уже знаем, никогда не выглядят как *bystъ*, но только как *by*. Если считать присоединение *-tъ* возникшим уже в славянских языках, то известные нам факты говорят в пользу того, что аналитическая форма сформировалась (и тем самым отдалилась от аориста семантически) раньше, чем в славянских языках произошло указанное морфологическое изменение. Не исключено и другое объяснение этого факта — формы типа *bystъ*, возможно, восходят к индоевропейской медиальной форме, а формы типа *by* — к форме с «эффективным» значением (т. е. связанным с переносом действия на внешний объект, ср. *за-бы* — форму от приставочного переходного глагола *забыти*) [Иванов 1981: 197]. Само же наличие в парадигме глагола такой серии основ «может рассматриваться как глубокий архаизм данного фрагмента славянской глагольной системы» [там же: 198]. Таким образом, terminus post quem для возникновения вспомогательной формы *by*, которая противопоставлена невспомогательной форме *bystъ,* в принципе может быть отодвинут даже до раннепраславянского периода.

Любопытно, что именно противопоставление *by* — *bystъ* служит для А. Вайана, напротив, аргументом в пользу позднего происхождения «аористной» формы вспомогательного глагола (возникшей якобы под влиянием «оптативной» формы третьего лица *bi*) [Vaillant 1966: 95]. Дело в том, что Вайан, как уже говорилось, исходит из ложной предпосылки о невозможности независимого развития аналитической формы с аористом вспомогательного глагола. Стоит только отвергнуть это положение, — принимая во внимание и древность аналогичной оппозиции невспомогательных форм, которую французский славист также недооценивает — как вторичный характер вспомогательной формы *by* станет далеко не очевидным.

Полная утрата собственно плюсквамперфектной семантики у этой формы объясняется, на наш взгляд, не только и не столько семантической стороной контаминации с древним аналитическим кондиционалом. Типологическое явление, описанное нами выше (см. раздел I.2),

---

[9] Происхождение этого *-tъ* является предметом ученого спора, актуального в компаративистике на протяжении всего XX века: обзор дискуссии и изложение основных версий см. [Бирнбаум 1987: 123, 208—209], а также дополнительные сведения в [Иванов 1981: 197].

заключается в том, что глагольные системы с несколькими формами плюсквамперфекта (не обязательно морфологически тождественными рассматриваемой паре) проявляют тенденцию к утрате у одной из форм собственно временнóй семантики и к «специализации» ее на одном из производных значений. Аналогичную «специализацию» плюсквамперфекта с аористом вспомогательного глагола мы уже видели в романских языках (см. I.2.2.1). Можно также указать на превращение одного из плюсквамперфектов в форму, развивающую значения «зоны сверхпрошлого» в романских и германских системах со сверхсложными временами (I.4.1.3), в языке акан (группа ква, Нигерия) и в агульском, а также, возможно, в лезгинском (оба — лезгинская группа, Дагестан; I.2.1.3.). Славянские языки, располагающие, как мы видели, по крайней мере еще одним плюсквамперфектом (со вспомогательным *bě(a)xъ, bjaxъ — bě(a)še, bjaše*), а некоторые также и третьей формой (со вспомогательным *běxъ—bě*), вполне могли «пожертвовать» одной из форм для развития специализированного модального значения[10]. Особо интересно, что в словенских диалектах Истрии, как отмечено в [Benacchio 2002] (см. также [Петрухин 2004b]) в условное наклонение превратился плюсквамперфект с имперфектом вспомогательного глагола; это прямо указывает, что в славянских языках одна из плюсквамперфектных форм может специализироваться именно таким образом.

Теперь сформулируем нашу гипотезу. В праславянском (по крайней мере в большинстве диалектов) существовал плюсквамперфект вида *byxъ xodilъ.* В некоторых диалектах (включая легшие в основу старославянского языка) он очень рано контаминировался с исконным условным наклонением, благодаря, в частности, характерному для плюсквамперфекта семантическому развитию в сторону ирреалиса. Морфологическая и семантическая контаминация при этом взаимодействовали. В тех диалектах, где не существовало форм вида *bimь xodilъ,* развитие плюсквамперфекта в направлении ирреального значения могло происходить и независимо (не исключены, конечно, и междиалектные влияния).

---

[10] Ничего не меняет в логике нашего рассуждения и гипотеза Г. А. Хабургаева [1991: 45 и след.] об изначальном отсутствии имперфекта, а также и плюсквамперфекта на его основе, в западно- и восточнославянских языках. Хабургаев предполагает, в связи с этим, бóльшую древность и более значительную роль в этих языках плюсквамперфекта со связкой *bylъ*, а значит, и в этом случае плюсквамперфект со связкой *byxъ* оказывается дублирующей формой.

Для подтверждения нашей гипотезы желательно предоставить также и данные современных славянских языков. И таковые, действительно, обнаруживаются.

II.1.5. Свидетельства современных славянских языков

Обратимся наконец к данным, которые предоставляют современные славянские языки. Данные по морфологической структуре славянских форм условного наклонения [Panzer 1967: 18—42] позволяют обобщить их следующим образом:

1. **с неизменяемой частицей:** русский (*бы*/*б*), белорусский (*бы*/*б*), украинский (*би*), нижнелужицкий (*by*), кашубский (*bë*/*b*), македонский (*би*);
2. **с неизменяемой частицей + личная форма глагола 'быть'**: словацкий (*čítal by som*), нек-рые диалекты македонского (*би сум бегал*); аналогичные формы (как правило, 2-го л.) с «лишней» связкой (типа *бы есте пустили*) зафиксированы в великорусских памятниках XIV—XV вв. [Белоусов 1982: 156, Зализняк 1995/2004: 143];

2a. **(близкий к предыдущему тип) *by* + личные окончания глагола 'быть':** польский (*czytał-by-m*; вытеснило древнюю форму с *bych* в XVI веке [Klemensiewicz 1985: 304]); под польским влиянием эту форму переняли также некоторые украинские диалекты [Гаспаров, Сигалов 1974].

3. **со спрягаемым вспомогательным глаголом в форме аориста:** чешский (*čítal bych*), верхнелужицкий (*čitał bych*), сербохорватский (*čitao bih*), болгарский (*бих чел*);
4. **с особой спрягаемой *bi*-формой:** сербохорватские чакавские говоры (*čitao bin*)[11].

Значения этих форм в славянских языках — ирреальное, гипотетическое, оптативное. Особые значения, позволяющие предполагать частичное сохранение плюсквамперфектной семантики, отмечаются (наряду с собственно кондициональными) в двух языках — сербохорватском и верхнелужицком. В обоих этих языках, во-первых, сохраняется аористное спряжение вспомогательного глагола, а во-вторых, в глагольной системе сохраняется аорист (хотя бы как стилистически маркированный реликт). Кроме того, первый из этих формальных

---

[11] Из **bimь:* в соответствующих говорах *-m*, после падения редуцированных ставшее финальным, перешло в *-n* [Кузнецов 1951: 450].

признаков характерен и для чешского языка, в котором, как мы знаем, вплоть до средневековой эпохи сохранялся *byxъ*-плюсквамперфект (опять же параллельно с аористом, просуществовавшим несколько дольше). Все это позволяет предполагать древность семантических особенностей *byxъ*-формы в сербохорватском и верхнелужицком языках, для которых, как известно, характерен и целый ряд других нетривиальных изоглосс (этот факт, как и этимологическое тождество этнонима *сербы/сорбы,* обычно связывают с общностью происхождения соответствующих племен; см., в частности, [Хабургаев 1991: 54], со ссылкой на исследования О. Н. Трубачева).

Применительно к сербохорватскому языку речь идет об особой функции условного наклонения, которая в работе [Thomas 2000] называется «фреквентативный кондиционал». Она связана с плюсквамперфектной семантикой и является единственным средством передать предшествование в итеративных контекстах, так как форма обычного плюсквамперфекта в сербохорватском языке сочетается только с совершенным видом:

(8) Kad bi Sofija završila sa pranjem posuđa, ona je gledala televiziju [Thomas 2000: 128]
‘[Всякий раз,] когда София заканчивала мыть посуду, она смотрела телевизор’.

В верхнелужицком языке мы имеем лишенный собственно плюсквамперфектных оттенков «итеративный претерит» [Faßke, Michalk 1981: 266—267] или «итеративный перфект» [Šewc 1968: 179], который употребляется и в главном, и в зависимом предложении:

(9) Přeco hdyž bychmoj so tehdy zetkałoj, by mi wón wo filmje powědał, kotryž bě runje widźał [Tommola 2000: 450]
‘Всякий раз, когда мы с ним тогда встречались, он мне рассказывал о фильме, который он только что видел’

Верхнелужицкая глагольная форма, к сожалению, не столь надежна как пример, свидетельствующий о сохранении плюсквамперфектной семантики. Ее семантическая близость с сербохорватской формой очевидна, но этот эффект в принципе может быть результатом независимого от плюсквамперфекта развития условного наклонения, такого же, как например, в английском языке. Соответствующие английские формы выглядят как *would meet* ‘встречались’, *would tell* ‘рассказывал’; они имеют значение как ирреального события, так и обычного действия в прошедшем («Past Habitual»). Но в то же время вполне

естественна и подобная семантическая эволюция плюсквамперфекта: теряя собственно таксисное значение, плюсквамперфект сохраняет семантику, связанную с закрытыми временными интервалами в прошлом. Такая форма означает неактуальную ситуацию, и в частности — регулярное повторение некоторой ситуации на неактуальном временном отрезке.

Таким образом, данные некоторых современных славянских языков, сохранивших спрягаемое *bухъ* в интересующей нас форме, как представляется, дают дополнительные подкрепления нашей гипотезе о развитии славянского условного наклонения из плюсквамперфекта со вспомогательным глаголом в форме аориста.

II.1.6. Заключение

Итак, мы выдвинули гипотезу о происхождении славянского условного наклонения из достаточно древнего образования *bухъ+l*-причастие, имевшего плюсквамперфектную семантику. Подобное значение исходной формы, подобное развитие ее значения и подобная «специализация» в рамках глагольной системы с типологической точки зрения вполне вероятны и достаточно распространены в языках мира. В части славянских диалектов, в том числе, в тех, которые легли в основу старославянского языка, такому изменению чрезвычайно способствовала морфологическая и семантическая контаминация с аналитической формой *bimь+l*-причастие, изначально имевшей ирреальное значение.

Результаты нашего исследования, как нам представляется, лишний раз подтверждают тот факт, что характерное для компаративистики второй половины XX века применение аппарата современной грамматической типологии к проблемам исторической лингвистики вполне перспективно. Такой подход приводит к небезынтересным результатам, по-новому объясняющим совокупность фактов, накопленную сравнительно-историческим языкознанием.

II.2. ДРЕВНЕРУССКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ[12]

II.2.1. «Регулярный» («книжный») плюсквамперфект

Наиболее распространенная форма плюсквамперфекта в древнерусской письменности (так называемая «книжная»), как мы уже видели, аналогична старославянскому плюсквамперфекту: она состоит из причастия на *-л-* и вспомогательного глагола *быти* в форме имперфекта (*бѧхъ*) или аориста от имперфективной основы (*бѣхъ*). В данном разделе мы не будем говорить о возможном разграничении между этими двумя синонимичными формами (об этом см. выше, I.2.2.2). Исследованиями В. Б. Крысько [2011] было установлено существование еще одной, редчайшей древнерусской формы книжного плюсквамперфекта — омонимичной форме условного наклонения, со вспомогательным глаголом в форме аориста от перфективной основы (*быхъ*). Гипотезу о существовании этой формы в праславянском мы выдвинули в [Сичинава 2004] (подробности и примеры см. выше, II.1.3).

Рассмотрим семантику «книжного» плюсквамперфекта как единого элемента глагольной системы. Детальнее всего эта форма освещена в работе [Петрухин 2008] (преимущественно с точки зрения дискурсивных употреблений). Ценные наблюдения над ее семантикой есть у ряда авторов XX в., хотя господствующей в исторических грамматиках, к сожалению, оставалась точка зрения, согласно которой плюсквамперфект несет лишь стандартные значения (предшествование и результатив в прошедшем, ср. [Борковский, Кузнецов 1965: 276]). По данным Петрухина, у этой формы можно выделить следующие употребления:

‘предшествование в прошедшем’ (сравнительно редкое; ср. эксплицитное обстоятельство времени *во дн҃ь ст҃хъ Макъкавеи*):

(1) Сего же болми ѡхоудѣвающи силѣ и ѡтѣмнѧющи ꙗзыкъ, и возбноувъ и реч̑ ко кнѧгинѣ своеи: «Коли боудеть, — рче, — ст҃хъ

[12] В основе этого раздела частично лежит статья [Петрухин, Сичинава 2006].

Маковѣи?» Ѡна же: «В понедѣлникъ». Кн҃зь же рче: «Ѡ не дожд[оу] ти ꙗ того», — бѧшеть бо ѡц҃ь его Всеволодъ во дн҃ь ст҃хъ Макъкавеи пошелъ к Б҃ви [Киевская летопись, 1194]
ʽИ когда уже силы стали его [киевского князя Святослава Всеволодовича] покидать, а язык сделался неясен, очнувшись, спросил он княгиню: «Когда будет [память] святых Маккавеев?». Она же: «В понедельник». Князь же сказал: «Ох, не дождусь я того», — ибо отец его Всеволод отошел к Богу в день памяти святых Маккавеев';

'перфект/результатив в прошедшем':

(2) И пришедъ Изѧславъ Мьстиславичь къ Киевоу, и бѣ Игорь разболѣлъсѧ в пороубѣ и бѣ боленъ велми [Киевская летопись, 1146]
ʽИ пришел Изяслав Мстиславич в Киев, а Игорь (тем временем) разболелся в темнице и был сильно болен';

сюда же, по-видимому, относится характерное для летописей (и для народной речи) метафорическое описание природных явлений как результат некого события, совершившегося в прошлом (подробнее об этом феномене [Петрухин 2008: 233—234]):

(3) постави же Баты порокы городоу подълѣ вратъ Лѧдьскых, тоу бо бѣахоу пришли дебри [Галицко-Волынская летопись, 1240]
'Поставил же Батый стенобитные орудия у города (Киева) подле Лядских ворот, так как их обступал лес';

особо характерное для древнерусской формы значение типа 'еще не' (ср. о формах со значением not-yet в [Goeringer 1995], I.2.2.2)

(4) И ꙗко быша к рѣцѣ ко Сюоурлию, и вы́ѣхаша ис Половѣцькихъ полковъ стрѣлци и поустивше по стрѣлѣ на Роусь и тако поскочиша. Роусь же бѧхоуть не переѣхалѣ єще рѣкѣ Сюрлиꙗ [Киевская летопись, 1185, рассказ о походе Игоря]
ʽИ когда они подошли к реке Сюурлий, выехали из половецких полков стрельцы, пустили в русь [т. е. в княжескую дружину] по стреле и ускакали прочь. Русь же еще не переправилась через Сюурлий';

экспериенциальные употребления (в основном выражаются перфектом; плюсквамперфект в этом значении редок)

(5) И прослави Б҃а ѡ бывше[м], не бѣ бо никоторыи кнѧзь Роускыи воевалъ землѣ Чѣшьское [Галицко-Волынская летопись, 1254]
ʽИ восславил [Даниил Романович] Бога за все бывшее, ибо ни один русский князь [до него] не завоевывал Чешской земли';

‘аннулированный результат’; для установления этого значения особенно часто нужно знать широкий контекст (см. также [Хабургаев 1978: 51]):

(6) И тако възвратишасѧ всѧ сила Андрѣѧ кнѧзѧ Суждальского, совокупилъ бо бѧшеть всѣ землѣ, и множеству вои не бѧше числа [Киевская летопись, 1174]
‘И так все войско суздальского князя Андрея вернулось [ни с чем]. А он собрал все земли, и воинам не было числа’;

‘недостигнутый результат’:

(7) Бѣ Коурилъ митророполитъ (sic) преблж҃ныи и ст҃ыи приѣхалъ мира сотворити и не може [Галицко-Волынская летопись, 1228]
‘Митрополит Кирилл, преблаженный святой, приехал помирить всех и не смог’;

дискурсивное значение ‘начало нового эпизода’ (см. подробнее об этом явлении с типологической точки зрения раздел I.3), «в тех случаях, когда нужно либо обозначить границу нового эпизода, либо переключить внимание читателя на другого персонажа, либо изменить место действия» [Петрухин 2008: 231]. Часто эпизод вводится формулой *в то же веремѧ* [ДГ XII—XIII: 459], [Чернов 1961]:

(8) В то же веремѧ пришелъ бѣ Гюргевичь старѣишии Ростиславъ, роскоторавъсѧ съ ѿц҃мь своимъ, ѡже емоу ѡц҃ь волости не да в Соуждалискои земли, и приде къ Изѧславо(у) Киевоу [Киевская летопись, 1148]
‘В то же время старший сын Юрия [Долгорукого] Ростислав, поссорившись с отцом из-за того, что тот не дал ему удела в Суздальской земле, пришел в Киев к Изяславу’.

Антирезультативные (а также дискурсивные) значения являются ключевыми еще для одной древнерусской формы плюсквамперфекта — так называемой сверхсложной.

II.2.2. Сверхсложный плюсквамперфект: структура и семантика

Далее речь пойдет о древнерусской глагольной форме, состоящей (согласно традиционным представлениям) из перфекта вспомогательного глагола *быти* и действительного причастия прошедшего времени на *-л-* типа *ходилъ есмь былъ*. В некоторых славистических работах

ее называют «русский плюсквамперфект» (это название использовалось как основное и в работе [Петрухин, Сичинава 2006]). В памятниках преобладает усеченная форма (с одной связкой, типа *ходилъ былъ*); это связано с тем, что чаще всего данная форма плюсквамперфекта встречается в третьем лице, где в древнерусском перфекте связка нередко отсутствует (а для форм, отмеченных в некнижных текстах, это практически регулярное правило: [van Schooneveld 1959: 134—140; Горшкова и Хабургаев 1997: 326, Зализняк 2004: 177—178]). В тех редких случаях, когда обсуждаемая форма встречается в первом или во втором лице, в раннедревнерусский период употребляются два вспомогательных глагола — типа *ходилъ есмь былъ*, в более поздних памятниках возможна утрата связки также и в этих формах. М. Н. Шевелева [2007] отмечает, что связку в 1 и 2 л., вообще говоря, для древнерусского языка в составе обсуждаемой формы можно не рассматривать, так как она «в 1 и 2 лице превращается в синтаксический синоним личных местоимений, выражая только значение лица» (ср. [Хабургаев 1978]); таким образом, данная форма во всех лицах фактически состоит просто из *был* + *л*-причастие.

Данная форма, не представленная в старославянском, была свойственна живой речи средневековых восточных славян. Действительно, она, как правило, используется в тех регистрах древнерусской письменности, где более всего находит отражение разговорный язык соответствующего времени (деловые и бытовые памятники, в частности, берестяные грамоты) или, по крайней мере, допускается интерференция с разговорным узусом (ср. летописи, где значительная доля употреблений «русского плюсквамперфекта» приходится на прямую речь)[13].

Из всех древнерусских прошедших времен плюсквамперфект с *был*-, пожалуй, наименее изучен; насколько нам известно, до нашей с П. В. Петрухиным статьи [Петрухин, Сичинава 2006] практически не было специальных работ, посвященных ему. Можно присоединиться к словам С. К. Пожарицкой: «В работах по исторической морфологии русского языка описание эволюции плюсквамперфекта обычно занимает ничтожно малое место; притом в разных работах часто используются одни и те же цитаты как из письменных памятников, так и из записей диалектной речи» [1996: 269]. И тому, видимо, есть две причины: 1) сравнительная редкость этой формы (так, в [ДГ XII—XIII:

[13] О понятии регистра в древнерусской письменности см.: [Живов 1996: 31—41].

461] учтено только четыре примера в текстах XII—XIII вв., хотя, конечно, в реальности эта частотность заметно выше); 2) неясность ее семантики, которая явным образом не вписывалась в рамки общепринятых представлений о плюсквамперфекте.

Однако в 1990—2000-е годы оба этих обстоятельства претерпели изменения: во-первых, благодаря находкам и новому прочтению берестяных грамот несколько увеличился корпус примеров; во-вторых, новейшие исследования в области типологии плюсквамперфекта позволили по-новому взглянуть на устройство данной грамматической категории в целом и интересующей нас древнерусской формы в частности.

Обсуждаемая форма плюсквамперфекта входит в ряд структурно и семантически аналогичных глагольных форм, распространенных в целом ряде языков Европы — так называемых сверхсложных форм (см. подробнее выше, I.4), передающих преимущественно значения из области неактуального прошедшего.

Как мы уже видели, сверхсложные формы типа *passé surcomposé* обычно появляются в тех языковых системах, где форма аналитического перфекта по своему значению дрейфует в сторону простого прошедшего (хотя точка зрения, согласно которой эти формы возникают после исчезновения аориста, и неверна, см. выше, I.4.2.3). Здесь невозможно не провести аналогию с древнерусским. Ведь хотя, как известно, среди историков русского языка нет единого мнения относительно времени исчезновения аориста, имперфекта и «книжного» плюсквамперфекта в восточнославянском и прихода им на смену универсальной формы прошедшего времени на *-л-* (бывшего перфекта) (см. об этом, в частности: [Klenin 1993]), то, что сам процесс имел место, не подлежит сомнению. При этом сверхсложные формы также появились достаточно рано (в XI веке, вопреки Н. Н. Дурново [1924: 327], который датирует их только XIII веком).

Согласно Г. А. Хабургаеву [1978: 51], форма с *был-* указывает на «действие или состояние, впоследствии (не обязательно в прошлом!) «отмененное» или нереализованное, прерванное и т. п.» (разрядка Г. А. Хабургаева).

Иначе описывает значение этой формы А. А. Зализняк [1995/2004: 176], по мнению которого, ее основная функция «состоит в обозначении события в прошлом как такового, без подчеркивания его связи с настоящим. Речь может идти, в частности, о событии, которое произошло вчера (а не сегодня), в прошлом году (а не в нынешнем), давно

(а не только что) и т. п. Семантический элемент предшествования другому событию в прошлом при этом отсутствует. Как правило это те ситуации, где в книжном языке был бы употреблен аорист». В частности, ни в одном из употреблений «народного» плюсквамперфекта в берестяных грамотах А. А. Зализняк не обнаружил значения, сходного со значением современной конструкции с частицей *было*.

Несмотря на кажущееся противоречие, на наш взгляд, оба эти подхода дополняют друг друга, причем их синтез возможен именно в свете вышеизложенных типологических сведений. Действительно, значение «русского плюсквамперфекта» не сводится ни к «прерванному» или «отмененному» действию (как у современной русской частицы *было*), ни к простому прошедшему: это прежде всего значение ‘неактуального прошедшего’, откуда и подчеркнутое отсутствие связи с настоящим, и указание на недостигнутость результата или его отмену последующими действиями/событиями.

Показателен следующий пример из Повести временных лет по Лаврентьевскому списку:

(9) Исакий же рече: «Се уже прелстил мѧ еси былъ, дьѧволе, сѣдѧща на единомъ мѣстѣ; а уже не имам сѧ затворити в печерѣ, но имам тѧ побѣдити, ходя в манастырѣ» (ПВЛ, л. 65 об.; 6582/1074 г.)
‘Исакий же сказал: «Вот ты прельстил меня было, дьявол, когда я сидел на одном месте; а я уже не буду затворником в пещере, но смогу победить тебя, живя в монастыре’

Контекст: Исакию, жившему отшельником в пещере, явились бесы в образе ангелов и заставили поклониться себе, после чего сказали: «Нашь еси, Исакие, уже!». После этого Исакий два года пролежал без движения и выжил только стараниями Феодосия Печерского, который ухаживал за ним. Его возвращение к жизни летописец описывает как второе рождение: Исакий «акы младенець» учился есть, говорить, понимать человеческую речь, вставать на ноги и ходить, его насильно приводили в церковь и т. п. Вполне придя в себя, Исакий решил не возвращаться в пещеру, а поселиться с остальной братией в монастыре.

Таким образом, событие, к которому отсылает здесь сверхсложный плюсквамперфект, имело весьма ощутимые результаты, что делает несколько проблематичным использование частицы *было* в данном контексте. Данной фразой Исакий не пытается отрицать сам факт «прелести» (в древнерусском значении этого слова), но решительно проводит черту между своим прошлым и настоящим, прежней жизнью, где имела место «прелесть», и новой. Характерно, что показатель *былъ*

представлен только в Лаврентьевском списке ПВЛ: в более поздних списках находим *прельстилъ еси*.

С семантикой ‘неактуального прошедшего’ связана также присущая данной форме дискурсивная функция «сдвига начальной точки», нормальная для плюсквамперфекта во многих языках мира (см. подробнее раздел I.3). Как пишет А. А. Зализняк, в этом случае фраза, содержащая сверхсложную форму, «относит повествование к сфере не связанного непосредственно с настоящим моментом прошлого» [Зализняк 2004: 176]. Такое употребление отмечено в нескольких берестяных грамотах [там же]; наиболее яркий пример — новгородская берестяная грамота № 724 (XII в.) — практически единственный (из обнаруженных до сих пор документов) достаточно длинный некнижный нарративный текст столь раннего времени, начинающийся так [Зализняк 1995/2004: 350]:

(10) Ѿ Савы покланѧнее къ братьи и дружине. Оставили мѧ были людье, да остать дани исправити было имъ досени, а по первому пути послати и отъбыти проче. И заславъ Захарьѧ въ в[ѣ]ре уроклъ…
‘Поклон от Саввы к братии и дружине. Покинули меня люди; а надлежало им остаток дани собрать до осени, по первопутку послать и отбыть прочь. А Захарья, прислав человека, клятвенно заявил…’

Как это характерно для данной дискурсивной функции, только первое событие дается в плюсквамперфекте, второе уже излагается в перфекте, получившем достаточно рано нарративные функции (*уроклъ*). «Исходное положение вещей» *исправити было имъ* стоит тоже в перфекте, но это не показательно, так как от глагола *быти* плюсквамперфект типа **былъ былъ* в древнерусских текстах — в отличие от языка XVIII в. (II.3.2.4) и современных говоров — не засвидетельствован. С плюсквамперфекта начинается изложение сути дела еще в двух поздних грамотах (№ 195, XIV в.: *реклъ еси былъ во своемь селѣ верши всѣ добры* ‘Ты сказал, что в твоем селе хлеба все хороши’; № 300, XV в.: *и Терохъ возилесь были в …имовѣ хоромѣ* ‘И Терех переезжал в …имов дом’; то и другое, как и в № 724, сразу после адресной формулы), но, к сожалению, дальнейшая часть обеих грамот утрачена, и нельзя провести границу между маркированием «первого шага» и «предыстории», в наших терминах (см. выше, раздел I.3).

Самыми частотными для древнерусской сверхсложной формы, видимо, являются употребления с семантикой ‘отмененного результата’,

причем это значение явно просматривается и в тех примерах, которые А. А. Зализняк интерпретирует как содержащие простое «аористическое» прошедшее (см. ниже, примеры из берестяной грамоты № 366 и грамоты Василия Темного).

В ряде случаев можно указать на параллельные места между текстами с перфектом и сверхсложной формой, различающиеся именно с точки зрения антирезультативного значения. Примечательна отмеченная А. А. Гиппиусом [2010: 184—185] параллель между летописным рассказом, где древляне похваляются цветущим состоянием своей земли, и предисловием к «Софийскому временнику» (где оплакивается Русь, которую «расплодили» князья, но потом разорили половцы); Гиппиус датирует последний текст XI веком. В первом случае употреблен перфект, во втором — сверхсложная форма (это один из древнейших ее примеров не только в древнерусском языке, но и в Европе вообще, см. I.4.2.3):

(11) А наши князи добри суть, расплодили землю нашю.
‘А наши князья хороши, расплодили землю нашу’.

(12) Они бо не складаху на своя жены златыхъ обручеи, но хожаху жены ихъ в сребряныхъ; и росплодили были землю Руськую. За наше несытоство навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоты наши и села наша и имѣния за тѣми суть, а мы своих злыхъ дѣлъ не останемъ. Пишетъ бо ся: богатество неправдою сбираемо извѣется.
‘Они [князья] не надевали на своих жен золотых обручей (браслетов), но жены их ходили в серебряных; и расплодили землю Русскую. За нашу ненасытность Бог навел на нас язычников, и теперь наше богатство, села и имущество в их руках, а мы не прекращаем творить зло. Сказано же в Писании: богатство, неправедно собранное, расточится’.

Особенно интересны с этой точки зрения перформативные примеры из текстов, отменяющих ранее принятые решения; им посвящена работа [Петрухин 2013]. Так, в следующем примере (ср. [Зализняк 2004: 176]) речь идет об измене крестному целованию (присяге), а значит, результат события, к которому отсылает сверхсложная форма, аннулирован; эта формула фактически равносильна объявлению войны Новгороду [Петрухин 2013: 90]:

(13) Хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ, а хрстъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, ꙗко имѣти мене кнѧземъ собѣ [Ипат., 6668/1161 г., л. 182—182 об.]

‘Буду добиваться Новгорода правдами и неправдами: вы же [когда-то] клялись мне, целуя крест, что хотите принять меня своим князем’.

В Киевской летописи представлено еще несколько таких перформативов; как считают многие исследователи, соответствующие пассажи представляют собой цитаты из княжеских посланий XII века. Сюда же, с нашей точки зрения [Петрухин, Сичинава 2006], относится единственный среди берестяных грамот пример, где, по мнению А. А. Зализняка [1995/2004: 175], сверхсложная форма передает таксисное значение предшествования другому действию в прошлом, т. е. выступает в функции, свойственной «книжному» плюсквамперфекту[14]:

(14) Сь урѧдѣсѧ ⟨-дисѧ⟩ Ѧковь съ Гюрьгьмо и съ Харѣтономъ по бьсудьнои грамотѣ, цто былъ возѧлъ Гюрьгѣ грамоту в ызьѣжьнои пьшьнѣцѣ, а Харѣтоно во проторѣхо своѣхъ [грамота № 366, вторая половина XIV века]
‘Вот расчелся Яков с Гюргием и с Харитоном по бессудной грамоте, которую Гюргий взял [в суде] по поводу вытоптанной при езде пшеницы, а Харитон по поводу своих убытков’

«Бессудная грамота — правая (т. е. подтверждающая правоту) грамота, выдаваемая судьей истцу в случае, если ответчик не явился в назначенный срок в суд. Грамота № 366 — составленый при свидетелях документ о том, каким именно образом было осуществлено взыскание по выданной судьей Гюргию и Харитону грамоте» [Зализняк 1995/2004: 613]. Поскольку в судебном процессе поставлена точка, бессудная грамота (и акт ее выдачи), естественно, утрачивает юридическую силу. См. также в [Петрухин 2013] ряд других примеров из позднедревнерусских берестяных грамот.

Регулярно употребляют эту форму и более поздние документы, собственно, уже не древнерусские тексты, а официальные акты XV—XVI веков, отражающие как средневеликорусский, так и язык канцелярии Великого княжества Литовского («простую мову», содержащую старобелорусские черты). Сюда относится, в частности, извест-

[14] В отличие от сверхсложной формы, выражающей прежде всего нетаксисные значения, для книжного древнерусского плюсквамперфекта, состоящего из вспомогательного глагола в форме имперфекта или «имперфективного аориста» и *л*-причастия, значение предшествования другому событию в прошлом является основным.

ный пример из грамоты Василия II Темного (здесь уже в первом лице утрачена связка *есми*):

(15) Что их села в Радонѣжи …, и ꙗзъ кнѧз велики велѣлъ бы[л] своаму волостелю радонѣжьскому в тѣх их селех … хрестьꙗн их судити. И нонича [есми ихъ пожа]ловал, своему есми волостелю хрестьꙗн их в тѣх ихъ селехъ … судити не велѣлъ. (АСЭИ, 1, № 260, 1455—1462 гг.)
‘Что касается их [т. е. монастырских] сел в Радонеже, то я, великий князь, [раньше] велел своему управителю радонежскому в этих их селах судить их крестьян. А теперь я их пожаловал: велел своему управителю [больше] не судить крестьян их в тех их селах’.

Как отмечает Петрухин, точка отсчета в этом употреблении сверхсложной формы совпадает с моментом речи: самим этим текстом предыдущее решение отменяется и применяется новое, поэтому формы *велѣлъ былъ* и *а нонича не велѣлъ* (перформативный перфект, о котором см. [Зализняк 1995/2004: 175]) несут одну и ту же информацию. Более того, эксплицитной отмены в перфекте (простом прошедшем) типа *а нонича не велѣлъ* может и не быть; Петрухин [2013: 84] приводит очень важный пример из грамоты великой княгини Софьи Витовтовны, матери Василия II, где все подробности сделки (причем весьма пространно) изложены в сверхсложном плюсквамперфекте, и только этот выбор формы и сообщает, что сделка отменяется. О том, насколько стандартным стало использование сверхсложной формы для передачи значения отмены некоторого решения, свидетельствуют немногочисленные примеры употребления этой формы с референцией к будущему времени (там, где речь идет о гипотетической отмене действия в результате какого-то действия в будущем):

(16) А что есми пожаловал голдовника своего, короля Арцымагнуса, в своей отчине, в Лифлянской земле, городом Полчевым и иными волостми и селы… А отъедет куды-нибудь, и город Полчев, и волости, и села, что были есми пожаловали короля Арцымагнуса, сыну моему Ивану [Духовная грамота царя Ивана Васильевича IV, 1572 г., Петрухин 2013: 85—86]
‘…а если он куда-нибудь «отъедет» [выйдя из подданства], то [завещаю] город Полчев, и волости, и села, которыми мы пожаловали короля Арцымагнуса [т. е. герцога Магнуса], моему сыну Ивану’

Примечательно, что для сверхсложной формы не характерно типичное для книжной формы плюсквамперфекта значение «результи-

рующее состояние в прошедшем» (ср.: [Петрухин 2004]). Это является характерной чертой сверхсложного плюсквамперфекта не только в древнерусском языке, но и в средневековой чешской письменности [Чернов 1961][15].Чрезвычайно характерно для семантики этой формы, что в том единственном известном нам случае, когда сверхсложный плюсквамперфект встретился в памятниках с глаголом необратимого результата (*умьрѣти*), речь идет о смерти, за которой последовало чудесное воскресение из мертвых:

(17) И влѣзучи во врата градка того, на деснѣй руцѣ есть пещера, и въ той пещерѣ есть гробъ свѧтаго Лазаря; и въ той келии Лазарь болѣлъ, ту же и умерлъ былъ. (Хожение игумена Даниила, цит. по [van Schooneveld 1959: 136])
‘И войдя в ворота того городка (Вифании) по правую сторону есть пещера, а в той пещере — гробница святого Лазаря; и в этой келье Лазарь болел, и там же и умер’.

Имеется в виду «ретроспекция со времени второй жизни Лазаря на тот период, когда он был мертв» [ibid.]; форма *умерлъ былъ* говорит о хорошо известной читателям Даниила первой смерти Лазаря, после которой Иисус воскресил его; просто *умерлъ* означало бы, что воскресения не было.

II.2.3. Древнерусская сверхсложная форма и современные диалектные данные

Выше было показано, что второй вспомогательный глагол в сверхсложных формах можно анализировать как единообразный показа-

[15] Данное утверждение стало одним из ключевых пунктов в обширной полемике между нами и П. В. Петрухиным, с одной стороны, и М. Н. Шевелевой, с другой стороны [Шевелева 2007, Петрухин, Сичинава 2008, Шевелева 2008, 2009, Жукова, Шевелева 2010, Петрухин 2013]; в качестве контраргументов М. Н. Шевелева приводила ряд примеров из древнерусских памятников, а также два объемных памятника (на «простой мове») XV—XVI веков, где отразилось результативное значение сверхсложной формы. Здесь мы не можем подробно излагать эту полемику; отметим текстологическую и контекстуальную неоднозначность древнерусских примеров и сомнительность привлечения западнорусских памятников, которые оба переведены с польского и калькируют свойственные для этого языка употребления плюсквамперфекта. При этом несомненна и справедливость многих замечаний Шевелевой, которые мы учитываем в настоящей работе.

тель ретроспективного сдвига (см. I.4.1.2). Для славянской конструкции анализ второго вспомогательного глагола как показателя, добавленного к форме перфекта, ранее предлагался в работах [Kryński 1910: 215], [Vondrák 1928] и [Чернов 1961]. В этой связи в новом свете предстает история современной русской частицы *было* (в конструкциях типа *пошел было*). Ее семантика в общих чертах связана со значениями ‘прерванного действия’ (*пошел было, но вернулся*) и ‘аннулированного результата’ (*согласился было*) — при глаголах совершенного вида, а также (реже) ‘прекращенной ситуации’ (*хотел было*) — при глаголах несовершенного вида. Подробнее о данной конструкции см. специально посвященные ей работы [Barentsen 1986], [Шошитайшвили 1998а], [Князев 2004], а также раздел II.4. Практически общепринятой является гипотеза о том, что она восходит к сверхсложному плюсквамперфекту [Хабургаев 1978] (впрочем, существует также предположение о влиянии финно-угорского субстрата, ср. [Шошитайшвили 1998]). Если же рассматривать *был-* в формах типа *везлъ есмь былъ* как показатель ретроспективного сдвига, модифицирующий семантику обычного перфекта со связкой, то становится очевидно, что специфика функций этого показателя в общем сохранилась с древнейших времен, когда были написаны первые восточнославянские тексты; изменения носили в основном формальный характер: перфект утратил связку, а показатель *был-* — согласование (подобно, например, условной частице *бы*, которая в раннем древнерусском имела полную парадигму спряжения, а на архаичном этапе и плюсквамперфектное значение; см. II.1.) [16]. Семантические изменения, которые претерпел данный показатель, заключались в основном в утрате им второстепенных и не самых частотных значений (например, «сдвиг начальной точки»), а также, видимо, в усилении модальной составляющей.

Ценным свидетельством истории формального и содержательного развития русских плюсквамперфектных показателей являются северные (Архангельской и частично Вологодской области) и северозападные (например, торопецкие) говоры; вероятно, также и некоторые другие. Речь идет о представленных в них конструкциях с согла-

---

[16] В современном украинском, наряду с несогласуемой частицей *було* есть и согласуемый плюсквамперфект (*був*, *була*, *було*, *були*), аналогично в современном белорусском, см. также раздел II.7. Показатель *был-* утратил согласование в говорах, легших в основу современного русского литературного языка, по-видимому, в XVII в.; см. также раздел II.3.

сованной или несогласованной частицей *было* (*был*, *была*, *были*)[17]. Семантика их богаче и нетривиальнее, чем у похожей конструкции в современном литературном языке. Ее подробному анализу посвящены работы С. К. Пожарицкой [Пожарицкая 1991, 1996, 2010, 2012] и М. М. Громовой [Громова 2010].

Оказывается, что подобные конструкции выражают набор значений, близкий к набору значений древнерусского плюсквамперфекта, а кроме того, соответствующий типологически семантике сверхсложных форм в языках Европы.

Прежде всего отметим, что в говорах конструкция, восходящая к плюсквамперфекту, выступает преимущественно «в простом предложении с одним сказуемым» [Пожарицкая 1991: 789], то есть в контекстах, как отмечает автор, нетипичных для реализации таксисного значения. И действительно, многие из этих примеров так или иначе передают значение ‘неактуального прошедшего’ или ‘аннулированного результата’ (хотя результативные значения у этой конструкции также можно выделить, ср. [Шевелева 2007, Громова 2010]).

Значение неактуального прошедшего («основное значение этой глагольной формы — разрыв с настоящим, отдаленность от настоящего, которое не является прямым результатом действия или события, обозначенного плюсквамперфектной формой» [Пожарицкая 1991: 792], «показ разрыва с настоящим, отделенности от настоящего, неактуальность результата действия для момента речи» [Пожарицкая 1996: 273]):

(18) В Мосеево вся деревня <u>была сгорела</u>.
(19) Все комсомольцы <u>были разорили</u>.
(20) Сколько-то тоже <u>был</u> он ведь <u>сидел</u>, а потом-то всю жизнь председателем работал.
(21) Я тоже на Татьяну-ту <u>ругалась</u>-то <u>была</u>.

Аналогичные употребления отмечены и в северо-западных торопецких говорах:

(22) Ай, рассказывали, старинные люди <u>были гомонили</u>, таперь-то нет ничова, а раньше все говорили [Рыко 2002: 183] (см. также [I.2.1.3])

[17] Согласованная частица характерна для северных районов Архангельской области и отражает, очевидно, более старое языковое состояние, несогласованная — для южных говоров данного ареала, находящихся ближе к великорусскому центру, куда также распространилась эта инновация [Пожарицкая 1996: 271])

Что же касается значения аннулированного результата, характерного для конструкции с частицей *было* в литературном языке, то оно, согласно Пожарицкой, в обсуждаемых говорах представлено в меньшинстве (хотя и значительном) случаев:

(23) Сын-от женился был на учительнице, да запил — она его выгнала.
(24) Така бывалошна чистенка-та стара была, вся заросла была, дак вот дед-от подчистил.

Не исключено, судя по указанию на «бóльшую дейктическую самостоятельность *было*, которое как бы вводит ситуацию прошедшего времени, о котором ведется рассказ» [Пожарицкая 1991: 790]), что значение «сдвига начальной точки» также представлено в анализируемом материале (подробнее об этом и примеры см. выше, I.3.2.1.2).

Особенно интересен с типологической точки зрения тот факт, что несогласуемое *было* функционирует в целом ряде говоров как «глагольный детерминант» [Пожарицкая 1991: 791], присоединяющийся не только к словоформам прошедшего времени, но и настоящего и будущего времени, а также предикатива, и сигнализирующий перенос ситуации в неактуальный временной план. Это демонстрируется также и «акцентным усилением *было*» [там же] — совершенно сходным с акцентной автономизацией второго вспомогательного глагола в некоторых европейских сверхсложных формах. Перед нами не иное что, как единообразный показатель ретроспективного сдвига:

(25) А он как валят было косит, дак скосит, что выбреет.
(26) А хлеба-то где было возьмешь?
(27) Я сама делала лопату, нету было.

С. К. Пожарицкая отмечает, что «употребление *было* в качестве глагольного детерминанта едва ли следует связывать с историей русского плюсквамперфекта» [1991: 791].

Возможны разные сценарии объяснения этого явления. Во-первых, здесь можно предполагать, в частности, контактное (а также, вероятно, субстратное, со стороны не сохранившихся диалектов) влияние финно-угорских языков. В современных пермских и волжских языках в качестве показателя ретроспективного сдвига выступают неизменяемые формы вроде удмуртского *вал* (этимологически — также ‘быть’ в прошедшем времени): этот показатель присоединяется к словоформам всех трех времен — прошедшего, настоящего и будущего — с аналогичным эффектом [Серебренников 1960: 121—126]. В удмурт-

ском языке сочетание *вал* и формы перфекта либо простого прошедшего дает две синонимичные формы плюсквамперфекта, развивающие значения, свойственные «неактуальной» семантической зоне, а именно «аннулированный результат» (28) и «прекращенная ситуация» (29).

(28) Мон со пала мынэм вал но, шоер сюрес кузя отчы мыныны уг луы вылэм.
‘Я пошел было в том направлении, но оказалось, что прямой дорогой туда не пройдешь’.

(29) Кураськись вераз вал мыным. Ключи гуртысь Устинэн луэм со уж.
‘Нищий мне об этом рассказывал. Случилось это дело с Устином из деревни Ключи’

Сочетание *вал* с формой будущего времени означает «многократное действие в прошлом» [Серебренников 1960: 125] — так же как и русское диалектное *было возьмешь* (или литературное *возьмешь бывало*):

(30) «О макем жингрес, макем чебер та греческий кыл!» — шуылоз вал со.
‘«О как звучен, как прекрасен греческий язык!» — говорил он’

Сочетание *вал* с формой настоящего времени дает так называемое «прошедшее длительное», которое употребляется в том числе и «в целях создания общего фона, на котором развертывается ряд других действий» [там же: 127]:

(31) Мы нэнэеным Изёй гуртэ мынйськом вал. Нюлэскы вуим, но шур сьӧрысен пумитамы беглойёс потйзы.
‘Шли мы с матерью в деревню Изей. Когда мы пришли в лес, из-за реки навстречу нам вышли беглецы’

Аналогичные показатели ретроспективного сдвига есть также в коми-зырянском (*вӧлі*, образует с перфектом плюсквамперфект, а с презенсом прошедшее длительное время, имеющее и употребления с семантикой ‘прекращенная ситуация’) и в марийском (*ыле*, функции те же); оба эти показателя, как и удмуртское *вал* и русское *было*, представляют собой «застывшую форму» третьего лица единственного числа глагола ‘быть’.

Но близость семантики *было* как аддитивного показателя к типологически известной семантике плюсквамперфекта (и «русского плюсквамперфекта» в частности) очевидна, и в любом случае подобное развитие нельзя списывать всецело на счет контактного или суб-

стратного влияния. О необходимой осторожности и трудностях, на которые наталкивается гипотеза о финно-угорском заимствовании, см. II.6.2.

Во-вторых, надо учитывать и роль известных в северных говорах и тоже весьма древних (возможно, они представлены, в частности, в поздних берестяных грамотах [Зализняк 1995/2004: 181]) т. н. «конструкций с избыточным *есть*», в которых глагол *быть* выступает в составе полипредикативной конструкции со специфическим значением ‘дело [ведь] обстоит/обстояло так, что…’ (вроде *Ребята есть курят* или *Тамочка* [‘там’] *есь речка была*). Такие конструкции тоже могли влиять на аналогичные сочетания с *было* в говорах, которые, таким образом, и на русской почве могут восходить не только к плюсквамперфекту (об этой проблеме см. [Шевелева 2006: 216—217] и [Шевелева 2007]; в этой последней работе проанализирован значительный и важный материал как из средневековых памятников, так и из говоров).

Таким образом, материал современных северных говоров демонстрирует сохранение семантической зоны, характерной для «русского плюсквамперфекта». С другой стороны, в говорах гораздо шире отражено значение ‘прекращенной ситуации’, чем значение ‘прерванного действия’ или ‘действия с аннулированным результатом’. Последнее обстоятельство отличает диалектную форму как от сверхсложного показателя древнерусских письменных памятников, так и от конструкции с частицей *было* современного русского литературного языка, где значения недостигнутого или аннулированного результата являются основными.

Надо признать, что, для того чтобы объяснить это различие, нам не хватает сведений о семантике древнерусской сверхсложной формы, прежде всего о том, могла ли она передавать значение ‘прекращенной ситуации’. В зависимости от ответа на этот вопрос возможны следующие альтернативные интерпретации данных севернорусских диалектов:

— положительный ответ означал бы, по-видимому, что диалектные формы унаследовали и сохранили до наших дней набор значений «русского плюсквамперфекта», а в современном литературном языке он подвергся сильной редукции;
— в случае отрицательного ответа, надо полагать, что северные говоры прошли особый путь развития, связанный с обобщением значения ‘недостигнутый или аннулированный результат’ в сторону ‘неактуального прошедшего’ вообще, литературный же язык непо-

средственно продолжает ситуацию, засвидетельствованную в древнерусских памятниках.

В обоих случаях существенную роль мог играть как финно-угорский субстрат, так и исследованные М. Н. Шевелевой конструкции с избыточным *есть*/*было*: в первом — способствовать консервации древней семантики, во втором — стимулировать развитие новых значений.

Типологические соображения говорят, скорее, в пользу первого решения: в большинстве языков, где у плюсквамперфекта представлено значение ‘аннулированный результат’, оно сопровождается также и другими типами употреблений, связанными с неактуальным прошедшим [ср. Dahl 1985]. И действительно, как мы видели (II.2.2), у сверхсложной формы имеется значение «сдвиг начальной точки», а кроме того, и его «антирезультативные» [Плунгян 2001] употребления далеко не всегда похожи на употребления современной частицы *было*.

Однако возможен и третий вариант: значение ‘неактуального прошедшего’ было свойствено восточнославянской сверхсложной форме на раннем этапе, затем было утеряно и вновь «возродилось» на русском севере. Такая картина не исключена, учитывая известную роль циклических процессов в жизни языка.

II.3. ЧАСТИЦЫ *БЫЛО* И *БЫВАЛО* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА [1]

Уже немалая литература посвящена частице *было* в современном русском языке [Чернов 1970; Barentsen 1986; Шошитайшвили 1998; Князев 2004, Попова-Боттино 2008; 2009; Kagan 2011], а, с другой стороны, древнерусскому и среднерусскому плюсквамперфекту со вспомогательным *былъ* — ее диахроническому источнику [Петрухин, Сичинава 2006; Шевелева 2007] (см. также II.2) и последовавшая полемика на страницах журнала «Русский язык в научном освещении», [Жукова, Шевелева 2010]. Есть специальные работы о рефлексах плюсквамперфекта в современных говорах [Пожарицкая 1991; 1996; 2010; 2012; Громова 2010]. Все эти три группы работ объединены общим сюжетом, связанным с формальной и семантической эволюцией данного показателя, его этимологией.

В разделе II.4 на материале Национального корпуса русского языка я рассматриваю современную (после 1950 г.) сочетаемость частицы *было*, а в разделе II.6 — диахроническую эволюцию частицы *было* в разных отношениях — просодическом, сочетаемостном, семантическом. В последней работе наряду с *было* анализируется и частица (вводное слово) *бывало.* Такое сближение не случайно. С морфологической точки зрения и *было*, и *бывало* могут рассматриваться в ряду так называемых «вторичных модификаторов» (или «операторов» [Идиатов 2003]), достаточно тесно присоединяющихся «снаружи» к полностью оформленной словоформе финитного глагола. Оба эти показателя относятся к семантической зоне «неактуального прошедшего». По внутренней форме они также близки, совпадая со словоформами ед. ч. ср. р. прошедшего времени глаголов *быть* и *бывать* — кстати, такое происхождение типологически свойственно маркерам неактуального прошедшего. Известно также об употреблении частицы *было* в функции *бывало* в ряде контекстов, в том числе в диалектах, так что есть основания говорить о сосуществовании и взаимов-

[1] В основе этого раздела лежит статья [Сичинава 2012].

лиянии нескольких конструкций с этой частицей (данной проблематике специально посвящен раздел II.5).

Необходимо ближе взглянуть на один период истории частицы *было* — XVIII век. Это переходная эпоха между среднерусским и современным литературным языком, в целом ряде отношений совмещающая черты архаические и инновативные. Не является исключением и употребительность частицы *было*. Прозаические и поэтические тексты Национального корпуса русского языка для данного периода охватывают уже 4,5 миллиона словоупотреблений, и на их базе (разумеется, с привлечением дополнительных источников, прежде всего, исторических словарей) уже возможно сравнивать функционирование *было* в XVIII веке с современным.

Весьма содержательный, несмотря на требуемую от словарной статьи краткость формулировок, анализ семантики частицы *было* в XVIII в. проведен в [Словарь XVIII, 2: 180—181] (автор статьи — И. М. Мальцева). Здесь выделено пять значений частицы и приведены важные примеры, некоторые из которых еще не попали в Национальный корпус. Подробно же конструкции с *было* в языке XVIII века до сих пор не рассматривались (корпус А. Барентсена, автора до сих пор непревзойденной во многих отношениях работы [Barentsen 1986], начинается только с XIX века). Это «слабое звено», выпадавшее из общей, почти тысячелетней хронологии восточнославянского плюсквамперфекта. Попытаемся хотя бы отчасти компенсировать этот пробел.

II.3.1. Формальные свойства частицы *было*

Несогласованное *было* отмечено русскими историческими словарями с конца XVI—XVII вв., причем в этот период оно выступает параллельно с согласуемым показателем плюсквамперфекта. XVIII век — первый период, когда из письменных текстов (и, видимо, из устной речи великорусского центра) уже полностью исчез согласуемый плюсквамперфект с *был-*, «отступив» в северные говоры, где он активен и сейчас, в том числе в речи молодого поколения [Громова 2010]. В этом же веке уже достаточно активно употребляются конструкции с факультативным *было* — *чуть (было) не* и *едва (было) не*, обладающие особыми свойствами. Эти конструкции мы вслед за [Barentsen 1986: 35ff] в общем ряду не рассматриваем, однако привлекаем для сравнения с рядом нестандартных употреблений конструкции с *было*. В то же время это последний период истории языка, когда в русском языке еще нет отмеченных не позднее 1830 года нефинит-

ных конструкций (типа *прекратившийся было*, *прекратившись было*), демонстрирующих особые свойства сочетаемости. В принципе, сочетание этих двух отрицательных параметров («уже-отсутствие» согласуемого показателя плюсквамперфекта плюс «еще-отсутствие» нефинитной конструкции) служит достаточно неплохой хронологической рамкой интересующего нас периода, хотя, естественно, она и не может совпасть с точными границами 1701—1800. Далее мы будем привлекать для сравнения также примеры из текстов предшествующего или последующего периода, в том числе и из разрабатываемого в настоящее время в составе Национального корпуса русского языка подкорпуса старорусских текстов (XV—XVII века). Однако при подсчетах используются только тексты, даты создания которых пересекаются с хронологическим XVIII веком.

II.3.1.1. Линейная позиция

Известно, что в древне- и среднерусский период элемент *был-* в составе плюсквамперфекта приобрел энклитический статус (хотя, по-видимому, не вполне последовательно) и подчинялся закону Вакернагеля, причем в известной мере соответствующие механизмы действуют и сейчас [Зализняк 2008: 39—40]. В XVIII веке соотношение между постпозицией и препозицией частицы *было* уже не радикально отличалось от того, которое обнаруживается и для современного языка — на долю препозиции приходится 25% всех употреблений (см. раздел II.4, для разных выборок современных текстов уровень препозиции *было* колеблется от 17% до 24%). Вместе с тем в XVIII веке гораздо чаще, чем теперь, была употребительна дистантная препозиция, при которой частица *было* пропускает между собой и *л*-формой глагола еще какие-то слова[2]. В корпусе XVIII века из 77 случаев с препозицией *было* в 31 случае препозиция дистантная (40% случаев), в то время как в современных текстах соотношение совсем другое — всего 3 примера из 65 (по данным подкорпуса со снятой омонимией). В большинстве случаев дистантная препозиция связана имен-

[2] Дистантная постпозиция (контексты типа *сказал он было*) маргинальна как в языке XVIII в., так и в современном. В текстах после 1950 г. (подкорпус со снятой омонимией) дистантная постпозиция встретилась 2 раза из 325 случаев постпозиции (в совершенно однотипных фразах у одного автора, подробнее см. II.4.2), в текстах XVIII в. — 3 раза из 231 (фактически тоже два, так как один пример — результат издательской конъектуры).

но с соблюдением закона Вакернагеля — *было* стоит после первого полноударного слова:

(1) Не могу и теперь удержаться от бешенства, которое произвел во мне актер, которому я намерен был прочитать ее; на сей коне́ц было с ним и познакомился и в назначенный день привез к нему мою комедию на дровнях [И. А. Крылов (?). Покаяние сочинителя крадуна (1792)].

(2) Я их не бивал, не бранивал, а они́ было меня ознобили [А. П. Сумароков. Вздорщица (1770)].

Ряд отклонений от этого правила связан с местоимением (союзным словом) *который*. Хотя оно (в актуальной в данном случае функции подлежащего) стоит в начале клаузы и, вероятно, всегда было ударным, после него *было* может ставиться как с соблюдением правила (2 раза):

(3) Ныне всемилостивейше царствующая наша мать утвердила прежние указы высочайшим о дворянстве положением, которое было всех степенных наших востревожило, ибо древние роды поставлены в дворянской книге ниже всех [А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779—1790)].

так и после следующего фонетического слова (6 раз):

(4) 600 человек татар, которые в Азов было пройтить хотели, в 10 числе от нашей конницы разбиты и отогнаны [И. А. Желябужский. Дневные записки (1682—1709)].

В исследуемый период только начинают формироваться дополнительные — лексические и семантические — критерии, способствующие препозиции *было* и выделяемые в современном языке [Шошитайшвили 1998а; Сичинава 2009: 368—370]. В современном языке заметна тенденция наречий *совсем* и *уже* «тянуть» *было* на себя: *совсем было забыл, уже было собрался.* В XVIII в. эти слова еще сами по себе редко встречаются в нашей конструкции, а для *совсем* отмечен и другой порядок слов:

(5) Я было тебя совсем по старине воспитывала и радовалась, что слышала о тебе многие похвалы [И. А. Крылов. Почта Духов (1789)].

Характерная для современного языка склонность к препозиции *было* с глаголами эмоции и умозаключения, по-видимому, уже начала

обозначаться в XVIII веке (эти глаголы составляют 8% лексического наполнения нашей конструкции с постпозицией *было* и 17% — с препозицией):

(6) Калиф было усумнился, человек ли это; но, по босым ногам и по бороде, скоро в том уверился [И. А. Крылов. Каиб. Восточная повесть (1792)].

В XVIII веке энклитика *было* лучше соблюдает закон Вакернагеля и в том отношении, что она еще не засвидетельствована в начале предикативной группы (клаузы), в отличие от современных текстов, где, вопреки [Зализняк 2008: 268] и [Попова-Боттино 2009], все же отмечены примеры типа *Заметили эту аморалку британцы, было обрадовались, но тут же и огорчились* (см. II.4.2).

II.3.1.2. Безударность

Энклитический статус частицы *было* прослеживается в появившейся в XVIII веке силлабо-тонической поэзии. В строках двусложных размеров слог *бы* в ряде случаев попадает на слабое место, а *ло* — на сильное. Это может свидетельствовать о безударности обоих слогов, аналогично тому, как в русской поэзии всех веков эта словоформа располагается в заведомо энклитической позиции: *нé было, нú было*. При этом необходимо учитывать, что в XVIII в. словоформа *было* изредка выступает в такой позиции стиха не только как частица, но и в качестве формы глагола *быть*, поэтому у соответствующих авторов нельзя исключать просто ударения на *-о*, как в ряде русских говоров, а также украинском и белорусском, а кроме того, перехода связки *было* в статус энклитики, особенно с предикативами (*надо было* и т. п.).

Показательны случаи, когда у одного и того же автора частица и глагол *было* акцентуированы по-разному. Особенно интересен в разных отношениях замечательный пример из Львова:

(7) Меня было ошаломило…
Ударясь в стену головой
И став, как надобно, шальной,
Какой-то скользкою тропой
Я шел и долом и горой;
И так было мне любо было
В чаду, в тумане колесить!
[Н. А. Львов. Фортуна (Эпистола к А. М. Бакунину, 1) (1797)]

Помимо характерных для XVIII века и не свойственных современному языку употреблений в нашей конструкции связки *быть* и безличного глагола *ошаломить* (см. разделы II.3.2.4, II.3.2.5.2), в этом пассаже имеется прямое акцентологическое противопоставление безударной клитики *было* (дважды) и полноударной словоформы *бы́ло* (в позиции ударной константы в рифме). Кроме этого стихотворения Львова, безударное *было* в составе нашей конструкции, противопоставленное ударному (не считая конструкции *чуть было не*, где *было* также не акцентуируется), отмечено у Рубана, Ржевского, Муравьева, дважды у Хемницера, трижды в «Елисее» Майкова. Словоформа *было* регулярно выступала как безударная также и в составе конструкции долженствования с инфинитивом (*Мне петь было о Трое* — М. В. Ломоносов, *Ах! Беречь было монету Белую на черный день!* — Г. Р. Державин)[3].

С другой стороны, в материале поэтического корпуса обращает на себя внимание необычный пример *было* в начале силлабической строки после enjambement, при том, что и семантически контекст для нашей конструкции весьма необычен (о проблемах этого нередко цитируемого литературоведами и лингвистами пассажа, который в интересующем нас отношении, возможно, не вполне надежен, см. II.3.2.8):

---

[3] *Было* в составе инфинитивно-дативной конструкции (со значением ‘X-у надо бы/надо было P’) демонстрирует, помимо формальной, и определенную семантическую близость к обсуждаемой конструкции. Это прежде всего идея неактуальности, упущенной возможности, противопоставленная событиям в настоящем. Модальное *было* с инфинитивом, как и с финитным модальным глаголом (*могло было / могло бы*, ср. раздел II.3.2.7.), демонстрирует взаимозаменяемость с частицей сослагательного наклонения *бы:* ср. продолжение цитированной строки Ломоносова: <u>*Мне петь было*</u> *о Трое, // О Кадме* <u>*мне бы петь*</u>. В ряде словарей (включая словарь Даля и [Словарь XVIII]) эти конструкции так или иначе объединены. Я предпочитаю этого не делать (как и в [Barentsen 1986: 58]) по двум причинам. Во-первых, конструкция *было* + инфинитив имеет парадигматические соответствия в настоящем и будущем времени: *Мне идти — Мне было идти — Мне будет идти*, для последнего ср. *Теперь* <u>*мне будет терпеть*</u> *убыток, который пришел очень некстати, затем что в деньгах у меня и без того изобилия нет* (Д. И. Фонвизин. К родным (1763—1774)). Это предполагает здесь, по крайней мере исторически, связку *быть*, а не особый показатель. Во-вторых, грамматическая сочетаемость словоформы *было* в этих конструкциях слишком различна, и как будто бы нет пограничных контекстов, где две конструкции смешиваются (в отличие от *было*, синонимичного *бывало*, ср. II.3.3).

(8) Прибыл я в город ваш в день некий знаменитый;
Пришед к воротам, нашел, что спит как убитый
Мужик с ружьем, который, как потом проведал,
Поставлен был вход стеречь; еще не обедал
Было народ, и солнце полкруга небесна
Не пробегло, а почти уж улица тесна
Была от лежащих тел.
[А. Д. Кантемир. Сатира V. На человеческие злонравия вообще. Сатир и Периерг (1731—1743)][4]

Как в XVII, так и в XVIII в. известен также вариант конструкции, при котором элемент *был-* выступает с иной гласной в корне — *бол-* или *бал-*, причем в записи окончания может отразиться фонетическая редукция (засвидетельствованы варианты *бол, бола, боло, бала*, возможно, также *бал*). Варианты этого ряда неоднократно засвидетельствованы в деловых и частных документах, а также в фольклорных записях (Кирша Данилов) и литературной стилизации.

(9) А казловскои мерин бола охрамѣл и мы приводили конавала и он вырезовал выподак и ево Бгъ помиловал. (1694 [СОРЯ МР, 1: 328])

(10) А я бала для ѕемли поехалъ и сам за Суру, и меня в то число захватила болѣзнь [Д. Пестров сестре Екатерине Калистратовне (конец XVII — начало XVIII в.); Грамотки 1969, № 67 — из подкорпуса среднерусских текстов НКРЯ][5]

(11) Какой проливной бола пошел дозжик, да перестал скоро [А. О. Аблесимов. Мельник, колдун, обманщик и сват (1779)].

В цитируемой комической опере Аблесимова, «низкий штиль» которой ориентирован на воспроизведение простонародных речевых масок средствами орфографии, форма *бола*, помимо трех примеров,

[4] Обсуждаемый текст появился не ранее 1737 года, когда Кантемир начал работу над второй редакцией сатиры; в первой редакции 1731 г. этих строк нет.

[5] Не исключено, что в той же грамотке Пестрова есть еще более интересный пример данной конструкции: *А ѕемля у нас была балъ* (к словоформе *балъ* специальное примечание издателей: «так в ркп.») *и приторгована толка в споре*, если трактовать это как ‘А мы уже и приобрели было землю, но она спорная’. Если наша интерпретация верна, то здесь одновременно представлены два раритетных явления, характерных для исследуемого периода: еще один вариант энклитики *было* — *балъ* [бъл], с редукцией второго гласного до нуля, и сочетание конструкции с глаголом-связкой *быть* (ср. пункт II.3.2.4. и примеры типа *было намерен был, был принужден было*).

соответствующих нашей конструкции (реплики Мельника и Филимона), встречается также в песне Фетиньи: *Ах! на что ж <u>бола</u>, ах! к чему ж <u>бола</u> / мне на свете быть / во кручине жить* в составе инфинитивой конструкции долженствования *было X-у P* (что здесь *было* также выступало как энклитика, показывает его безударность в поэтическом корпусе, см. выше). В то же время в репликах этих же персонажей в остальных контекстах выступает стандартное *было* (*Нет! стану курныкать помаленьку, только чтоб не так страшно мне было, Женился бы не шутем, кабы было можно, Только нам было и нада*, также в составе песни: *На заре то было да на утренней*). В цитируемой грамотке Д. Пестрова также в контексте ударной словоформы используется стандартная орфография: *чтоб было для чего ходит*(*ь*).

Вариант с *бол-*/*бал-*, особенно там, где он противопоставлен *было*, можно рассматривать двояко. Во-первых, это может быть чисто фонетическое явление, а именно, передача совпадения безударного /ы/ с /ъ/ (ср. пушкинское *Мне вы́мали голову* [Панов 1990: 268], редкие написания типа *вымослу, выиграш* вместо *вымыслу, выигрыш* в XVIII в. тоже отмечены [там же: 397]); в таком случае это просто отражение энклитического статуса на письме. В любом случае, систематичность такого написания в некоторых текстах (при гораздо большей редкости фиксации безударного *ы* как *о* или *а* в иных случаях) показательна и может говорить о том, что писавшие воспринимали энклитику как иное слово, чем форма глагола *быть*. Если же в ряде этих примеров за *о* или *а* все же стоит звук, чем-то отличный от безударного *ы* в иных контекстах, то можно было бы рассматривать такие формы как еще один признак формальной грамматикализации этого показателя: в условиях безударности меняется качество гласного, что окончательно отрывает показатель от набора форм глагола *быть*. Подобное развитие, по крайней мере в части случаев, сопровождается утратой согласования. Более того, если принять интерпретацию примера *ѕемля была балъ* как отражение *земля была было* с утратой финального гласного, то, строго говоря, у нас не остается надежных случаев согласуемого показателя с корнем *бол-* или *бал-*: примеры из [СОРЯ МР: 328] типа *а <u>свелъ болъ</u> с сабою крестьянина* или *лисица <u>пришла бала</u>* не позволяют отличить сохранение исконной формы от вторичной редукции или утраты безударного окончания в несогласованном *было*, а диагностических примеров с конечным *-и* типа **бали*/*боли пришли* пока не встретилось.

II.3.1.3. Грамматическая сочетаемость

С точки зрения грамматической сочетаемости (то есть круга грамматических форм, в контексте которых она может выступать) частица *было* в XVIII веке характеризуется отсутствием целого ряда типов контекстов, характерных для современного языка: она не сочетается с причастиями (*прекратившийся было дождь опять полил*), деепричастиями (*дождь, прекратившись было, опять полил*), praesens historicum (*старая гвардия бросается было на выручку Наполеону*) и нулем глагола (*Акакий Акакиевич еще было насчет починки*). Если не считать нестандартного использования *было* как аналога *бывало* (см. раздел 3.2), оно встречается, как и ранее согласуемый показатель плюсквамперфекта, только с *л*-формой. Это существенно, поскольку «нефинитная конструкция» (см. II.4) по целому ряду параметров, прежде всего семантических, отличается от финитной конструкции с *л*-формой. До появления конструкции с причастиями в соответствующих контекстах используются относительные предложения с *который*:

(12) Молодой человек оглянулся и увидел бегущую няню… которую наши любовники совсем <u>было забыли</u> [Н. М. Карамзин. Наталья, боярская дочь (1792)] (= совсем было забытую нашими любовниками).

Нефинитная конструкция не характерна не только для XVIII, но и для первой четверти XIX века: активной она становится только в пушкинскую эпоху. По состоянию НКРЯ на май 2012 г., первое сочетание причастия с *было* отмечено у А. О. Корниловича (1832), деепричастия — у А. С. Пушкина в «Опровержениях на критики» (1830; *усадив было*). Первые примеры сочетания *было* с нулевым глаголом встречаются несколько раньше, причем оба раза в стихах в безударной позиции: *Она было назад к своим: но те совсем / Заклеванной Вороны не узнали* [И. А. Крылов, «Ворона», 1823], *Я от него было и двери на запор* [А. С. Грибоедов, «Горе от ума», 1824]. Далее на протяжении 1830-х — начала 1840-х годов новые примеры нефинитной конструкции появляются регулярно (Лажечников, Никитенко, Надежда Дурова, Гоголь).

II.3.2. Лексическая сочетаемость и интерпретация частицы было

II.3.2.1. Общее. Нарушение нормального хода ситуации

В связи с семантикой частицы *было* в современном русском языке существуют две конкурирующие трактовки — модализация значения

(«неосуществление задуманного действия») и значение аннулированного, недостигнутого результата (подробнее об этих трактовках см. [Barentsen 1986: 14ff], а также раздел II.4.3). Ср. толкование в Словаре XI—XVII (где приведен пример 1597 г.): «указывает, что действие, обозначенное знаменательным глаголом, рассматривается говорящим как несостоявшееся и недействительное». Представляется, что обе эти трактовки можно примирить через предложенную А. Барентсеном и затем развитую Ю. П. Князевым [Князев 2004] идею «нарушения нормального хода течения событий», частными случаями которой являются как отмененный или недостигнутый результат, так и недостижение прагматической цели в рамках некоторой более широкой «макроситуации» (по Князеву). Принципиально важна для современной русской частицы *было* такая специфика, как кратковременность существования начатой ситуации и пресечение ее «на корню». Об этом говорит как ее повышенная сочетаемость с глаголами-инхоативами (помимо прототипических *начать* или *стать*, также и с такими специфическими, как *броситься, кинуться* и *раскрыть рот*).

Семантика нарушения нормального хода ситуации налицо уже во всех ранних примерах несогласованного *было* (XVI—XVII века), приводимых историческими словарями и/или включенных в готовящийся среднерусский корпус НКРЯ. Ср. также ранние примеры (Иван Грозный[6], Котошихин, Аввакум), которые приводит П. С. Кузнецов [1953: 243].

Подобные употребления характерны и для языка XVIII века. Ср. следующие контексты, в которых результат действия достигнут, но не осуществлено некоторое прагматически предполагавшееся следствие этого результата (герои приехали, но не блеснули своей одеждой; приказ отдан, а осужденный хотя и лишился жизни, но иначе, чем этого хотел султан).

(13) Они нарочно <u>приехали было</u> на сие гулянье с тем намерением, чтоб блеснуть новомодными своими кафтанами, но вдруг увидели, что как оные, так и чудное здание, воздвигнутое на их головах

---

[6] В связи с примером из Ивана Грозного Кузнецов допускает, что утрата согласования принадлежит переписчику XVII века. Добавим, что то же возможно и для найденных при помощи среднерусского подкорпуса НКРЯ нескольких контекстов из двух знаменитых современников Грозного — Ивана Пересветова и Андрея Курбского, — сочинения которых сохранились, в основном, в списках следующего столетия.

французскими парикмахерами, от дождя и от пыли совершенно были испорчены! [И. А. Крылов. Почта Духов (1789)]

(14) Некоторые сказывают, что султан приказал было ему отсечь голову; но визирь, для избежания толь насильственного и бесчестного поступка в рассуждении целой французской нации, приказал отправить его на тот свет посредством яда [П. А. Левашов. Цареградские письма (1789)].

II.3.2.2. Распределение по семантическим классам и видам

При этом сочетаемость показателя *было*, список частотных лексем, выбираемых конструкцией, интерпретация контекстов в ряде существенных отношений отличается от современного русского языка.

Прежде всего, обращает на себя внимание значительная свобода в выборе лексического наполнения конструкции по сравнению с современным языком. Для современного языка можно выделить список глаголов, особо частотных в контексте частицы *было* (данные приводим по II.4.4). Так, в составе финитной конструкции первые 25 глаголов по частотности таковы: *хотеть*, *начать* (речь), *начать* (+ инфинитив), *собраться* (+ инфинитив), *попытаться*, *подумать*, *решить* (+ инфинитив), *открыть рот*, *решить* 'сделать вывод', *пойти*, *двинуться*, *сунуться*, *попробовать*, *стать* 'начать', *рвануться*, *потянуться*, *пытаться*, *направиться*, *приняться*, *взяться*, *броситься*, *кинуться*. Этот список охватывает 62% вхождений конструкции. Нефинитная конструкция (которой, как мы помним, в XVIII веке не было) гораздо «свободнее» в выборе лексики (первые 24 элемента списка охватывают лишь 34% примеров) и оказывает предпочтение иному набору глаголов: *начать*, *возникнуть*, *начаться*, *утратить*, *задремать*, *угаснуть*, *исчезнуть*, *вспыхнуть*, *затихнуть*, *подняться*, *потеряться*, *собраться*, *сунуться*, *открыть рот*, *растеряться*, *заскучать*, *мелькнуть*, *наметить*, *наметиться*, *остановиться*, *отчаяться*, *появиться*, *притихнуть*, *ускользнуть*.

В текстах XVIII века выявляется следующий список первых 22 глаголов по частотности: *хотеть*, *начать*, *надлежать*, *сделать*, *начаться*, *стать*, *забыть*, *броситься*, *вознамериться*, *вздумать*, *пойти*, *прийти*, *довестись*, *определить*, *хотеться*, *зачать*, *принять*, *лечь*, *позабыть*, *быть*. Этот список охватывает 49% контекстов — таким образом, конструкция с *было* по лексической свободе занимает примерно промежуточное положение между современным состоянием финитной и еще не родившейся нефинитной.

Надо учитывать, что устойчивость этого списка, в том числе даже его верхней части сразу вслед за лидирующими с большим отрывом *хотеть* и *начать*, существенно меньше, чем у вычисленного на материале современных текстов, прежде всего из-за многократного различия в объеме корпусов; более информативен подсчет по семантическим группам лексики. В нижеприведенной таблице указано распределение семантических классов глаголов в XVIII в. и в современном корпусе. Сумма процентов может превышать 100%, так как глагол может быть одновременно отнесен к двум классам.

Семантический класс	XVIII век	1950—2005, финитная конструкция	1950—2005, нефинитная конструкция
глаголы достижения результата (*уснуть, доказать*)	30%	14%	65%
глаголы желания (*хотеть, требовать*)	26%	23%	~1%
инхоативы (*начать, взлететь*)	23%	43%	22%
семельфактивы (*крикнуть, двинуть*)	~0%	12%	8%
глаголы движения (*пойти, кинуться*)	8%	14%	8%
глаголы умозаключения и эмоции (*решить, обрадоваться*)	10%	10%	~1%
глаголы речи (*сказать, объявить*)	3%	17%	~0%
модальные глаголы (*надлежать, мочь*)	5%	~0%	0%
глаголы попытки (*пытаться, покушаться*)	2%	8%	7%

Сравним также сочетаемость конструкции с глагольными видами:

Совершенный вид	72%	84%	98%
Несовершенный вид	28%	16%	2%

Разберем различия между XVIII веком и современным состоянием по ряду из этих параметров.

II.3.2.3. Глаголы несовершенного вида

Круг глаголов несовершенного вида, допустимых в конструкции с *было*, для современного языка почти полностью ограничен глаголами желания типа *хотеть.* Вместе с тем видовая сочетаемость несогласуемого *было*, как и древнерусского плюсквамперфекта с *былъ*, изначально была очень широкой, охватывая самые разные семантические классы. Например, «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков» дает, помимо других, следующие примеры [СОРЯ МР 1: 328] (в словаре толкование этой конструкции не приводится, хотя в целом классификация конструкций с *быть* и их формами весьма подробна):

(15) Говорил было мне доброй человек, посулил было он мне взаймы денег [Азбука о голом и небогатом человеке (XVII в.)]
(16) Из розных мѣстъ пишут, что за милю от города Праги свѣискои генерал Виттенбярхъ цесаревых людеи которые было шли в Прагу на выручку… всѣхъ наголову побилъ [Вести-Куранты IV (1648)].
(17) Дулъ было в ту дутку да не пищитъ [Симони, Пословицы (XVII в.)]

Ср. пример из подкорпуса старорусских (среднерусских) текстов НКРЯ:

(18) А то, мои свѣт, и сама говорю, что не к чести твоя служба всем прежним воеводам: давали грамоты такие, писали кнзь Григоря товарыщем, а тебѣ, свѣт мои, се такои грамоты не послали, а все то, свѣт мои, зделали Богдан Матвеевич Хитров да Иван Маѯимович Языков да дьяк Василеи Григоревич Семенов, а то, свѣт мои, все было говорили бояря, что было дат(ь) тебѣ такая грамота, чтоб быт(ь) кнзь Григорю у тебя в товарыщах [Т. И. Голицына В. В. Голицыну (1677.09.01), МДБП 1968, № 2и].

Подобные примеры есть и в корпусе XVIII в.:

(19) Скотинин. Ба! ба! ба! Да эдак и до меня доберутся. Да эдак и всякий Скотинин может попасть под опеку... Уберусь же я отсюда подобру-поздорову. 〈…〉 Скотинин (Стародуму). Я шел было к тебе добиться толку. 〈…〉 Ага! так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и… [Д. И. Фонвизин, Недоросль (1782)].
(20) Узнавши, что Хвостов к Шумилову посланье, Рассудку здравому и вкусу в порицанье, Твореньем ничего не стоящим считал, Я в

том винил было сперва его незнанье; Да некто мне растолковал, Что глупость эту он в каникулах сказал [И. И. Хемницер. На Хвостова (1782)].

Последние примеры употребления в данной конструкции глагола движения НСВ, не считая итеративные контексты, для которых конструкция с *было* допустима и в современном языке [Barentsen 1986, Шошитайшвили 1998a] (*несколько раз поднимал было, выныривал было*), а именно два сочетания *шел было* (причем как с постпозицией *было*, так и с препозицией) в Корпусе встретились в «Котловане» А. П. Платонова (1930). После этого в составе конструкции не отмечено и переносного значения глагола *идти* (типа *все шло было очень хорошо* у Пришвина).

Примеры глаголов речи НСВ в сочетании с частицей *было* в Корпусе[7] датированы периодом не позже 1950 года (большинство до 1900 года). Уже в XIX веке они ограниченно продуктивны, будучи связаны почти исключительно с глаголами побуждения в итеративном контексте (*было уговаривал, было зазывали, было поучали, было просила, требовали было, заговаривали было, напрашивались было, звал было, грозил было*), встретился глагол *отвечать* (*капитан сперва было отвечал отказом* (К. М. Станюкович. Максимка (1896)), также у Вельтмана и несколько раз у Писемского), в этих контекстах фактически равнозначный глаголу СВ *ответить* (то же верно и для глагола *докладывать*). Глагол *поговаривать*, имеющий семантику намерения, по этой причине активен в языке до сих пор (*Дольщики поговаривали было о «замораживании» строительства*, пример из Google). Последний пример *говорил было* встречается у Писемского в 1858 году, итеративного *говаривал было* — у Мережковского в 1905 году (см. пример (63)).

Нехарактерно для современного языка также вхождение в данную конструкцию глагола НСВ с семантикой ‘надеяться’:

(21) Мы ласкались было получить здесь письма ваши; однако почта пришла и к нам не привезла ничего [Д. И. Фонвизин. К родным (1784—1785)].

---

[7] Мы не учитываем тут двувидовых глаголов: *велеть*, *обещать*, *протестовать* (последний, как и *арестовать, апеллировать* и др., был в XVIII—XIX веках, несомненно, еще двувидовым).

II.3.2.4. Связка *быть*

Большой интерес представляет употребление в контексте конструкции с *было* самого глагола *быть*. Примеры такой формальной редупликации известны из северных говоров:

(22) У меня мама-то было была [Пожарицкая 1991; 1996] (см. также I.3.2.1.2)

В корпусе XVIII в. такие примеры встретились трижды: все три раза глагол *быть*, в отличие от диалектного примера, выступает не как полнозначный, а в качестве глагола-связки при кратком причастии или предикативе.

(23) Я было намерен был попросить у него на то и денег, но опасался, чтоб он мне не дал изрезанных обоев вместо червонцев [И. А. Крылов. Почта Духов (1789)].

(24) Пена текла у него из роту, и сам сатана принужден было бежать был тогда назад; однако со всем тем, по прошествии первого жару, начали рассуждать точнее о пользе сего перемирия... [Д. И. Фонвизин. Перемирие между суеверием и неверием (1788)]

Третий пример — уже известное нам стихотворение Львова со словами *И так было мне любо было* (пример 7). Вероятно, сюда можно добавить и цитировавшийся пример из грамотки Д. Пестрова (если он верно нами проинтерпретирован): *А ѕемля у нас была балъ и приторгована толка в споре* (подробнее см. раздел II.3.1.2, сноску к примеру 10).

Возможность употребления глагола *быть* в контексте частицы *было* реликтово сохранялась и в XIX веке, в том числе уже после появления нефинитной конструкции; ср. один из первых примеров на сочетание *было* с причастием:

(25) Пренебрежение, оказанное Чичиковым почти неумышленное, восстановило между дамами даже согласие, бывшее было на краю погибели по случаю завладения стулом. [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

II.3.2.5. Глаголы достижения состояния

Высокий процент употребления глаголов достижения состояния (об этом классе глаголов см. также [Barentsen 1986: 24—29]) — су-

щественная черта, отличающая эту конструкцию XVIII века от современной финитной. В то же время более скромен показатель глаголов-инхоативов, демонстрирующий иные семантические приоритеты: название статьи [Сичинава 2009] о современной частице *было* — «Стремиться пресекать на корню» — для настоящего раздела не подошло бы.

Ряд конкретных контекстов с глаголами достижения состояния, отмеченных в этот период, для современного языка не характерен. Так, в современном языке в данной конструкции малоупотребительны глаголы с семантикой сооружения (типа *построить*), причем только в контексте неожиданных последствий, а не ликвидации созданного (*Построили было первый в Союзе завод бутилированной артезианской воды.* ⟨…⟩ *Но он волею политических судеб оказался в суверенной Туркмении* [Известия, 22.06.1993]). В языке XVIII века они были возможны, причем не только в контексте нарушения ожидаемого хода событий (26), но и в контексте ликвидации результата (27).

(26) Дом господский дедушка его построил было на время, но они так в нем обжились, что нового и по сие время не построили [Н. И. Новиков. Живописец. Третье издание 1775 г. Часть II (1775)].

(27) Говорят, что Юрий Долгорукий застроил было тут настоящий город, но когда перенес его туда, где ныне Суждаль, то и прозвано место пустое Кинекша, то есть кинутое место [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни / Часть 4 / 1799—1806].

Другой пример обращения результата действия (а именно, восстановления полностью уничтоженного объекта) представлен в сочетании с глаголом *истребить*:

(28) Пожирающий пламень истребил было красоту сего священнаго здания: но промысл Божий неисповедимый, по временам нас наказывающий, се лучшим украшением изобильнейше утешил нас [архиепископ Платон (Левшин). Слово при освящении храма (1779)]

II.3.2.5.1. Глаголы необратимого результата

Особый интерес представляет ярко характерное для XVIII века употребление конструкции с *было* в сочетании с глаголами необратимого результата, в результате чего они получают интерпретацию ‘ре-

зультат не достигнут, хотя был близок’ (проксимативная, или авертивная, интерпретация; см. I.1.2.4 об этом типе значений). В современном языке сочетаемость *было* с такими глаголами очень редка, и практически всегда для ее возможности требуется наречие *совсем: совсем было замерз*. Обычно же используется специальная проксимативная конструкция с эксплицитным отрицанием *чуть* (*было*) *не*: *содрал было с меня кожу* = ‘чуть не содрал’, *замерз было* = ‘чуть не замерз’.

(29) Введенское ваше таково, что я замерз было на возвышении, где вы дом строить назначаете, от удовольствия, смотря на окрестность; и 24 градуса мороза насилу победили мое любопытство [Н. А. Львов. П. В. Лопухину (1799—1801)]
(30) Мы, сойдя с лошадей, по обыкновению сходимся в кружок; начали смеяться Хрипунову, как он уходил. — «Да, — отвечает, — проклятой турок, отъял было шею» [М. П. Загряжский. Записки (1770—1811)]
(31) Намнясь налетку укусила было бешеная собака, да скоро захватили [Н. И. Новиков. Живописец, третье издание (1775)].
(32) Перевести ли некоторые места… из которых вы узнаете, что Париж и во время Цесарево был уже столицею Галлии и что император Иулиан умер было в нем от угара? (Н. М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793))
(33) «Знаешь ли ты, что я вчерась умер было от желудка» [И. А. Крылов. Почта Духов (1789)].

Много таких примеров в произведениях Фонвизина:

(34) Брился у пьяного солдата, который содрал было с меня кожу [Д. И. Фонвизин. Отрывки из дневника четвертого заграничного путешествия (1786—1787)].
(35) Петиметр упал и задавил было свинью [Д. И. Фонвизин. Свинья и петиметр (1788)].
(36) Я редко смолоду краснелся, однако теперь от тебя, при старости, сгорел было [Д. И. Фонвизин. Бригадир (1783—1786)].
(37) Ночью помечталось ему, что Семка мой его зарезать хочет; пришел к невесте в комнату, плакал, выбросился было из окошка, но невеста его удержала (Д. И. Фонвизин. К родным [1784—1785]).

С другими глаголами достижения результата проксимативная интерпретация является лишь одной из возможных:

(38) Но все сие до такой степени меня замучило, что я из посредственных судей сделался было несносным ябедником. Вот на чем остановлю я моего читателя при конце сего года [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем… (1791—1798), заключительные строки раздела о 1792 годе].

В XIX и XX веках такие употребления уже единичны, ср.

(39) Через несколько минут Иван Данилович утирал уже лицо платком, входя в покой, где лежала Машенька. — Иван Данилович! — прошептала мать, встретив его, — умерла было без вас! Иван Данилович подошел к больной, взял ее за руку, и все жилки забились в нем, когда она вздохнула, очнулась и взглянула на него [А. Ф. Вельтман. Саломея (1848)].

При этом в языке XVIII века уже активны современная конструкция с отрицанием *чуть было не* и ее синоним *едва было не*, причем с теми же глаголами; пример (42) — из того же произведения, что пример (33) на *умер было*:

(40) Мне сказали, что ты вчера чуть было не умер от своей невоздержанности [А. П. Сумароков. Приданое обманом (1769)].
(41) Я им кафтана-то не давал и чуть было, лежа на улице в одной рубашке, не замерз [А. П. Сумароков. Вздорщица (1770)].
(42) Опасаясь, чтоб не быть опять таким образом когда-нибудь задавлену мореплавателями, решился я перенесть свой двор под который-нибудь полюс, и в тот же час бросился к северному, где едва было не замерз со всем своим двором [И. А. Крылов. Почта Духов (1789)].

II.3.2.5.2. Безличные глаголы

Еще один класс глаголов достижения состояния, практически утративший в современном языке сочетаемость с *было* — это безличные глаголы (для которых также возможна проксимативная/авертивная интерпретация, хотя и не является единственной):

(43) Меня было оглушило от битья в ладоши [Д. И. Фонвизин. К родным (1777—1778)].
(44) Меня было ошаломило! [Н. А. Львов. Фортуна: (Эпистола к А. М. Бакунину, 1) (1797.06.14)] (см. более широкий контекст из этого стихотворения в примере (7), показывающий, что лирический герой был «ошаломлен»)

II.3.2.6. Смягчение категоричности просьбы

В XVIII в. наметилось, но не получило развития типологически весьма характерное развитие плюсквамперфекта в сторону значения ‘вежливое смягчение категоричности’ при макроситуациях со значением просьбы. Примеры из [Словарь XVIII]:

(45) Я пришелъ-было къ тебѣ за тѣмъ, чтоб услышать, какъ мнѣ можно быть щастливымъ [Московский журнал, II (1791)].
(46) Я прибрел бола к тебе кручину свою размыкать; придумай, пригадай мне [А. О. Аблесимов. «Мельник, колдун, обманщик и сват» (1779)] (о варианте боло, бола см. выше, II.3.1.2.).

В обоих этих случаях показателем *было* оформлен глагол движения: говорящий с первого шага преуменьшает возможные последствия собственного появления перед собеседником и заверяет, что не собирается его беспокоить ничем серьезным. И. М. Мальцева выделяет для этих примеров особое значение частицы *было* ‘выражает некоторую неуверенность, сомнение в достижении желаемого’. Аналогичное употребление плюсквамперфекта, причем именно в контекстах типа ‘я пришел’, отмечено, например, во французском языке (*J’étais venu demander mes honoraires*) и в ряде других языков (см. подробнее, например, I.1.2.7), а в украинском сохранялось и в XX веке (см. II.7.3.2).

II.3.2.7. Модальные глаголы

Очень широкий и устойчивый класс сочетаний, ставший маргинальным в современном русском языке, связан с модальными глаголами. Наша конструкция в сочетании с ними приносит оттенок ирреальности, неосуществленности, поэтому *было* может быть заменено на *бы*. В современном тексте сочетания типа *могло было, следовало было* вместо *могло бы, следовало бы* — скорее ошибка, хотя и не столь уж редкая:

(47) В ходе этой работы вместе с учениками начнут постепенно выстраиваться контуры ответов на вопрос, как сделаны, как организованы современные практики, — и ответов на самый важный для молодых людей вопрос: как это все могло было быть сделано иначе [Геннадий Копылов. Образование, придающее силы // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.02].

В работе [Сичинава 2009: 366—367] мы предположили, что эта ненормативная конструкция «возникла под влиянием модальных конструкций с нормативным *было* и неглагольной лексемой (*надо было, должен был, возможно было*)». Пополнение корпуса XVIII века и изучение примеров этого периода показывает, что в действительности такая конструкция с модальными глаголами употреблялась широко с давнего времени (как и ее аналоги в украинском (см. подробнее II.7.3.2), польском[8], чешском и др.), а правило, запрещающие такие сочетания, возникло позже.

(48) Ваше благоприатное от 4 ч[исла] письмо с приложенною трагедиею и феерверком исправно получил, и из оных трагедие мне довольно понравилась и надеюся, что сей автор по его остроумию более чести получит, а другое к[о]е в чем требовало было лучшего суждения, но я критиковать оное оставляю [В. Н. Татищев. И. Д. Шумахеру (1748)].

(49) Но о таком негиблющем языке, который и тогда, когда мир и люди исчезнут, хотя он для людей и был сделан, существовать не престанет, надлежало было сказать, что он не от зачатия, но прежде еще зачатия мира был, когда он и после кончины оного не погибнет [П. С. Батурин. Исследование книги «О заблуждениях и истине» (1790)].

(50) … При предначинании сочинения моего «Описание о моровой язве, заразоносящейся чуме, свирепствовавшей в первопрестольном граде Москве» предлежало мне было просить князя Александра Алексеевича Вяземского о числе умерших и в других городах Российских, как и в Москве [Д. С. Самойлович. Способ самый удобный повсемственного врачевания смертоносной язвы (1797)].

О древности такой конструкции говорит пример XVI века:

(51) Божий же священникъ, отвѣща, рече ему: «Сим ли хвалишися, оканне, многобожие вводя и многи боги нарицаеши, имже было подобало паче постыдѣтися, по реченому: “Да постыдятся вси кланяющиися истуканным, хвалящиися о идолѣх своих?”»

[8] *Jako córka królewska, mogła była ona zająć na dworze cezara stanowisko równe córkom najpierwszych rodów* [Henryk Sienkiewicz. Quo vadis (1895—1896)] ‘Как царская дочь она могла бы занять при императорском дворе положение, равное девушкам из самых знатных семейств’ (пер. Е. Лысенко и Е. Рифтиной).

[Из Великих Миней Четьих митрополита Макария. 26 апреля. Слово о житии и учении Стефана Пермского (1530—1554) — из подкорпуса среднерусских текстов НКРЯ]

Схожий пример с глаголом *довлеть* ‘быть достаточным’ (в контексте — ’минимально требоваться’) отмечен в грамотке рубежа XVII и XVIII веков:

(52) Извествую млсти твоеи, гсдря моего, что за вышеписанные труды наши присланнои твои дал намъ гараздо скуднw: толко три крушка, за что было довлело дат(ь) вдвое того болши [А. Белибин И. А. Снарскому (1690—1710), Грамотки 1969, № 227 — из подкорпуса среднерусских текстов НКРЯ].

Аналогично были утрачены и модальные конструкции с неглагольной лексемой и связкой типа *принужден было был* (ср. раздел II.3.2.4 и пример (24)).

II.3.2.8. Таксисная интерпретация

Три примера с *было*, обнаруживаемые в корпусе, не демонстрируют семантики неактуальности результата или нарушения хода ситуации, а скорее могут быть проинтерпретированы как выражающие значение ‘предшествования в прошедшем’ (стандартную таксисную интерпретацию западноевропейского плюсквамперфекта вроде английского). Существование такого значения у великорусского плюсквамперфекта и особенно несогласуемой конструкции с *было* пока нельзя считать убедительно доказанным. Два таких примера встретились у Григория Сковороды (причем в одном пассаже):

(53) Провидел было Авраам блаженнейший свет ея [премудрости Божией] и, на ней уверившись, зделался со всею фамилиею справедливым, а с подданными благополучным. Однак она и прежде Авраама всегда у своих любителей живала. А Моисей, с невидимаго сего образа Божия будто план сняв, начертил его просто и грубо самонужнейшими линиями и, по нему основывав жидовское общество, зделал оное благополучным же и победительным. Он по-тогдашнему написал было его на каменных досках и так зделал, что невидимая премудрость Божия, будто видимый и тленный человек, чувственным голосом ко всем нам речь свою имеет [Григорий Сковорода. Начальная дверь ко христианскому добронравию (1766—1780)].

Еще один пример — из Кантемира: *еще не обедал / Было народ* — уже выше цитировался в связи с необычным местом enjambement в стихе (8). Любопытно, что именно этот пример из Кантемира у П. С. Кузнецова является единственной иллюстрацией «давнопрошедшего времени в старом значении, а именно в значении просто действия, предшествующего другому действию» в литературном языке начала XVIII века [Кузнецов 1953: 244].

Пока не нашлось других таких примеров этого периода, какую-то единую интерпретацию для них предложить затруднительно. Правдоподобна гипотеза, связывающая «таксисные» употребления у Сковороды с естественным для Украины влиянием «простой мовы», где такие употребления хорошо известны (происхождение их в самом западнорусском письменном языке и западноукраинских говорах дискуссионно, но сейчас нам важно само их наличие). Ср. таксисные и результативные употребления плюсквамперфекта в югозападнорусских/староукраинских памятниках XVI в. [Шевелева 2008: 242—243, Жукова, Шевелева 2010, Петрухин 2013]. Интересно, что при этом для обозначения еще далее обращенного в прошлое временного плана («прежде Авраама») Сковорода использует итеративный имперфектив на *-ва-* (*живала*); см. также о сближении этих форм I.1.2.6, II.3.3.1, [Успенский 1993]. Что касается примера из Кантемира[9], то, может быть, нелишне указать на существование в ряде изданий в этом месте разночтения, при котором словоформа *было* исчезает, а тем самым и обе связанные с ней трудности — акцентологическая и семантическая: … *еще не обѣдалъ* // *Тогда народъ*… — такая редакция принята, в частности, в «Сочинениях Кантемира» в издании А. Ф. Смирдина (СПб., 1847. С. 113). Вариант с *было* принят во всех изданиях Кантемира, включая научные, с конца XIX в. Конечно, вполне вероятно, что *тогда* вместо *было* представляет собой позднюю редакторскую замену нестандартного употребления частицы (принцип lectio difficilior), так что для решения этого вопроса нужно особое текстологическое исследование.

---

[9] Украинское влияние на речь образованных русских в петровскую эпоху не раз отмечалось [Панов 1990: 334], однако специальных оснований видеть его (тем более в грамматике) именно у Кантемира, происходившего, как известно, из молдавской семьи, но с раннего детства жившего и учившегося в Москве и Петербурге, нет. М. В. Панов отмечает у раннего Кантемира многочисленные рифмы ятя с *и*, соответствующие украинской фонетике (типа *рѣки — великій*), в зрелом творчестве исчезающие, но они были идущей с Украины общей приметой рифмовки виршей и встречаются у силлабистов — уроженцев России, например, Сильвестра Медведева [Там же].

II.3.3. *Бывало* в языке XVIII века

В русском языке XVIII в. отмечены также употребления *было*, близкие к семантике частицы (вводного слова) *бывало*. Сочетаемость последнего показателя также имеет ряд особенностей, поэтому рассмотрим сначала особенности употребления *бывало*.

II.3.3.1. Частица *бывало* и ее сочетаемость

Частица (или вводное слово) *бывало* означает так называемый регресс в повествовании: ‘некоторое положение дел имело место (возможно, неоднократно) в некотором замкнутом интервале в прошлом’. Она имеет существенно более широкую грамматическую сочетаемость, чем рассмотренные выше употребления *было*. Особо характерна для нее сочетаемость с презенсом совершенного вида в хабитуальном значении (*пойдешь бывало*…). Частица *бывало* делает интерпретацию презенса однозначной, компенсируя утрату имперфекта совершенного вида, выражавшего и время, и повторяемость [Маслов 1954; Зализняк 2008а: 100]. Первые примеры с вводным *бывало*, попавшие в исторические словари, ненамного старше нашего периода и взяты из сочинений Аввакума, для стиля которого это слово очень характерно:

(54) Бывало, сижю с нею и книгу чту, а она прядет и слушает, или отписки девицы пред нею чтут, а она прядет и приказывает, как девице грамота в вотчину писать [Житие протопопа Аввакума (1675), пример из СОРЯ МР]

(55) По себѣ я знаю: хотя много надосадитъ никониянинъ, да какъ пришедъ с лестию бывало: «вѣдаю твое чистое и непорочное и богоподражательное житие, помолися о мнѣ…», такъ мне жаль станет [Аввакум. Книга бесед (1675), пример из Словаря XI—XVII].

В первом примере *бывало* сочетается с презенсом несовершенного вида (длинный ряд из 7 глаголов настоящего времени). Второй пример замечателен тем, что в нем *бывало* соотносится с «нулевым глаголом» речи и/или с нефинитной (деепричастной) формой *пришедъ*, причем уже в одной из первых фиксаций. *Было* достигнет этой стадии, напомним, только в 1820-е годы. Это неудивительно: *бывало* грамматикализовалось не из вспомогательного, а из полнозначного глагола и изначально не имело жестких ограничений на сочетаемость.

Материал подкорпуса среднерусских текстов НКРЯ добавляет и другие примеры из «Жития» Аввакума, в том числе в сочетании с совершенным видом презенса (будущим временем):

(56) Поклонов тысящу откладетъ да сядетъ на полу и плачет часа два или три. Жилъ со мною лѣто в одной избѣ. Бывало, покою не дастъ.

(57) И Пашковъ, на ц[е]рк[о]вной обиход взявъ, мнѣ в то число коровку-ту было дал, кормила с робяты год-другой; бывало, и с сосною, и с травою молочка тово хлебнешь, так лехче на брюхе.

Близость внутренней формы конструкций с *было* и *бывало* поддерживалась, по крайней мере отчасти, несколько иной, чем в современном языке, семантикой глагола *бывать*, в которой в ряде контекстов отсутствовал тот итеративный оттенок, который присущ ему теперь (как известно, в истории русского языка итеративность далеко не сразу стала основной характеристикой имперфективов этого типа, см. также ниже). Так, у глагола *бывать* Словарь XI—XVII [1: 362—363] выделяет значение ‘существовать, являться’, в том числе в неактуальном замкнутом временном интервале («указывает на отнесенность признака целиком к прошлому»). В [Словарь XVIII 2: 178] выделено употребление «о переставшем существовать поселении». Вот некоторые невозможные для современного *бывать* контексты из Словаря XI—XVII и СОРЯ МР: *бывал салдат* [а теперь уже не солдат; совр. рус. *был солдатом*], *бывал нашъ братъ мужичий сынъ* (1637) [а теперь изменил социальный статус, став царем], *бывалъ русский человѣкъ, а былъ в полону у татаръ, а взятъ осьми лѣтъ* (1633) [а теперь уже не может считаться полноценным русским], *оплечье бывало низано жемчюгомъ* (1683) [а теперь жемчуга нет] (случаи при отрицании типа многочисленных *не бывал* ‘еще не возвращался’, *письма не бывало* не учитываем, так как с отрицанием, как известно, стандартно употреблялись именно многократные формы). О том, что *бывать* еще не устоялось как итеративное образование от *быть*, может свидетельствовать существование вторично созданного для этой функции глагола *бывывать* с двойным суффиксом ([СОРЯ МР 1: 317], также в словаре Даля, Новгородском областном словаре и др.).

Ср. характерный пример XVIII в. (речь идет о «безостановочно продолжающейся» ситуации, поэтому итеративная трактовка невозможна):

(58) Ибо или чувствование продолжается безостановочно, или когда либо останавливается и возобновляется. Если бы бывало перьвое, то бы понятии нам были присутственны непрестанно, чего однако же нет… [А. Н. Радищев. Житие Федора Васильевича Ушакова, с приобщением некоторых его сочинений (1789)][10]

В текстах XVIII века *бывало* сочетается со всеми тремя временами, а также нулевым глаголом (в частности, связкой). Особенно показательны примеры на все эти типы сочетаний, взятые из одного и того же текста — обширной мемуарной «Повести о рождении моем…» И. М. Долгорукова, относящейся к концу XVIII — началу XIX века (в мемуарах, письменных и устных, конструкция с *бывало* по понятным причинам особенно частотна во все эпохи, как мы уже видели у Аввакума):

(59) Иногда Наталья Владимировна позволяла мне участвовать в ее прогулках, и в одной карете с ней мы нередко на придворном осьмерике во весь дух оскачем, бывало, верст пятнадцать.
(60) У принцессы Виртембергской, невестки родной великой княгини, была фрейлина, в которую принцесса предположила, что я должен влюбиться, и, настроя на этот счет все свои мысли, она, бывало, подгоняла ее прямо ко мне в руки, когда мы, играя в жмурки в Гатчине, ловили друг друга с завязанными глазами.
(61) Для каких-нибудь бисквитов или вяземской коврижки, которые, бывало, тороплюсь тихонько в углу где-нибудь съесть, чтоб не видали, и самый вкус лакомства терял свою сладость в волнениях боязни.
(62) «Поди домой», — вот весь приказ мой бывало.

Из особенностей употребления *бывало* в XVIII веке следует отметить его широкую сочетаемость с «многократными» глаголами на -*ива*-/-*ыва*- (а также типа *бирать*, *сыпáть*): тем самым суффикс фактически дублируется. Этой сочетаемости было дано и теоретическое осмысление, так, М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755) выделил три «давнопрошедших» времени: «давнопрошедшее первое — *тряхивалъ, глатывалъ, брасывалъ, плескивалъ*; давнопрошедшее второе — *бывало трясъ, бывало глоталъ, бросалъ, плескалъ*; давнопрошедшее третие — *бывало трясывалъ, глатывалъ, брасывалъ, плескивалъ*». Подобные формы имели интерпретацию «неактуаль-

[10] Цитата из философского сочинения Ф. В. Ушакова (в оригинале написанного по-немецки) в переводе Радищева.

ность для настоящего» и «общефактическое значение» (подробнее см. [Успенский 1993]).

Такие сочетания возможны только в прошедшем времени:

(63) Я помню, что с ребячества, бывало, ни об чем я так не плакивал, как когда узнаю, что ложью кто меня обманул [Екатерина II. Всякая всячина (полемика с Новиковым) (1769)].

II.3.3.2. *Было* в функции *бывало*

В трехчастной системе «давнопрошедших времен» у Ломоносова не хватает четвертой логической возможности — форм типа *было тряхивал, глатывал* и т. п., где суффикс многократности присоединен не ко вспомогательному глаголу, а к полнозначному (то есть симметричных формам «второго давнопрошедшего» *бывало тряс, глотал*). Существуют ли и такие конструкции? Да, существуют, как в литературных, так и в устных диалектных текстах, хотя и более позднего времени. Нам известны два таких примера с глаголом *говаривать*:

(64) Только бы он позволил любить его, умереть за него, только б хоть раз пожалел и сказал, как было говаривал в детстве, прижимая к сердцу своему: «Алеша, мальчик мой милый!» [Д. С. Мережковский. Петр и Алексей (1905)].

(65) Мне еще было говаривали мужики: «Как из этого дому поедем того году ловить, дак год оправдан будет, хорошо попадет рыбы» [Диалектный подкорпус НКРЯ, Архангельская область, запись А. Л. Мороза (1997)].

Оказывается, схожее значение в ряде случаев имеют и конструкции, в которых -(*ы*)*ва*- вообще отсутствует. Контексты, где *было* употребляется аналогично *бывало* — как семантически, так и с точки зрения сочетаемости с разными формами — отмечены как в текстах XVIII и последующих веков, так и в диалектах. «Глагольный детерминант» *было*, сочетающийся с непрошедшими временами, а также с предикативом *нету*, на материале северных говоров разбирает С. К. Пожарицкая [1991; 2010], см. подробнее II.2.3.

Аналогичная синонимия несогласуемого *було* (в одном из значений) и *бувало* сохраняется в украинском языке [СУМ I 1970: 245, 254]; см. ниже, II.7.

Два таких примера есть в сатирах Кантемира, оба раза с будущим временем:

(66) Когда было выедет, всяк долой с дороги, И шапочку сняв, ему головою в ноги [А. Д. Кантемир. Сатира II, 1743].
(67) Так то-то уже книга, что аж уши вянут, Как было грамотники у нас читать станут! (А. Д. Кантемир. Сатира IX, 1738].

[Словарь XVIII] относит эти примеры к двум разным значениям — соответственно «случалось в прошлом, иногда: бывало» (то есть экспериенциальное значение) и «придает глаголу итеративное значение». Не всегда возможно провести границу между этими двумя интерпретациями: кроме того, частица *бывало*, которую И. М. Мальцева использует в толковании только в одном из этих случаев, очевидно, выражает и итеративную семантику и может быть подставлена на место *было* (разумеется, семантически, а не в контекст силлабического стиха) также и в примере (67).

В следующем примере *было* сочетается с отрицательным императивом в переносном модальном значении этой формы:

(68) То правда, что уж велик ростом, А в ночи было ему никто не попадайся на дуло. [Русские интерлюдии XVIII в. в издании Н. С. Тихонравова]

Для слова *бывало* такая сочетаемость была активной и в XIX в., ср.

(69) У него девка в церковь, бывало, не показывайся [Г. П. Данилевский. Воля (1863)].
(70) Когда уж осердится, то к нему, бывало, не подступайся, хотя бы и пан [В. Г. Короленко. Лес шумит (1886)].
(71) Вспоминаю одну из моих парижских кухарок, тоже придерживавшуюся рюмочки, милую, услужливую, скромную, но лишь до процесса приготовления кушанья; когда она начинала священнодействовать, — тут уж, бывало, не подходи к ней; и меня, хозяина, она без церемонии выпроваживала из кухни: «Sortez, monsieur, j'ai besoin de toute ma place» [В. В. Верещагин. Листки из записной книжки (1898)].

Было, близкое по значению и сочетаемости к *бывало*, спорадически представлено и в русском литературном языке XIX—XXI веков (ряд таких примеров приведен также в II.5):

(72) …Корнев и Карташев забыли и о восьмом классе, и о скуке, которую несли было Беренде, и испытывали только одну радость свидания с Диогеном [Н. Г. Гарин-Михайловский. Гимназисты (1895)].

(73) Рассказывал было Парамон, как приятель его все с госпитальной койки на волю убегал. Украдет ли чего в палате, продаст и пропьет [Владимир Личутин. Вдова Нюра (1973)].

II.3.4. Выводы

Частица *было* в языке XVIII века уже демонстрирует современную семантику (‘нарушение нормального хода ситуации’), обладая при этом гораздо более гибкой сочетаемостью в отличие от очень сильной лексикализации в современном языке. Она свободнее сочеталась с глаголами достижения состояния (в том числе необратимого результата, получая в таких случаях интерпретацию ‘чуть было не’), а также глаголами несовершенного вида разных семантических типов. Ряд конкретных типов сочетаний этой конструкции в современном языке вообще невозможен (связка *быть*, смягчение категоричности) или явно ненормативен (модальные глаголы). В то же время принципиально важная для современного языка сочетаемость с инхоативами, идея раннего пресечения действия «на корню» (давшая название нашей статье 2009 г.) для *было* в XVIII веке далеко не столь существенна. Отмечается сближение *было* с частицей *бывало* в ряде контекстов, причем последний показатель также демонстрирует ряд собственных характерных свойств. Как и ожидается от более древнего состояния, для частицы *было* в XVIII веке лучше выполнялся закон Вакернагеля, при том, что действие семантических и иных механизмов, расшатывающих этот механизм, уже началось.

II.4. КОНСТРУКЦИЯ С ЧАСТИЦЕЙ *БЫЛО* В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ [1]

В данном разделе речь пойдет о современной русской конструкции с частицей *было*: на материале Национального корпуса русского языка (по состоянию на август 2008 г.) мы исследуем ее структуру, лексическую сочетаемость и семантику. Мы ограничиваем наши данные текстами, созданными после 1950 года.

Данные Национального корпуса русского языка, позволяющие исследовать сочетаемость конструкции на основе надежных статистических данных, позволяют прийти к некоторым заключениям о зависимости структуры и семантики данной конструкции от того или иного лексического контекста.

Используемая в данной работе трактовка конструкции с *было* не связана с выделением какого-либо одного инвариантного значения. Для дальнейшего изложения полезно указать, какие частные значения будут рассматриваться:

— аннулированный результат (*написал было, но зачеркнул; угасшие было образы засверкали вновь*)
— отсутствие ожидаемого последствия (хотя бы результат и был достигнут), нарушение естественного развития событий в рамках некоторой макроситуации (подробнее об этом термине см. раздел II.4.3, конец; *потянулся было, но не взял; взял было газету, но не читал; он было решил одно, а оказалось другое; ему открыли было дверь, он вошел туда, но не нашел, чего искал*)
— в частности, начатое и неоконченное действие (*заговорил было и не смог окончить речь*)
— почти достигнутый результат, появлениию которого нечто воспрепятствовало (проксимативная, или авертивная интерпретация, ‘чуть было не’: *совсем вошел было в комнату, но передумал*)
— прекращенная ситуация (*хотел было, но раздумал*; *людьми, было праздновавшими победу, овладел ужас*)

[1] В основе этого раздела лежит статья [Сичинава 2009], в основе раздела II.4.6 — статья [Сичинава 2011].

Кроме того, мы рассматриваем раздельно финитную конструкцию (сочетание *было* с личными словоформами глагола и, в частности, лексическими «нулевыми глаголами») и нефинитную конструкцию (сочетание *было* с причастиями и деепричастиями); оказывается, что сочетаемость этих двух типов конструкций существенно различается.

II.4.1. Регистровый статус конструкции

Прежде всего, необходимо сделать ряд замечаний по поводу распространенности данной конструкции в современном русском языке. «Русская грамматика» утверждает, что «такие построения характерны для разговорной, художественной речи (в повествовании)» [АГ 1980: II: 101, § 1920]. Что касается художественной речи, это безусловно верно, но представления об особой распространенности ее в речи разговорной подтверждения в Корпусе (по крайней мере пока) не находят[2].

В подкорпусе со снятой омонимией[3] в текстах, созданных после 1950 г., только 11 % примеров встретились в нехудожественной прозе (большая их часть — в мемуарах И. Э. Кио, И. М. Дьяконова, В. П. Астафьева, С. З. Спиваковой, беллетризованных в той или иной степени). По данным корпуса с неснятой омонимией примерно 2000 примеров[4] с контактной постпозицией *было* при финитном глаголе (наиболее частотная структура данной конструкции, см. ниже) приходится на художественные тексты, примерно 500 — на нехудожественные, из них опять же большинство представляют собой мемуары, эссе и очерки в «толстых» журналах. Видно, что доля примеров из художественной литературы несколько ниже, чем в корпусе со снятой омонимией, но все равно порядка 80 %.

---

[2] По любезному сообщению П. В. Петрухина, к выводам о «книжности» этой конструкции независимо от меня пришел также В. Лефельдт.

[3] Все контексты с *было* затем проверялись de visu, и ошибки полуавтоматической разметки (в обе стороны) при этом корректировались вручную.

[4] «Шум» при таких подсчетах по корпусу с неснятой омонимией минимизирован; считаются контексты без знаков препинания между глаголом и *было*, — случаи с обособленным с обеих сторон *было* рассматриваются отдельно (см. II.4.2, конец); из выдачи специально исключаются частотные омографы словоформ на-*л*, вроде *Слез было много* (ср. *слезть*) и *Село было большое* (ср. *сесть*).

При подсчете релевантных контекстов особый теоретический вопрос (до сих пор, кажется, никем не ставившийся) заключается в том, могут ли в сферу действия *было* попадать два и более глагола, например:

(1) Сперва было катался, бился, потом примолк. [Марк Сергеев. Волшебная галоша… (1958—1965)].

Мы считали такие случаи как одно вхождение, и глагол *биться*, соответственно, не был учтен как задействованный в конструкции, тем более что повтор частицы при двух сочиненных глаголах возможен:

(2) Он было огрызнулся, было попытался ответить чем-то подобным, как бы ироническим, но она остановила: — Ну, чего ты? Правильно все… [Александр Кабаков. Тусовщица и понтярщик (1990)].

В принципе, этот вопрос трудноразрешим из-за принципиальной факультативности *было* в финитной конструкции (см. [Князев 2004: 303] и раздел II.4.5); а для нефинитной конструкции, где употребление частицы *было* обычно близко к обязательности, таких контекстов не встретилось; впрочем, и там отсутствие повтора кажется совершенно естественным:

(3) 〈Расслабившийся и〉 разомлевший было Тузик спохватился и с проклятиями кинулся к забору (первое причастие добавлено к реальному примеру).

В разговорном регистре общее количество употреблений нашей конструкции крайне незначительно (при том, что общий объем корпуса устных текстов соответствует общему объему корпуса со снятой омонимией — 6 млн словоупотреблений). В подкорпусе устных текстов сочетание *было* + финитный глагол в употреблениях, бесспорно относящихся к изучаемой конструкции, встретилось только в семи случаях: четыре раза в кинофильмах («Иван Бровкин на целине», «Успех», «Живет такой парень» [корпус включает и повесть В. М. Шукшина, по которой поставлен фильм], «Незаконченная пьеса для механического пианино» — в последнем случае конструкция *сердился было* привнесена сценаристами и постановщиками 1977 г., поскольку в пьесе Чехова «Безотцовщина» данной реплики нет), один раз в записанном в 1964 г. публичном выступлении лингвиста В. Н. Сидорова, родившегося в профессорской семье в 1903 г., и два раза в спонтанной современной речи:

(4) А то я уж было думала / что у меня опять никаких майских праздников толком не будет;

(5) Я было написала / что все уж [реалити-шоу, за героев которого предлагается голосовать] снято / не тратьте деньги свои / а меня тут же с форума выкинули и запись стерли!

Как видим, соотношение «литературная речь: нелитературная речь», несмотря на небольшое количество примеров, недостаточное для серьезной статистики, и здесь в общем то же самое. Поиск примеров вне Корпуса, например, по блогам русскоязычного Интернета, обнаруживает больше условно-«разговорного» материала, но дает схожий результат по жанрам: наряду с примерами в повседневных бытовых записях на запросы типа *пошел было, хотел было* в заметном и сопоставимом количестве выдаются разнообразные самодеятельные рассказы и повести (фанфики и др.), которые блоггеры размещают на страницах своих дневников; это подтверждает то, что форма с *было*, хотя и присутствует в разговорной речи, в то же время нередко ощущается носителями языка как знак речи художественной[5]. Таким образом, вряд ли безоговорочно можно согласиться с интуитивным ощущением Ю. П. Князева, что «использование [этой конструкции] не сокращается, а возможно, даже и возрастает» [Князев 2004: 296], хотя нет ничего неправдоподобного в том, чтобы употребительность данной конструкции в литературных текстах действительно могла по тем или иным причинам вырасти во второй половине XX века по сравнению с первой или, скорее, в 1990—2000-е годы по сравнению с 1950—1960-ми; таких подсчетов мы специально не проводили.

Итак, можно утверждать, что перед нами конструкция, характерная прежде всего для письменного литературного регистра, ориентированного на художественный стиль, а не для публицистики, научного стиля или (по-видимому) непринужденной разговорной речи. Как всегда в таких случаях (ср. времена «исторического» регистра вроде сербохорватского аориста или французского passé simple), это означает некоторую «консервацию» семантики и условность ее употребления при порождении письменных текстов; то, что мы видим в письменных текстах начала XXI в., может быть в значительной степени

---

[5] Более того, и в художественном тексте, по наблюдениям А. Барентсена [Barentsen 1986: 55] использование *было* — примета индивидуального стиля, причем это верно уже с начала XIX в.: в прозе Лермонтова *было* используется втрое реже, чем у Пушкина; Горький на 600 страницах текста употребляет *было* всего трижды, а А. Н. Толстой на 525 страницах — 20 раз.

«светом угасших звезд», идущим из традиции литературы и устной речи середины XX в. В связи с важностью учитывать параметр регистра отметим, что наибольшая «грамматичность» (свобода в выборе лексем и обязательность употребления) характерны как раз для появившейся в XIX в. стопроцентно искусственной нефинитной конструкции с причастием вроде *прекратившийся было* — см. II.4.5, конец. Как стабилизировавшийся в литературной норме остаточный «остров» древнерусского плюсквамперфекта», имевшего очень широкий круг употреблений, современная русская конструкция с *было* представляет особый интерес для изучения процессов (де)грамматикализации.

II.4.2. Структура. О связи порядка частицы с семантикой глагола

В современном русском языке конструкция с *было* в нормальном случае состоит из самой этой неизменяемой частицы и словоформы прошедшего времени, финитной (на *-л*) или нефинитной (причастия, причем в полной форме, либо деепричастия); подробный обзор этих конструкций делался в [Чернов 1970] и [Barentsen 1986]. Сочетаемость частицы *было* с причастиями и деепричастиями отмечена в текстах примерно с 1830 года (см. выше, II.3.1.3).

В древнерусском языке *был-* в составе плюсквамперфекта в подавляющем большинстве случаев являлось фразовой энклитикой ([Зализняк 2008: 39—40]; на энклитический статус современной частицы — «*было* неударное» — указывает еще первый Большой академический словарь 1948 г.) и нормально находилось в вакернагелевской позиции, то есть после первой ударной словоформы в порядке, определяемом рангом энклитик (в данном случае наименьшим, то есть занимало крайне правую позицию после всех энклитик), и в ряде условий могло располагаться в препозиции и постпозиции к глагольной словоформе. Как всегда с фразовыми энклитиками, такое расположение не обязательно было контактным. В современном языке, однако, решительно преобладает контактное *было*. В корпусе со снятой омонимией дистантное *было* встретилось только 5 раз: в двух однотипных примерах после энклитического *он, она* у одного автора:

(6) Дорогие мои, хорошие... — <u>заговорил</u> он <u>было</u>. Но профессор с Нюрой говорили негромко между собой, и Иван смолк. [Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970—1972)];

(7) — Егор... — начала она было. — Не надо, — сказал Егор. — Это мои старые дела. Долги, так сказать. [В. М. Шукшин. Калина красная (1973)][6]

и три раза препозитивное *было*, стоящее в древней позиции, пропускает после себя зависимые от вершинного глагола слова: обстоятельства (8, 9) и зависимый инфинитив при полувспомогательном глаголе *начать* (10):

(8) — Я было уже забеспокоился, вид у вас был неважнецкий, хотя, конечно, жара, дорога, волненье. [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)];
(9) Здравствуйте, Сережа, здравствуйте, — тоном безнадежно больного сказал он, нахлобучил шляпу || и сперва было жестом отчаяния махнул рукой [Андрей Волос. Недвижимость (2000)]
(10) Тот было звереть начал… [Виктор Астафьев. Затеси // «Новый Мир», № 2, 1999]).

Таким образом, мнение И. А. Шошитайшвили [1998а], согласно которому глагол от *было* могут отделять только наречия *совсем* и *уже*, местоименные актанты и некоторые частицы, а остальные лексемы в такой позиции недопустимы, подтверждения не находит.

При выборе между постпозицией и препозицией *было* постпозиция преобладает. В корпусе со снятой омонимией препозитивных примеров 17 %. В корпусе с неснятой омонимией на порядка 2500 примеров с контактной постпозицией приходится порядка 800 с контактной препозицией (24 %)

Принципы, диктующие место частицы *было* в предложении, относятся к числу наименее изученных вопросов. Недавно важные шаги в этом направлении предприняты Т. Л. Поповой-Боттино [2008; 2009]; она, однако, анализирует проблему с точки зрения коммуникативного (актуального) членения диалога и предложения, а не конкретной лексики.

Препозиция наречного компонента *уж(е)*, *совсем*, *сперва*, *даже* обычно диктует, согласно остаточному вакернагелевскому механизму, препозицию и частицы *было* (это отмечено в [Шошитайшвили 1998]): *совсем было собралась* и т. п., в том числе и в нефинитных конструкциях:

---

[6] На 12 контекстов типа *начал он было* (включая эти два шукшинских) во всем НКРЯ приходится 44 контекста типа *начал было он.*

(11) Лидия спасла уже было задвинутую диваном сумку с деньгами и компьютерами и больше не вмешивалась в мужские дела [Ольга Некрасова. Платит последний (2000)].

Наши исследования показывают, что особо предпочитает препозицию и ряд глагольных лексем сам по себе, причем оказывается, что это носит семантический характер и связано с глаголами эмоций и умозаключения (но не волеизъявления). Так, *было подумал* встречается почти в два раза чаще, чем *подумал было*, но при этом именно постпозиция *было* предпочтительна в волитивном значении ‘захотел сделать’, с зависимым инфинитивом (пять раз из семи). Аналогично, у слова *решить* в значении ‘сделать умозаключение об окружающем мире’ (*решить, что это неспроста*) преобладает препозиция, а в значении ‘захотеть сделать’ — постпозиция. На одно *испугался было* приходится пять *было испугался*; на четыре *было успокоился* — ни одного *успокоился было*. Преобладание препозиции *было* при *подумать, испугаться, успокоиться* подтверждается данными поиска в Интернете (например, в Google пропорция *подумал было* : *было подумал* равна 1 : 1,9, так же, как и в Корпусе). Важно отметить, что перед нами не просто автоматическое следствие того, что данный класс глаголов как-либо предпочитает «перетягивающие» наречия вроде *уже* и *совсем*; препозиция у этих лексем иногда встречается даже вопреки общей тенденции не начинать клаузу с *было* (примеры см. ниже). Это интересный пример влияния семантики на порядок слов, раньше связанного исключительно с синтаксическими автоматизмами (насколько нам известно, раньше не отмеченный).

В [Зализняк 2008: 268] отмечено, что современное *было* (наряду с частицей -*де*) в значительной степени сохраняет древние синтаксические свойства: во-первых, оно никогда не может встречаться в начале фразы, а во-вторых, «самым частым местом расположения [частиц *было* и -*де*] во фразе до сих пор является конец первой тактовой группы фразы, то есть главная вакернагелевская позиция». Оба эти наблюдения при помощи данных Корпуса можно несколько уточнить. Первое утверждение верно, только если считать «фразой» целое предложение (действительно, таких примеров в Корпусе не отмечено). Но так как при анализе расстановки энклитик обычно учитываются, прежде всего, предикативные группы (клаузы), в непервых клаузах с финитным глаголом некоторое число контрпримеров все же обнаружи-

вается, как в сложноподчиненных (12), так и в бессоюзных предложениях (13):

(12) Когда прочитала о новом канале Мегаспорт, было подумала, что пора закрывать темку. [Автогонки-3 // Форум forumsport.ru, 2005]
(13) Заметили эту аморалку британцы, было обрадовались, но тут же и огорчились. [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)].

Отметим, что в приведенных примерах выступают глаголы умозаключения и эмоции, для которых препозиция *было*, как мы только что видели, особенно характерна. Несколько раз встречается *было* и непосредственно после вложенных клауз (финитных и нефинитных), вводных слов и сравнительных оборотов[7].

Второе наблюдение А. А. Зализняка Корпус подтверждает, но точная количественная оценка этого явления на материале письменных текстов, как хорошо известно, затруднена неоднозначностью акцентного статуса целого ряда словоформ, расстановки пауз (материал корпуса устной речи, как уже сказано, недостаточен) и, соответственно, границ тактовых групп. При желании можно трактовать как удовлетворяющие этому правилу и фразы типа *он вскочил было* (если считать *он* проклитикой), и *он было вскочил* (если *он* ударное), то же со многими двусложными словоформами, способными терять ударение, такими, как *уже, моя* и т. п. Даже без учета таких спорных случаев однозначно трактуемые нарушения древнего принципа имеют весьма заметную частоту (по корпусу со снятой омонимией — не менее 28% для фраз с финитным глаголом) и связаны прежде всего со случаями, когда на первом месте стоит группа подлежащего:

(14) Наивный Москвич предположил было, что он преодолел так называемый time warp [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп (1976)]),

существенно реже — дополнения и обстоятельства. Отсюда вытекает то любопытное следствие, что среди нефинитных клауз, где подлежащее никогда не выражается, отклонения от вакернагелевского порядка нашей частицы совершенно единичны, причем обычно они нарушают

---

[7] Поэтому заключение Т. Л. Поповой-Боттино, согласно которому современное *было* — строгая вакернагелева энклитика, поскольку оно «никогда не размещается в абсолютном начале высказывания и не употребляется после паузы, отделяющей тему от ремы» [Попова-Боттино 2009], а изменение ее позиции непременно влечет изменение актуального членения, кажется слишком жестким.

также и первое утверждение Зализняка, то есть *было* встречается в начале клаузы:

(15) Старичок, было исчезнувший, опять появился [Павел Мейлахс. Отступник // «Звезда», 2002] (полностью аналогичный пример, но не со *старичком*, а с *мужиком*, есть у А. Битова).

При этом в нефинитных конструкциях решительно преобладают примеры типа *возникший было* или *совсем уж было прекратившийся*. Таким образом, отсутствовавшая в древнем языке книжная нефинитная конструкция точнее воспроизводит синтаксический механизм, давно уже реликтовый к моменту ее появления, чем непрерывно существующая финитная! В древнерусском, как известно, было ровно наоборот — при нефинитных формах, характеризующихся «пониженной предикативностью» (а причастия — и книжностью), закон Вакернагеля действовал слабее [Зализняк 2008: 174—178; разумеется, речь идет о других энклитиках]. О других парадоксах нефинитной конструкции см. ниже. Тем не менее, разумеется, данный остаточный механизм в языке активен, о чем свидетельствуют вышеприведенные примеры с дистантным *было* и устойчивая препозиция после определенных наречий.

Наряду со словоформами прошедшего времени редко встречаются также словоформы несовершенного вида настоящего времени, заменяющие прошедшее время обоих видов в функции praesens historicum [Чернов 1970], [Barentsen 1970:10], [Князев 2004: 298]. В (17) — пересказывающая метатекстовая функция», по Ю. П. Князеву; особняком стоит «описательное» употребление презенса (18), где речь идет о эффекте, возникающем каждый раз при просмотре спектакля[8].

(16) Молчаливо на сей раз вырвавшиеся из-за своего укрепления солдаты, оказавшиеся ближе, чем кто-либо ожидал, бросаются было на выручку своему вождю и предводителю, но Степан стреляет опять, уже более хладнокровно, им под ноги и в ноги, вновь вы-

[8] Особо следует рассматривать «презенс репортажа» типа цитируемого Черновым и Барентсеном *Фадеев откидывает мяч было, но Хурцилава не успевает*; «настоящее» синхронно комментарию отодвигается в план прошедшего [Barentsen 1986: 10]; во включенных в Корпус спортивных репортажах встретилось только «стандартное» *было* с финитным глаголом прошедшего времени.

секая красивые желтые искры из мостовой. [Эдуард Лимонов, Подросток Савенко (1982)][9];

(17) Вышедшая к ним Брюнхильда обращается было с приветствием сперва к Зигфриду, но тот отклоняет эту честь и спешит уведомить ее: «мой господин (сеньор) стоит впереди», и указывает на Гунтера [А. Я. Гуревич. Средневековая литература и ее современное восприятие (1976)]

(18) Петр Фоменко воссоздает дух эпохи (потрескивают свечи 〈…〉), и зритель совсем было погружается в святочную атмосферу придуманного режиссером XIX столетия. [Алексей Филиппов. Мастерская Петра Фоменко устроила «Египетские ночи» // «Известия», 2002.09.24].

Частица *было* может выступать при так называемом «нулевом глаголе» со значением речи и/или движения [Князев 2004: 297]; первые такие примеры отмечены в 1823 и 1824 гг. у Крылова и Грибоедова (см. выше, II.3.1.3):

(19) Я было — к Писееву, президенту Федерации [Известия, 1995.01.15]

Этот пример мы взяли из статьи Князева: в подкорпусе со снятой грамматической омонимией нулевого глагола при *было* после 1950 г. не встретилось (два примера из литературы 1950—1960-х см. [Barentsen 1986: 12]), а при неснятой грамматической омонимии можно отыскать лишь частные типы таких примеров; в частности, аналогов гоголевскому *Акакий Акакиевич еще было насчет починки*, с *еще* между подлежащим и частицей, в современных текстах не нашлось. Забегая вперед, отметим, что семантически нулевой глагол хорошо вписывается в предпочтения нашей конструкции (для нее как раз обычны глаголы речи и предикаты начального движения вроде *сунуться*).

В нефинитной конструкции с *было* (характерной исключительно для письменной речи) выступает полное причастие прошедшего времени (20), либо (гораздо реже, 14 примеров на весь корпус) — деепричастие на -*в(шись*) (21).

(20) Уцелевшая было стенка, словно не выдержав его веса, медленно повалилась и накрыла старого шашлычника. [Виктор Доценко. Тридцатого уничтожить! (2000)]

---

[9] Такие контексты по нескольку раз встречаются у писателей, для авторского стиля которых характерен praesens historicum (Лимонов, Маканин, Эппель).

(21) Ларт, умолкнув было, через секунду возобновил свои упражнения. [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Привратник (1994)]).

Формы действительного причастия настоящего времени, причем в сочетании с финитными глаголами в претерите, отмечены в двух художественных текстах, имеющих общего автора (22—23) и в мемуарах (24); можно видеть в этом отсутствии «согласования времен» аналог praesens historicum.

(22) Он взмахнул рукой, и отъезжающая было от тротуара «волга» с зеленым огоньком тормознула со скрипом [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)];
(23) Всякий огонек, проникающий было внутрь, Будимир шугал назад, клевал, костил лапами [Михаил Успенский. Там, где нас нет (1995)]
(24) Конфликт с А. Г. Горнфельдом лишил Мандельштама налаживающейся было переводческой работы [Эмма Герштейн. Вблизи поэта (1985—1999)].

В работе [Луценко 1989: 87] приведен пример с причастием настоящего времени в хабитуальном значении (автор считает, что действие здесь отнесено к прошлому):

(25) По крайней мере замечено, что заменой мормышки, резко отличающейся от той, которая только что применялась, часто удается оживить затухающий было клев [Советский спорт (1987.01.04)].

Случаев кратких причастий (**Он обижен было*), противоречащих семантике конструкции, не обнаружено.

Ряд причастий, выступающих в этой конструкции, функционально близок к прилагательным (*потаенный* — при архаичности *потаить*). Ю. П. Князев [2004: 297] приводит случай употребления чистых прилагательных с *было*: его пример —

(26) Комнату он тоже не узнал. В ней, такой было пустой, поместилось нелепое количество новых предметов [А. Битов. Лес (1960—1980)] —

вошел и в Национальный корпус. Чаще всего здесь выступает прилагательное *готовый*[10], причем не только в газетных текстах, как в при-

[10] Н. А. Луценко считает, что это вообще единственное чистое прилагательное, способное выступать в такой функции; в принципе, битовский пример с *было пустой комнатой* действительно может показаться скорее экспериментально-авторским.

мерах В. И. Чернова [1970: 260], на которые ссылаются А. Барентсен [1986: 8—9], Н. А. Луценко [1989: 88] и Князев, но, как показывает Корпус, и в художественной литературе:

(27) Таскают по улицам набитые трухой чучела Гая Фокса, готового было погибнуть при взрыве. [Буйда Юрий. Щина // «Знамя», 2000];

также у Е. Парнова, Н. Джина и др. и даже в научной прозе (у Е. В. Тарле). Едва ли можно считать эти случаи «совершенно исключительными», вопреки Чернову. По Барентсену, употребление с *готовый* объясняется результативной семантикой прилагательного (оно аналогично причастию вроде *собравшийся*); с точки зрения Луценко, оно связано с тем, что это прилагательное служит «лексическим средством обозначения модального значения при инфинитиве». Возможность употребления причастий, превратившихся в прилагательные, и даже чистых прилагательных, по-видимому, связана с особой семантикой нефинитной конструкции с *было* (см. ниже).

Переход от финитного глагола прошедшего времени к иным формам связан с окончательным разрушением «русского плюсквамперфекта» как формы глагольного спряжения и указывает на грамматикализацию *было* как особого показателя, оторвавшегося от морфологической глагольной системы.

Об этом же говорит и такая ненормативная подача нашей частицы на письме, как обособление запятыми с двух сторон, что типично для вводных слов и других дискурсивных показателей. Современная пунктуационная норма отвергает обособление, но в текстах оно встречается не так уж и редко. В Корпусе такие примеры представлены в разные периоды, несмотря даже на жесткий орфографический контроль в советское время[11]. Из современных примеров ср.:

(28) Хотели, было, местные вожди еще более возвеличить роль царского каторжного — поставить стометровое изваяние. [Тень не исчезает в полдень // «Культура», 2002.04.08].

(29) Он как раз вздумал, было, прогуляться по трубе, приметил нас и скромно вернулся в угол [Марина Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию (2003)][12].

---

[11] Проверка некоторых пунктуационно необычных примеров по печатным прижизненным изданиям показала, впрочем, что не все они надежны.

[12] Ср. также: ⟨…⟩ *что напоминает мне его же* [академика Сказкина] *фразу в заключении о моей статье, поданной, было, в «Средние века», фразу, которую мне передали год-полтора спустя: «Этот тайный, а потому вдвой-*

Наоборот, более ранний статус *было* как чисто энклитического несамостоятельного показателя подчеркивает существовавшее до 1930-х годов дефисное написание, которое с разной степенью последовательности употреблялось в XVIII—XX вв. и при других энклитиках:

(30) Говоря, князь в рассеянности опять-было захватил в руки со стола тот же ножик, и опять Рогожин его вынул у него из рук и бросил на стол [Ф. М. Достоевский. Идиот (1868—1869), в Корпусе по изданию под ред. Томашевского и Халабаева 1929 г.; дефис и в прижизненном издании («Русский вестник»)];

(31) Женя пошла-было домой, но хватилась книжки [Борис Пастернак, Детство Люверс (1918)].

Частицу *было* выделяют также в конструкции *чуть было не* (с дистантным препозитивным *было*), имеющей яркую «проксимативную» [Плунгян 2001: 74] или «авертивную» (см. выше, I.1.2.4) семантику — недостижение ожидавшегося события, что дополнительно подчеркивается эксплицитной отрицательной частицей *не* («употребляется для обозначения близкого к осуществлению, но не осуществившегося действия», [БАС-2 1991: 848]; специально об этой конструкции см. [Barentsen 1986: 35 ff], [Путеводитель 1993], об ее отличиях от конструкции с *было* — [Шошитайшвили 1998]). Ее мы в данном разделе не рассматриваем и в подсчеты не включаем (как это сделал, за исключением особого раздела, и А. Барентсен); но отметим пример с нестандартной постпозицией *было*, для которого характерна контекстная структура нашей конструкции (см. ниже, раздел II.4.5):

(32) Васюта чуть не попалась на хитрость, чуть не вскрикнула было, что она помнит все три слова радостных. Да спохватилась. И говорит: — И впрямь запамятовала. [Марк Сергеев. Волшебная галоша… (1958—1965)]

II.4.3. Существующие подходы к семантике конструкции

Существуют две основные концепции конструкции с *было*, выделенные в [Barentsen 1986: 14 ff][13]. Согласно первой, эта конструкция

не опасный враг марксизма…» [А. Я. Гуревич. История историка, М., 2012, с. 221]. Данная книга представляет собой расшифровку устной речи А. Я. Гуревича, так что пунктуация может отражать интонирование или паузу, подчеркивающую, что публикация статьи не состоялась.

[13] В указанной статье Барентсена приводятся 20 толкований (от Востокова до Гарда), относящихся к первой концепции, и 12 толкований (от И. И. Давы-

по сути модальная и означает прежде всего неосуществление действия (предтечами этой концепции были А. Х. Востоков и Ф. И. Буслаев, но классическую форму ей придал А. А. Шахматов, лингвист, обладающий большим авторитетом в отечественной традиции, но формулировки которого в целом ряде случаев — в том числе и в этом — трудно принимать дословно). Согласно второй (восходящей к К. С. Аксакову, вступившему в прямую полемику с Буслаевым, и А. А. Потебне), эта конструкция означает прежде всего осуществленное действие, результат которого отменен либо «ожидаемый порядок вещей» нарушен. Попытки примирить эти два подхода (с некоторым предпочтением ко второму) предприняты И. А. Шошитайшвили [Шошитайшвили 1998] и Ю. П. Князевым, посвятившим ей целый ряд публикаций 1990—2000-х гг., из которых наиболее полной является [Князев 2004], воспроизведенная с небольшими добавлениями в монографии [Князев 2007: 412—425], отметим добавленный здесь краткий, но содержательный общий вывод).

Формулировка Шахматова [1927: 2: 73, § 555] такова: «Говорящий, устанавливая связь субъекта с предикатом, последствием этого [недействительного] наклонения выражает, что связь эта не осуществилась, хотя и могла осуществиться». Сюда же он прямо относит и конструкции с *чуть было не* и *едва было не*, никак специально не отделяя и не оговаривая наличие отрицательной частицы в последних; очевидно, молчаливо предполагается, что это пустая частица наподобие французского *ne explétif*. Древнерусские сверхсложные формы Шахматов также считает выражающими, «по-видимому», это же «недействительное наклонение» (впоследствии с такой же точкой зрения выступил Г. А. Хабургаев [1978]).

Первым модифицировал концепцию Шахматова сам ее автор, впоследствии назвав свое «недействительное наклонение» «переходным от изъявительного к ирреальному» [Шахматов 1952: 105], то есть уже не чисто ирреальным, а, очевидно, указывающим на какие-то элементы осуществления действия (простой «возможности» осуществиться для этого недостаточно). Словарь Ушакова [Ушаков (ред.) 1935: I: стб. 212] добавляет в шахматовскую формулу эксплицитное указание на возможное реальное начало действия: «Употребляется при про-

---

дова до АГ-80 и Пеннингтона), относящихся ко второй. Не все мы имеем возможность упоминать или разбирать подробно; с другой стороны, мы добавили подробные указания на работы, вышедшие после 1986 г.

шедшем времени глаголов для обозначения, что действие н а ч а л о с ь, было предположено, н а ч а т о, но не совершилось» (здесь и далее разрядка наша — Д. С.). Фактически такое толкование было даже у Даля [Даль 1880: I: 148, в статье *быть*]: «*Было,* при других глаголах, означает действие н е п о л н о е, несостоявшееся, или готовность к действию» (сюда, правда, Даль относит пример *взяться было за ум вовремя* 'надо было', синтаксически и семантически устроенный иначе [Barentsen 1986: 58]; эти две разные, функции *было* объединены в одной статье и в [Словарь XVIII]). На неоконченность действия (и тем самым с модального содержания на аспектуальное) перенес акцент Л. А. Булаховский: «видовая форма со значением начатого и не оконченного действия» [Булаховский 1949: 353]. Аналогично трактуют нашу конструкцию Е. М. Галкина-Федорук (автор соответствующего раздела в [АГ 1960: 646]: «действие началось, но не было закончено в силу каких-то причин, непредвиденных условий…») и один из наиболее заметных исследователей славянского плюсквамперфекта В. И. Чернов ([Чернов 1970: 261]: «начатое или задуманное, но не осуществленное действие»).

Хотя в 1-м издании Большого академического словаря была принята «антирезультативная» трактовка (см. ниже), к шахматовской концепции в модификации словаря Ушакова (и Грамматики—1960) вернулись составители Малого словаря [МАС 1981: 129]: «Употребляется… для обозначения того, что действие началось или предполагалось, но не было закончено в силу каких-то причин». Особо надо остановиться на очень интересном, «модальном» в своей основе толковании, вошедшем в неоконченное 2-е издание БАС [БАС-2 1991: I: 848] (тот же текст с теми же примерами дословно повторен и в начатом теперь в Петербурге Большом академическом словаре, [БАС-3 2004: II: 286]). Здесь есть две инновации: указано на преимущественную сочетаемость частицы и раздельно толкуются конструкции с финитным глаголом и причастием: «Употребляется при глаголах в форме прошедшего времени (обычно со значением намерения, желания) и указывает на то, что какое-либо намерение, желание не было осуществлено в силу каких-либо причин, обстоятельств. 〈…〉 С формами причастий прошедшего времени означает, что действие или состояние продолжалось какое-то время». Такие формулировки, на первый взгляд, не выдерживает критики: если в примере (33), приведенном в словаре, состояние продолжалось какое-то время, то неужели в условном примере (34) речь идет о неосуществившемся в силу обстоятельств намерении и желании?

(33) Прекратившийся было дождь вдруг снова полил.
(34) Дождь прекратился было, но вдруг снова полил.

Явным образом верное указание на преимущественную сочетаемость (кстати, раньше, насколько нам известно, не делавшееся) далее подменяется произвольным переносом модальности в толкование. И все же здесь есть определенное рациональное зерно, связанное с тем, что в глобальном смысле общий план действий субъекта, его «намерения и желания» в этом смысле нарушаются. А анализ сочетаемости финитных и нефинитных конструкций с *было*, как мы увидим, показывает, что у последних есть действительно сильнейшее предпочтение к глаголам, означающим установление состояния (например, *возникнуть* или *уснуть*), отличающая их от нефинитных, так что различное описание этих типов действительно оправдано. Таким образом, обе инновации толкования БАС находят, как будет показано, серьезное подкрепление при корпусном исследовании нашей конструкции; по-видимому, составители словаря также анализировали ее сочетаемость, что естественно при обработке картотеки примеров[14].

Недавно к концепции Шахматова вернулся П. В. Петрухин [Petrukhin 2006], который утверждает, что частица *было* дрейфует от плюсквамперфекта и аннулированного результата в сторону модального значения; такое модальное значение он видит в частотных сочетаниях *было* с волитивными глаголами, прежде всего *хотеть* (в древнерусском языке оно неизвестно). С его точки зрения, «современная русская конструкция с частицей *было*, в отличие от своей древнерусской предшественницы… обычно не отсылакт к какому-либо реальному событию, но лишь к возможности или намерению совершить что-либо». Как полагает Петрухин, эволюция претеритной формы в сторону ирреальности соответствует путям грамматикализации модальности, изложенным, в частности, у Джоан Байби [Bybee et al. 1994].

Перейдем к «антирезультативной» трактовке. Мы так называем ее, опираясь на введенный В. А. Плунгяном [Плунгян 2001] термин а н -

[14] Вообще «картотечная» лексикография, безусловно, подталкивала к корпусным исследованиям avant la lettre; однако, кроме этого случая, сложно судить, насколько детально составители словарей и грамматик учитывали материал картотек на *было* (не в последнюю очередь из-за рано установившейся традиции приводить ограниченный круг одних и тех же цитат, из которых лидируют пушкинские строки о жандармах, которые *хотели было* приподнять Кирджали, и гончаровский пример с Обломовым, который *приподнялся было* с кресла, но не попал сразу ногой в туфлю; показательно даже близкое сходство этих примеров).

тирезультатив — множество глагольных значений, противоположных достижению предельной ситуацией результата (сюда входят и классическая ситуация «отмененного результата» вида *дом построили, но разрушили, окно открывали, но кто-то его закрыл*). Соответственно, при антирезультативной трактовке предполагается, что действие так или иначе осуществилось, но не получило нормального результата или он был отменен.

Такое толкование можно обнаружить уже в первом Большом академическом словаре [БАС 1948: I: стб. 728, в статье *быть*]: «Означает начатое, но не оконченное, или не имевшее результата действие». «Русская грамматика» 1980 года (автор раздела — Н. Ю. Шведова) трактует частицу *было* так [АГ 1980: II: 101—102, § 1920]: «Эта частица означает, что предикативный признак проявился, но что он или был прерван, или не дал ожидаемого результата: *Он пошел было*, *да его вернули*; *Начало было моросить*, *но потом посветлело*; *Стал было счетоводом*, *да не понравилось*; *Говорили было, что приедут артисты*, *а их все нет*; *Она было в слезы*; *Мне было жаль его стало*, *да потом вижу*: *хитрит*». «Значение прерванности» усматривается у этой частицы и в сочетаниях с союзом *как вдруг* (§ 2977)[15]. Формулировки первого БАС и «Русской грамматики», как видим, противоположны шахматовской; «предикативный признак» проявляется всегда. Они как будто бы не предусматривает случаев, когда материальный результат достигнут, но упразднен, ср.:

(35) Написал было еще слово «УМОЛЯЮ», но зачеркнул его и отдал листочек Ванюшке. [Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)].

Статья нидерландского слависта А. Барентсена [Barentsen 1986] — самое объемное лингвистическое сочинение на тему частицы *было* — предлагает в качестве основного значения «нарушение естественного хода событий» (“a disturbance of the natural flow of events” [Barentsen 1986: 52]), начавшегося с события, маркированного частицей *было*, контраст между ожидаемыми и действительными событиями. Согласно Барентсену, сюда входят не только материальные события, но и изменение восприятия окружающего мира. Ближайшим аналогом этой формы Барентсен считает русский «драматический императив» (вроде *А он возьми да и не приди*).

[15] Такая же альтернатива и в [Словарь XVIII: 180—181]: ‘указывает на то, что действие было близко к осуществлению или совершалось, но не было окончательно завершено, не имело ожидаемого результата: чуть не, почти’.

И. А. Шошитайшвили, автор ряда работ о плюсквамперфекте в языках мира, посвятил русскому *было* особую статью [Шошитайшвили 1998а], где, детально изучив его поведение с целым рядом глаголов, солидаризируется с подходом Барентсена о нарушении нормального течения событий в той или иной точке (в частности, включая отмену результата, а также нереализованное намерение и конатив). Чрезвычайно существенно то, что эта функция типологически весьма характерна для плюсквамперфекта в языках мира [Dahl 1985] — а ведь именно плюсквамперфект является диахроническим источником обсуждаемой конструкции. Поэтому не случайным признается наличие в структуре события, передаваемого конструкцией с *было*, двух принципиальных точек — начала/планирования и нарушения хода событий, чем и обусловлено использование не просто прошедшего, а «предшествующего в прошедшем» времени.

Включает русское *было* в общую картину форм, означающих антирезультативные значения, и автор этого термина В. А. Плунгян ([2001: 74]); с его точки зрения, *было* — «антирезультативный показатель par excellence», включающий также смежное значение — нереализованное намерение, которое, строго говоря, к антирезультативу не относится.

Совсем недавняя статья Татьяны Поповой-Боттино [2008] написана с точки зрения не получившей широкого признания вне Франции теории дискурсивных «локализаций» или «ориентиров» А. Кюльоли. С ее точки зрения, говорящий, используя частицу *было* (которое она относит к т. н. «дискурсивным словам» — см. [Путеводитель 1993], [Киселева, Пайяр (ред.) 1998][16]), обозревает ситуацию с двух ориентиров — от точки отсчета и от момента речи, и оценивает некоторое действие (предполагавшееся в момент отсчета) как незавершенное или завершенное неправильно. Она возражает против семантического или аспектуального толкования *было* и считает его основной функцией коммуникативную — опираясь прежде всего на те примеры с *было*, где действие завершено и результат достигнут. Подобно И. А. Шошитайшвили, автор полагает, что такая двойная система точек отсчета непосредственно связана с предысторией конструкции как плюсквамперфекта. Как и П. В. Петрухин, Попова-Боттино рассматривает кон-

[16] О том, что морфологически «свободные» аддитивные показатели плюсквамперфекта могут функционировать как дискурсивные слова, см. [Сичинава 2008: 269—270] и выше, раздел I.3.3 (применительно к иной функции — маркированию начального фрагмента).

струкцию с точки зрения модальности, но по сути приходит почти к тем же выводам, что «Русская грамматика» и Барентсен[17]: действие не удовлетворяет ретроспективным ожиданиям в момент коммуникации. В значительной части случаев результат достигнут, не отменен, но «не тот, который надо». Схожая трактовка предлагается в работе [Kagan 2011], где используется инструментарий семантики «возможных миров», в которой «актуальный мир» противопоставляется «возможному» и признается «ненормальным».

Как нам представляется, такая двойственность картины во многом с связана с семантикой глаголов, которые в ней выступают; таких, как *хотеть, собираться, начать.* С одной стороны, конечно, «тот, кто *хотел было* что-то сделать, — испытывал такое желание; тот, кто *пробовал было* лечить — предпринимал такие попытки» [Князев 2004: 298], с другой — как «главная» в таких конструкциях интуитивно ощущается ситуаиця, выражаемая синтаксически зависимым (вложенным) инфинитивом при этих глаголах; основным для восприятия ситуации является то, что дело не сделано и тот, кого лечили, не вылечен. Ю. П. Князев удачно предлагает говорить здесь о так называемой м а к р о с и т у а ц и и, объединяющей передаваемую глаголом ситуацию вместе с намерениями субъекта, итоговым состоянием и конечными целями; сочетания «обозначают прерванное действие… с той, однако, принципиально важной оговоркой, что п р е р ы в а е т с я н е с а м о д е й с т в и е, о б о з н а ч а е м о е с о ч е т а н и е м с *б ы л о*, а к а к а я - т о и з е г о п о с л е д у ю щ и х ф а з» [Князев 2007: 425; разрядка автора]. Это же по сути сказано и в небольшой и не во всем убедительной, но важной по поставленной целям работе [Луценко 1989], где говорится, в частности: «присутствие частицы *было* в высказывании сигнализирует о том, что признак окончательности характерен только для предварительной фазы осуществления действия». К аналогичному выводу приходит и И. А. Шошитайшвили, говорящий о «более широком контексте».

Как нам представляется, эти два основных направления интерпретации имеют много точек пересечения и вполне совместимы. Дело в том, что обсуждаемая конструкция, как представляется, имеет различные интерпретации в зависимости от конкретного лексического на-

---

[17] Ср. также дискурсивный подход с «двоякой ориентацией» у исследователя из Донецка, не имеющего в виду, по-видимому, теории Кюльоли: «Подобно другим частицам, частица *было* функционально ориентирована двояко — на мир действительности и на высказывание» [Луценко 1989: 87].

полнения, причем статистически преобладающие семантические группы глаголов определяют и наиболее частотные интерпретации, а значит, и наиболее общие трактовки ее семантики. Этот подход также намечен в работе [Луценко 1989], где ставится вопрос: «Какие конкретные семантические требования «предъявляет» частица *было* к глаголам?», а также специально исследуется лексическая сочетаемость конструкции; это приводит исследователя к важному выводу о том, что конструкция маркирует действие, едва начатое, намеченное, «пробное» (ранее схожий акцент на начале действия мы видели в словаре Ушакова и у Булаховского). Наиболее подробно он разработан в [Шошитайшвили 1998], где глаголы анализируются с точки зрения их аспектуальных свойств, а также контролируемости и обратимости ситуации, однако не во всем с его выводами можно согласиться; кроме того, имеет смысл рассмотреть достаточно четко выделяемые на материале Корпуса чисто семантические параметры. Мы не будем стараться построить некоего общего «Grundbedeutung» конструкции, пригодного на все случаи жизни (если на то пошло, то мы не возражаем с предлагающейся рядом названных авторов формулировкой «нарушение нормального хода ситуации»), а укажем, какую интерпретацию она имеет с конкретными семантическими группами лексем, и какие из них преобладают по встречаемости в текстах.

II.4.4. Лексическая сочетаемость и интерпретация

При выделении списка частотных глаголов по составленному нами корпусу примеров, по возможности полно охватывающем тесты НКРЯ начиная с 1950 г.[18], обнаружилось, что имеет смысл отдельно рассматривать финитные конструкции с *было* (включая презенс) и нефинитные конструкции. В финитных конструкциях выступают 564 лексические единицы (отдельно считая глаголы, образующие видовые пары,

---

[18] При этом цитаты из произведений, написанных до 1950 г., исключаются (например, цитаты у Бахтина из Достоевского или отчасти принадлежащая Крылову фраза *Поразительная это глава в книге Бориса Фрезинского: как преуспевшие уцелевшие совсем уж было собрались — показалось, что можно — издать сочинения умершего Брата, — да призадумались; а тут опять оказалось — нельзя*. [Гедройц С. ⟨Рецензия:⟩ Борис Фрезинский. Судьбы Серапионов. // «Звезда», 2003]); исключаются также заведомо неслучайно повторяющиеся фразы «внутри» нашего периода (в разных редакциях одного произведения или при цитировании — в Корпус в одном случае попал и роман, и рецензия на него).

глаголы на *-ся*, фразеологизмы вроде *открыть рот* и *открыть огонь*; отдельно также считаются глаголы в разных значениях, в частности, особо выделено *начать* в смысле ‘начать говорить’, обычно вводящий прямую речь). Оказывается, что ряд глаголов данная конструкция явно предпочитает. Первые 25 глаголов по частотности таковы: *хотеть*, *начать (речь)*, *начать* (+инфинитив), *собраться* (+инфинитив), *попытаться*, *подумать*, *решить* (+инфинитив), *открыть рот*, *решить* ‘сделать вывод’, *пойти*, *двинуться*, *сунуться*, *попробовать*, *стать* ‘начать’, *рвануться*, *потянуться*, *пытаться*, *направиться*, *приняться*, *взяться*, *броситься*, *кинуться*. Этот список охватывает 62% примеров.

Для нефинитных конструкций данные таковы. Словарь конструкции включает 302 глагола. Первые 24 слова частотного словника охватывают лишь 34% корпуса примеров (это указывает на то, что нефинитная конструкция гораздо в меньшей степени лексикализована), а выглядит этот список так: *начать, возникнуть, начаться, утратить, задремать, угаснуть, исчезнуть, вспыхнуть, затихнуть, подняться, потеряться, собраться, сунуться, открыть рот, растеряться, заскучать, мелькнуть, наметить, наметиться, остановиться, отчаяться, появиться, притихнуть, ускользнуть.* Как видим, общие тут только 3 лексических единицы — *начать, собраться, открыть рот* (если объединить два значения *решить*, это слово войдет в первые 25 и станет четвертым общим элементом).

Для ряда слов вроде *хотеть, начать, стать* или *пойти* наблюдаемую картину можно списать на гиперчастотность их в языке вообще, но ряд специфических лексем — таких, как *броситься, сунуться, потянуться, попробовать, утратить, задремать* — повторяется от автора к автору, и такое предпочтение явно не случайно. Кроме того, «выбираемые» конструкцией частотные глаголы явно объединяются в несколько семантических групп. Уже по этим примерам можно сказать, что финитная конструкция с *было* предпочитает глаголы желания, приготовления, попытки и «резкого» (*кинуться, сунуться*), прерванного на корню начала другого действия (макроситуации), иногда едва намеченного (жесты вроде *потянуться*, *открыть рот*), нефинитная — напротив, в основном глаголы наступления состояния, «отрицательного» (*умолкнуть, утихнуть, угаснуть*) и «положительного» (*начаться, вспыхнуть, наметиться*), а *было* меняет знак этого состояния на противоположный. Но это пока лишь первое впечатление: не забудем, что списки «лидирующих» глаголов охватывают меньше

2/3 финитных контекстов и меньше трети нефинитных, поэтому необходимо рассмотреть лексику конструкций в целом. Ниже мы обсудим ряд таких предпочтений по аспектуальным и/или семантическим группам глаголов, которые в известной степени пересекаются друг с другом.

II.4.4.1. Несовершенный вид

Подавляющее большинство глаголов, с которыми сочетается конструкция с *было* — совершенного вида. Это отличает русскую конструкцию от древнерусского сверхсложного плюсквамперфекта, однако сближает ее с такими современными славянскими конструкциями того же происхождения, как украинская [Chinkarouk 1998] (см. также ниже, II.7) и особенно сербохорватская [Thomas 2000]; в них заметна та же эволюция в сторону ограничения семантики ‘прекращенная ситуация’, что и в истории русского языка.

Всего в Корпусе в нашей конструкции выступает 20 глаголов НСВ (случаи praesens historicum не считаются, так как видовая пара НСВ выступает там как аналог СВ), из них только один гиперчастотный (зато это *хотеть* — лидер частотного словника нашей конструкции вообще)[19], а все, начиная с шестого, встретились по одному разу: *хотеть*, *пробовать*, *собираться*, *начинать*, *бояться*, *уговаривать*, *считать*, *сомневаться*, *сердиться*, *решаться*, *рассчитывать*, *принимать решение*, *претендовать*, *предвкушать*, *порываться*, *подумывать*, *поворачиваться*, *ликовать*, *кататься*, *готовиться*[20]. Благодаря частотному глаголу *хотеть* всего глаголы НСВ дают 16% от употреблений конструкции «*было*+финитный глагол». Большинство глаголов этого списка — глаголы желания, планирования, эмоций; интерпретация конструкции — ’прекращенная ситуация’, в случаях с глаголами желания и планирования макроситуация прервалась еще до начала планируемого действия. Однако ряд случаев носит особый характер. Конативный глагол *пробовать*, как естественно для этой лек-

---

[19] По данным А. Барентсена [1986: 6], в 85% случаев НСВ-глагол с зависимым инфинитивом — это *хотеть*.

[20] Еще один контекст с НСВ, выглядящий как *Играть натиском пяти футболистов* 〈…〉 *всегда было считалось делом довольно действенным* [Юрий Дудь. И чехи с ними. Мини-футбольная сборная России провалилась // «Известия», 2003.02.21], с нашей точки зрения, представляет собой результат недосмотра при редактировании (*было* заменено на *считалось* или наоборот, но лишнее не удалено).

семы, выступает в экспериенциальном значении (‘по меньшей мере один раз’):

(35) Кстати, я пробовал было отращивать усики — и произошло непредвиденное: в лице моем отчетливо проступили черты Лени Филатова, школьника и патриота, сопливого мальчишки. [Анатолий Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002];

в этом случае планируемое действие (ситуация ‘отращивать усики’) имела место. Итеративную интерпретацию имеют несколько употреблений глагола *начинать*:

(36) Несколько раз я начинал было говорить и не имел сил окончить свою речь. [Самуил Лурье. Поступки, побуждения, слова // «Звезда», 2002]

Две интерпретации — итеративную (более вероятную) и незавершенную — имеет следующий пример:

(37) Он совсем было принимал решение — в самом деле взять да и съездить на денек! ⟨…⟩ И не двигался с места. Решал, что ехать совершенно ни к чему, никому это не нужно и ничего не может изменить. [Федор Кнорре. Орехов (1968)].

В итеративном контексте встретился и глагол *поворачиваться*; более интересен глагол *кататься* — в нашей конструкции он допустим, по-видимому, поскольку его семантика внутренне множественна, включает несколько повторяющихся ситуаций:

(38) Сперва было катался, бился, потом примолк. [Марк Сергеев. Волшебная галоша… (1958—1965)].

Согласно А. Барентсену, экспериенциальное и итеративные употребления сближаются с совершенным видом, указывают на достижение некой критической точки — terminus [Barentsen 1986]; Ю. П. Князев [2004: 298], ссылаясь на М. Я. Гловинскую [Гловинская 1982: 34], видит в них и praesens historicum «смысловой аналог совершенного вида».

Значительная часть данных примеров НСВ дополнительно подкрепляется наречными компонентами *уже, совсем*; в частности, благодаря им некоторые глаголы в конструкции с *было*, по данным Шошитайшвили, выглядят более приемлемо, чем без таких наречий. По-видимому, именно так обстоит дело с некоторыми НСВ-глаголами Корпуса, встретившимися с наречием *уже* единственный раз:

(39) А приглашенный гость, расслабившись, музыкант или художник, уже было считал, что на ТВ не все так политизировано и гнусно. [Владимир Маканин. Удавшийся рассказ о любви (1998—1999)],

(40) Он зарекомендовал себя признанным специалистом в своей узкой области и уже претендовал было на получение высокой государственной должности ⟨…⟩. [Александр Бовин. Пять лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (1999)].

Совсем иначе устроена нефинитная конструкция. В нефинитных конструкциях глаголы НСВ носят маргинальный характер: в нашем материале не более 2 %[21], и все они принадлежат к характерным для конструкции семантическим категориям, гораздо обильнее представленными глаголами СВ: предельный процесс (*налаживаться*, *зарождаться*, *собираться* 'сходиться вместе', *проникать*) и эмоции (*торжествовать*, *праздновать*); столь характерные для финитной конструкции глаголы желания (**хотевший было*) в Корпус вообще не попали. Интерпретация — прекращение ситуации, с характерным при НСВ-глаголах *уже*:

(41) Колиными людьми, уже было праздновавшими победу, овладел ужас. [Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997—2002)].

II.4.4.2. *Начать, стать* и инхоативы

Безусловным лидером среди всех классов глаголов в финитной конструкции являются инхоативы — глаголы, передающие начало некоторой ситуации. Из них выделяются[22]:

Полувспомогательные глаголы, передающие только этот смысл (*начать*, *стать*, *начать* (*речь*), *приняться* и др.);

Приставочные инхоативы (*заговорить*, *запеть*, *запротестовать*, *забеспокоиться*, *поплыть*, *понестись*, *взлететь* и др.);

Предельные ситуации, нормально мыслимые как прелюдия (часто — очень краткая) к некоторой макроситуации (*открыть*/*раскрыть*

---

[21] В выборку А. Барентсена [1986: 57], включающую также тексты XIX и начала XX в., когда нефинитная конструкция только начинала развиваться, ни одно НСВ-причастие с *было* не попало, и он говорит о таком типе лишь как о потенциальном.

[22] О необходимости рассматривать лексические инхоативы типа *броситься* и приставочные типа *запеть* вместе см. [Barentsen 1986: 19ff]; подробный анализ инхоативов см. [ibid.: 22—24]

рот [везде — в ситуации подразумеваемой речи] // *раззявить варежку*, *направиться*, *заикнуться*, *броситься*/*кинуться*/*дернуться*/*ринуться*/*сделать движение (в сторону)*, *протянуть руку*, *обратиться*).

Эти глаголы в большом количестве попадают в список наиболее частотных и в общей совокупности занимают 43 % от общего количества финитных форм. Значительная доля инхоативов — общее свойство конструкции; даже среди нефинитных форм, где, как увидим, глаголов достижения состояния больше 60 %, глагол *начать* все равно является лидирующим по частотности, а число инхоативов не падает ниже 22 %.

Решительно преобладающей интерпретацией *было*-конструкции с этими глаголами является осуществление начальной фазы (передаваемой глаголами) и прекращение всей макроситуации вскоре после этой фазы, либо же макроситуация в данной точке начинает развиваться не так, как задумано:

(42) Я было начал, что это моя мечта, но сразу понесло куда-то в сторону: мол, кроме Шостаковича, есть еще Шуберт, сонаты Брамса. [Юрий Башмет. Вокзал мечты (2003)].

Глагол *начать* [речь], кроме этого случая, практически всегда вводит реально звучавшую прямую речь, пусть даже такую краткую, как:

(43) — Здр… — начал было он, но она прижала ладонь к губам ⟨…⟩ [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)].

С данными глаголами это маркер едва начатого действия, обычно моментально после начала остановленного, «пресеченного на корню»; это чаще всего — акт речи, движения, жест, или предельно общие «начало» и «попытка» (не только *сказал было*, но *заикнулся было* и даже *открыл было рот*; не только *взял было*, но скорее *потянулся было*). Если рассматривать только вложенную предикацию, то скорее это не «отмененный», а отсутствующий результат; ситуация *открыл рот, заикнулся* и т. п. имела место, но нормальное продолжение этой ситуации не начинается.

Именно максимальная частотность данного типа лексем в нашей конструкции и дала основание Н. А. Луценко объявлять вообще основным значением конструкции «пробное, начальное, непродолжительное, случайное, неконтролируемое, предварительное и т. п.» действие [1989: 88].

II.4.4.3. Семельфактивы (-*ну*-)

Русские семельфактивы (многие из которых носят экспрессивный характер, ср. [Князев 2004: 299] об экспрессивности конструкции с *было* в целом) с устойчивым суффиксом -*ну*- уже отчасти разбирались выше в ряду инхоативов, типично предваряющих некую макроситуацию. Всего эти глаголы составляют 12% примеров от финитных конструкций, среди нефинитных их ненамного ниже — около 8%.

Семельфактивы, не являющиеся инхоативами, практически всегда получают интерпретацию ‘действие осуществилось, но планируемый ход событий резко поменялся’, нередко в этом случае действие отменено противоположно направленным (реверсив):

(44) Как ни странно, наша популярность в тогдашнем интеллигентном обществе стала быстро расти, — поначалу многие было отшатнулись, но после короткого первого шока ринулись к нам с распростертыми объятиями. [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975—2003)],

(45) Фип было глянул и поскорей снова зажмурился. [Борис Заходер. Сказки для людей (1960—1980)]

(в обоих случаях подчеркивается недолгий интервал между событиями).

II.4.4.4. Глаголы достижения результата/установления состояния

Около 14% случаев финитной конструкции составляют глаголы, означающие достижение естественного результата и тем самым начало результируюшего состояния: *взять, утратить, позабыть, сторговаться, столковаться* и т. п.; об этом классе глаголов см. также [Barentsen 1986: 24—29] Для них преобладает интерпретация отмененного материального результата (46) или отсутствия наиболее естественного развития событий (человек взял и держит газету, но не читает ее, 47), но возможна и проксимативная, например, именно она обычна с глаголом *(по)забыть* (48: = *чуть было не позабыл* либо = *забыл было, да вспомнил*), а при замене в (49) *мужик не позволил* на *мужик разбудил* интерпретация была бы не проксимативной (= *чуть было не задремала*), а аннулированного результата (об этой двойственности, на которую обратил внимание А. В. Исаченко, см. [Barentsen 1986:59], [Князев 2004: 301]):

(46) Взял было рюмку, посмотрел на нее, поставил на место [Василий Шукшин. Приезжий (1970—1974)]
(47) В холле присел на диван, взял было со стола газету, но читать не пришлось. [Лев Дворецкий. Шакалы (2000)],
(48) Позабыл было вам сказать еще об одном довольно замечательном обстоятельстве. [Победители конкурса // «Столица», 1997.04.15];
(49) Уныло и хрипло ревел мотор, мотоцикл вздымало, опускало и раскачивало, она было задремала в коляске, но мужик не позволил, закричав внезапно: «И в супе — тоже хорош!» [Андрей Дмитриев. Поворот реки (1995)].

Для ряда предельных глаголов отмена материального результата обычно конструкцией с *было* не выражается. В частности, таков глагол *построить*: в корпусе он не встречается с данной частицей вовсе, а поиск в Интернете находит контексты, где происходит нарушение ожиданий, связанных с постройкой здания (ср. в разделе II.3.2.5 пример *Построили было первый в Союзе завод бутилированной артезианской воды. ⟨…⟩ Но он волею политических судеб оказался в суверенной Туркмении*).

Глаголы необратимого результата, по И. А. Шошитайшвили [1998], как будто бы невозможные в этой конструкции, тем не менее, как показывает анализ, могут быть представлены в ней с наречием *совсем*, которое «отодвигает» точку нарушения хода вещей назад от события и тем самым приписывает глаголам проксимативную (авертивную) интерпретацию. Таким образом, *совсем было = чуть было не*; в данном контексте парадоксальная эквивалентность (гиперболического) *совсем* и *почти* отмечалась в [Barentsen 1986] и [Князев 2004]:

(50) Ведь я, деточка, совсем было погиб. [Булат Окуджава. Путешествие дилетантов (1971—1977)];
(51) Еще больше вдохновившись, стали мы рассказывать, что Николай Иванович спас нас с Иваном, уже совсем было пропавших, взял нас в институт. [Алексей Вульфов. Теперь лишь вспоминать // «Наш современник», 2003].

С другой стороны, если событие трактуется как обратимое — например, мертвый воскресает — то данная конструкция может выступать и без *совсем*, с интерпретацией аннулированного результата:

(52) Стало быть, людям этим благоволят боги, раз вернули умершего было родственника, пусть он и «седьмая вода на киселе». [Алек-

сандр Зайцев. Мифы народов мира: Кровавые жертвы вуду // «Знание — сила», № 7, 2003].

Это находит параллель в древнерусском языке, где *оумерлъ* тоже обычно не выступает в составе сверхсложной формы, но в «Хожении игумена Даниила», где речь идет о первой смерти Лазаря, от которой его воскресил Иисус Христос, эта форма употреблена:

(53) И влѣзучи есть во врата градка того [Вифании], на деснѣй руцѣ есть пещера, и въ той пещерѣ есть гробъ свѧтаго Лазаря; и въ той келии Лазарь болѣлъ, ту же и умерлъ былъ. (см. [van Schooneveld 1959: 136], [Петрухин, Сичинава 2006: 203—204], см. выше в II.2.2)[23].

Примеры (51) и (52) содержат причастия. Это не случайно: в нефинитных конструкциях, впервые засвидетельствованных, напомним, в 1830-е годы, глаголы достижения состояния — абсолютное большинство предикатов, их около 65%. Интерпретация «аннулированный результат» является преобладающей, часто результат эксплицитно отменяется антонимом (54—56); в примере (57), на наш взгляд, предпочтительнее проксимативная интерпретация (‘дело не было развалено’, ‘не удалось развалить’).

(54) Уже задолго до отъезда Ванванч начал настраиваться на московское житье, и угасшие было образы далекого города засверкали вновь, а евпаторийские просторы стали казаться нарисованными [Булат Окуджава. Упраздненный театр (1989—1993)];
(55) Усевшиеся было мухи взлетели с басовитым жужжанием [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995—1996)];
(56) Раздосадованный было Морильо вновь воспрял духом — разведчики донесли ему, что в городе закончились все съестные припасы и что даже кожа с мебели была съедена. [Андрей Фатющенко. Четыре лика Картахены // «Вокруг света», 2004],
(57) Но через год чиновник получил новое партийное задание, а разваленное было дело возглавил Борис Ильич. [И. Э. Кио. Иллюзии без иллюзий (1995—1999)]

[23] Напомним, что в языке XVIII — начала XIX в. *умер было* могло значить ‘чуть было не умер’: *Знаешь ли ты, что я вчерась умер было от желудка* (пример из [Словарь XVIII]); см. II.3.2.5.1.

II.4.4.5. Глаголы желания

Глаголы желания и планирования ситуации (включая уже упомянутый гиперчастотный прототипический глагол *хотеть*) составляют 23% от общего числа вхождений финитной конструкции (для нефинитной они, как и несовершенный вид, крайне маргинальны и не превышают одного-двух процентов). Обычно сочетание *было* с этими глаголами сигнализирует отмену макроситуации до ее начала (ср. [Barentsen 1986: 47—52]):

(58) Мы было собрались объясниться, но тут из конфиденциальных источников стало известно, что руководитель московской подземки из профилактических соображений запретил продавать наш журнал на всей территории метрополитена. [Получите! // «Столица», 1997.03.18]

или выбор в ходе протекающей макроситуации, противоположный планируемому:

(59) Я хотел было пройти, не оглядываясь. Вечно я реагирую на самые фантастические оклики. Причем с какой-то особенной готовностью. Тем не менее я огляделся. [Сергей Довлатов. Виноград (1990)];

очевидно, это зависит от характеристики самой вложенной ситуации (‘пройти, не оглядываясь’).

II.4.4.6. Глаголы попытки

«Промежуточное» положение между глаголами начала и глаголами желания занимают глаголы попытки, занимающие 8% примеров среди финитных конструкций и 7% среди нефинитных: прототипические (*по)пытаться* и *сделать попытку*, а также *сунуться*, *(по)пробовать*, *подступиться*, *ткнуться*, *сделать усилие*, *постараться*, *порываться*, *позариться* (см. об этом классе глаголов также Barentsen 1986: 43 ff). В конструкции с *было* они получают такую же интерпретацию, что и глаголы начала, причем зависимый глагол может быть и СВ (60), и НСВ (61):

(60) Спекулятивно настроенные участники попробовали было сыграть на повышение, однако их решимости хватило ненадолго [Светлана Сметанина. Кроме некрупных политических интриг,

все остальное в стране развивается нормально // «Газета», 2003.01.05];

(61) Пробовал было бросать курить, но почему-то не получается — не удается мне как-то. [Владимир Чивилихин. «Моя мечта — стать писателем», из дневников 1941—1974 гг.].

В ряде случаев для таких конструкций допустима посттерминативная интерпретация, при которых действие, являющееся объектом попытки, осуществлено, а ход событий нарушился после него. Обычно это бывает в случаях, когда ситуация-объект попытки сама представляет собой попытку, начало, первый шаг. В таких случаях *было* входит как бы «под синтаксические скобки» (то есть относится к вложенной ситуации: ‘сделал было поступок’, ‘предложила было’, ‘завел было разговор’; «поступок», на который позарился Раскольников, был осуществлен, но не принес тому ожидаемых последствий; предложение имело место, но было отвергнуто; разговор начался, но продолжения не получил):

(62) Один Раскольников бедный позарился было на поступок — и что вышло? [Александр Каменецкий. Выродок // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.16];

(63) Попробовала было Маргарет Тэтчер, обеспокоенная ростом терроризма, предложить ввести паспорта — не дали: покушение, сказали, на неотъемлемые права личности. [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)];

(64) Кое-кто из гостей попробовал было завести разговор об искусстве и литературе, как и предполагалось по плану, но разговор повис в воздухе. [Юрий Елагин. Укрощение искусств (1952)].

II.4.4.7. Глаголы ментальной деятельности и эмоций

Глаголы ментальной деятельности, самые частотные из которых — *подумать* и *решить*, и глаголы эмоций, из которых самые частотные — *отчаяться* и *обрадоваться*, дают 10 % примеров среди финитных конструкций и маргинальны среди нефинитных; субъект получает некоторое представление об окружающем мире, но оно опровергается дальнейшими событиями (часто вводимых словом *оказаться*):

(65) Игорь было подумал: он рванул от мужчины в окне и от женщины в нижней рубашке на балконе над ним — но потом оказалось другое. [Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)].

Не всегда при этом ясно, изменяет ли сам субъект свою точку зрения (обычно это очевидно только при речи от первого лица:

(66) Оказывается, нет (вначале, должен сознаться, я было подумал, что да, но меня поправили). [Д. В. Аносов. Взгляд на математику и нечто из нее (2000)]);

важно, что «объективно» он был неправ.

Глаголы эмоций, выступающие в конструкции с *было*, имеют то общее с глаголами ментальной деятельности, что за ними обычно стоит та или иная оценка окружающего мира, связанная с информацией о нем (соответственно признание ложности этой информации влечет изменение эмоции):

(67) Жаль, что неопределенно у ребят с сентябрем, а я уж было обрадовался. [Юлий Даниэль. Письма из заключения (1966—1970)]

Для таких ситуаций естественным является указание на прошлую ошибку ретроспективно, в тот момент, когда открывается действительное состояние вещей; это случаи, когда «в линию повествования включается только второй этап — аннулирование ситуации, а момент ее возникновения отнесен в более или менее отдаленное прошлое» ([Князев 2004: 302]. В таких случаях (на глагол *подумать* приводится пример, аналогичный примеру (66)) исследователь вслед за Ю. С. Масловым усматривает «семантический мост» между плюсквамперфектом и современными конструкциями. Древнее значение отмененного результата, таким образом, наиболее устойчиво сохраняется именно в ментальной сфере. Напомним, что глаголы ментальной деятельности и эмоций объединены еще и формально — как мы показали, они предпочитают препозицию *было*, восходящую к древним синтаксическим механизмам. Возможно, это связано с семантикой не только синхронно, но и диахронически (семантический архаизм идет рука об руку с формальным, по принципам [Bybee, Dahl 1989]); при этом отсутствующая в древнем языке возможность препозиции *было* в абсолютном начале клаузы (но не целого высказывания) является инновацией, «выравнивающей» конструкцию формально. Не исключено, что предпочтение препозиции в таких контекстах связано еще и с характерной для них ретроспективностью и акцентом на моменте аннулирования ситуации — препозиция подчеркивает этот момент и носит иконический характер (на это обратил наше внимание при обсуждении статьи, лежащей в основе настоящего раздела, П. В. Петрухин).

Согласно работе Т. Л. Поповой-Боттино [2009], при препозитивном *было* (при глаголах любого типа) «проверяется адекватность имплицитной презумпции реальному положению дел», поскольку на глагол при этом падает контрастивный фразовый акцент (*А денег он тебе дал? — Он было ''дал, но я их вернул*); говорящий стремится опровергнуть противоположную презумпцию реального или виртуального собеседника. Вряд ли все примеры с препозицией *было* при ментальных и эмотивных глаголах можно так объяснить (так, с нашей точки зрения, никакого контрастивного акцента в примерах типа *я было подумал* нет). К наблюдаемой картине, казалось бы, очень хорошо подходит один из выделяемых Боттино подтипов такой ситуации — «Критическая переоценка проспективного взгляда на ситуацию, или нарушение презумпции», однако ни один из примеров, разбираемых ей в этом разделе (и даже в статье вообще), не содержит глаголов анализируемого нами типа.

II.4.4.8. Глаголы речи

Глаголы речи — второй по частоте чисто семантический тип глаголов в финитных конструкциях после глаголов желания, на него приходится 17% контекстов (инхоативные *начать* + [прямая речь], *заговорить* и т. п. уже разбиралось выше), но в нефинитных они отсутствуют почти начисто. За вычетом инхоативов конструкция *было* + глагол речи интерпретируется как речевой акт, последствий не повлекший, в частности, тут же «исправленный» (69):

(68) Я было спросил, почему он больше фехтованием не занимается, но Александр Сергеевич как-то очень уж странно глянул на меня. [Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)]

(69) Я сказал было, что венок нам ни к чему, но посмотрел на Людмилу и поправился: «Вон тот, наверное... побольше, да?» [Андрей Волос. Недвижимость (2000)].

Во всех описываемых случаях речевой акт осуществлен или как минимум начинается (речь звучит), и ситуация, описываемая глаголом, происходит; отсутствует стандартное развитие данного акта (в коммуникации или вне нее).

Опосредованное начало речевого акта представлено в примере:

(70) Когда дверь закрылась, Гуляев подошел к столу, придвинул к себе телефон и вызвал было по коммутатору Неймана, но как только

услышал его резкий, отчетливый голос, так сразу же опустил трубку. [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2 (1978)];

Гуляев производит вызов, Нейман оказывается на связи, но разговора не происходит (интерпретация, при которой *вызвать* понимается как ‘позвал к себе’, — тогда перед нами редкое проксимативное значение, аналогичное *чуть было не*, — менее вероятна, слова *по коммутатору* указывают именно на состоявшийся телефонный вызов).

II.4.4.9. Глаголы движения

Глаголы движения составляют 14% примеров в финитных конструкциях Корпуса и около 8% — нефинитного; заметную роль среди них играют инхоативы (*ринуться*), меньшую — глаголы достижения состояния (*встать, подняться, обогнать*). Здесь возможно проксимативное (авертивное) толкование с уже знакомым нам *совсем* (71), отмена достигнутого состояния (72) и и нарушение планируемых последствий действия после достижения состояния (73):

(71) Совсем было подошел он к дому. Соседи и спрашивают: — Где ты, козел, такую хорошую капусту достал? — Капусту??? Обомлел козел — аж борода дыбом. — А жена-то меня с тыквой ждет… [Олег Тихомиров. Про козла Евдокима // «Мурзилка», 2001],

(72) В отсутствие иных соперников, Ферстаппен на последних кругах стал довольно резко атаковать своего товарища по команде, обогнал было его, но тут же вновь уступил. [Леонид Ситник. Гран При Германии: немецкая культура // «Формула», 2001]

(73) Дед неуклюже поднялся было с места, но что-то замешкался, что-то завозился, и тут она увидела, что на стуле стоит туго стянутый узел — красный платок в горошек. [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)].

Глагол движения в соответствующем контексте получает интерпретацию, типичную для намерения или попытки:

(74) Они ушли, и, переждав минут десять, я поднялся было тоже. Но хозяин сурово сказал мне: — Постойте-ка, — и снова налил по полной. [Юрий Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)]

II.4.5. Ближайший контекст конструкции

Для конструкции «глагол + *было*» чрезвычайно яркой чертой является наличие отчасти дополняющего, отчасти дублирующего ее семантику окружения — так называемой «широкой конструкции». Ряд элементов этой «широкой конструкции» близок к грамматикализации.

Прежде всего нужно указать на эксплицитное введение события, помешавшего достижению результата или отменившего его. Случаи, когда оно не вводится, а подразумевается из контекста — диалога, обстоятельств — исключительны даже в художественной литературе, например, такова реплика Егора в «Калине красной» Шукшина, обращающегося в знак примирения к Петро, которого он обварил кипятком: *Сварил было*? Здесь *было*, и только оно, передает недостигнутый результат (или аннулированный в силу примирения) в чистом виде, в диалогической реплике. Подобные примеры редки: обычно событие эксплицитно вводится и объясняется, что произошло[24]. Этому служит такой синтаксический маркер, как противительные союзы, в частности, прототипический — *но*. Есть основания говорить, что вообще (за исключением глаголов ментальной деятельности и эмоций, подразумевающих ретроспективную переоценку выводов «по умолчанию», в репликах вроде *А я уж было испугался*) речь идет о конструкции *X P-л было, но Q*, настолько велика частотность дополнительного подчеркивания нарушения естественного хода событий и эксплицитного указания на это обстоятельство Ю. П. Князев [2004: 303] отметил, что *было* становится факультативным; *Петя рванулся к двери, но его сбили с ног* есть ровно то же самое, что *Петя рванулся было к двери, но его сбили с ног*.

Цифры таковы. Напомним, что если исключить в корпусе со снятой омонимией нефинитные контексты, где по правилам современного русского синтаксиса союзы при сочетании клауз недопустимы, то среди оставшихся в 80 % есть эксплицитный противительный показатель, в 66 % случаев это *но*, в 4 % — *как*:

(75) Предположив, что они сбились с пути, <u>начали было</u> искать обход, как вдруг заметили, что озеро надвигается на них! [Игорь Воль-

[24] Такое преобладание было свойственно уже языку XVIII в., причем именно в конструкциях с устойчивыми союзами; ср. помету в [Словарь XVIII]: «употр. в противительных конструкциях (обычно с союзами *но, однако, да* и др.) при гл. прош. вр.»; случаи употребления в простом предложении выделены в этом словаре отдельно как нетипичные.

ский. Пропасть им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? (1994)]),

в меньшем числе случаев *а*, *и*, *да* или очень интересный союз *ан*, означающий нарушение ожиданий (примеры см. ниже), ряд других маргинальных противительных средств представлен по одному разу.

Не преобладающим, но также весьма заметным является включение в конструкцию обстоятельств, подчеркивающих обращение результата (часто — быстрое и внезапное), они встречаются в 24% случаев: *тут* (часто с *но*: *но тут, но тут же*), *вдруг*, *потом, опять* и др.; аналогично, и незавершившееся действие модифицируется характерными показателями *совсем* (показатель проксиматива), *сперва*, *уж* (в частности, он придает «предельность» глаголу НСВ: *уж собирался* ≈ *собрался*).

Насколько устойчивы отдельные элементы «широкой конструкции», несмотря на их поверхностное варьирование, при ряде лексем и их интерпретаций, видно из примеров, находимых в Корпусе на слова *столковаться* и *сторговаться* — глаголы достижения результата.

(76) Хотя бы вот эту, с серо-голубыми стаканами и покосившейся, как Пизанская башня, вазой, и почти уже было сторговался с бородатыми, краснолицыми, то ли художниками, то ли коммерсантами 〈…〉, — но в последнюю минуту одумался. [Евгений Шкловский. Холодные руки (1990—1996)] ;
(77) Вот и сторговались было с одной теткой о товаре, завернули покупку, сунули к себе в сумку, ан нет, в последнюю минуту передумали, назад отдали сверток. [Егор Яковлев. Не прозевай начало // «Юность», 1970];
(78) Жалко, что вчера с задатком не вышло. Совсем было столковались — ан нет. [Андрей Волос. Недвижимость (2000)];
(79) И мы уже совсем было столковались, но что-то помешало ему прийти на последнюю встречу. [Дмитрий Биленкин. Космический бог (1967)].

Между этими четырьмя примерами, не считая синонимичных сказуемых, больше попарных перекличек, чем самих примеров. Действие вводится через *уже* — 76 и 79; через *совсем* — 78 и 79, во всех этих случаях *было* вслед за этими наречиями уходит в препозицию (в примере 77, где этих маркеров и препозиции нет, интерпретация, соответственно, не проксимативная, а антирезультативная — купленный товар побывал в сумке); нарушение ожидания происходит *в послед-*

нюю минуту — 76 и 77; само оно выражается при помощи корня *-дум-* (*передумать, одуматься*) — 76 и 77; оно вводится через *ан нет* — 77 и 78 (тривиальное *но* в 76 и 79 не учитываем).

Наличие этого окружения является характерным признаком «выветривания» и конвенционализации семантики обсуждаемой конструкции. Ее можно сравнить, например, не выходя за пределы глагольных конструкций схожего происхождения, с французской письменной конструкцией «быстроты действия» или «немедленного предпрошедшего» *il eut pris*, которая и так употребляется преимущественно в конструкциях с наречными показателями типа ‘быстро’, ‘в мгновение ока’ [Bertinetto 1987] (см. также I.2.2.1). О том же говорит и распространенное дублирование значения конструкции в лексическом значении глагола в случае конативных глаголов *попробовал было*, *собрался было, попытался было, сунулся было* и т. п., а также примыкающих сюда заведомо «незавершенных» жестов *потянуться* и *открыть рот*. Таковы в сущности и конструкции вида *хотел было сделать X*; из желания осуществить нечто в прошедшем прагматически следует неосуществление, иначе употребляются специальные лексические средства (ср. *давно мечтал и наконец купил*).

Нефинитная конструкция отличается от финитной в отношении устройства ближайшего контекста и тем самым в степени обязательности *было*. Отсутствие при нефинитных оборотах союзов и логических коннекторов и решительное преобладание результативных причастий делает частицу *было* почти всегда обязательной, «поскольку ее опущение ведет к изменению соотношения действий в полипредикативной конструкции» [Князев 2004: 303], приведем пример из Корпуса:

(80) И взбунтовавшийся было сотрудник выкатывается из редакции в ближайший гастроном [Михаил Козаков. Актерская книга (1978—1995)] ≠ И взбунтовавшийся сотрудник выкатывается из редакции в ближайший гастроном.

Таким образом, более молодая конструкция оказывается сильнее грамматикализованной, чем в значительной степени «выветрившаяся» старая. Вспомним и то, что первые 25 частотных лексем занимают для нефинитной конструкции 34 %, а не 62 % корпуса примеров; это в большей степени грамматический показатель, чем тяготеющий к конкретным лексемам. О том же говорит и тот факт, что нефинитная конструкция гораздо однороднее с точки зрения выбираемого аспектуального типа — две трети глаголов относятся к глаголам возникновения состояния. При этом важно отметить то, что сильнее грамматикализо-

ванная конструкция оказывается, по сути, поздней литературной конвенцией, книжной формой par excellence, в устной речи не отмеченной вообще (использование причастий, как известно, для живой речи вообще не характерно), в то время как сильнее лексикализованная финитная конструкция, пусть сейчас тоже подвержена сильному «окнижнению», продолжает реальное развитие соответствующей древнерусской формы.

II.4.6. Русская конструкция с *было* через призму параллельного корпуса

При изучении семантики грамматических показателей и конструкций уже давно активно привлекаются данные параллельных корпусов (то есть корпусов текстов, представленных на нескольких языках — как правило, это оригинал и переводы с него на разные языки); ср. [Cysouw, Wälchli 2007]. Обычно для конструкции A в языке B имеется (реально представлено в текстах) несколько неслучайно повторяющихся соответствий — *моделей перевода*. Практически можно утверждать, что, имея дело с переводными текстами и располагая сколько-либо большим корпусом, мы наверняка можем выделить несколько моделей перевода конструкции языка A в языке B.

Рассмотрим употребление частицы *было* в параллельных англорусском и немецко-русском корпусах Национального корпуса русского языка. К 2010 году объем этих корпусов превысил для английского 10 миллионов словоупотреблений, для немецкого 2 миллиона словоупотреблений; они охватывают художественную литературу XVIII—XX веков в русских переводах второй половины XX — начала XXI века. При переводе каких английских и немецких конструкций она возникает у русских переводчиков, носителей современного русского языка?

В английском языке особого показателя, соответствующего русскому *было*, в оригинале нет в 46% случаев. Всегда мы имеем дело в таких случаях с жесткой противительной конструкцией *P было, но Q*, в рамках которой русское *было* в известной степени факультативно (см. выше, II.4.5).

В 12% случаев русскому *было* отвечает английский глагол с семантикой ‘собираться’: *to be about to, just going to* — это всего 12% случаев. Еще 7% случаев приходится на глаголы попытки, прежде всего прототипический *to try.* Подобный стимул ожидаем, учитывая семантику частицы *было* как маркера смены нормального хода событий в

рамках некоторой «макроситуации» — в том числе и для прерванной попытки.

(81) The old gentleman was just going to say that Oliver should not go out on any account [Charles Dickens. Oliver Twist (1838)]
‘Старый джентльмен хотел было сказать, что ни в коем случае не пустит Оливера’ [перевод А. В. Кривцовой (1938)]

Особо выделяется такая группа примеров, как появление *было* на месте английских обстоятельств меры (как правило, означающих небольшую меру): *подумал было* (*thought for a moment*), *побежал было* (*took a few rapid steps*), *начала было* (*for a while*). На эти контексты приходится не менее 9 % случаев:

(82) I imagined, for a moment, that this piece of eloquence was addressed to me [Emily Brontë. Wuthering Heights (1847)]
‘Я подумал было, что этот образчик красноречия адресован мне’ [перевод Н. Вольпин, 1956]

Это явление дополнительно показывает, что русское *было* связано с очень быстрой сменой начала нормального хода ситуации и ее нарушения, когда ситуация пресекается буквально «на корню». В русском языке это выражается сочетаемостью с глаголами едва намеченного, быстрого действия: *броситься, кинуться, раскрыть рот* и т. д. Сочетаемость с инхоативами сама по себе еще не означает семантики ‘быстро’ и ‘ненамного’, поскольку русский инхоатив может охватывать значительную фазу действия, включая не только начальную, но и серединную. Глаголы собственно начинательной семантики, включая прототипические *begin* и *start*, встречаются как стимулы русского *было* существенно реже. Ср. употребление *start*, причем в подчеркнуто нелитературном разговорном контексте (прямая речь малообразованного героя-«простофили», что подчеркивается и своеобразной орфографией):

(83) I started to say I went up to the University of Alabama for a wile, but then I decided to play it safe, an so I tole him I went to Harvard, which was not exactly a lie. [W. Groom. Forrest Gump (1986)]
‘Хотел было ему объяснить, что я немного учился в Университете Алабамы, но потом решил действовать наверняка и сказал, что посещал Гарвард. Это ведь было не так далеко от истины’ [перевод Ю. Вейсберг, 2004].

Сочетание этимологии, восходящей к плюсквамперфекту, и семантики ‘быстрая смена последующим действием’ типологически объединяет, к примеру, русское *было* и редкую романскую конструкцию типа *habui factum* (франц. *j'eus fait* — Passé Antérieur, ср. [Bertinetto 1987] и выше, I.2.2.1). Возможное соответствие между ними в параллельном корпусе нуждается в дальнейших исследованиях (русско-романские корпуса в настоящее время находятся в стадии разработки).

Примечательно использование также ирреального наклонения — сослагательного перфекта вида *would have done,* это не менее 7% случаев. Появление данного стимула заставляет вспомнить теорию «модализации» конструкции с *было* и его движения в сторону фактически ирреального наклонения (см. выше, II.4.3).

(84) He <u>would have been glad</u> to visit the old brick mill [M. Dodge, Silver Skates (1865)]
‘Бен <u>хотел было</u> зайти на старую кирпичную мельницу’ [перевод М. И. Клягиной-Кондратьевой, 1941]

Важно отметить также использование не имеющих аналога в русском глагольных времен как стимулов для *было*. Это собственно английский плюсквамперфект (Past Perfect) и прогрессив прошедшего времени (Past Continuous/Progressive). Оба эти времени типологически связаны с неактуальностью результата, нарушением развития ситуации и несостоявшейся попыткой. Как уже отмечалось, частица *было* происходит именно из древнерусского плюсквамперфекта, прошедшего данный путь семантической эволюции. Для английского языка грамматикализация такого развития не характерна, если не считать ирреальных употреблений Past Perfect в составе условных конструкций (и в этом смысле английский язык выглядит достаточно «экзотически»), однако подобная семантика может проявляться как прагматическое следствие основных значений этих времен.

В немецко-русском параллельном корпусе картина несколько иная, однако проявляет ряд неслучайных сходств с английской. В 70% случаев особого стимула в оригинале нет, в подавляющем большинстве случаев в соответствии с *было* выступает глагол *wollen* в форме прошедшего времени — *wollte.* Ряд стимулов, однако, носит особо характерный характер, таковы наречия *eben, gleich* ‘прямо’, *schon* ‘уже’, *noch* ‘еще’. В совокупности это 17%, то есть большинство случаев, где встретился какой бы то ни было стимул для *было*. Этот факт можно сравнить с характерной для русской конструкции с *было* сочетаемость с подчеркивающими резкое изменение хода событий словами

совсем, уж, прямо. Среди других, более редких стимулов — те же, которые мы видели и в английском языке.

Это обстоятельство меры, указывающее на быстроту действия (в данном примере — ‘в мгновение ока’, что характерно и для французского passé antérieur), и ирреальное наклонение (в данном примере — конъюнктив, причем, как и в английском языке, в сочетании с значением ‘охотно, с удовольствием’ — *would be glad*, *wäre gern*), и типологически устойчивое связанное с кругом значений русского *было* глагольное время (плюсквамперфект). В последнем примере из Кафки плюсквамперфект сочетается с наречием *schon* ‘уже’.

(85) Ich dachte einen Augenblick lang daran, sie wegzuwerfen [Heinrich Böll. Ansichten eines Clowns (1963)]
‘Я уже подумала было — не бросить ли его’ [перевод Р. Райт-Ковалевой, 1964]

(86) Ich kneipte sie in die Wangen und wäre gern aus dem Kreise entwischt [Josef von Eichendorff. Aus dem Leben eines Taugenichts (1826)]
‘Я потрепал их по щекам, хотел было убежать от них’ [перевод Д. Усова, 1933—1935]

(87) Eben wollte sie ihnen mit dem Finger einen kleinen Stups geben [Michael Ende. Momo (1973)]
‘Она хотела было чуть-чуть подтолкнуть их пальцем’ [перевод Ю. И. Коринца, 1982]

(88) K. hatte schon die Hand nach der Klinke ausgestreckt, zog sie dann aber wieder zurück [F. Kafka. Der Prozess (1914)]
‘К. потянулся было к двери, но тут же отдернул руку’ [перевод Р. Райт-Ковалевой, 1965]

Таким образом, при анализе частицы *было* в параллельном корпусе, в часности, особо рельефно выступает такая особенность ее семантики, как малая длительность действия; эта частица появляется при переводе обстоятельств кратковременного действия типа англ. *for a while* или нем. *einen Augenblick lang*.

II.4.7. Заключение

Современная финитная конструкция с *было* вполне устойчива в выборе лексического наполнения; с аспектуальной точки зрения это инхоативы, семельфактивы, глаголы наступления состояния, глаголы желания НСВ; с семантической — глаголы желания, ментальной деятельности, эмоций, речи, движения. От выбора глагола зависит интер-

претация конструкции («прерванная (обычно сразу после начала) макроситуация», «неосуществленное желание», «отмененный результат», «нарушение ожиданий», «проксиматив/авертив»), а также такая формальная черта конструкции, как препозиция/постпозиция. Конструкции «классического» отмененного результата, когда прекращает существование весомый результат завершенного действия — *переехали было, но вернулись* или ?*построили было дом, да разрушили* — для основной массы предикатов маргинальны. Скорее устойчиво такое употребление выступает у глаголов субъективной ментальной деятельности — *решил было, подумал было, что* и т. д. Единственная зона «прекращения ситуации» с глаголом в несовершенном виде, где эта конструкция активна — глагол *хотеть* и в меньшей степени *собираться*; это средство передать информацию о действии, которому был дан «отбой», даже прежде чем оно начало намечаться в реальности. Видимо, именно сохранение древнего значения аннулированного результата и прекращенной ситуации в этой ментально-волитивной сфере и преимущественное сочетание значения отмененного результата именно с обозначениями попытки и начальной стадии развертывания некоторой ситуации привело к тому, что современная конструкция нередко воспринимается как модальная, «недействительное наклонение».

Финитная конструкция с *было* тесно связана с ближайшим окружением; двучленность конструкции, коннектор *но*, ряд конвенционализированных наречных модификаторов в высокой степени устойчивы. Нам удалось выявить такое явление, как зависимость порядка слов при *было* от семантики глагола; препозиция *было* существенно поддерживается глаголами эмоций и умозаключения.

Нашим исследованием также показано существенное семантическое и функциональное различие финитной и нефинитной конструкций с *было*. Сочетаемость с семантическими и аспектуальными классами совсем иная. Нефинитная конструкция с *было*, по преимуществу — конструкция отмененного результата/состояния (в которой инхоативы также играют заметную роль); она носит исключительно письменный характер, возникла позже, сильнее грамматикализована (в смысле обязательности и в смысле меньшей привязки к конкретным лексемам), и само ее возникновение связано с превращением *было* из части глагольной аналитической конструкции в особый грамматический показатель.

II.5. РУССКИЕ МАРГИНАЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С *БЫЛО*[1]

Описав в разделе II.4 на материале Национального корпуса русского языка довольно четко выделяющийся (и уже довольно неплохо изученный, хотя при анализе корпуса обнаружилось и много нового) круг значений русского «канонического» *было*, мы обнаружили, что некоторое количество контекстов, преимущественно из устной речи, с трудом укладывается в прокрустово ложе привычного и известного из описаний русского *было*. Вместе с тем они обнаруживают неожиданное сходство с тем довольно широким кругом употреблений, которые свойственны русскому диалектному плюсквамперфекту (включая формы с несогласованным *было*).

Полезно сделать в этой связи ряд замечаний общего характера. Вообще изучение грамматических конструкций на материале корпусных данных ставит перед исследователями ряд проблем, связанных с омонимией и многозначностью конструкций. В ряде случаев встает вопрос о границе между общепризнанными конструкциями и синтаксическими построениями, которые к «конструкциям» в обычном случае не относят (глагольная сериализация и подобное). Исследование русской конструкции с *было* показывает, что помимо прототипических случаев, обычно находящихся в фокусе внимания исследователей (или, если угодно «того, что им кажется, что они изучают»), в русском языке есть похожие конструкции (возможно, разного происхождения) с разной степенью «втянутости» в орбиту прототипического *было*.

II.5.1. «Прототипическое» *было* и маргинальные конструкции

К «прототипическому *было*» в разделе II.4 мы отнесли контексты, где частица используется для семейства так называемых а н т и р е з у л ь т а т и в н ы х (в понимании работы [Плунгян 2001]; где эта кон-

[1] В основе этого раздела лежит статья [Сичинава 2010].

струкция аттестуется как «антирезультативная par excellence», с. 74) значений. К ним относятся:

— проксимативное (авертивное) значение — действие могло бы быть осуществлено, но этого не происходит (специально это значение выражает специально не рассматриваемая нами конструкция *чуть было не* с участием нашей частицы) (1)
— аннулированный результат (2),
— нарушение ожидаемых последствий осуществленного действия (3) — т. н. макроситуации [Князев 2004], в частности, скорое пресечение едва начатой макроситуации).

(1) Позабыл было вам сказать еще об одном довольно замечательном обстоятельстве. [Победители конкурса // «Столица», 1997.04.15] (= пример 48 из II.4)
(2) Написал было еще слово «УМОЛЯЮ», но зачеркнул его и отдал листочек Ванюшке. [Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)] (=пример 35 из II.4)
(3) Дед неуклюже поднялся было с места, но что-то замешкался, что-то завозился, и тут она увидела, что на стуле стоит туго стянутый узел — красный платок в горошек. [Юрий Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 5 (1978)] (= пример 73 из II.4)

Этот набор, безусловно, является основным употребительным в кодифицированном языке литературы второй половины XX — начала XXI в. Но единственная ли это современная русская конструкция с такой формой?

Например, Т. Л. Попова-Боттино [Попова-Боттино 2009] рассматривает следующий пример (4) из Астафьева как доказательство того, что «нарушение естественного течения событий» [Barentsen 1986] для русского *было* не обязательно:

(4) Они было, на своем рабочем месте пытались объяснить и объяснили наконец…

Эта конструкция примерно синонимична вошедшей в литературный язык конструкции с *бывало*, имеющей хабитуальную семантику («регулярный повтор некоторой ситуации в прошлом»). Отметим пунктуационное/интонационное обособление частицы у Астафьева, в целом не характерное для *было* — но обычное для *бывало*. Встает вопрос о ее происхождении. Возможны следующие версии, причем обе они находят поддержку в древнерусском и диалектном материале:

1) То же происхождение, что и у прототипического *было,* а именно древнерусский плюсквамперфект со значением ‘прекращенной ситуации’; существует также (в северных диалектах, прежде всего: [Пожарицкая 1991]) *было* со значением ‘хабитуалис в прошедшем’, ‘временной план прошедшего’, близкое к *бывало*;
2) Просто финитное *было* со значением ‘имела место такая ситуация, что’ и сериализация сказуемых, ср. избыточное *есть* в тех же северных говорах (скорее северо-западных) и некоторых древних памятниках [Шевелева 2007].

Такая конструкция не является «литературной» в том смысле, что носит крайне маргинальный характер в языке художественной литературы, где встречается до 80% современных конструкций с *было* (о регистровом статусе конструкции см. выше, II.4.1). Однако в устной (причем далеко не только региональной) речи, прессе, а также электронной коммуникации (форумах и т. п.), где *было* встречается вообще реже, картина в то же время заметно пестрее.

II.5.2. Экспериенциальные употребления

В примере (5) из устного корпуса речь идет о единичной ситуации (‘имела место такая ситуация, что’ — это так называемое экспериенциальное значение; об экспериенциальных предложениях в русском языке и их грамматикализации см. [Вострикова 2009]):

(5) Тут праздник какой-то было показывали из кафедрального собора там (речь 22-летнего москвича-музыканта в 2000 году)

В ряде случаев можно предположить возможное происхождение подобных употреблений. Так, в значительном классе экспериенциальных предложений мы явно имеем дело с изначальной конструкцией с двумя предикациями: *было (так, что): Р* или *Р — было.* Для этого значения, по нашим наблюдением, особо характерна контактная позиция *было* и полнозначного глагола, хотя это нуждается в дополнительных исследованиях на более представительном корпусе примеров (о контактном и дистантном *было* в прототипическом употреблении см. выше, II.3.1.1).

По данным корпуса устных текстов (далеко не всегда на знак «/» в корпусе можно полагаться как на обозначение реальных пауз, хотя «некоторое непрямое отношение к способу произнесения слэши имеют», [Гришина 2005: 95—96]; см. в этой статье Е. А. Гришиной о принци-

пах подачи устных текстов) можно сделать предварительный вывод о том, что имеет место континуум случаев между сказуемым отдельного предложения и полностью безударной частицей.

В следующем случае имеется отдельное выраженное подлежащее при *было* и пауза между двумя предложениями — следовательно, имеют место две предикации без следов грамматикализации:

(6) [№ 2, жен, 37] Конечно / да / на Красной площади в пионеры принимали / было конечно все это. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001]

Похоже устроен и следующий пример, где отсутствует подлежащее вроде *это*, но пауза отмечена:

(7) [№ 4, муж, 35] Один раз было / попал / не помню в каком году / сейчас скажу / в 91-ом / я был в Москве на Красной площади 7 ноября и видел Горбачева / на Мавзолее стоит. Мне понравилось. С москвичами транспаранты нес какие-то... [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Воронеж) // Фонд «Общественное мнение», 2003]

Следующий пример, где *было* не отделено, допускает еще и двойную трактовку:

(8) [№ 0] Птичий рынок / это общественная организация? [№ 6, муж, 44] Это необщественная организация. [№ 10, жен, 46] Нет ну митинги сколько было разгоняли. [№ 0] Санкционированные? [№ 10, жен, 46] Нет / несанкционированные. Их объявляют несанкционированными и не разрешают. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001]

Здесь возможны две трактовки исходной синтаксической конструкции: ‘Сколько было митингов! их разгоняли’ либо ‘Митинги, сколько бы их было, разгоняли’

Особый класс случаев экспериенциальных предложений связан с употреблением полнозначных глаголов с семантикой попытки. При их употреблении возникает значение отмененного результата (в отличие от примера из Астафьева с *было пытались объяснить*!), но этот эффект объясняется чисто контекстуально (‘один раз было так, что пытались’ = ‘не получилось’). Любопытно, что это употребление пе-

ресекается с соответствующим классом случаев «литературного» *было* (примеры 11—12 — см. выше, примеры 62—63 из раздела II.4):

(9) [№ 10, жен, 46] А с другой стороны / по-моему / в Англии / да / было / пытались выйти на эту судебную реформу / значит заменить там 300 пожизненных сроков на 15 пожизненных сроков. Не согласились. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2001]

(10) [№ 8, жен, 22] Что как раз с долларом и с евро стали что-то крутить. Вот сейчас это / возможно / было / хотели сделать / а сейчас это как-то притихло и все / даже не знаю. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Москва) // Фонд «Общественное мнение», 2003

(11) Один Раскольников бедный позарился было на поступок — и что вышло? [Александр Каменецкий. Выродок // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.06.16];

(12) Попробовала было Маргарет Тэтчер, обеспокоенная ростом терроризма, предложить ввести паспорта — не дали: покушение, сказали, на неотъемлемые права личности. [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)]

В ряде случаев сериализация намечается, как нам кажется, в контексте подбора синонимов говорящим (говорящий «исправляет» себя, проговаривая менее точный и более точный вариант; характерно, что более «общий» синоним *было* во всех этих примерах препозитивен):

(13) [Николай, муж, 33] Но ситуация заключается в том / что при желании «расчистить» / получить частоты / что было / происходило в других субъектах Федерации / частоты найти можно. [Интервью менеджера компании сотовой связи (2005)]

(14) [Интервьюер] И как там это было / происходило?.. [Об обрядах (беседа филолога с информантом) // Экспедиция филологического ф-та МГУ, 2005]

(15) А были случаи / когда рубили? [Респондентка, жен, 82] Говорят / да. Было / случилось так. [Интервьюер] И чего? Как / что произошло? [Респондентка, жен, 82] Подохли или сумасшедшие станешь. [Об обрядах марийцев (беседа филолога с информантом) // Экспедиция филологического ф-та МГУ, 2005]

II.5.3. Хабитуальные употребления

Вернемся к отмеченному на примере из Астафьева «хабитуальному» *было*. Для него характерна, прежде всего, такая яркая черта сочетаемости, как отсутствие ограниченности только формой прошедшего времени. Как и близко синонимичная ему частица *бывало*, такое *было* употребляется с будущим (ср. *придет бывало*). Известна такая форма и в говорах, и в вошедших в Корпус художественных произведениях.

(16) Как придет было с ней, все хотел, чтобы Машка косу свою рыжую расплела поскорей и поменьше чтоб выпивала. [М. Вишневецкая]

Ср. пример из разрабатываемого сейчас в рамках НКРЯ Корпуса диалектных текстов, с имперфективирующим -*ива*- в полнозначном глаголе (*было говаривали* фактически равнозначно *бывало говорили*):

(17) Вот приезжают мужики — два рыбака — сюда заносят снасть, она берет вересинку, зажигает вересинку и этой обносит эту снасть и перешархивает. Начинает со второго. [Читает] молитву воскресную. Мне еще было говаривали мужики: “Как из этого дому поедем тогогоду ловить, дак год оправдан будет, хорошо попадет рыбы”. [Архангельская область, запись А. Л. Мороза, 1997]

Надо отметить, что в русистике уже известно сочетание хабитуальной и антирезультативной семантики у маргинальной конструкции «*было* + будущее». Последняя отмечена в работах А. А. Потебни, В. И. Чернова и др., на письме она нередко выступает с обособлением частицы (*пойдет, было, и вернется*) [Barentsen 1986: 11]: В Корпусе второй половины XX — начала XXI века таких примеров не встретилось. В свете существования хабитуальных контекстов, где *было* синонимично *бывало*, не обязательно рассматривать такие контексты как результат контаминации «литературных» *пойдет бывало* vs. *пошел было и вернулся*; частица *было*, возможно, просто демонстрирует в таких условиях свою неоднозначность:

(18) Он соберет, было, рекомендации у известных писателей, изловчится, да и ударит по приемной комиссии. А его возьмут да и отшибут. (Литературная Россия) [Чернов 1970: 263]

II.5.4. Сочетаемость значения ‘прекращенной ситуации’

К обсуждаемой проблематике можно отнести также отмеченную в разговорной речи расширенную по сравнению с литературным язы-

ком сочетаемость «прототипического» *было.* Значение «прекращенной ситуации» с глаголом несовершенного вида в литературном языке практически представлено только у глагола *хотеть* (85% случаев по [Barentsen 1986]) и его синонимов, а также конативных глаголов вроде *пытаться* или *пробовать*. В XVIII—XIX веках данный показатель еще был активен в литературном языке при других глаголах НСВ (*я шел было*); соответствующее ограничение и до сих пор отсутствует в говорах (ср. прежде всего указанные статьи С. К. Пожарицкой).

Однако ср. следующий пример из современной разговорной речи (Северо-Запад), не несущей диалектной окраски, но вполне отвечающий исходной широкой сочетаемости *было*:

(19) И / снова / и с тех пор шахта наша села // То было гремела / а теперь / потом села / перестала план выполнять / а потом вообще закрыли ее [Сергиева, Герд (ред.) 1998]

II.5.5. Маргинальные модальные употребления *было*

Два маргинальных типа употреблений *было* связаны с модальными значениями. Отметим в этой связи теорию модализации русского *было*, которое, с точки зрения ряда авторов, функционирует в современном языке фактически как показатель ирреального наклонения. Самым известным сторонником этой точки зрения был А. А. Шахматов, недавно к этому вопросу в свете грамматической типологии обратился П. В. Петрухин. Подробнее о «модальной» трактовке *было* см. [Barentsen 1986: 14 ff] и выше, II.4.3.

В периодике и устных текстах, представленных в НКРЯ, попадается не менее десятка примеров ненормативной конструкции с *было*, дублирующим прошедшее время у модальных глаголов (*могло было, следовало было*). По-видимому, она представляет собой архаизм (ср. II.3.2.7), поддерживаемый параллельными сочетаниями *было* с предикативами типа *нужно было*. Сколько нам известно, такое избыточное *было* не описано в литературе:

(20) …слышались в трамваях упреки избирателей в адрес старой КПСС, сводившиеся к тому, что нам не следовало было торопиться с созданием незрелого «лагеря социализма»... [Геннадий Гусев. Мы за социализм без «родимых пятен» // «Советская Россия», 2003.08.15].

При поиске в Google находится более 17 тысяч *могло было* и более 5 тысяч *следовало было*.

Наконец, отметим редчайший тип ненормативного *было*, встреченный нами в НКРЯ: здесь *было* выступает вместо *бы.* Его можно было бы безоговорочно связать с оговоркой (поправкой говорящего) или неточной расшифровкой, если бы не типологически свойственное ряду форм плюсквамперфекта и дополнительно маркированного прошедшего («ретроспективного сдвига») значение смягчения просьбы; именно оно и выступает во встретившихся примерах. Существенно, что оно присутствовало и в русском языке XVIII в. [Словарь XVIII: 2: 180—181]. Поэтому возможно, что и этот класс имеет отношение к кругу значений обсуждаемых нами форм.

(21) [№ 0, жен, 23] Есть еще какие-нибудь мысли по поводу нашего сельского хозяйства / проблем. То / что с ним связано. Министерство сельского хозяйства. [№ 1, жен] Нам было хотелось побольше. [№ 0, жен, 23] Побольше чего? [№ 1, жен] Продукции. [№ 3, муж] Самое главное / чтобы снизили им налоги. [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003]

Таким образом, материал НКРЯ (прежде всего подкорпуса устной речи) показывает, что конструкций с *было* разной степени грамматикализации имеется несколько, и что они, скорее всего, имеют разное происхождение. Мы видели, что в ряде контекстов употребления их пересекаются, и не всегда легко сказать, с каким из *было* мы имеем дело. В разговорном языке есть целый класс примеров, в котором процесс сериализации глагола *было* из соседнего простого предложения и превращения в частицу еще не завершился. Если здесь действительно можно использовать предлагаемую М. Н. Шевелевой параллель с избыточным *есть*, отмеченным с древнерусского периода, то перед нами картина колеблющейся грамматикализации, продолжающейся уже более чем полтысячи лет. Параллельно существует и другое *было*, восходящее к плюсквамперфекту, круг развития которого уже закончен и все сильнее ограничивается литературным языком.

II.6. *БЫЛО* И *БЫВАЛО*: ТИПОЛОГИЯ И ДИАХРОНИЯ [1]

II.6.1. Формальный статус: разные уровни грамматикализации

Как частица *было*, так и частица/вводное слово *бывало* в современном языке с формальной точки зрения неоднозначны, а именно, могут занимать разные места в морфологическом континууме между самостоятельным словом и близкой к аффиксу клитикой. Этот континуум соответствует различным степеням грамматикализации обсуждаемых показателей, причем одновременное существование в языке всех трех стадий не является чем-то необычным — это частный случай так называемого наслаивания уровней грамматикализации, или layering, по [Hopper 1991].

Вот эти три положения на шкале между аффиксом и полнозначным словом:

А) вторичные морфологические модификаторы к глагольным словоформам, занимающие известное маргинальное место в словоизменительной парадигме;
Б) дискурсивные показатели или «дискурсивные слова»;
В) элементы глагольной сериализации, близкие к глагольным формам (особенно в примерах из разговорной речи).

Русская лексикографическая традиция считает *было* частицей, а *бывало* либо частицей, «употребляющейся в значении вводного слова» ([БАС-2 1991: 845], так же [МАС 1981: 128]) либо вводным словом как самостоятельной частью речи (так в [Ушаков (ред.) 1935] и различных изданиях словаря С. И. Ожегова / Н. Ю. Шведовой). По-видимому, к частице в прототипическом понимании ближе всего случаи А и Б, ко вводному слову — случаи Б и В; дискурсивный показатель представляет собой точку пересечения того и другого.

[1] В основе этого раздела лежит статья [Сичинава 2013].

Разберем эти три статуса подробнее. Во-первых, и *было*, и *бывало* могут рассматриваться в ряду так называемых «вторичных модификаторов», достаточно тесно присоединяющимся «снаружи» к полностью оформленной словоформе финитного глагола. Один подкласс таких показателей рассмотрен в работах В. А. Плунгяна и Й. ван дер Ауверы ([Плунгян 2001], [Plungian, Auwera 2006]), а именно, здесь речь идет о показателях, с семантической точки зрения добавляющих к словоформе ту или иную составляющую значения, связанную с временным планом прошлого и, конкретнее, с так называемым «неактуальным прошедшим» (discontinuous past), причем в ряде языков таких показателей несколько. Как мы увидим далее, ровно к этому семантическому типу и относятся оба рассматриваемых показателя, хотя, разумеется, «вторичный модификатор» — понятие морфологическое, связанное с определенным этапом грамматикализации и не предопределяющее использования такой техники (в терминологии Плунгяна — ретроспективного сдвига, см. подробнее I.1.1) как показателя именно и только этой специфической области значений.

И действительно, *было* и *бывало* употребляются — в «прототипических» случаях, преобладающих в литературных текстах и находящихся в поле зрения традиционной грамматики, — в составе достаточно устойчивых конструкций, где тяготеют, во-первых, к контактной позиции с модифицируемой глагольной словоформой, во-вторых, к выбору определенного класса словоформ с грамматической точки зрения, в-третьих, к несамостоятельному просодическому статусу.

Проведенные ранее нами подсчеты по русскому *было* показывают, что для этой частицы в литературных текстах решительно преобладает контактное словоупотребление (II.4.2); а из двух возможных логически контактных позиций — препозиции и постпозиции — существенно преобладает последняя (примерно 75—80% случаев), причем различие в порядке элементов, по-видимому, семантизировано (а именно, у глаголов умозаключения и ощущения вроде *подумать* и *испугаться* предпочтительна препозиция, II.4.2).

С просодической точки зрения частица *было* наследует показателю древнерусского плюсквамперфекта, к которому она восходит, по крайней мере, в составе конструкции вроде *пошел было, но передумал*. Этот показатель был клитикой уже в древнерусское время, хотя, возможно, его энклитический статус установился «не вполне прочно»[2] [Зализняк 2008: 39—40; о современном языке там же, с. 268], в лите-

[2] Ср. ситуацию в современном болгарском, где вспомогательный глагол в презенсе безударен, а в составе плюсквамперфекта (и предбудущего) «несет

ратурном языке по крайней мере XVIII—XIX вв. он еще не нес самостоятельного ударения; академический словарь 1948 г. аттестует *было* как «безударную» частицу. Безударное (или со слабым вторичным акцентом в общей синтагме) произношение *было* обычно в речи актеров старшего поколения в фильмах 1950—1970-х, входящих в мультимедийный корпус НКРЯ[3]:

(1) [Хоттабыч, Николай Волков, муж, 56, 1900] А мне́ было показа́лось / что э́та почте́нная же́нщина оста́лась недово́льна широто́й твои́х позна́ний. [Геннадий Казанский, Лазарь Лагин. Старик Хоттабыч, к/ф (1956)]
(2) [Евдокия, Лидия Смирнова, жен, 59, 1915] Да я́ уже́ было закры́ла магази́н. [Михаил Жаров и др. Анискин и Фантомас, к/ф (1974)]
(3) [Кузьма, Юрий Никулин, муж, 40, 1921] А́! А я́ было обеспоко́ился. [Лев Кулиджанов, Николай Фигуровский. Когда деревья были большими, к/ф (1961)]

Наконец, прототипическим грамматическим классом словоформ, к которым присоединяется вторичный модификатор *было*, являются финитные словоформы прошедшего времени на *-л*, что опять-таки соответствует этимологии данной конструкции — древнерусский плюсквамперфект относится к классу так называемых «сверхсложных» глагольных форм (см. выше разделы I.4.2, II.1.2). Само по себе наличие «формы-фаворита» не является обязательным для вторичных показателей, для многих из которых характерна, по [Плунгян 2001], как раз «широкая сфера действия»[4]; так, в лезгинском или в волоф показатели «ретроспективного сдвига» присоединяются практически ко

на себе ударение, хотя и несколько более слабое, чем ударение, падающее на причастие» [Маслов 1956: 224]

[3] При этом в расшифровке в части случаев может стоять «обычное» полное ударение и/или иное деление на синтагмы, о необходимой доле скепсиса в связи с субъективностью просодической расстановки «слэшей» в устных подкорпусах НКРЯ см. II.5.2. Далее я иногда без оговорки исправляю эти параметры расшифровки на основании прослушивания.

[4] Под с ф е р о й   д е й с т в и я в цитируемой работе имеется в виду круг словоформ, к которым обсуждаемый показатель может присоединяться. Ниже речь пойдет также о сфере действия в синтаксическом и дискурсивном смысле (scope), то есть об отрезках предложения и/или текста, к которым относится значение показателя; поэтому для значения, в котором этот термин употреблен в статье В. А. Плунгяна, я в данной работе буду использовать выражение «грамматическая сочетаемость».

всем видо-временным формам. И действительно, как мы увидим, грамматическая сочетаемость показателя *было* проявляет явную тенденцию к расширению, а восходящая к плюсквамперфекту конструкция — к расшатыванию.

Показатель *бывало* в существенно меньшей степени проявляет признаки «вторичного модификатора», чем *было*; безусловно, это связано с его этимологией, где отсутствует поддержка со стороны аналитической грамматической формы (см. ниже). Тем не менее есть известный круг употреблений, где такие признаки можно выделить. В. А. Плунгян [2001: 83] утверждает, что этот показатель, в отличие от *было*, «в принципе, способен присоединяться к любым глагольным формам, но наиболее частотны, по-видимому, все же сочетания с презенсом СВ типа *откроешь бывало*». Класс употреблений «будущее время + *бывало*» (причем в достаточно высоком проценте случаев — именно в сочетании с обобщенно-личным употреблением формы 2 лица ед. ч.), в действительности не является самым частотным; как будет сказано ниже, в XX веке его употребительность сокращается. Однако именно он является наиболее грамматикализованным, где употребление *бывало* сильнее всего продвинуто в направлении «вторичного модификатора».

Например, конструкция с *бывало* без учета временной формы глагола, по данным Национального корпуса русского языка, не обнаруживает видимого предпочтения ни к дистантному, ни к контактному расположению: 49% случаев контактного *бывало* против 45% дистантного (в остальных 6% случаев глагол поверхностно не выражен и тем самым параметр не определяется)[5]. При этом для случаев, когда полнозначный глагол выражен формой будущего времени, контактных употреблений уже 64%, а в случаях с формой прошедшего времени — наоборот, только 38%; настоящее время значимых предпочтений не дает, представляя собой как бы усредненный «фон». Естественно объяснять это как эффект более сильной грамматикализации

---

[5] При подсчетах контексты с неотделимыми словоформами между *бывало* и глаголом, например, частицей *не*: *Бывало, не поем полдня*, — учитывались как пример контактного *бывало*. Случаи, когда *бывало* относится к широкой сфере действия, включающей глаголы разного времени (см. ниже), исключены из подсчетов по конкретным временам; впрочем, пробный подсчет показал, что сочетание настоящего времени с будущим ведет себя как «чистое» будущее время, с тем же предпочтением к контактному положению *бывало* с одной из глагольных словоформ (обычно именно футуральной).

контекста: сочетание будущего времени с этимологической формой прошедшего времени от глагола *бывать* сильнее оторвано от употребления этого глагола в ряду с другими формами прошедшего времени (в рамках сериализации или иначе).

Значимо также употребление обобщенно-личного 2 лица ед. ч., причем не только в будущем, но и в настоящем времени: предложения с контактным *бывало* типа

(4) С каким волнением, бывало, ждешь появления вальдшнепа из-за вершин дерев и как обрадуешься удачному выстрелу! [С. Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии (1852)]

встречаются вдвое чаще, чем с дистантным расположением показателя (возможно, в сферу действия показателя *бывало* входят и обе глагольные словоформы зависимого предложения):

(5) Бывало, когда идешь из дальнего района города и добираешься до первой вывески «Петрорайрабкоопа», чувствуешь себя дома. [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Глава третья (1926—1928) (1995)]

При этом не удается усмотреть какого-либо статистического эффекта для форм глаголов прошедшего времени несовершенного вида, так называемого многократного способа действия, на *-ыва-*, образованных аналогично *бывать* от *быть*; здесь *бывало* находится еще «в своей стихии» и не нуждается в прикреплении к глагольной словоформе:

(6) Мы, приближенная прислуга, не знаем, кому и как служить; и я, бывало, по глупому своему характеру, еще при жизни покойной генеральши этим разбойникам, княжеским лакеям, смело говаривал: «Что это, говорю, разбойники, вы у нас наделали! [А. Ф. Писемский. Тысяча душ (1858)]

В отвлечении от параметров, дополнительно способствующих контактному употреблению, в целом для *бывало* характерна позиция не обязательно в непосредственном контакте с глаголом, а перед всей группой сказуемого, которая, в частности, может и начинаться с глагола. *Бывало* «пропускает» в позицию между собой и глаголом практически не ограниченный набор обстоятельств:

(7) Дедушка приходил и на нашу квартиру в Кремле и, бывало, подолгу сидел у меня в комнате, дожидаясь прихода отца к обеду. [Светлана Аллилуева. Двадцать писем другу (1963)]

(8) Я бывало теперь в лес так пройдусь, или краем полей и радость меня охватывает всего: всему дивлюсь и все понимаю. [М. М. Пришвин. Дневники (1927)]

О просодии частицы *бывало* косвенно говорит тот факт, что по современной пунктуационной норме она обособляется. Можно утверждать, однако, что эта норма сравнительно поздняя: немногочисленные исключения из этого правила в Корпусе приходятся на литературу XIX — первой половины XX в., ср. пример (8) из Пришвина[6]; в этой связи интересно отметить, что в примере из [Ушаков (ред.) 1935] — *В молодости он б⟨ывало⟩ охотился на волков — бывало*, хотя и названо «вводным словом», пунктуационно все же не обособлено. В целом это потенциально несамостоятельная единица, способная выступать как в роли самостоятельной синтагмы, так и в роли проклитики и энклитики, а также слова с второстепенным ударением. Клитический или не полностью самостоятельный статус надежно засвидетельствован в текстах мультимедийного корпуса XX — начала XXI в. (правда, пока имеются только примеры из речи актеров не позже 1930-х годов рождения); характерно, что во всех этих примерах речь идет о контактном *бывало* в сочетании с будущим временем:

(9) [Бабушка, жен] У меня́ мно́го бы́ло ребя́т. Бывало сошью́ руба́шку. Пе́рвым Са́нечка но́сит / пото́м Ви́тя / пото́м Леша. [Георгий Данелия, Геннадий Шпаликов. Я шагаю по Москве, к/ф (1963)]

(10) [Катя, Валентина Ананьина, жен, 37, 1933] А в о́тпуск / быва́ло (второст.) прие́дет / и в до́ме светле́й стано́вится. [Андрей Смирнов, Вадим Трунин. Белорусский вокзал, к/ф (1970)]

(11) [Мэр, Олег Табаков, муж, 67, 1935] Ре́дко загля́дываете в мэ́рию! Как ча́сто встреча́лись ра́ньше / а́! Бывало зайде́те / мы́ посиди́м! А́! [Дмитрий Астрахан и др. Леди на день, к/ф (2002)]

---

[6] Пунктуации современных переизданий текстов XIX в. можно доверять лишь с известной долей условности, как мы уже отмечали выше в связи со схожей проблемой — обособление *было* — она обычно выравнивается по современным нормам. Таким образом, сохранение в современном издании ненормативной с современной точки зрения пунктуации скорее информативно, в то время как совпадение с современной нормой ни о чем не говорит; каждый такой случай необходимо сверять по прижизненным изданиям.

Статус «вторичного модификатора» — это статус грамматического, морфологического показателя, сфера действия которого — словоформа, к которой он присоединен. Однако неоднократно обращалось внимание и на случаи, когда показатели схожего типа и этимологии имеют более широкую сферу действия, охватывающую несколько предикаций; таким образом, перед нами уже не морфологический показатель, а показатель связности дискурса, «дискурсивное слово» в понятиях работ [Путеводитель 1993], [Пайяр, Киселева (ред.) 1998]. Так, например, показатели плюсквамперфектного происхождения, выражающие значение неактуального временного интервала, нередко маркируют лишь самую первую предикацию, их сфера действия — весь первый абзац или текст; это так называемый «сдвиг начальной точки» (см. I.3).

Применительно к русскому *было* подход, рассматривающий его как дискурсивный маркер с широкой сферой действия, принят в работах Т. Л. Поповой-Боттино [Попова-Боттино 2009]. Сфера действия *было* может охватывать несколько глаголов (см. выше, II.4.1). Кроме того, как отмечено, в частности, в [Князев 2004: 303], стандартный контекст конструкции с *было* (‘X P было, но Q’) может без заметной потери смысла заменять этот показатель (*он пошел было, но раздумал ≈ он пошел, но раздумал*), который не является факультативным только с причастиями (II.4.5).

Что касается *бывало*, то для его употребления характерна именно широкая сфера действия, охватывающая несколько предикаций. Нередкой является смена глагольного времени внутри этой сферы действия. Чаще всего сочетается настоящее время с будущим, однако засвидетельствованы и все другие логически возможные комбинации времен.

(12) Я нередко нарочно испытывал эту его колдовскую способность; бывало, выдумаю что-нибудь и рассказываю как бывшее, но он, послушав немножко, отрицательно качал головою. [Максим Горький. Детство (1913—1914)]

(13) Бывало, не его вызывали к доске, а он сам идет к ней, мучает преподавателя, потому что ему непонятны те или другие математические формулы. [Никита Хрущев. Воспоминания (1971)]

Наконец, как с *было*, так и с *бывало* отмечен, прежде всего в устных текстах, круг примеров, пограничных между полнозначным (впрочем, само обозначение «полнозначный» применительно к бытийному, экзистенциальному глаголу применимо лишь с некоторой оговоркой)

употреблением глаголов *быть* и *бывать*, включенных в общий ряд предикаций нарратива, с одной стороны, и употреблением грамматикализованных частиц, с другой стороны.

Применительно к *было* ряд таких примеров рассмотрен выше (II.5.2). Их статус колеблется между конструкцией, причем не литературной (со значением «нарушения нормального хода ситуации»), а с иной, экспериенциальной семантикой, с одной стороны, и свободным объединением *было* с иными глаголами, «вводящими» ситуацию, возможно, в контексте подбора синонимов, с другой стороны. Схема этих примеров — *было (так, что): Р* или *Р — было (такое).*

В корпусе устных текстов имеется ряд аналогичных примеров, где при *бывало* выступают обстоятельства времени или образа действия, которые могут относиться как к *бывало*, так и к полнозначному глаголу. Возможна интерпретация вида ‘тогда так бывало: он приходил…’ и ‘тогда он, бывало, приходил…’. Вот некоторые примеры этого рода:

(14) [Соколова, жен, 77] Ну вот он сдерживается некоторое время бывало. [Воспоминания о прошлом Е. Соколовой (1981) // М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999]

(15) Значит / там у них бывало / мать говорила / что вот если кто-нибудь из них там дежурит на кухне / значит / обязательно / говорила / что-нибудь принесет. [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1998]

(16) Знаете / все-таки бывало / вот так придешь / она приходит и говорит / «Можно с вас получить за квартиру?» [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1998]

(17) [Вася, муж] Там как бы бывало / знаешь / приходит человек / напивается / вообще в смерть… [Беседа на радио Next (2006)]

Большинство этих примеров связаны с употреблением настояшего или будущего времени (*откроешь бывало*), поэтому они выступают как пограничные между конструкцией с *бывало* в чистом виде и развертыванием событий после начального «объявляющего» заголовка типа *тогда вот так бывало*.

II.6.2. Диахронические и ареальные источники

С диахронической точки зрения «литературная» конструкция с *было* происходит, как уже говорилось, от древнерусского плюсквам-

перфекта «сверхсложного» типа *ходилъ (есмь) былъ*, в которой форма прошедшего времени от вспомогательного глагола впоследствии утратила согласование ([Петрухин, Сичинава 2006], там же и данные о типологических и ареальных параллелях этого явления); в северных говорах плюсквамперфект с согласуемой связкой сохраняется.

Что касается «нелитературных» конструкций и свободных сочетаний с *было*, встречающихся в разговорной и диалектной речи, то для них, помимо живой синхронной глагольной сериализации, возможно и объяснение, связывающее их с древнерусскими (и современными диалектными, правда, не с полностью тождественным территориальным распределением) конструкциями с избыточным *есть* типа *Ребята есть курят*; этой теме посвящен ряд работ М. Н. Шевелевой, прежде всего [Шевелева 2007].

Таким образом, весьма вероятно, что двойственное сосуществование сильнее и слабее грамматикализованного русского *было* и переходной зоны между ними — явление, насчитывающее по меньшей мере шесть веков, с первых фиксаций избыточного *есть* в древнерусских памятниках.

Частица *бывало*, в отличие от *было*, имеет более однозначную этимологию; это, безусловно, претерит от экзистенциального глагола *бывать*, втянутый в орбиту вторичных морфологических модификаторов через сериализованную конструкцию. Как мы видим, этот процесс также не полностью завершился. При этом перед нами также достаточно старое, общевосточнославянское явление. Частица с аналогичной семантикой и сочетаемостью (при всех трех временах) имеется в белорусском (*бывала*) и в украинском (*бувало*) языках. На толкование этих лексических единиц в академических словарях советского времени сильно влияет русская традиция (подробнее см. ниже, сноска в II.6.3.), однако данные входящих в составе НКРЯ украинско-русского и русско-украинского параллельных корпусов показывают, что *бывало* и *бувало* — действительно основные переводные эквиваленты друг для друга. Ср. употребление другого показателя со схожей семантикой в русском переводе:

(18) Але, по правді кажучи, бувало й недоїсться, а все відложилося якусь там часточку за про слабість та старість… [І. Франко. На дні]
‘Да все же, сказать правду, иной раз и не доешь, а все отложишь да припасешь малость на черный день, да на старость лет…’ [перевод Леси Украинки, 1903].

Аналогичные выводы по материалам параллельных белорусско-русских текстов можно сделать и в связи с белорусской частицей *бывала*. В украинском отмечено и не имеющее полного аналога в русском грамматикализованное соответствие *бувало* в настоящем времени — *буває* или *бува* ‘случается, иногда’ с другими, помимо хабитуального, дополнительными значениями (‘в случае’, ‘может быть, чего доброго’) [Гринченко, 1907: 105], [СУМ I 1970: 245].

Конструкции сходного вида отмечены также в литовском языке (на них указал мне П. М. Аркадьев), ср.

(19) Parvažiuos (приехать.FUT), būdavo, toks ponaitis atostogų ir ištisus tris mėnesius bindzinėja…
‘Приедет, бывало, такой барчук в отпуск и целых три месяца шатается без дела…’ [J. Tumas-Vaižgantas. Pragiedruliai, цит. по Dambriūnas 1960: 46].

Ряд авторов связывает их со славянским влиянием, см., например, [Senn 1966: 454—455]. По Б. Вимеру [2009: 175], итеративное прошедшее на *-dav-* в целом — западно-аукштайтская (район Каунаса и Шяуляя) инновация, не распространившаяся по всему ареалу литовского языка до сих пор.

С ареальной точки зрения с частицами *было* и *бывало* возможно сближать показатели «ретроспективного сдвига» (в трактовке [Плунгян 2001]; здесь проводится только типологическая параллель с русским материалом) в финно-угорских (пермских и волжских) языках (см. также выше, I.1.3). Здесь они также восходят к претеритным формам глагола ‘быть’, которые стали неизменяемыми. Как и в русском, в ряде языков они парные (ср. удмуртское *вал* и *вылэм*, где второй показатель привносит оттенок эвиденциальности); они сочетаются с разными глагольными формами, в том числе презенсом и футурумом, развивают значения семантической зоны неактуального прошедшего, в том числе аннулированного результата. Важно, что для финно-угорских языков характерна сериализация глаголов, также связываемая с соответствующим субстратом в русском языке [Вайс 2003].

Диахроническая связь *было* с финским субстратом была признана принципиально возможной в работах [Шошитайшвили 1998] и [Петрухин, Сичинава 2006], см. II.2.3; теоретически допустима она и для *бывало*. Надо учитывать, впрочем, и все сложности, на которые наталкивается такая гипотеза с точки зрения доказательности. Что касается показателя *было*, то, по крайней мере с семантической точки зре-

ния, он развивался аналогично во всех славянских языках, а согласование (*було*, *было*) факультативно утратил и в украинском и белорусском, где финно-угорское влияние отсутствовало. Конструкция с *бывало* является общевосточнославянской, причем не исключено калькирование ее в литовском. Кроме того, сопоставимый финно-угорский материал имеется только для пермской и волжской зон. Сама идея распространения субстратного явления столь глубинного свойства, как калькирование грамматики, по всей великорусской территории, в том числе в говорах, не обнаруживающих других явлений подобного рода, достаточно уязвима. Здесь можно напомнить не вполне убедительную гипотезу О. Б. Ткаченко [Ткаченко 1979, см. подробнее ее критику в Петрухин 2007] о связи русского сказочного зачина *жили-были* — вполне объясняемого исходя из типологических свойств плюсквамперфекта — с серийной конструкцией гипотетического «субстратного мерянского языка» при отсутствии прямых параллелей с большинством известных финно-угорских языков (подробнее этот сюжет см. в разделе I.3). Таким образом, уместнее говорить более осторожно — лишь о возможной ареальной «поддержке» тенденций, уже заложенных в исходном славянском материале, и, разумеется, о типологической параллели.

II.6.3. Семантика

Семантика обеих обсуждаемых языковых единиц, как уже отмечалось, связана с типологически устойчивой зоной «неактуального прошедшего». В связи с семантикой частицы *было* существуют две конкурирующие трактовки — модализация значения («неосуществление задуманного действия») и значение аннулированного, недостигнутого результата (подробнее об этих трактовках см. II.4.3). Принципиально важна для частицы *было* такая специфика, как кратковременность осуществления описываемой ситуации и пресечение ее «на корню». Об этом говорит как ее повышенная сочетаемость с глаголами-инхоативами (помимо прототипических *начать* или *стать*, также и с такими специфическими, как *броситься, кинуться* и *раскрыть рот*; II.4.4.2), так и наблюдаемая в параллельном корпусе устойчивая модель модель появления *было* при переводе обстоятельств кратковременного действия типа англ. *for a while* или нем. *einen Augenblick lang* (II.4.6).

Основное значение *бывало* — некоторая привычная ситуация в прошедшем, не актуальная для настоящего момента.

(20) Тоже никак не мог он стерпеть, когда кто-нибудь, зная всегдашний норов его, начнет, бывало, из одного баловства приставать и расспрашивать, что у него лежит в сундучке… [Ф. М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)]

(21) Бывало, стрелялись в начале войны, когда мы отступали. [Никита Хрущев. Воспоминания (1971)

С типологической точки известно, что хабитуалис в прошедшем (PASTHAB в нотации работы [Dahl 1985]) представляет собой устойчивую межъязыковую видо-временную категорию, часто маркируемую отдельно от хабитуалиса в настоящем; в нашем случае, однако, определенную хабитуальную семантику несут уже исходные формы презенса совершенного вида (будущего): *как увижу, как услышу, все во мне заговорит* (об этом классе употреблений см., в частности, [Mønnesland 1984]).

Семантика *бывало* определяет и жанр дискурса, для которого она особенно характерна — воспоминания о (сравнительно далеком) прошлом (см. об этом выше, II.3.3.1) . Именно в таких текстах (аудиозаписях устных мемуаров людей старшего поколения) она чаще всего и представлена в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка; ср. примеры (18)—(21). Ср. также толкование Н. Ю. Шведовой: «О в с п о м и н а е м о м: случалось в прошлом, прежде» [Ожегов, 1989: 70] (разрядка наша).

Конструкции с *бывало* в сочетании с прошедшим временем несовершенного вида допускают интерпретацию, связанную с «зоной сверхпрошлого» и «неактуальными временными интервалами» (ср. толкование-парафразу, повторяющуюся в разных академических словарях: ‘случалось в прошлом, прежде, иногда’ [БАС-2 1991: 845, МАС 1981: 128], так же в Малом толковом словаре В. В. Лопатина и др.; ‘случалось в прошлом, иногда’ [Словарь XVIII: 2: 181] — применительно к синонимичному *бывало* употреблению *было*)[7]:

---

[7] Добавим, что в украинском академическом словаре толкование частицы *бувало* демонстрирует явное влияние русской лексикографии: «Уживається при выражені дії, що нерегулярно повторялась у минулому, у знач. ч а с о м, і н о д і, т р а п л я л о с ь» — в статье *бувало* (разрядка в оригинале); почти так же в статье *було* [СУМ I 1970: 245, 254], а в пятитомном «Толковом словаре белорусского языка», очевидно, толкование *бывала* в основном переведено с украинского, причем «раней» добавлено из русской традиции: «Паказвае на значэнне дзеяння, якое нерэгулярна паўтаралася ў мінулым: іншы раз, раней, здаралася» [ТСБМ I 1977: 428].

(22) Обижался на нее, ругались, бывало, ох ругались! [Евгений Шкловский. Соглядатай (1990—1996)]

(23) Бывало, до войны за деньги самого черта тебе мог смастерить. [Василь Быков. Знак беды (1982)][8]

II.6.4. Деграмматикализация и пути сближения

С диахронической точки зрения за последние два века, как представляется, грамматикализованные *было* и *бывало*, принадлежащие к смежной семантической зоне, в известной степени уступают место свободному, неграмматикализованному употреблению соответствующих словоформ.

В связи с частицей *было* это утверждение обосновывается пониженной частотностью данной частицы в разговорной речи и подавляющим преобладанием его использования в текстах художественной литературы, ограниченностью сочетаемости и факультативностью — то и другое характерно для деграмматикализации (см. выше, II.4.5); в то же время в устных текстах широко представлены именно свободные употребления с *было*, семантика которого выходит за рамки литературной конструкции.

Что касается частицы *бывало*, то особый подсчет по вхождению этой словоформы в Национальном корпусе русского языка по нескольким неравным периодам дает следующие результаты:

	XVIII—XIX вв.	1900—1950	1950—1990	после 1990
Частица *бывало* (в составе конструкции) от всех вхождений словоформы *бывало*	50%	44%	41%	27%
Будущее время + настоящее время от всех вхождений конструкции	65%	75%	46%	41%
Прошедшее время от всех вхождений конструкции	27%	20%	50%	58%

[8] Любопытно, что этот роман Василя Быкова представляет собой авторский перевод с белорусского и войдет также в белорусско-русский параллельный корпус в составе НКРЯ. В оригинале Быков также использовал частицу *бывала*, но с будущим временем: *Бывала, да вайны за грошы чорта табе змайструе*.

Приведенные цифры говорят о следующем:

1) Конструкция с частицей *бывало*, не являющейся финитным глаголом (*откроешь, бывало* или *открывал, бывало*), в XVIII—XIX веках встречалась столь же часто, что финитное *бывало* (в *как ни в чем не бывало, ничуть не бывало, бывало так, что*...); в наше время — почти втрое реже; резкий перелом в этом процессе наметился в самые последние 20 лет, но плавное снижение шло и раньше. В современном языке у этой конструкции ощущается некоторый налет цитатного, «сказового» регистра.

2) Наиболее сильно грамматикализованная конструкция с частицей *бывало* + будущее время вместе с близкой к ней конструкцией *бывало* + настоящее время, уже начиная со второй половины XX в., уступает место конструкции *бывало* + прошедшее время, для которой характерно дистантное расположение компонентов.

С просодической точки зрения несамостоятельный статус обоих показателей также может быть утрачен; применительно к *было* об этом говорит растущее число его обособлений на письме (по сравнению с записью в XIX в. вида *пошелъ-было*; см. выше, II.4.2); что до *бывало*, то аргументами могут служить нормативное закрепление его пунктуационного обособления в XX в., растущее количество финитных употреблений, вытесняющих частицу, а также преобладание дистантных контекстов.

Что касается грамматической сочетаемости показателей, то сочетаемость конструкции с *было*, первоначально ограниченная, в соответствии с этимологией, глагольными формами прошедшего времени, распространяется на причастия и нулевой глагол, а в XX веке — на praesens historicum (подробнее см. выше, II.4.2). Для *бывало* также чрезвычайно характерна сочетаемость с подвергнутым эллипсису и нулевым глаголом, изредка встречаются также сочетания с причастиями:

(24) Все те прежние приемы, бывало, неизменно увенчиваемые успехом…[Л. Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867—1869)]

Процесс «высвобождения» *было* и *бывало* из прокрустова ложа грамматикализовавшихся конструкций (в которое, впрочем, они никогда не были загнаны полностью) поддерживает известную близость этих частиц в разговорной ненормированной речи, существовавшую, по-видимому, с древности, учитывая их типологическую параллель и наличие «альтернативного» источника частицы *было*, не связанного с плюсквамперфектом. Уже в XVIII веке отмечены примеры, где *было*

синонимично *бывало* [Словарь XVIII : 2 : 180—181] (II.3.3.2). Ряд маргинальных примеров XIX — начала XX веков, в том числе литературных, в которых *было* означает то же, что *бывало*, и устроено аналогично по сочетаемости (в том числе с будущим временем), приведен в II.5.3.

В этом отношении характерен пример с согласованным сериализованным финитным глаголом *были*, который стоит в одном ряду с *бывало*:

(25) [Респондент, жен, 83] Были / собирались мы. Человек по 20 / бывало / собирались. Так мы там и жили-то мало. по-моему / один Новый Год встретили / а потом май и я уехала. [Биография (беседа лингвиста с информантом) // Архив Хельсинкского университета, 1997—1998]

Таким образом, частицы *было* и *бывало*, в определенный исторический период проявлявшие тенденцию к жесткой грамматикализации и специализации как с точки зрения сочетаемости (*решил было, откроешь бывало*), так и с точки зрения семантики (‘нарушение нормального хода ситуации, обычно раннее’, ‘хабитуальная ситуация в прошедшем’), вновь возвращаются в свою прежнюю стихию — полусамостоятельных глагольных словоформ, передающих широкий спектр значений из зоны неактуального прошедшего.

II.7. БЕЛОРУССКИЙ И УКРАИНСКИЙ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ [1]

В разделе рассматривается белорусский (форма типа *пайшоў быў*) и украинский (форма типа *пішов був*) плюсквамперфект на материале параллельных корпусов НКРЯ с привлечением других источников. Выявлены некоторые особенности белорусской и украинской форм — прежде всего, формальные и семантические архаизмы по сравнению с русским *было*, а также особенности семантической сочетаемости.

II.7.1. Введение. Нормативный статус форм

Ранее мы проводили исследование на материале англо-русского и немецко-русского параллельного корпусов [Сичинава 2011], где выделили, в частности, ряд типичных стимулов, вызывающих в переводе русскую конструкцию с *было* (см. II.4.6). Если мы обратимся к исследованию соответствий этой конструкции в восточнославянских параллельных корпусах, то увидим, что по сравнению с английским и немецким материалом наша задача в чем-то упрощается, но одновременно в чем-то усложняется. Это связано именно с генетической, структурной и семантической близостью восточнославянских форм, которая во многих отношениях обманчива.

В белорусском и украинском языках (в отличие от анализировавшихся в [Сичинава 2011] западноевропейских) имеется конструкция, распределение которой весьма близко к русской конструкции с *было*. Это ее непосредственное этимологическое соответствие, а именно плюсквамперфект, традиционно известный в белорусских грамматиках как «давнопрошедшее время» («даўномінулы час», реже «запрошлы час») или «сложная форма прошедшего времени» («складаная форма прошлага часу»): *пайшоў быў*; соответственно, в украинском это «давноминулий час» (реже «передминулий час») с формой *пішов*

[1] В основе части статьи, посвященной белорусскому языку, лежит сильно переработанная часть статьи [Сичинава 2012а].

був. Обе эти формы восходят к древнерусскому «сверхсложному» плюсквамперфекту. В некоторых украинских диалектах (галицких лемков) представлены формы плюсквамперфекта со связкой-энклитикой *єм, єсь* [Бевзенко 1960: 321]; их аналоги отмечены и в старобелорусских, преимущественно переводных, памятниках [Жураўскі 1988: 212] и представляют собой результат польского влияния. Отметим, что в русской разговорной речи на территории Украины и Беларуси встречаются (под влиянием местного восточнославянского субстрата) согласуемые формы типа *пошел был*; ср. с антирезультативным значением: *Батарейка, наверно, села. Нет, не села. Просто вы его* [ноутбук]*, видимо, закрыли были* (Минск; пример сообщен нам М. Романовским).

В целом эти явления изучены мало; во многих грамматиках эти формы не упоминаются, многим носителям неизвестны, а в зарубежных типологических работах (например, в [Johanson 2000]) иногда эксплицитно утверждается, что их не существует. В советское время (а часто и в постсоветское) эти формы с трудом находили себе дорогу в литературную норму; их статус в лучшем случае ограничивался художественной литературой и диалектами, в худщем их просто считали недостойными упоминания. Нередким было указание на некоторый «пережиточный» статус этих форм, которые являются осколком древнерусского видо-временного разнообразия. Трехвременная система вроде русской явно рассматривалась как более стройная и совершенная, чем сохранившая одиночный реликт древности. На самом деле, как мы видели, в живом древнерусском после сравнительно ранней утраты аориста и имперфекта в повседневной речи система времен была, вероятно, уже именно такой.

Об истории нормативного статуса белорусской формы подробнее см. [Лепешаў 2002: 178]. В академических пособиях и грамматиках 1950—1980-х годов плюсквамперфект, если упоминался вообще, расценивался как «отклонение от литературной нормы», «особенность разговорного стиля» и т. п. Не радикально изменилось положение и в постсоветский период, например, в академической грамматике [Лукашанец (ред.) 2007: 211] этой форме отведено место «ў асобных дыялектах… ў гутарковай мове асобных людзей і ў мове мастацкай літаратуры». Исключением является словарь ТСБМ, дающий эту конструкцию без ограничительных помет. У истоков общераспространенного подхода стоял, по-видимому, Е. Ф. Карский, занимавший даже более радикальную позицию: «давнопрошедшее время… в современном белорусском языке совершенно утрачено, лишь в редких случаях находим его отражения» [Карский 1956: 376], «в живой бело-

русской речи… встречается очень редко и как особая форма прошедшего не ощущается» [там же: 286—287]. Другая авторитетная фигура в белорусской лингвистике начала XX в. — Бронислав Тарашкевич [Тарашкевіч 1929: § 57] — игнорировал эту форму в своей грамматике, стремясь сделать нормативной северную форму на *-шы* (см. ниже).

Официальная украинистика советского времени также ограничивает употребление плюсквамперфекта. Пособие [Білодід (ред.) 1960: 378] относит эту форму к языку художественной литературы, указывая, что в других стилях это значение может быть выражено просто прошедшим временем СВ; «Украинская грамматика» указывает, что «в структуре украинского языка давнопрошедшее время является факультативным» [Русановский (ред.) 1986: 94]. В 1990—2000-е годы авторы ряда пособий считают эту форму «виразною і повноцінною з функціонального погляду», однако фундаментальный университетский учебник [Мойсієнко (ред.) 2013: 384—385], рассматривая данные сочетания, указывает на их «обмежене функціонування: вони вживаються здебільшого у текстах художнього стилю або в розмовному мовленні» и также фактически рассматривает их системный статус как факультативный.

Формы обоих языков действительно чаще встречаются в художественной литературе, чем в иных жанрах (это же верно и для русского *было*, II.4.1, и для ушедшего из живого языка польского плюсквамперфекта, I.4.2.1), но в нехудожественных жанрах (например, публицистике) отмечены также неоднократно.

Обеим формам посвящено некоторое количество исследований; одна из наиболее обстоятельных работ об украинской форме — [Chinkarouk 1998]; в связи с белорусской формой заслуживает большого внимания раздел в [Мацкевіч 1959].

II.7.2. Формальное соотношение конструкций

С формальной точки зрения белорусская и украинская конструкции заметно архаичнее русской по целому ряду параметров. Прежде всего, в ней может сохраняться согласование (несмотря на сосуществующий вариант с несогласуемым *было, було*). Форма плюсквамперфекта хорошо известна по старобелорусским памятникам [Карский 1965, Анічэнка 1957]. В [Жураўскі 1988: 209—215] подробно анализируется плюсквамперфект в памятниках XIV—XVIII вв. Судя по примерам, в оригинальных деловых текстах он употреблялся в антирезультативном значении (*обецали были мне дати рубль грошей,*

и того не дали), а в переводных, как отмечает А. И. Журавский — в таксисном значении, либо в значении «ранейшага аорыста» (ср. также анализ старобелорусского переводного памятника «Страсти Христовы» в [Жукова, Шевелева 2010]). См. [Петрухин 2013] — о формульных антирезультативных перформативных употреблениях в Литовской метрике, вполне аналогичных канцелярским формулам Московской Руси того же времени (см. выше, II.2.2).

(1) Ино мы з ласки нашое на причину их милости и на чоломъбитье ихъ то вчинили, тое именье Кн(е)жо, обедве части, што по тыхъ москвичахъ на насъ, г(о)с(о)д(а)ра, было пришло, на хлебокормленье тымъ детямъ боярскимъ вышеймененымъ дали и тымъ листомъ нашымъ даемъ. [Литовская метрика, 1546 г.]

В староукраинских грамотах и летописях XV—XVII вв. плюсквамперфект представлен широко, судя по примерам, в основном со значением отмененного результата [Бевзенко 1960: 320—321]. Большое число староукраинских плюсквамперфектов приводится, например, в работе [Жукова, Шевелева 2010], где исследуются переведённое с польского Пересопницкое евангелие XVI в., для сверхсложных форм которого характерны, в отличие от древнерусского, таксисные и результативные значения (см. также [Петрухин 2013]). В науке отмечено влияние западнославянских (польских и чешских) форм на семантику сверхсложной формы в украинской и белорусской «простой мове»: ср. об этих формах в языке Франциска Скорины [Анічэнка, Жураўскі 1988], о чешском влиянии на «простую мову» в этом отношении ср. [Verkholantsev 2008].

В современных белорусском и украинском языках, как уже сказано, в качестве варианта существует и несогласуемая частица (*было* и *було* соответственно), аналогичная русской. В белорусском она сравнительно редка [Лукашанец (рэд.) 2007: 210]: действительно, в корпусе встретилось только 6 примеров, из них 5 — в оригинальных текстах, причем интересно, что только один передан в переводе русской конструкцией с *было*. И. Я. Лепешев считает конструкцию с несогласованным *было* ошибочной и возникшей под влиянием русского языка [Лепешаў 2002], хотя его ссылка на то, что согласуемая форма «паслядоўна выкарыстоўваецца аўтарытетнымі аўтарамі», не подтверждается корпусом — среди использующих оба варианта есть такие классики, как Владислав Короткевич и Василь Быков. По Ю. Ф. Мацкевич [Мацкевіч 1959: 221], формы с несогласуемым *было* характерны для авторов младшего поколения — Ткачева, Мележа, Шамякина —

причем преимущественно с глаголом *хацець*. В одном из случаев несогласованное *было* встретилось в корпусе в контексте причастия:

(2) Загрымелі замоўкшыя было партызанскія кулямёты, сціх на хвіліну нямецкі агонь. [Міхась Лынькоў. Міколка-паравоз (1936)]
‘Загремели замолкшие было партизанские пулеметы, стих на минуту немецкий огонь’ [перевод наш; вошедший в корпус слишком вольный или переработан при авторизации]

Подобное употребление (почему-то только для косвенных падежей) Лепешев признает нормативным, приводя пример из Янки Купалы. Три раза параллельный корпус в качестве соответствия для русского причастия с частицей *было* дает более характерные для белорусского языка придаточные определительные со стандартной согласуемой конструкцией:

(3) Валя задержала за рукав собравшегося было бежать Климку. [Н. А. Островский. Как закалялась сталь (ч. 1) (1930—1934)]
‘Валя затрымала за рукаў Клімку, які ўжо збіраўся быў бегчы’ [перевод Л. Ганкина (?)]).

Столь же стандартной является эта замена и в украинском, ср. пример с несогласованной частицей:

(4) Поверивший было в социальную республику… Герцен на склоне дней писал, что «социализм разовьется во всех фазах своих до крайних последствий, до нелепостей». [Р. Н. Редлих. Об общественном идеале, утопии и солидаризме (1985)]
‘Герцен, що повірив було в соціальну республіку… на схилі днів писав, що «соціалізм розів’ється у всіх фазах своїх до крайніх наслідків, до нісенітниць»’. [переводчик О. Кацай, 2000-е]

В русском языке частица *было* в составе нефинитных конструкций появляется только в 1820—1830-е годы (см. подробнее II.3.1.3).

Форма с несогласуемым *було* (не путать с вводным словом *було*, синонимичным *бувало*, которое в украинском, в отличие от маргинальной русской конструкции, является нормативным [Русановский (ред.) 1986: 95, Антоненко-Давидович 1970, СУМ I 1970: 254][2]) в современном украинском языке гораздо более обычна, чем в белорус-

[2] Вообще сосуществование несогласуемого варианта плюсквамперфекта и такой частицы, как и в русском языке, провоцирует определенное смешение двух омонимичных конструкций в претерите.

ском. Прежде всего, она встречается с самого начала новой украинской литературы (у И. Котляревского, Г. Квитки-Основьяненко, Т. Шевченко [Бевзенко 1960: 321]) и до настоящего времени не потеряла престижного статуса в художественной литературе. Например, в романе (цикле) С. Жадана «Гімн демократичної молоді» (2006) встретилось 4 примера конструкции с *було* и только 1 согласованный плюсквамперфект. Практически только некоторые из включенных в 2-миллионный корпус прозаиков и переводчиков, работавших после 1950 г. (в частности, Олесь Гончар, Оксана Забужко) последовательно употребляют согласованную форму; зато именно у них она отличается наибольшим разнообразием употреблений (см. ниже). Всего после 1950 года в оригинальных украинских текстах встретилась почти треть примеров при постпозиции вспомогательного глагола и меньше 20% при препозиции. В переводных с русского текстах — фактически половина при постпозиции и треть при препозиции. Возможно, линейно первая словоформа стремится облегчить родовое и числовое согласование при восприятии речи (не *я було…*, а *я був…*). Поскольку утрата согласования в русском плюсквамперфекте в XVI—XVII вв. документирована не лучшим образом, украинские данные дают любопытный материал по хронологии этого процесса.

У авторов, которые употребляют как согласованный, так и несогласованный плюсквамперфект, теоретически могла бы иметь место семантическая дифференциация этих вариантов (ср. неудачную попытку провести такую границу в русских диалектах, [Менгель 2007]), но выявить ее не удается. У Олеся Гончара, в соотвествии с нормативной грамматикой, различается плюсквамперфект и сочетающаяся со всеми временами форма с частицей *було,* синонимичной *бувало*:

(5) Пригадуєш, Андроне, як ми цілим драмгуртком <u>ходили було</u> після вистави до моря? [Олесь Гончар. Берег любові (1976)]
‘Помнишь, как мы всем драмкружком <u>ходили, бывало</u>, после представления к морю?’ [перевод И. Карабутенко, 1977].

В то же время переводчик Набокова К. Васюков (ориентирующийся явно на русский, а не на английский текст «Лолиты») передает согласуемым плюсквамперфектом и русскую конструкцию с *бывало* (*я <u>сидел, бывало</u>, на круглом камне, под совершенно прозрачным небом* / *я <u>сидів був</u> на круглому камені, під цілковито прозорим небом*), таким образом, расширяя семантику украинской формы.

С точки зрения линейного порядка слов (препозиции или постпозиции вспомогательного элемента) белорусская и украинская кон-

струкция также архаичнее русской, причем на сей раз более радикально различие с украинским. Как известно, в древности элемент *был-* в составе плюсквамперфекта соблюдал закон Вакернагеля и в соответствующих условиях уходил в препозицию [Зализняк 2008]. В белорусских текстах препозиция встретилась в 25% примеров (в точности как в русском языке XVIII века, см. выше), что несколько выше показателей препозиции в разных фрагментах одноязычного НКРЯ (от 17% до 24%), причем в 3 примерах белорусской препозиции соответствует русская постпозиция, а еще в 6 случаях в соответствующем русском тексте конструкция с *было* отсутствует:

(6) Корзун быў памкнуўся на дапамогу, але Савацееў утрымаў яго і шапнуў: — Глядзі!.. [Уладзімір Шыцік. Скачок у нішто (1967)]
‘Корзун рванулся было на помощь, но Саватеев удержал его и шепнул: — Смотри!..’ [перевод Б. Мескина, 1973]

В оригинальных украинских текстах, созданных после 1950 г., процент препозиции плюсквамперфектного элемента почти в полтора раза больше, чем в русском (36%), в то время как в переводах с русского, созданных в это же время — 23%, что уже представляет собой вполне русскую норму; вероятно, в каких-то случаях порядок элементов дословно копировался. Ср., впрочем, даже в этом случае замену русской постпозиции на украинскую препозицию (переводчик привнес слово *навіть* ‘даже’, которое тянет на себя клитику):

(7) Рада смотрела с интересом, вскрикивала, хватала Максима за рукав, два раза всплакнула, а Максим быстро соскучился и задремал было под уныло-угрожающую музыку, как вдруг на экране мелькнуло что-то знакомое. [А. Н. Стругацкий, Б. Н. Стругацкий. Обитаемый остров (1967—1968)]
‘Рада дивилася з цікавістю, скрикувала, хапала Максима за рукав, двічі розплакалася, а Максим невдовзі занудьгував і навіть було задрімав під хмурно-загрозливу музику, коли раптом на екрані промайнуло щось знайоме’ [перевод С. С. Павловского]

Пока у нас нет больших доступных для поиска репрезентативных корпусов белорусского или украинского языка (одноязычный корпус, доступный онлайн — Corpus Albaruthenicum В. А. Кощенко — составлен на материале научных текстов, для которого интересующая нас конструкция не характерна; другой корпус, http://bnkorpus.info, только начинает создаваться; не вполне удобен для поиска онлайн пока и крупнейший доступный украинский корпус http://mova.info),

сложно судить, насколько цифры, полученные для сравнительно небольших объемов белорусских и украинских оригинальных текстов, отражают линейный порядок в языке в целом; но структурная архаичность этой конструкции кажется правдоподобной.

К «сложным формам прошедшего времени» в белорусской грамматической традиции относится еще одна, «новая» плюсквамперфектная форма (в украинском как будто бы отсутствующая), образовання при помощи глагола *быць* и имеющего результативное значение причастия совершенного вида на *-шы*: *быў пайшоўшы.* Такая форма свойственна белорусским диалектам, прежде всего, северо-западной зоны (Вилейка, Брацлав, Полоцк). Имеются также попытки нормативизации этой формы в литературном языке. Так, именно она указана как плюсквамперфектная форма в грамматике [Тарашкевіч 1929], в то время как форма *пайшоў быў* там как раз отсутствует; в соблюдающем некоторые нормы 1920-х годов (в частности, «классическое правописание», или «тарашкевицу») учебнике [Аляксандраў, Мыцык 2008: 89] форма на *-шы* дана как основное «предпрошедшее время», а форма *пайшоў быў* указана как вариант.

Аналогичная конструкция есть в северных русских диалектах, прежде всего также северо-западной кривичской зоны [Дурново 1924, Рыко 2002, Čekmonas 2001: 116—117], где, как и перфект настоящего времени на *-шы*, встречается прежде всего с непереходными глаголами (см. также выше, I.2.1.3). В белорусских говорах она распространена шире, сочетается и с переходными глаголами [Мацкевіч 1959: 218—219]. В целом для перфекта на *-шы* свойственно «выражэнне пэўнага стану як выніку прошлага дзеяння суадносна з сучасным» [Мацкевіч 1959: 219]. Формы с *быў* выражают, прежде всего, значение «результатив-в-прошедшем» и «перфект-в-прошедшем»:

(8) Ен вады <u>быў прын’ошшы</u> [там же];
‘Он принес (до этого) воды’.

(9) Кагда парц’изаны <u>был’и атступ’иўшы</u> на старуйу зону, н’емцы дз’яреўн’у выпал’ил’и [там же: 221].
‘Когда партизаны <u>отступили</u> на старую зону, немцы выжгли деревню’.

В северных русских диалектах сосуществуют две плюсквамперфектные формы с разным — результативным и антирезультативным — значением; такая дифференциация для глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта типологически характерна

(см. I.2.1.3). В белорусских говорах картина сложнее, поскольку антирезультативное значение изредка представлено и у форм на *-шы*:

(10) йон быў прышоўшы ат раки, але пратсидацел зноў яго выправиў [там же: 222],
'Он пришел с реки, но председатель (колхоза) снова его отправил'.

а результативное — и у форм на *-ў*, по крайней мере в художественной литературе (см. ниже), но общая тенденция та же.

II.7.3. Семантика

Семантически эти конструкции в целом довольно близки к русской — особенно по сравнению со степенью формальных различий. Как и русская форма с *было*, белорусский и украинский плюсквамперфекты преимущественно употребляются в контекстах нарушения нормального хода ситуации (применительно к русскому языку см., прежде всего работы А. Барентсена и Ю. П. Князева).

Для белорусского языка толкование, близкое к тому, какое обычно предлагается для русской частицы *было*, дается И. Я. Лепешевым [Лепешаў 2002: 177—178]: «дзеянне, якое пачалося ці магло пачацца, але перапынілася іншым дзеяннем». Правда, многие традиционные описания (как и для большинства славянских плюсквамперфектов) дают здесь привычные ярлыки «давнопрошедшее действие» и «предшествование в прошедшем» (что отражает традицию описания западноевропейских языков с таксисом). Ср.: «для перадачы даўномінулага часу дзеяння, якое папярэднічала іншаму завершанаму дзеянню» [Шкраба 2007: 144]; аналогичную альтернативу своему толкованию предлагает и Лепешев. Краткая академическая грамматика [Лукашанец (рэд.) 2007: 210—211] указывает ряд различных значений: «дзеянне, якое даўно прайшло», «ранейшае па часе дзеянне», «пры абазначэнні перарыўнага дзеяння», а также модальное значение (см. ниже).

Необычно метко и современно звучащее определение «давнопрошедшему времени» дает «Украинская грамматика» [Русановский (ред.) 1986: 94]: «Если прошедшее время указывает на действия как совершившиеся до момента речи, так и продолжающиеся в момент речи, то давнопрошедшее — только на те действия, которые исчерпали себя до момента речи. Таким образом, давнопрошедшее время передает такое значение, которое может быть выражено, но не так отчетливо, и формой прошедшего времени». Фактически это то же

определение, какое дают «неактуальному прошедшему» (discontinuous past) Плунгян и Аувера [Plungian, Auwera 2006]; см. также I.1.2.10. Однако более конкретных частных употреблений этой формы в грамматике не приводится. В работе периода украинизации [Курило 1925/2008: 82] подчеркнуто, что «найчастіше звороти с формою передминулого часу бувають того самого значення, що російськи звороти с *было* та з формою минулого часу головного дієслова: чинність не доходить своєї завершености, а причина незавершеної чинності пояснена в наступному реченні»; нормативными признаются только сочетания несогласованной частицы *було* и настоящего времени, а плюсквамперфект с *було* (даже у классиков) признан русизмом. В советском описании [Білодід (ред.) 1969: 377—378] «таксисное» и «антирезультативное» толкование скрещены: «форми давноминулого часу… передають нетривалу, тимчасову дію, що виконувалась перед основною дією»; причем значение ‘прерванного действия’ выделено отдельно. Во влиятельной работе по культуре речи, оппозиционной советским установкам на сближение украинского с русским [Антоненко-Давидович 1970: 81—82], форма «давноминулого часу» дается как равноправная с прошедшим; для нее даны два значения: предшествование в прошедшем и прерванное действие.

Обращение к корпусу показывает заметную близость белорусской и украинской конструкций к русской. В большинстве случаев русская конструкция просто переводится при помощи этих конструкций и наоборот, и это делает картину (но только на первый взгляд) гораздо более простой, чем в случае перевода с немецкого или английского. Сложности же заключаются в том, что отклонения от такого прямолинейного сценария, о которых речь уже шла, все же встречаются не менее чем в трети случаев и достаточно разнообразны по своим причинам — они зависят как от реальных различий сочетаемости конструкций общего происхождения в близкородственных языках, так и от стратегий конкретных текстов, авторов и переводчиков. В русском языке употребительность данной конструкции сильно варьирует в зависимости от автора (по данным первопроходческой работы А. Барентсена [Barentsen 1986]); то же верно, насколько можно судить, и применительно к белорусским и украинским писателям, а также к переводчикам с одного языка на другой.

Отличия, в частности, значения, не выражаемые русской конструкцией, выделяются при анализе конкретных примеров. И здесь заметно, что эти отклонения во многом связаны с индивидуальными предпочтениями отдельных писателей; вероятно, при расширении корпуса

процент таких случаев может измениться и в ту, и в другую сторону, но сейчас нам важно само наличие случаев, не характерных для русского языка (по крайней мере, современного литературного).

II.7.3.1. Немодальные употребления

В белорусском языке отметим пример, содержащий редкое несогласованное *было*:

(11) Баец падняўся на ногі і, спатыкаючыся, пабрыў было да прыступак. [Васіль Быкаў. Адна ноч (1961)].
'Боец поднялся и, спотыкаясь в обломках, побрел к ступенькам' [перевод М. Горбачева]

Своей цели боец достигает (находит автомат), и никакого нарушения хода этой ситуации не происходит. Возможно, выбор конструкции связан с неуверенностью начала действия, или, что вероятнее, с более широкой «макроситуацией» по Ю. П. Князеву — заваленный в помещении, герой долгое время не может из него выбраться. Четыре плюсквамперфекта, отличные от русского «стандарта», встречаются в произведениях Янки Брыля. Все эти примеры задействуют различные глаголы достижения состояния; как мы помним, именно этот класс глаголов отражает наиболее заметное различие между сочетаемостью русской и белорусских конструкций. При этом, как ни парадоксально, все четыре брылевских примера все же переведены на русский при помощи частицы *было*, что, на наш взгляд, отражает интерференцию в языке переводчиков под влиянием белорусского. Приведем два из этих примеров:

(12) Праўда, сыры аднойчы былі не ўдаліся, і, каб зацерці сляды, рагатун Рыўка з яшчэ адным такім майстрам, не з нашай вескі, уз'ехалі з цяжкім возам на стары склеп, і ён праваліўся. [Янка Брыль. Ніжнія Байдуны (1974—1975)]
'Правда, сыры однажды было не удались, и, чтобы затереть следы, хохотун Ривка еще с одним таким мастером, не из нашей деревни, въехали с груженым возом на старый погреб, и он провалился' [перевод Д. Ковалева]

(13) Перад ваенным пажарам ён пагарэў быў яшчэ чысцей, нават і пагрэбніка тады не засталося. [Янка Брыль. Глядзіце на траву (1966)]
'До этого пожара он погорел было еще почище, даже и погреба тогда не осталось'. [перевод А. Г. Островского]

В первом случае конструкция имеет экспериенциальное значение (‘однажды было так, что’). В русских говорах и литературном языке XVIII века ряд таких примеров отмечен, что отражает сближение между частицами *было* и *бывало* (см. также II.3.3.2). С этой точки зрения белорусские примеры интересны тем, что в них не утрачивается согласование вспомогательного элемента плюсквамперфекта (при том, что частица *бывала* тоже существует). Белорусские конструкции с *было* и *бывала* сближает и относит к «давнопрошедшему» Е. Ф. Карский [Карский 1956: 376]. Во втором случае речь идет об аннулированном результате в чистом виде, причем даже дважды аннулированном: погоревший дом был отстроен (а потом, как видим, снова погорел). Соответствие для этого примера опять же находится в русском языке XVIII века (см. также выше, II.3.2.5, пример (28)):

(14) Пожирающий пламень истребил было красоту сего священнаго здания: но промысл Божий неисповедимый, по временам нас наказывающий, се лучшим украшением изобильнейше утешил нас [архиепископ Платон (Левшин). Слово при освящении храма (1779)].

В значении аннулированного результата (пересекающемся здесь с неактуальной экспериенциальностью; ‘однажды ошибочно сказала, но теперь уже молчу’) белорусский плюсквамперфект отмечен и в устной речи, например, в записи выступления по радио (пример сообщен нам М. Романовским):

(15) Нічога ня буду цяпер гаварыць. Я ўжо была ня так сказала... Я проста ўдзячная ўсім людзям, якія дапамагалі яму вярнуцца, але больш ня буду і слова нікому гаварыць [http://www.svaboda.org/content/article/25232887.html]
‘Теперь ничего не буду говорить. Я уже [однажды] не так сказала… Я просто благодарна всем людям, которые помогли ему вернуться, но больше не буду и слова никому говорить’.

В работе Ю. Ф. Мацкевич прямо отмечено экспериенциальное значение, обычно неактуальное («як адзінкавы факт безадносна да другога мінулага дзеяння… такое дзеянне звычайна абмяжоўваецца пэўным перыядам часу… часта падкрэсліваецца паясняльнай часціцай *раз*»).

Употребление белорусского плюсквамперфекта в значении перфекта или результатива в прошедшем (то есть предшествующего действия, не отмененного и не нарушенного другим действием в прошедшем) отмечено в художественной литературе. В текущем составе па-

раллельного корпуса таких примеров пока нет: сюда относится, в частности, употребление у Кузьмы Черного, которое приводит Ю. Ф. Мацкевич:

(16) Каторыя не пайшлі былі з-за год сваіх на вайну, сядзелі сабе ў сваім гарадку.
‘Те, кто из-за возраста не пошел на войну, сидели себе в своем городке’.

У Е. Ф. Карского отмечено, по-видимому, еще одно архаичное значение плюсквамперфекта в восточных белорусских говорах — «сдвига начальной точки», или обозначение первого действия в нарративе, отнесенном к неактуальному прошедшему. Помимо застывшей формулы *жыла была сабе раз одна мачиха*, это такая начальная фраза рассказа, как *раз, у нядзелю, была яна пасціла свінні на полі* ([Карский 1956: 376]; районы соответственно Быхова на Могилевщине и Сенно на Витебщине). Примеры с *жылі-былі* (на фоне преобладающих простых *жылі* и *былі*) отмечены и в белорусских сказках (правда, литературно обработанных), включенных в параллельный корпус НКРЯ; еще больше их, по понятным причинам, в переводах русских сказок на белорусский. Такое употребление представляет большой интерес (известное по берестяным грамотам и тому же русскому *жили-были*, в современных севернорусских говорах оно, судя по всему, сохранилось, см. выше I.3.2.1.2).

В украинских текстах отличные от русского употребления распространены довольно широко (возможно, несколько шире, чем в белорусских) и тоже в значительной степени «привязаны» к конкретным авторам. Например, у ряда современных авторов формы плюсквамперфекта активно передают значение ‘предшествование в прошедшем’ и ‘перфект / результатив в прошедшем’ западноевропейского типа; особенно это характерно для прозы Оксаны Забужко (хотя антирезультативные контексты, которые переводятся русским *было*, у нее, разумеется, тоже есть):

(17) …одночасно я втямила, що цей мужчина — хто він там не є — вже скілька зупинок нависав був наді мною… [Оксана Забужко. Польові дослідження з українського сексу (1996)]
‘…одновременно до меня дошло, что этот мужчина — кто бы он ни был — уже несколько остановок нависал надо мной…’ [перевод. Е. Мариничевой, 2001]

Эти формы часто маркируют ретроспективные отступления (которых в прозе Забужко много, и нередко они «вкладываются» друг в друга). Мы уже упоминали о переводчике Набокова К. Васюкове, у которого плюсквамперфект отвечает и за русскую конструкцию с *бывало* и тем самым тоже приобретает значения ‘прекращенная ситуация’, ‘неактуальный экспериенциал’ и т. п.

Имеются контексты, связанные с аннулированным результатом, где нельзя подставить русское *было*:

(18) — Мій довг… — тихо каже він. Далі знов бере пакуночок, розгортає його й рахує. Папірцями: вісім карбованців; сріблом: два. Ці гроші він позичив був у мене своєї першої візити до мене. Мабуть, нашкрябав у себе все, що міг, ще щонебудь продав і приніс. І почуває тепер гірку, болючу насолоду. [Володимир Винниченко. Записки кирпатого Мефістофеля (1923)]
‘— Мой долг…— тихо говорит он. Потом опять берет сверточек, разворачивает и считает серебро. Бумажками — восемь, серебром два. Эти деньги он занял у меня в первый свой визит ко мне. Вероятно, собрал все, что было в доме, еще что-нибудь продал и принес. И чувствует теперь горькое, болезненное наслаждение’. [перевод Ю. Барабаша, 1991]

Ср. контекст у А. Довженко (монолог от лица «неизвестного солдата»), в котором выбор плюсквамперфекта диктуется не только предшествованием в прошедшем, но и исчезновением каких-то следов о герое и его подвиге. В русском здесь *было* невозможно:

(19) Ну, як же ж бо мене звали? Отут на березі якраз коло дороги було ж написано моє ім’я, таке просте українське ім’я, на диктовій драничці олівцем на стовпчику прибите. Так хтось зламав і кинув на дорогу. Як жаль мені, що вже тепер ніхто мене і не згадає, ніхто не знатиме, що оце ж я тут урятував був батальйон. Моя робота. Такий я був гарячий і люб’язний чоловік. Ах, як же ж бо мене звали? [Олександр Довженко. Невідомий (1941—1956)]
‘Ну как же это меня звали? Тут, на берегу, у самой дороги, было же написано мое имя, такое простое украинское имя, карандашом на куске фанеры, к столбику прибитом. Да кто-то сломал и кинул на дорогу. Как жалко мне, что теперь уже никто меня и не вспомянет, никто не узнает, что это я спас тут свой батальон. Моя работа. Такой я был горячий и любезный человек. Ах, как же это меня звали?’ [перевод А. Г. Островского]

В работе М. Н. Толстой о плюсквамперфекте в архаичных западноукраинских говорах [Толстая 2000] опять же выделены «давнопрошедшее» и таксисное («преждепрошедшее») значение. Среди употреблений, квалифицированных как «давнопрошедшее время без связи с другими действиями» [Толстая 2000: 137], можно выделить экспериенциальные (*Сесь упав быв рас пьяный*; *Та ге «В мири животных» коли указуют… а даколи раз указали были гады* ‘показывали змей’, *Давно ни ишли ни в декрет, ай родила дома была соби*)[3] и значение прекращенной ситуации (*до церкве не ходили были* и т. п.).

II.7.3.2. Модальные употребления

Нехарактерное для русского литературного языка употребление этой конструкции в условной контрфактивной конструкции вместе с сослагательным наклонением (показатель наклонения в составе союза *каб*) видим в белорусской «Мужицкой правде» Калиновского:

(20) Для таго то і пабілі Маскалі Касцюшку, бо каб мужыкі ўсе разам былі збунтаваліся і ўхапілі за сякеры, нажы і косы, так бы Маскаль мусіў бы прапасці без паўстаня, і мы на век вякоў ужэ былі бы вольныя. [Канстанцін Каліноўскі. Мужыцкая праўда. № 2 (1862)]
‘Оттого-то и побили москали Костюшку, потому что если бы мужики все вместе взбунтовались и взялись за топоры, ножи и косы, то москаль должен был бы пропасть бесповоротно, и мы на веки веков были бы свободными’. [по переводу издания 1990 г.].

Такое употребление плюсквамперфекта сослагательного наклонения может быть как продиктовано польским влиянием (ср. аналогичный старобелорусский пример с параллельным польским текстом в [Карский 1956: 287]), так и отражать диалектные особенности (диалект Калиновского, как и использующего иные нестандартные значения Брыля — гродненский); такие литературные примеры приводятся и в Мацкевіч 1958]. В старобелорусских памятниках данная конструкция отмечена с начала XVII в. [Жураўскі 1988: 211—212]. Употребление *было* в функции *бы* известно в русском языке XVIII в. и встретилось также в русском корпусе разговорной речи (см. выше, II.3.2.7, II.5.5). Есть основания считать, что оно не чуждо и русской речи Беларуси, во всяком случае *было* парадоксальным образом (если это не

[3] Даем в примерах упрощенную транслитерацию.

опечатка) возникает в переводе на месте тривиального условного наклонения оригинала:

(21) І мне хацелася нешта сачыніць. Гэтае нешта пачыналася б словамі: 〈…〉 [Вітаўт Чаропка. На кругі свая (1988)]
‘Хотелось что-то сочинить. Это что-то начиналось было словами 〈…〉’ [перевод Т. Зарицкой].

Контрфактивный плюсквамперфект сослагательного наклонения (так называемая «сложная форма условного наклонения прошедшего времени» («складні форми умовного способу минулого часу), [Бевзенко 1960: 321, 333]) или «прошедшее условное время» («минулий умовний час») [Білодід (ред.) 1969: 378] встретился и в украинских текстах разных периодов:

(22) Зрештою, якби зараз був приїхав наш славний колега Мавропуле, він мав би що долучити до так драстичної теми, скінчив свою маленьку, але непорожню лекцію Дежавю. [Юрій Андрухович. Перверзія (1996)]
‘Наконец, если бы приехал сейчас наш славный коллега Мавропуле, ему было бы что добавить на эту дразнящую тему, окончил свою маленькую, но непустую лекцию Дежавю’. [перевод А. Бражкиной и И. Сида, 2002]

(23) І йому б же легше було, якби тоді повезло було. [Архип Тесленко. Свій брат (1906—1911)]
‘И ему было бы легче, если бы тогда повезло’. [перевод Л. Нестеренко, 1952]

Для украинского языка характерно сочетание плюсквамперфекта с глаголами возможности и долженствования (в русском такие примеры ненормативны, хотя были допустимы в XVIII веке, см. выше, II.3.2.7). Примеры с глаголом *могти* нередки у западноукраинских дореволюционных писателей — Франко, Мартовича, Кобылянской, например:

(24) І нікого не було тут, кому б міг був повірити свій жаль [Ольга Кобилянська. Земля (1901)]
‘И никого не было тут, кому он мог бы поверить свое горе’ [перевод В. Тарсиса и Е. Егоровой, 1948].

Изредка такие примеры отмечены и позже:

(25) Господар розповів Тимошеві новину, яка вже встигла облетіти світ: батько переміг під Жовтими Водами. А міг був і не дізнатися.

Звитяга козацького війська мало що не освятилася кров'ю гетьманського сина. [Роман Іваничук. Мальви (1965—1967)]
'Хозяин сообщил Тимошу новость, которая облетела весь мир: отец его [Богдан Хмельницкий] одержал победу под Желтыми Водами. А мог бы и не узнать об этом. Победа казачьих войск чуть было не освятилась кровью гетманского сына'. [перевод К. Трофимова, 1988]

С глаголами долженствования подобная конструкция в украинском языке представлена гораздо шире:

(26) Настав день, коли електронний скальпель мав був торкнутися розумного мозку… [Б. В. Зубков, Є. С. Муслін. Німа сповідь (после 1966; перевод с русского)]
'Настал день, когда электронный скальпель должен был коснуться разумного мозга…',

(27) …в остаточній редакції твою одчайдушну телеграму мусили були прийняти без цих двох слів [Оксана Забужко. Польові дослідження з українського сексу (1996)]
'…в окончательной редакции твою отчаянную телеграмму должны были принять без этих двух слов' [перевод Е. Мариничевой, 2001].

Любопытен с точки зрения грамматической интерференции в речи писателя-билингва более ранний пример у Г. Квитки-Основьяненко:

(28) Іще було уп'ятерить подобало за таковоє злодіяніє… [Конотопська відьма (1833)].

Квитка сам перевел «Конотопскую ведьму» на русский язык, сохранив конструкцию и только заменив дистантное расположение показателя контактным: *Еще было подобало упятерить за таковое злодеяние…*

Архаичное для русского значение 'вежливая просьба' (I.1.2.7) было активным еще в первой половине XX века:

(29) — Я хотів був бачити пані. [Степан Васильченко. З самого початку (1910—1932)]
'— Мне хотелось повидать барыню'. [перевод Ал. Дейча, 1952]

Грамматика [Лукашанец (ред.) 2007] дает для белорусского языка еще один фразеологизированный модальный контекст — пожелание-проклятие со словами *каб, бадай* 'чтобы': *Бадай ты спрогся быў,*

тупіца! ‘Чтоб ты сдох (пропал), тупица!’ (Я. Колас, «Новая зямля»). Неоднократно такие конструкции встречаются и в украинском корпусе (прежде всего в исторических романах В. Малика; видимо, они передают определенный колорит времени и среды). В отличие от белорусского примера, перед нами «плюсквамперфект сослагательного наклонения» или «прошедшее условное» (частица *би* тоже налицо):

(30) — Гарненьку хату приготував для нас проклятущий турок, хай би був щезнув! [Володимир Малик. Посол Урус-Шайтана (1968)]
‘Хорошенькую хату приготовил для нас проклятый турок, чтоб он пропал!’ [перевод В. Доронина, Е. Цветкова, 1973]

II.7.4 Лексические стимулы перевода

Для анализа семантики конструкции представляют определенный интерес модели перевода, замещающие конструкцию или стимулы, которые вызывают привнесение конструкции в переводе (см. II.4.6 применительно к английскому или немецкому). Например, русская конструкция с *было* в белорусском передается сочетанием прошедшего времени и наречиями ограниченной продолжительности (*крыху, толькі*), начала действия (*спачатку*), а также наречия *ужо*. Это вполне соответствует выявленным ранее переводным стимулам для *было* в английских и немецких текстах. В соответствии с белорусским плюсквамперфектом в русском появляется несколько иной набор моделей-замен: *уже*, *-таки*, *даже,* — но, к сожалению, для статистической оценки тут данных пока недостаточно (хотя *-таки* и *даже* могут указывать на некоторые дискурсивные функции этой формы, пока не изученные).

Исследование грамматических значений и конструкций на материале параллельных корпусов — уже давно хорошо зарекомендовавшее себя направление, активно применяемое в славистике. Нет сомнений, что еще предстоит сделать много работы по корпусному изучению белорусского и украинского языков, которые вообще в мире корпусной лингвистики (особенно на фоне других славянских) пока представлены недостаточно.

II.8. ПОСТСКРИПТУМ О *ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ*(*УМ*)*Е*: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ТЕРМИН КАК ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ[1]

Грамматический термин *плюсквамперфект* (< лат. plus quam perfectum; букв. «более, чем совершенное [действие]») в XX веке получил необычно широкое распространение в метафорическом употреблении, в том числе как публицистически-философский и художественный образ (в контекстах типа *это уже плюсквамперфект, перенестись в плюсквамперфект, очарование плюсквамперфекта*). И само это событие, и то содержание, которым термин наполнился в нефилологическом контексте, нельзя назвать вполне ожидаемыми. В свете информации, известной благодаря типологическому изучению плюсквамперфекта в языках мира, употребление данного термина в ненаучном контексте представляет особый интерес.

II.8.1. От «школьного» термина к философским обобщениям

II.8.1.1. «Ведь мы когда-то проходили в школе плюсквамперфектум»: символ изучения языков

Изначально в русском языковом контексте термин *плюсквамперфект* был применим к достаточно узкой сфере, а именно, к грамматике классических языков (латыни и древнегреческого), первоначально, как и другие грамматические термины, без русификации окончания (латиницей *plusquamperfectum,* — слитно или, гораздо реже, раздельно в три слова, — или кириллицей *плюсквамперфектум*[2]). После попыток калькирования этого термина (например, *минулое пресвершен-*

[1] В основе этого раздела лежит статья [Сичинава 2014].

[2] А. П. Евгеньева еще в 1951 году, говоря о (древне)русском материале, пишет *plusquamperfekt* латиницей (с немецким исходом, хотя со строчной

ное у Дмитрия Герасимова в переводе Доната в XVI в.) с конца XVIII—начала XIX века в русском языке укореняется его прямая адаптация. Сфера изучения древних языков после 1917 г. резко сократилась, и соответствующая латинская терминология, постоянно мелькавшая в гимназическом или ином контексте в русской литературе предреволюционных десятилетий[3], отступила на далекую узко специализированную периферию лексики (ср., особенно, симптоматичные пояснения современных комментаторов к текстам носителей дореволюционной культуры, см. пример 19 и далее). Специалисты-филологи/лингвисты с XIX века постоянно применяли в русских текстах термин *plusquamperfectum* / *плюсквамперфект(ум)* и к другим древним и новым языкам мира, однако это употребление изначально оставалось достоянием только узкой профессиональной среды. Исключительно прямое «научное» значение, не привязанное к какому-либо конкретному языку, и только вариант *плюсквамперфект*, без -*ум*, фиксируется обоими Большими академическими словарями, соответствующие тома которых вышли в 1959 и 2011 гг. Статьи в них совпадают дословно и не содержат примеров:

«**Плюсквамперфе́кт**, а, *м*. Одна из форм прошедшего времени, обозначающего [sic][4] действие, осуществившееся раньше другого прошедшего действия» [БАС, т. 9 (1959), стб. 1470; БАС-3, т. 17 (2011): 119—120].

Что касается распространенных в российском, в том числе советской эпохи, школьном преподавании живых языков, то это слово мо-

---

буквы) и прибавляет русские окончания косвенных падежей через апостроф [Евгеньева 1951].

[3] Приведем примерно треть густо насыщенного этой терминологией типичного описания экзамена из произведения второстепенного прозаика (кстати, с семинарской латинской фамилией) М. Н. Альбова: *В extemporale было пять ошибок... Это «плевать»! За extemporale он получил тройку,.. Подгадил устный ответ! Он хорошо проспрягал plusquamperfectum conjunctivi от глагола «facio» в страдательном залоге (a verbo: fio, factus sum, fieri). Он перечислил, почти без ошибки, все имена существительные 3-го склонения, оканчивающиеся на is, по исключению мужеского рода: Много есть имен на is masculini generis...* ⟨…⟩ [М. Н. Альбов. На точке (1888)]

[4] В академическом Словаре украинского языка толкование слова *плюсквамперфект* в основном переведено с русского (обычная практика советской восточнославянской лексикографии), но согласование при этом исправлено на более естественное: «Одна з форм минулого часу, *яка* означає дію, що відбувалася або відбулася раніше від іншої минулої дії» [СУМ VI 1975: 600]

жет ассоциироваться с немецкой формой Plusquamperfekt. Ср. употребление в художественной литературе этого слова в прямом «школьном» значении, хотя и с ошибкой (герой пытается сдать «гнусный зачет» по языку, которого не знает) в выборе вспомогательного глагола (надо *war gegangen*):

(1) — Майн гот! Это же совсем просто. Хатте геганген. Плюсквамперфект от «геен». Коротко и ясно, думаю. [Сергей Довлатов. Филиал (Записки ведущего) (1988)]

В латинизированной форме (раньше принятой также и в преподавании немецкого) слово *плюсквамперфектум* неоднократно употребляется в качестве символа немецкого языка как такового (тема актуализировалась в связи с войной, ср. (2)—(3)):

(2) Он, видно, ранен — морщится от боли. / Лицом к лицу поговорим давай. / Ведь мы когда-то проходили в школе / Плюсквамперфектум и футурум цвай. [Евгений Долматовский, 1946]

(3) В уши его, сверля мозг, вошла чужая, страшная речь; он хотел узнать, о чем они говорят, и напряг память, но она подсказала ему всего лишь два слова: «дертыш» (= der Tisch ‘стол’ — *Д. С.*) и «плюсквамперфектум». [«Наш современник», 1965]

(4) Его, видите ли, тошнило при одном слове «плюсквамперфектум». И вступительный экзамен по немецкому он не сдавал [«Урал», № 7, 1987][5]

Изучающие английский или французский язык закономерно называют соответствующие формы этих языков в русской речи терминами их грамматики (Past perfect и plus-que-parfait) и, как правило, не

[5] Ср. аналогичные символические контексты с английским грамматическим временем: *И таинство лондонских туманов роднится с таинством английской речи: паст перфект ин зе фьюче, перфект ин зе паст*. [Андрей Битов. Записки из-за угла (1964); отметим фантастичность или, по крайней мере, нетрадиционность обоих «терминов»], *Английский Потапову давался так легко, как никому из их класса, а Марусе в самых кошмарных снах до сих пор снились эти проклятые времена «паст перфект» и «герундий»* [Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)], *Она преподавала английский в частном детском саду, бегала по урокам, натаскивая подростков на паст перфект и неправильные глаголы* [Маша Трауб. Мотив для свадьбы // Известия, 2007.08.05]. Любопытно, что во всех этих «школьных» контекстах используется кириллица, в то время как в «метафорических» контекстах название английского времени пишется латиницей (см. раздел II.8.1.3, конец)

осознают их как «плюсквамперфект»[6]. Ср. гораздо более знаменитый литературный пример, где неуверенность персонажа в семантике объясняемых им глагольных форм тоже вызывает комический эффект:

(5) Если вы не совсем еще пришли, то импарфе, а если уже, значит, окончательно, со всеми вещами, то плюскепарфе [Тэффи. Репетитор (1912)]

II.8.1.2. Масштабы метафорического осмысления

Казалось бы, данное слово не должно было относиться к числу сравнительно широко известных или тем более способных к нетерминологическому осмыслению: оно должно было ограничиться весьма специфическим «школьным» употреблением (после того, как в очередной раз «вышла из моды» латынь — в основном у изучающих немецкий) и еще более специфическим «научным» употреблением (в специальных работах, описывающих грамматику древних и новых языков мира). И тем не менее, как мы уже сказали, слово «плюсквамперфект» начинает употребляться в большом числе художественных произведений, эссе и публицистических сочинений XX—XXI вв., переосмысляясь как философское понятие, не привязанное к лингвистическому объекту вообще (и тем более конкретно к латинскому или немецкому языку). Оно проникает в этом качестве как в рассчитанную на филологически искушенную аудиторию поэзию начала XXI века (цитируемые ниже стихотворения И. Кабыш (38), Т. Нешумовой и Е. Катишонок, причем последняя использовала «Plusquamperfectum»

---

[6] Люди, изучающие несколько языков, при известной метаязыковой рефлексии могут все же соотносить аналогичные термины в разных грамматических традициях и/или вникать в их внутреннюю форму, ср. примечательный диалог из «Живого журнала» (февраль 2003 г., воспроизводим вместе с игровой орфографией и «смайликами»): *Это passato remoto, «отдаленное прошедшее время», которое в повседневной речи используется очень редко, зато в операх навалом. «Вы даровали смерть». — Какой прекрасный термин. %)) «Отдаленное»! — Меня учили его называть «давнопрошедшее» ;)) Вот так, в одно слово. Но вообще это наше родное passe simple. — А я еще люблю plus-que-parfait.)) «Более, чем безукоризненно», lol* [laughing out loud — «смеясь громко/вслух», популярное сокращение в Интернете — Д. С.]. — *Да, мой* [sic!] *любимое название было, пока я не осознал, что это же то мерзкое слово «плюсквамперфект», только на игривый французский лад. Латынь окончательно очарование развеяла :\ — А вот не надо докапываться до корней и истоков патамушта.))*

как заглавие; кроме того, поэт Алексей Бердников озаглавил свой итоговый стихотворный сборник «Блеск и нищета плюсквамперфекта»), так и в ориентированный на гораздо более массового читателя детектив (39, 57—58). Уже в 1989 г. переносное значение слова *плюсквамперфектум* заметила лингвистика (хотя, как видим, оно и не попало, даже в 2011 г., в академические лексиконы): это слово в ряду с другими научными терминами, развивающими метафорические значения (*гравитация, мезозой* и др.) приводится в работе [Харченко 1989: 23]. Назовем этот третий круг значений (в отличие от «школьного» и «научного») «м е т а ф о р и ч е с к и м» употреблением.

Часто метафорическое употребление сопровождается более или менее подробным авторским комментарием, вплоть до того, что слову *плюсквамперфект(ум)* так или иначе посвящен весь текст. В 1968 году Петр Жаткин озаглавливает свой мемуарный очерк о Всеволоде Иванове «Плюсквамперфектум» (опубликован в журнале «Волга» и через два года переиздан в сборнике «Всеволод Иванов — писатель и человек», М., 1970; пример (24)). Тридцать лет спустя, в 1999 году, появляется эссе Ильи Фаликова («Арион», 1999, № 1), в центре которого также вынесенное в заглавие слово «Плюсквамперфектум» (и в нем также есть некрологическая нота — оно посвящено памяти поэта и переводчика Андрея Сергеева; пример (32)). В обоих случаях (по-видимому, независимо) отправной точкой для рассуждений авторов служат определения плюсквамперфект(ум)а из анонимных «учебников латинского языка», после чего как Жаткин, так и Фаликов излагают собственные ассоциации, связанные с этим понятием. Добавим сюда насыщенное собственно лингвистической проблематикой эссе И. Померанцева «Был помнивши» (подробнее см. (33)). Помимо этих случаев, а также упомянутых сборника Бердникова и стихотворения Катишонок, «Плюсквамперфект» как заглавие текста использовал также прозаик Юрий Малецкий, назвавший так все главки своего произведения «Проза поэта», где действие происходит в ирреальном мире (см. пример (59)). В более ранней литературе одиноким (и, по-видимому, не вызвавшим прямого подражания) предшественником такого выбора заглавий был только Сергей Заяицкий с тремя «грамматическими» подзаголовками своего романа «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» (1928), среди которых есть и «Plusquamperfectum»; см. подробнее в конце раздела II.8.3.1.

Ничего подобного по масштабу не происходит с другими латинскими грамматическими терминами классической традиции — допустим, *аблатив*, *конъюнктив* или хотя бы ближайшими «родственника-

ми» нашего термина *перфект* и *имперфект*[7]. «Семинарская» этимология *ерунда* < *gerundium*/*герундий*, несмотря на ее популярность (она принята в словаре Фасмера), подвергалась критике [Черных 1993: I: 286—287], но если она и верна, то грамматическое содержание латинского термина никак в русском слове не отразилось. Любопытно, что из классического терминологического наследия определенную самостоятельную метафорическую жизнь обрел сам греческий термин *метафора*, связанный не только с лингвистикой как таковой, но и с теорией литературы; речь идет о контекстах типа *Рай — это не метафора*, ср. недавнее корпусное исследование [Кураш 2012]. Более привычная славянизированная терминология тоже с трудом поддается такому осмыслению. Отметим фразеологизмы типа *история не терпит сослагательного наклонения*, а также окказиональные авторские употребления, например, название книги Г. Брускина «Прошедшее время несовершенного вида» (между прочим, это образ с содержанием, близким стандартной «метафорике плюсквамперфекта»).

II.8.1.3. «Плюс ко мне что?»: внешняя форма

По-видимому, в описанной выше метафорической популярности сыграли определенную роль внешние характеристики латинского термина, длинного и с необычными сочетаниями согласных, его яркая «ученая» окраска (ср. ниже в примере (41) *академический плюсквамперфект* в значении ‘предмет только академического интереса’). Любопытно, что в тех случаях, когда комментируется фонетический облик этого слова, окраска ему придается негативная: «тошнило при одном слове» (пример 4), «мерзкое слово» (сноска в разделе II.8.1.1), «смешное квакание» (см. в следующем абзаце цитату из А. Гаврилова). С этой точки зрения очень важно, что метафорический флер и контекст языковой игры вплоть до постсоветского периода сопутство-

[7] Возможно, в дореволюционный период с тем же значением, что *плюсквамперфект*, мог окказионально метафоризироваться (тоже в латинском виде) и термин *имперфект*, ср.: *Хороша литература, у которой изъяты все части речи, междометия и повелительные наклонения и которую оставили при одном imperfectum’е, — при «милых, ушедших, невозвратных годах»* [К. И. Чуковский. О Сологубе (1907)]. Ср. также ниже примеры метафорического употребления термина *плюсквамперфект* или его аналогов в одном ряду с названиями других иностранных грамматических форм — у Герцена, К. С. Аксакова, Розанова, Заяицкого, И. С. Шкловского. Однако чем дальше, тем сильнее «конкуренты» *плюсквамперфекта* «сходят с дистанции».

вали, как кажется, исключительно варианту *плюсквамперфектум* с его конечным -*ум*, укорененным в русской культуре (и нередко высмеиваемым) маркером ученого латинизма, с неустоявшимися родом и типом склонения, в то время как более прозаический и лучше морфологически освоенный *плюсквамперфект* долго использовался только как собственно научный термин (см. ниже, 3.2).

Нередки случаи чисто формальной языковой игры с данным термином, при котором осмысление его содержания является факультативным. В 1962 г. в журнале «Иностранная литература» впервые появляется перевод романа Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей», где образованный герой-«дауншифтер» в шутку обращается к жене: *Нет, мой плюсквамперфектум*. Переводчицы Н. Волжина и Е. Калашникова не без остроумия (хотя с семантической точки зрения, вероятно, и неудачно) подставили слово *плюсквамперфектум* на место другого латинского грамматического термина, который употреблен у Стейнбека в оригинале, но без немецкой «поддержки» в советское время был уже полностью забыт нефилологами: *No, my ablative absolute* [The winter of our discontent (1961)]. Созвучие среднего отрезка -*квам*-, лишенного для носителя русского языка внутренней формы (ср. *плюс, перфекционизм*), с русскими словами (*к вам,* ономатопоэтическое междометие *ква*) дополнительно провоцирует языковую игру, в том числе абсурдистскую: *Смешное квакание — перфект плюс к вам. То есть — вот он ты, а к тебе (то есть к вам) еще перфект — совершенное совершенство. Если перевести в первое лицо, выйдет: я и мои свершения. Я и мной созданные обстоятельства.* [Александр Гаврилов, Плюс к нам перфект (рец. на: Юрий Малецкий. Проза поэта), «Новый мир», 2000]; ср. тот же каламбур: *Плюс-к-вам-перфект пришел, / и к вам, и к нам* ⟨…⟩ [начало стихотворения Татьяны Нешумовой, 2009] или: *ведая заранe, что все, / что происходит на экране, отнюдь <u>не в настоящем, / а в</u> <u>плюсквамперфектум</u> (хорошо бы к нам / слегка от вас перфектума прибавить, лениво думаешь)* [стихотворение Елены Катишонок «Plusquamperfectum», сборник «Порядок слов», 2011][8]. В этих случаях «питательным материалом» для развертывания

[8] Есть еще пример этого русского каламбура в украинском тексте, причем очень ранний: *Так от, — сказав хіромант, дочекавшись, поки матрос дочитав посвідчення до кінця, — як свідчить наука, парабола вашого життя виразно гіперболічна. І це є нонсенс. Імперфектум і плюсквамперфектум... — <u>Плюс ко мнє што?</u> — Плюсквамперфектум*. [Юрій Смолич. Театр невідомого актора. К., Держлітвидав, 1959]. Помимо этих литературных примеров, автору неоднократно приходилось слышать в личном общении с разными

текста служит в основном формальная сторона слова, хотя и одновременное метафорическое обыгрывание его содержания не исключено. Ср. в метафорическом контексте любопытное усечение начального *плюс-* (то ли автор/герой осмысляет его как отдельное слово, то ли ему важно «выпятить» начальное комическое *квам-*): *Пропуская детство, юность, сразу перехожу из квамперфекта в сейчас* [Галина Щербакова. Эмиграция по-русску... // «Огонек». № 9, 1991].

Интересен пример, где *плюсквамперфект* не только иронически сополагается с другим ученым «латинозвучащим» словом из совсем другой области, но еще и «переводится» на русский язык именно в интересующем нас ключе (при помощи пушкинско-оссиановской цитаты):

(6) — Рома, за кого ты нашего Вовика сватаешь? Она окрашена в обручальный цвет? Прошу подробности. — Даму зовут Александра, — сдержанно сообщил Роман. — Правда, Михеевна. — И смолк.— Что-то ты подозрительно немногословен, — заметил Иван. — Не со своего ли плеча?.. Инцест грядет? — Дама — коллега, — уклонился от вопроса Роман. — Коммерческий зам. Сикина. Генерального директора нашего КСП. — И продолжил: — <u>Инцест отчасти есть. Плюсквамперфект</u>. — Кого? — нахмурился Синяк. — <u>Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой...</u> — перевел Ваня. [Сергей Каледин. Записки гробокопателя (1987—1999)]

Внешняя форма играет определенную роль при упоминаниях *плюсквамперфект(ум)а* в качестве знака школьного изучения языка (латыни или немецкого) как такового, хотя единственной причиной этого не является (ср. такие же «английские» контексты в сноске к примеру 4). Вероятно, символом изучения иностранных языков плюсквамперфект может становиться и из-за отсутствия чего-то подобного, в том числе согласования времен европейского типа, в русском языке, хотя недостаточно и этого (например, не менее сложные для русского английские или немецкие артикли в таких контекстах употребляются реже). И, конечно, одной фонетической окраски не хватило бы и для популярности слова в метафорических контекстах. Укажем опять-таки, что в русском тексте переосмысление время от времени затрагивает и аналоги латинского термина из других языков,

---

людьми обыгрывание созвучий этого слова с *ква* и/или *к вам,* вплоть до «антонима» *минус от вас перфект.*

например, того же английского: *До конца следующей недели здесь работает выставка фотографий Игоря Пальмина «Время Past Perfect» (то есть совсем прошедшее время).* [Николай Молок. Архив прошедшего времени. Выставки (2002) // «Известия», 2002.03.21]; *Астероид нового года полсуток назад врезался в Землю примерно на долготе Новой Зеландии, приливная волна один за другим накрывает часовые пояса, переводя Present Continious* [sic] *в Past Perfect: обнуление, count zero interrupt*. [Александр Гаррос, Алексей Евдокимов. [Голово]ломка (2001)], *Кто растет вниз головой, зимой и летом одним цветом, светит да не греет, в огне не горит, в воде не тонет, не лает, не кусает, а в дом не пускает. Отгадка: past perfect.* [Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)]. Неоднократно употребляет этот излюбленный английский термин Андрей Битов, например: *он все еще не знал, ни что было, ни как стало, не ощутил никаких изменений, потому что и до и после существовал лишь в своем личном времени, да еще в глубоком past perfect.* [Андрей Битов. Азарт, или Неизбежность ненаписанного (1997—1998)] (ср. также другие битовские примеры: макароническое *паст-перфектум* в начале раздела II.8.3.2 или сконструированное *паст перфект ин зе фьюче* в сноске к примеру 4). Кроме того, два из самых ранних хронологически переосмысления названия этой грамматической формы в русском тексте — у Пушкина (7) и Герцена (8) — связаны с французским термином *plus-que-parfait*.

В необычной «карьере» нашего термина важна сама семантическая идея, заложенная в нем. В (литературном) русском языке плюсквамперфект отсутствует по крайней мере с XVII века, когда формы с согласованным вспомогательным глаголом типа *пошелъ былъ* были окончательно вытеснены сочетанием с частицей типа *пошел было* (см. II.3.1). Хотя он сохраняется во многих русских говорах Севера (в диалектах появились и «новые» плюсквамперфектные формы типа *был пришодши*, ср. (33)), а также в большинстве других славянских языков, в том числе, в сравнительно маргинальном статусе, в украинском и белорусском языках, эти факты неизвестны среднему русскоязычному неспециалисту, не говоря уже о том факте, что соответствующие формы могут называться словом *плюсквамперфект*.

В этой связи оказывается очень интересным, что трактовки «плюсквамперфекта» в нелингвистической и ненаучной литературе неожиданно перекликаются с типологическими данными о плюсквамперфекте и его прагматических функциях в языках мира. Эти данные заведомо не известны авторам публицистики и художественных текстов, представляющим себе плюсквамперфект (например, в латыни) как

«давнопрошедшее» (классическая школьная традиция) или, гораздо реже, «предшествование в прошедшем» (трактовка, отразившаяся и в некоторых типологических работах XX века, например, [Reichenbach 1947]).

Основными источниками примеров из публицистики, эссеистики и художественной литературы послужили Национальный корпус русского языка, материалы Google Books и тексты различных «толстых» журналов 1990—2010-х гг., электронные версии которых включены в «Журнальный зал» на сайте russ.ru. Подчеркивание в примерах наше.

II.8.2. «Потерявшиеся в сумерках плюсквамперфекта»: неактуальный анахронизм

В нетерминологических употреблениях слова *плюсквамперфект(ум)* частотнее всего трактовка, связывающая его с «замкнутым временным интервалом» в прошедшем (past temporal frame, ср. [Dahl 1985, Squartini 1999]; ср. также типологическую интерпретацию как «сверхпрошлое» и «неактуальное прошедшее»). Подчеркивается разрыв с планом настоящего, необратимость изменений. Нередка идея «анахронизма», резкой неприемлемости и неуместности в текущей ситуации, или, напротив, «ностальгии» (сожаления об этой необратимости). Обычна сочетаемость слова *плюсквамперфект* со словами, указывающими, «где» или «для кого» соответствующая ситуация является неактуальной: *мое плюсквамперфектум, это здесь плюсквамперфект, это для них плюсквамперфект* и т. п.

II.8.2.1. «Plusquamperfectum моей духовной жизни»: до 1930-х годов

Метафорические осмысления слова *plusquamperfectum* / *плюсквамперфектум* (только с окончанием -*ум* и практически всегда латиницей) в русском тексте[9] появляются в середине XIX века. В XIX веке отмечены также метафорические употребления французского термина *plus-que-parfait*. В ранний период нередкими являются употребления этих терминов в ряду с другими названиями иностранных глагольных времен — назовем такие контексты «п а р а д и г м а т и ч е с к и м и».

[9] Напрашивается поиск источника метафоризации термина во французском (ср. примеры XIX в.) и немецком словоупотреблении; вопрос требует дальнейшего исследования. Ср. также слова Маринетти о русских футуристах (сноска к примеру 13).

Самый ранний пока известный нам пример метафоризации данного понятия встретился в краткой альбомной записи, принадлежащей или, по крайней мере, приписываемой А. С. Пушкину и не включенной, насколько нам известно, ни в одно собрание его сочинений, хотя и давно введенной в отечественный научный оборот. Речь идет о следующем пассаже из воспоминаний О. Н. Оом, внучки А. А. Олениной:

(7) Зная, как я интересовалась ее прошлым, бабушка оставила мне альбом, в котором, среди других автографов, Пушкин в 1829 году вписал стихи «Я вас любил, любовь еще, быть может…» Под текстом этого стихотворения он в 1833 году сделал приписку: «plusqueparfait — давно прошедшее. 1833». Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности. [Оленина А. А. Дневник (1828—1829) / Предисл. и ред. О. Н. Оом. Париж, 1936]

Оригиналы альбомов, принадлежавших Олениной и ее внучке, были утрачены во время революции. К сожалению, существование разнообразной апокрифической пушкинианы, особенно поздней, исходящей от потомков современников поэта, не позволяет принять данное свидетельство со стопроцентной уверенностью. При этом в иной недобросовестности публикатор как будто не замечен, да и не видно особых оснований изобретать приписку с таким смыслом и тоном, которую адресат просил скрыть. Ср. аргументацию изначально весьма скептически настроенной Т. Г. Цявловской: «Но сообщаемое Оом дополнительное сведение, что Пушкин сделал под текстом позднейшую приписку: «plusqueparfait ‹давно прошедшее› [угловые скобки принадлежат Цявловской. — *Д. С.*]. 1833», заставляет нас с сугубой осторожностью высказывать наши возражения. В этой помете Пушкин отказывается от своего чувства, говорит, что оно давно прошло. Такие тщеславные и самовлюбленные женщины, как Оленина, никогда не согласятся признать охлаждения к ним чужого чувства. Оленина и не позволяла сообщать в печати эту помету… Самый факт опубликования потомками Олениной подобного текста является ручательством за его подлинность» (*Цявловская Т. Г.* Дневник А. А. Олениной // Пушкин: Исследования и материалы. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — Т. 2: С. 247—292, с. 291)[10]. Без каких-либо сомнений как важ-

[10] Ср. аналогичную аргументацию (но уже с более сдержанной оценкой личности Олениной) в популярной статье, вошедшей в Корпус: *Есть подозрение, что именно из-за этой строчки почти восьмидесятилетняя уже*

ное биографическое свидетельство принял слова о пушкинской помете В. Ф. Ходасевич (Книги и люди. Альбом Олениной // «Возрождение», 12 декабря 1936). Если этот рассказ достоверен, то Пушкину принадлежит своего рода эталонный сверхкраткий метафорический «текст о плюсквамперфекте», состоящий полностью из этого термина (в его французском варианте). Семантика этой пометы («неактуальные, миновавшие времена и чувства») взаимодействует с содержанием более раннего стихотворения, на котором она оставлена («Любовь еще, быть может, // В душе моей угасла не совсем; // Но пусть она вас больше не тревожит» и т. д.). Что касается русской «глоссы» *давно прошедшее*, то, думается, права Цявловская, заметившая, хотя и без аргументации: «Слова «давно прошедшее» едва ли написаны Пушкиным. Вернее думать, что этот перевод слова «plusqueparfait» сделан О. Н. Оом» [там же: 290]. Наш анализ метафорического употребления данного термина действительно показывает, что русская глосса станет стандартной спутницей слова *плюсквамперфект(ум)* гораздо позже, уже в советское время (см. II.8.3.2), а первые ее примеры относятся как раз к 1920-м—1930-м годам, когда запись и была опубликована.

Другой пример переосмысления французского термина (в «парадигматическом» контексте рядом с другим — prétérit défini, соответствие современного термина passé simple) встретился в отрывках из восьмой части «Былого и дум» А. И. Герцена:

(8) Затем мы en plein в мире умолкших теноров, потрясавших наши восьмнадцатилетние груди лет тридцать тому назад, ножек, от которых таяло и замирало наше сердце вместе с сердцем целого партера, — ножек, оканчивающих теперь свою карьеру в стоптанных, собственноручно вязанных из шерсти туфлях, пошлепывающих за горничной из бесцельной ревности и по хозяйству — из очень целеобразной скупости... ‹...› Здесь villa Taglioni, там Palazzo Rubini, тут Campagna Fanny Elssner и других лиц... du prétérit défini et du plus-que-parfait. Возле актеров, сошедших со сцены маленького театра, — актеры самых больших подмосток в мире, давно исключенные из афиш и забытые — они в тиши доживают век Цинциннатами и философами против воли. [А. И. Герцен. Отрывки из восьмой части «Былого и дум» (1865—1868)]

Оленина запретила открыть миру свой альбом. Наверное, это как раз по-женски: отвергнуть Пушкина, благосклонно принять «Я вас любил», но не простить этих двух слов — «давно прошедшее»... [Д. Власов. Первая среди равных // «Наука и жизнь», 2006]

Что касается собственно латинского термина, то первые известные нам его употребления связаны с публицистикой оппонентов западника Герцена — славянофилов братьев Константина и Ивана Аксаковых; отметим, что Константин Аксаков был и лингвистом, одним из наиболее крупных русских ученых XIX в. в этой области.

(9) Давно ли, например, когда раздалась обличительная речь Щедрина, — все были ею захвачены, все были ею полны, ее слушали жадно, эту речь; казалось, вот оно, настоящее слово... А теперь Щедрин есть уже прожитое явление, plusquamperfectum (мы говорим не о таланте его, а о характеристике самых первых его сочинений, наделавших столько шуму); внимание к нему охладело. Конечно, всегда прочтут с любопытством, что он напишет; но жадность прошла. — Откуда же это странное явление? Что это: прожитой литературно момент исторический? Да, прожитой момент. [К. С. Аксаков. Наша литература (1859)]

(10) Надобно признаться, впрочем, что адресы Петербургского дворянства и Думы произвели сильное ощущение (sensation) в здешнем обществе. ⟨…⟩ К тому же нашлись некоторые поляки, живавшие долго в России, во время оно, и как нарочно хранящие об оном времени самую свежую память. Они порассказали кое-что о том, как, бывало, составлялись подобные адресы в прежние годы, и хотя это время perfectum, plusquamperfectum, однако они постарались набросить тень сомнения в действительном значении адресов. [И. С. Аксаков. Письма Киселева. Париж, 10 апреля 1863 г.]

В примере из статьи Константина Аксакова метафора развертывается, причем в различных выражениях — «прожитое явление», «прожитой литературно момент исторически», «внимание охладело», хотя сам грамматический термин еще не глоссируется и полагается известным читателю. Такой прием в дальнейшем станет очень распространенным. Что касается примера из Ивана Аксакова, то для него, как и для Герцена, метафорика иностранных прошедших времен еще не стала явлением, привязанным исключительно к плюсквамперфекту; этот грамматический термин Аксаков называет в парадигматическом контексте с названием латинского простого прошедшего perfectum (функционально как раз примерно соответствующего французскому «prétérit défini» у Герцена).

В XX веке ранний и интересный пример принадлежит не кому иному, как В. И. Ленину. В ленинской цитате мы видим одновременно

и мотив «анахронизма» («одеревеневшие мумии»), и неодобрительно оцениваемый мотив «ностальгии» («меланхолический взгляд назад»):

(11) А с другой стороны, вместо лозунга получается описание, вместо бодрого призыва идти вперед получается какой-то меланхолический взгляд назад. Перед нами точно не живые люди, которые вот теперь же, сейчас хотят бороться за республику, а какие-то одеревеневшие мумии, которые sub specie aeternitatis рассматривают вопрос с точки зрения plusquamperfectum [В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции (1905)]

Название латинской грамматической формы вообще было в ходу в политической публицистике эпохи русской революции. Из других социалистов, например, его впоследствии используют в последнем слове на сталинском процессе Н. И. Бухарин (18) и в мемуарах эсер В. М. Чернов:

(12) От этой неожиданной речи на меня повеяло воспоминаниями о тех днях наивной веры, когда на меня находил молитвенный экстаз — и в которых для меня был уже plusquamperfectum моей духовной жизни... [Чернов В. М. Записки социалиста революционера (1922)]

Слово встречается и в историко-литературных контекстах Серебряного века (в том числе уже в эмиграции) с уничижительным «анахронистическим» значением:

(13) Даже эго-поэты посмеиваются: «Московская фракция Будущего [футуристов] есть фракция Давно-прошедшего, их Futurum есть Plusquamperfectum» [Чуковский К.И.. Кубофутуристы (1922), цитируемый манифест эгофутуристов относится, судя по контексту, к 1912—1913 гг.][11]

(14) После прозы Ливия или «Слова о полку» доморощенная проза Чернышевского была жалка. Прочитав страниц восемьдесят,

[11] Практически то же самое сказал о русских футуристах, уезжая из России, и Ф. Маринетти в 1914 г. (цит. в английском переводе по Anna M. Lawton, Herbert Eagle. Russian futurism through its manifestoes, Cornell University Press, 1988): «[these] pseudo-futurists live in plusquamperfectum rather than in futurum». Аналогично атаковали футуристический «мейнстрим» «Гилеи» и другие их конкуренты, претендовавшие на то же звание — поэты группы «Центрифуга», правда, предпочитавшие французскую, а не латинскую грамматическую терминологию: в «Грамоте» Асеева, Боброва и Пастернака 1914 г. «гилейцы» названы «пассеистами».

я вернул книгу брату. В тот день я узнал, что в мировой литературе существует свое захолустье. Впоследствии я научился снисходительнее соразмерять свои требования, но «Что делать?» ни разу не мог дочитать до конца. Роман остался в моем сознании образцом литературно-общественного плюсквамперфектума. И уж никак я не ожидал, что почти через двадцать лет после первого знакомства с «Что делать?» доведется мне лично встретиться с его героиней — да еще жить с нею под одной кровлей. [В. Ф. Ходасевич. Здравница (1929)]

В предреволюционные годы образ начинает проникать и в художественную литературу и в философскую эссеистику (у Розанова — снова «парадигматический» контекст из целых четырех временных терминов, с приравниванием plusquamperfectum к perfectum, как и у Аксакова):

(15) И когда я, как-то, напомнил ему ту весну, Барельеф, Милостивого Государя, он сердито мотнул головой и сказал: — А, батенька, все это ерунда и plusquamperfectum! [В. Стражев. Давно-недавно // Утренники. Товарищеский сборник. М. ⟨1909⟩. С. 101.][12]

(16) Он лицеист (Москва). Умница. Страсть — Рембрандт и Россини. Пишет. Но что-то «не выходит». Родился до книгопечатания и «презирает жить в веке сем». У него нет præsens, а все perfectum и plusquamperfectum. Futurum яростно отвергает. [В. В. Розанов, «Опавшие листья. Короб второй», 1915]

В довоенном Советском Союзе подобная лексика, подразумевавшая «старорежимный» образовательный ценз адресата, становится маргинальной и нежелательной в печати, но при этом люди с дореволюционным гимназическим образованием все же продолжали использовать слово *плюсквамперфектум* (уже нередко кириллицей) метафорически. Может быть, не случайно, что в двух приводимых ниже примерах 1930-х годов мы имеем дело с посланиями жертв, адресованными государственной машине; подобные тексты были существенно менее ограничены стилистически, чем регулярные публикации. Еще два примера — (52) и (62) — мы приводим, в соответствии с их семантикой, в других разделах; они принадлежат «внутренним эмигрантам» Сигизмунду Кржижановскому и Георгию Оболдуеву, произведения которых при их жизни практически не публиковались.

---

[12] Интересно, что здесь в паре с plusquamperfectum выступает слово *ерунда*, по одной из расхожих версий (см. раздел II.8.1.2.) образованное от *gerundium*; скорее всего, автор не имел этого в виду.

(17) Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы высокомерного удивления: «М. Булгаков *хочет* стать сатириком нашей эпохи» («Книгоноша», № 6, 1925 г.). Увы, глагол «хотеть» напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в плюсквамперфектум: М. Булгаков *стал сатириком* как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немыслима. [М. А. Булгаков. Письмо Правительству СССР (1930)]

(18) В нашей стране так называемая l'âme slave и психология героев Достоевского есть давно прошедшее время, плюсквамперфектум [Н. И. Бухарин. Последнее слово обвиняемого на процессе «право-троцкистского блока» (1938)]

Характерно, что в предсмертной речи Бухарин уже «глоссирует» используемый им термин — прием, который станет обычным в послевоенное время (см. ниже); к тем же 1930-м годам, вероятно, относится и глосса «давно прошедшее» к пушкинской записи, сделанная в эмиграции внучкой А. А. Олениной (7). Одна из частей фантасмагорического романа «несозвучного эпохе» и быстро забытого советского писателя Сергея Заяицкого «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» (1928) называется «Давнопрошедшее (plusquamperfectum)», также с глоссой. Следует отметить, что это название «парадигматическое» и входит в ряд двух других таких же: «Прошедшее совершенное (perfectum)» и «Прошедшее несовершенное (imperfectum)», то есть для Заяицкого, как в свое время для Герцена, Аксакова или Розанова, схожее метафорическое переосмысление не привязывалось только к плюсквамперфекту. Любопытно, что современный литературовед академик А. В. Лавров в опубликованной в 2012 г. статье о Заяицком [С. Заяицкий — корреспондент Максимилиана Волошина // Toronto Slavic Quarterly, № 40, с. 182—205] замечает, что в круг занятий его героя входили «*исторические, историко-филологические и искусствоведческие штудии (преимущественно на материале «Давнопрошедшего. Plusquatperfectum», как называется одна из частей романа Заяицкого о Лососинове)*», безошибочно выбирая из трех подзаголовков романа именно тот, метафорическое употребление которого к нашему времени прочно закрепилось в языке.

Вот пример из языка человека самого младшего дореволюционного поколения, не прошедшего через советский опыт — историка-эмигранта С. А. Зеньковского, приехавшего в Ленинград в 1970-е годы в качестве интуриста и делящегося впечатлениями в письме другому

эмигранту, своему примерному ровеснику поэту И. В. Чиннову. Значение, в котором употреблено слово — «примета давнего времени, уже ни для кого не актуальная [в данном случае — как знак чего-то враждебного советской власти]»:

(19) ...в СПБ отдыхаю — есть знакомые, много встреч и разговоров. Город, я думаю, самый красивый в мире и сохранился таким, каким был в 1914 году. Даже кое-где на мостах и памятниках снова восстановлены орлы двуглавые — но это здесь plus quam perfectum и никто не обращает на это особенного внимания.

При публикации этого текста (в сборнике переписки Чиннова под редакцией О. Ф. Кузнецовой «Письма запрещенных людей», М., ИМЛИ РАН, 2003) возникла курьезная ситуация. Публикатор решил откомментировать слова plus quam perfectum и сделал к ним сноску: «Дополнительные усовершенствования (*лат.*)». По-видимому, такой результат мог получиться только при самостоятельном обращении к латинско-русскому словарю и при незнании грамматики этого языка. Этому поспособствовало и нестандартное раздельное написание латинского термина, использованное Зеньковским, из-за которого стал возможен такой пословный перевод: тем самым почти вскрылась внутренняя форма термина «более чем совершенное / совершённое [действие]»[13].

---

[13] Такое семантическое развитие (ср. шуточный перевод французского названия «более, чем безукоризненно» в сноске в разделе II.8.1.1) возможно и всерьез. Например, в английском языке слово *pluperfect*, обозначающее в научном контексте плюсквамперфект в разных языках мира (в том числе Past Perfect в английском), имеет также значение, никак не связанное с неактуальностью или вообще с семантикой этого времени и ориентированное именно на значение прилагательного *perfect* 'совершенный' — 'наиболее совершенный', 'выраженный в наивысшей степени', 'максимальный'. Ср. в Британском национальном корпусе пример *a pluperfect realisation of Bartok's Second Violin Concerto*. В американском английском это слово часто употребляется в пейоративных контекстах. Так, например, в «Молчании ягнят» Т. Харриса мы видим достаточно изысканное ругательство *What a pluperfect asshole* (в русском переводе И. Бессмертной и И. Данилова — «Настоящий мешок с дерьмом»); неоднократно встречаются в текстах также сочетания *pluperfect hell*, *pluperfect fool* и т. д. При этом существуют и метафорические употребления английского *pluperfect,* вполне аналогичные русским. Например, *The first half of the novel is curiously uneventful: births, deaths, couplings are looked back upon in a kind of remote, pluperfect time by Marianna as she sits by a sickbed or suffers insomnia* или *So he made no comment. He was always afraid that if the conversation proceeded into a danger zone, she might bring up things he didn't*

Спустя 10 лет похожий курьез (хотя и не столь разительный; информации в распоряжении комментаторов оказалось больше) произошел с известным поэтом Полиной Барсковой и литературоведом Т. С. Поздняковой, комментаторами дневника родившейся в 1902 г. С. К. Островской (М., «Новое литературное обозрение», 2013; на этот пример указал нам В. А. Плунгян). Здесь к словам нервно-самолюбивого автора (запись от 26 марта 1936 г.): «Так, должно быть, и со мною: некая бытность в plusquamperfektum (отметим немецкое -*k*- — *Д. С.*). Наисовершеннейшая форма прошедшего, вопреки всей грамматической логике, длящаяся в настоящем, причем настоящее это весьма сомнительно и носит в себе некоторые признаки значительной условности» (с. 153) дано следующее удивительное примечание (с. 633): «От *лат.* plus quam perfectum — «больше, чем перфект», т. е. «больше, чем совершенное»; иногда (! — *Д. С.*) в смысле «давнопрошедшее», «предпрошедшее»»».

Несмотря на эти красноречивые свидетельства забвения классической грамматической терминологии в (пост)советское время, это слово в данном метафорическом значении вновь стало употребляться именно в позднесоветский (с 1960-х годов) и особенно активно в постсоветский период.

II.8.2.2. «Никак его не вытащишь из этих первых пятилеток»: позднесоветский период

В позднесоветских метафорических примерах по-прежнему используется, как и в дореволюционных и эмигрантских, вариант с конечным -*ум*: *плюсквамперфектум*. Однако латиницей он больше не записывается: уже в 1930-е годы начался процесс освоения данного варианта как элемента русского словаря. Морфологические характеристики этой лексемы еще не устоялись: она могла быть несклоняемой (*личное знакомство с плюсквамперфектум,* (36)) или склоняемой (*будешь плюсквамперфектумом,* (25)), в том числе встретилось нестандартное склонение (типа *Христос*) с морфемой -*ум* только в номинативе (одушевленное употребление, о человеке: Им. ед. *плюсквамперфектум,* но Вин. ед. — *этого плюсквамперфекта,* (21)).

---

want to talk about, their own sad pluperfect (примеры из Корпуса американского английского COCA). Переосмысление французского термина plus-que-parfait как ‘более чем совершенный’ тоже известно, например, в языке рекламы (на последнее нам указала Н. М. Заика).

Обычно это слово мужского рода (*вам только один плюсквамперфектум нравится* (20)), но засвидетельствован и пример (у П. Жаткина), где сохраняется свойственный латыни средний род (*мое плюсквамперфектум*, (24)). Что касается сильнее русифицированного варианта *плюсквамперфект*, то в этот период, судя по данным Google Books, он был зарезервирован за собственно грамматическим термином и соответствующей специальной литературой, где, в свою очередь, вариант с *-ум* практически не употреблялся[14]. Таким образом, в советское время финальное *-ум* стало как бы лексическим маркером, отделяющим «школьное» и «метафорическое» употребления, с одной стороны, от «научного» употребления, с другой. Показательно, например, что Андрей Битов употребляет в метафорическом контексте фантомную, макароническую форму, где к английскому названию прибавлено латинское *-ум:* ⟨…⟩ *эти часы до сих пор позванивают <u>в прошлом времени, звуковой паст-перфектум</u>, и как-то <u>напоминают мне</u>* ⟨…⟩ *что на «хрустальном облаке Петербурга», с внутренней стороны колпака были тоже пятна голубой эмали* ⟨…⟩ [Андрей Битов. Фотография Пушкина (1980—1990)]. При этом «школьный» / «метафорический» вариант выглядел с морфологической точки зрения более экзотическим, а «научный» — более освоенным (см. выше, II.8.1). Как мы уже видели (там же), лексикография фиксирует только «научный» вариант. Нам известно одно обсуждение разницы между формами с *-ум* и без в контексте метафоризации — но не в научной работе, а на Интернет-форуме игроков в интеллектуальные игры, см. подробнее в разделе II.8.3.3.

Характерным для метафорического круга употреблений в новой культурной ситуации является нередкое авторское глоссирование термина: в этом случае авторы, по-видимому, уже (еще) не рассчитывают, что читатели свободно его опознают. При таком глоссировании это слово, как мы уже видели выше в примерах (13) и (18), так или иначе «переводится» на более понятный советскому читателю язык, причем для перевода могут использоваться как славянский грамматический термин *давно( )прошедшее время* (в слитном или раздельном написании), так и различные авторские интерпретации, представляющие для исследователя наибольший интерес. Если в начале века при употре-

---

[14] Вариант *плюсквамперфектум* кириллицей в лингвистических работах встретился нам только в книге «Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол» (1963) Г. Д. Санжеева (неспециалистам он известен как адресат одного из «ответов» Сталина в ходе дискуссии о марксизме в языкознании в 1950 г.).

блениях данного слова (которое обычно не комментировалось) имелись в виду, несомненно, классические языки, то в описываемый период в тех случаях, когда речь заходит о конкретных языках, конкуренцию латыни составляет прежде всего привычный в советском школьном преподавании немецкий язык, а один раз (в украинской повести) упоминается старославянский. С семантической точки зрения советские контексты, как и досоветские, не слишком разнообразны: речь идет в основном об анахронизмах и безвозвратно ушедших событиях.

До 1960-х годов нам встретился только один изолированный, зато очень важный, послевоенный советский пример метафорического употребления слова *плюсквамперфект(ум)*: речь идет даже не о литературе в собственном смысле слова, а о таком массовом виде искусства, как кино, причем эпохи позднесталинского «малокартинья». Речь идет о фильме «Смелые люди» (1950), сценаристы которого — известные драматурги Н. Р. Эрдман и М. Д. Вольпин, «звездный час» которых пришелся на 1920-е годы, а творческий тандем в кино сложился в 1930-е; личности авторов непосредственно связывают данный текст с предшествующей эпохой. В «Смелых людях» уже налицо типовая для 1960—1980-х годов (и даже позже, ср. эссе И. Фаликова, (32)) схема введения данного слова в текст: автор или герой-резонер оглашает цитату из учебника с определением, а затем применяет это слово к какому-нибудь конкретному жизненному явлению — в данном случае к идее «несозвучности советской эпохе». В «Смелых людях» *плюсквамперфект(ум)* становится одним из (полукомических) лейтмотивов образа главной героини, занимающейся в «кружинязе» немецким языком:

(20) [Надя Воронова] (с учебником в руках, повторяет по памяти) Плюсквамперфектум, плюсквамперфектум[15]. Давно прошедшее. Употребляется для обозначения прошедшего законченного действия… законченного действия, которое произошло раньше также уже прошедшего действия, причем первое действие является

[15] Отметим, что Надя произносит [пл'усквампэрфэктум] (иногда с приглушенным, но несомненно читающимся по губам финальным *-ум*), в то время как в другой сцене чуждый каким бы то ни было иностранным языкам директор конного завода, зачитывая вслух попавшую к нему по ошибке страничку из Надиного конспекта, выговаривает [пл'усквамп'и^{е}рф'ект], адаптируя и «снижая» его и фонетически, и морфологически.

причиной второго действия[16]. ⟨…⟩ [Воронов] Ох уж этот ваш Маяковский. [Надя Воронова] Ну да, конечно, вы все современное не признаете. Вам только один плюсквамперфектум нравится. [Воронов] Чего-чего? [Надя Воронова] Плюсквамперфектум, давно прошедшее. Даже Вася и то говорит, что вы консерватор.

В 1962 году Н. Волжина и Е. Калашникова опубликовали перевод «Зимы тревоги нашей» Стейнбека (см. выше, раздел II.8.1), где метафоризации нет, а просто обыгрывается «ученое» звучание привнесенного переводчицами термина. В том же году в повести Бориса Полевого «На диком бреге» появляется метафорический *плюсквамперфектум*, тоже в контексте «несозвучности эпохе» и тоже с вводящей ссылкой на немецкий язык; Полевой повторит апелляцию к немецкому и в своих записках о войне «Эти четыре года».

(21) Опять воспитывал этого… Ну, как это по-немецки-то будет… Ну, давно прошедшее время?... — Плюсквамперфектум? — Вот-вот, этого плюсквамперфекта... Трудно, очень трудно поддается. Простейших современных истин не хочет понимать. Упрямейшее существо, никак его не вытащишь из этих первых пятилеток. [Борис Полевой. На диком бреге // «Знамя», 1962]

(22) Форменные шаровары давно, как говорят немцы, плюсквамперфектум — разлезлись на коленях и сзади, и я щеголяю в ватных штанах. [Борис Полевой. Эти четыре года: из записок военного корреспондента. М., 1974] (ср. эту же формулу *как говорят немцы* в (45)).

Отметим также очень ранние украинские советские примеры: роман Ю. Смолича «Театр невідомого актора» (1959, см. выше, сноска в разделе II.8.1.3, где тоже только обыгрывается звучание), а также повесть из журнала «Дніпро» (1963) с такой же мизансценой, как в фильме «Смелые люди» (любопытно, что об украинском плюсквамперфекте, который тоже называется *давно( )минулий час*, героиня даже не вспоминает, возможно, потому что он, как и соответствующая белорусская форма, в советское время был достаточно ограниченно признан в нормативной грамматике), ср. II.7:

[16] Источники этих анонимных определений из «учебников» нуждаются в дополнительных разысканиях. Идея непременной причинно-следственной связи между двумя событиями, выраженными плюсквамперфектом и другим прошедшим временем, в «научном» контексте не часта, а в «школьном» тем более.

(23) Дівчина сіла на плиті, глянула на годинник: — Завтра у цей час ми провалимось на екзамені. Зітхнувши, дістала підручник, читає: — В старослов'янській мові, крім минулого часу, існував давно минулий час. Плюсквамперфектум ⟨…⟩ Несподівано — з печаллю прозріння: — І скажуть колись про нас: «Такі були молоді. Горіли. Плюсквамперфектум вчили… І самі стали — плюсквамперфектум».

Не приходится удивляться, что и уже упоминавшийся мемуарный текст П. Жаткина о Всеволоде Иванове (1968) выстроен по отработанной схеме — приводится анонимное определение из «учебника» и дается переход к личной судьбе:

(24) «Преждепрошедшее или предпрошедшее время выражает действие, законченное до наступления другого прошедшего действия…» Так говорит учебник латинского языка. Годы, о которых я собираюсь рассказать — мое плюсквамперфектум.

Пример (25) рассчитан на то, что аудитория уже знакома с латинской или немецкой системой грамматической терминологии; здесь, как в XIX — начале XX века, «парадигматически» использовано другое название времени — в данном случае praesens 'настояшее время':

(25) Назовем хотя бы Презента, юриста по образованию, одно время поставленного Трофимом [Лысенко] деканом сразу двух (!) биологических факультетов — МГУ и ЛГУ. Вот тогда на стене нашего доброго старого здания на Моховой я увидел написанную мелом фразу: «Презент, Презент! Когда ты будешь плюсквамперфектумом?» [Иосиф Шкловский. Эшелон (1984, опубл. 1989); описываемый эпизод относится к концу 1940-х годов]

Парадигматический контекст мы находим и в других научных мемуарах — «Истории историка» А. Я. Гуревича (в окончательном виде текст сложился уже в постсоветское время). Этот пример особо интересен тем, что *плюсквамперфект* (отметим термин в форме без -*ум*) противопоставлен «перфекту» (имеется в виду, вероятно, форма английского типа) в значении 'актуальное прошедшее', 'события, которые «горячи»'.

(26) Я пропускал какие-то имена и события, потому что это горячо — и не только для меня, но и для некоторых других живущих на этой земле людей. До сих пор речь шла о событиях плюсквамперфекта, сегодня я буду вспоминать о событиях перфекта, и

вспомниать придется о вещах неаппетитных [А. Я. Гуревич. История историка (1999). М., 2012, с. 121].

В другом месте этой же книги Гуревича употреблен и латинский термин *perfectum* ‘прошедшее совершенное’ практически в том же, что и *плюсквамперфект*, смысле, что действительно отвечает значению этой формы в латинском языке: *…я фиксировал то, что было недавно, в последние недели, в последние месяцы, что еще накипело; узлы, которые завязались, еще не развязаны, события продолжаются, это не perfectum, в котором я сейчас вижу то время,* с. 208.

В 1960—1970-е годы метафорическое употребление слова *плюсквамперфектум*, уже с меньшим числом комментариев, появляется у самых разных советских писателей, крупных и малоизвестных, а также проникает даже в литературоведческий текст:

(27) — Слушай, старпом, нет ли у тебя чего-нибудь такого антисептического?.. —Нашел у кого спрашивать. Живешь на базе… — И-и, голубчик! Все это плюсквамперфектум. На базе сейчас институт благородных девиц. Из крепких напитков только чай. [Александр Крон. Дом и корабль (1964), действие романа происходит в 1941—1942 гг.]

(28) Про Германа забудьте. Герман — это давно прошедшее прошлое. Плюсквамперфектум. — Хорошо, про Германа постараюсь забыть. [Юрий Трифонов. Бесконечные игры: о спорте, о времени, о себе. М., 1989 (время написания 1960-е—1981)]

(29) Слегка захмелевший Жорик — Олин однокурсник и поклонник — все продолжал вспоминать про тот воскресный день, когда Оля и Герман приезжали и нему в гости под Можайск. И, вероятно, юноша говорил бы еще долго, если бы его несколько резковато не прервала Ольга: — Жорик!.. Довольно... Это все плюсквамперфектум. И никому не интересно... [Тайник / Огонек, № 5, 1970]

(30) За смутной, неуловимой дымкой времени мерцает вообще былое, минувшее, светлый плюсквамперфектум. Вопреки собственным усилиям, некогда; направляемым на некоторое ослабление «мира сладких мечтаний», теперь Бунин заставляет громче звучать именно его элегическую струну [Русская литература XX века: дооктябрьский период, М., 1973, т. 4, с. 14] (ср. (33), (61))

(31) — Память — штука несовершенная. Давно уж очень было, ох как давно… Слишком много произошло после… Плюсквамперфектум…. 〈…〉 Санокская хроника уже не плюсквамперфектум, мно-

гое преломляется через нее, причастно к ней [В. Кардин. Открытый фланг: документальные повести. М., 1975]

II.8.2.3. «Может быть, разгадка российской истории заключена в слове *плюсквамперфект*»: постсоветский период

На исходе советской эпохи, в 1989 году, мода на переносное значение слова *плюсквамперфектум*, напомним, стала уже заметной для лингвистики и отразилась в работе В. К. Харченко. Но особо частотными такие употребления (как и использование этого слова в ненаучном контексте вообще) становятся уже в постсоветское время. Возможно, это следует связать с объяснением Александра Кушнера, см. пример (55): *в такие пограничные времена обостряется интерес и тяготение к плюсквамперфекту, давнему прошедшему.* Не случайно сильное оживление «ностальгических» мотивов (34, 38, 47), в частности, обыгрывание ставшего популярным фразеологизмом названия фильма Станислава Говорухина *Россия, которую мы потеряли* в (43). В этот же период, помимо стандартной «неактуальной» метафоризации, активизируются контексты, связанные просто со значительной временной дистанцией или с ирреальными трактовками (см. разделы II.8.4 и II.8.5), причем последние также не исключают «ностальгического» оттенка.

Появившееся в 1999 году пессимистическое эссе Ильи Фаликова, озаглавленное «Плюсквамперфектум», еще построено по классической схеме советского «текста о плюсквамперфекте» — цитата из анонимного учебника (правда, в отличие, например, от очерка Жаткина 1960-х годов, не в начале, а в середине текста, что уже указывает на более высокий уровень предполагаемого читателя) и собственные интериоризированные комментарии автора. Оно интересно с точки зрения типологических данных демонстрирует, как из трактовки «предшествования в прошедшем» (цитируемый «учебник латинского языка» не идентифицирован) полностью самостоятельно, без обращения к типологии языков мира и работам Даля или Сквартини, вырастает теория «замкнутого временного интервала» в прошлом. При этом автор, открыто декларирующий «метафоризирующий» подход, выходит на достаточно глубокие обобщения, связанные с судьбой поколения (в частности, поэтического):

(32) «Plusquamperfectum (прошедшее время [sic. — *Д. С.*]) означает действие законченное, совершившееся раньше другого действия,

относящегося к прошлому» (учебник латинского языка). Если метафоризировать — что это означает применительно к поэзии?

У меня есть сильное ощущение, что все мы живем внутри глагола прошедшего времени, которое закончилось, но — раньше другого действия. Другое действие распознается по тем признакам, которые уже существуют[17]. Мы балансируем между законченным и другим. Но в том-то и дело, что в поэзии нет ничего законченного. Поэзия — постоянное саморазвитие. Здесь другое время… [Илья Фаликов. Плюсквамперфектум // Арион, 1999, № 1]

Другое программное эссе на эту тему, автором которой является Игорь Померанцев, озаглавлено «Был помнивши» — русской (новой) диалектной формой плюсквамперфекта. Оно соединяет в себе «ностальгическую» метафоризацию (слово *плюсквамперфект* применено к эмигрантскому творчеству Бунина, ср. (30), (61)) и перетекающие из типологии в философию рассуждения об отсутствии плюсквамперфекта в русском языке, напоминающие модные лингвистические представления о «картине мира». Эссе заслуживает пространной цитаты:

(33) Может быть, разгадка российской истории заключена в слове *плюсквамперфект*. В его отсутствии. В латинском языке плюсквамперфектом называют предпрошлое время. Образуют его посредством вспомогательного глагола. Вставил такой глагол-«жучок», и ты уже в прошедшем, канувшем в прошлое. Такие «жучки» до сих пор точат английский, немецкий, французский. Были они когда-то и в русском, но источились. В старых книжках остались лишь просторечия вроде «он был привыкши». Грамматику приходится восполнять лексикой: «помню, бывало...» или «давным-давно...». Этот грамматический недобор или, если угодно, грамматический романтизм дорого обходится носителям языка. Их история никак не становится историей; как упрямая страница в новенькой книге, не переворачивается; рвется в настоящее. Нет на нее, российскую историю, грамматической узды. А вот в русской жизни плюсквамперфект случается. Классический пример — эмиграция. Зрелая проза Бунина и Шмелева — двух Иванов, очаровательно помнящих родство, — написана как бы в предпрошлом. Очарование их прозы в этом «как бы»,

[17] Отметим, что это фаликовское определение «другого действия» вполне точно соответствует типологическому определению перфекта (ср. [Dahl 1985] и другие работы о перфекте).

в грамматической недосказанности. [Игорь Померанцев. Был помнивши // И. Померанцев. По шкале Бофорта. Urbi: Литературный альманах. Выпуск десятый. СПб.: Атос, 1997. С. 117—118.]

В постсоветский период в метафорическом контексте численно уже начинает явно преобладать «научная» форма без конечного *-ум* с предсказуемыми морфологическими характеристиками — *плюсквамперфект* (хотя и форма на *-ум*, в том числе латиницей, не исчезает); встречается, чего раньше не было, также термин в немецкой орфографии без *-um* (*Plusquamperfekt*). Другим признаком освоенности становится то, что это слово существенно реже глоссируется в тексте при помощи слов «давнопрошедшее» или подобных; переход к метафоре происходит более непосредственно.

(34) И тут звонит ни больше ни меньше как Саня Тодорович. Я бы сказал — ниоткуда: вот уж кого никогда нигде никаким боком не было, разве что в плюсквамперфекте, что, как известно, выражает полную смерть когда-то бывшего. [Анатолий Найман. Славный конец бесславных поколений (1994)]

(35) Не буду темнить — плюсквамперфект, факты вчерашнего дня. И апелляция к ним не от хорошей жизни. Если и ретро, то вынужденное. С подтекстом. С надеждой — на что? На молодых реформаторов, естественно. [Леонид Теракопян, «Расстыковка», Дружба народов, 1998]

(36) Я много думал о нем, и он приходил ко мне. — Гоголь?! — Да… напряжением мысли видел его наяву и в снах. — Интересно… Личное знакомство с давно прошедшим, с плюсквамперфектум… Он должен быть руками и глазами в сегодняшнем дне, в нашей эпохе... а не в плюсквамперфектум. [журнал «Юность» (1994)]

(37) И Бог как чистый Дух, и абстрактный ум-разум Науки и Техники — встречаются в Ноо-сфере, минуя “слова, слова, слова” художественной литературы, оставляя ее где-то внизу, как рудимент и плюсквамперфект. [Георгий Гачев. «Знамя», 2000]

(38) Дача: клубничное жаркое детство, / плюсквамперфект, почти мезозой[18], / гений: ребенок с геном злодейства / хищно охотится за стрекозой. [Инна Кабыш, Дружба народов, 2000]

[18] Отметим, что уже в 1989 году, avant la lettre, В. К. Харченко рассматривает метафорические употребления слов *плюсквамперфектум* и *мезозой* на одной странице [1989: 23].

(39) Межевые распри — это не «плюсквамперфектум», это наше настоящее и, возможно, будущее [Елизавета Козырева. Дамская охота (2001)],

(40) Это пройденная жизнь, пройденный этап, плюсквамперфект, ушедшее время [Анатолий Васильев. Континент, 2002]

(41) Московские взрывы стали (разумеется, не для родственников погибших) таким же академическим плюсквамперфектом, как и, скажем, проблема, был ли Ленин немецким шпионом [«Неприкосновенный запас», 2002]

(42) Те, чья жизнь была сопричастна полувековой истории культуры двух столиц, с горечью назовут десятки имен, щедро одаренных ярким талантом, но потерявшихся в сумерках плюсквамперфекта… [Зана Плавинская. Отражение // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.07.28]

(43) А кроме всего прочего, Древняя Русь для обитателей нашей Российской Федерации — plusquamperfectum, Русь, которую мы потеряли. [Андрей Ранчин, «НЛО», 2003]

(44) Образовательные стандарты перегружены плюсквамперфектами, перегружены специальной информацией, которая не должна входить в ядро общего образования. [Евгений Бунимович. Фурсенко закончил школы // «Новая газета», 2005]

(45) Впрочем, все это уже, как говорят немцы, Plusquamperfekt, давно прошедшее… [Геннадий Николаев. Вещие сны тихого психа // «Звезда», 2002] (ср. эту же формулу *как говорят немцы* у Бориса Полевого, (22))

(46) Офелия не имеет никакого значения для развития характера Гамлета, она для него — Plusquamperfekt, поэтому и в сюжете она может с равным успехом как присутствовать, так и отсутствовать: ее глупоговорение ничего не добавляет пьесе. [Юрий Буйда. Щина // «Знамя», 2000]

Метафорические употребления слова *плюсквамперфект(ум)*, тоже обычно уже без какого-либо пояснения, в большом количестве представлены в блогах и социальных сетях начала XXI века, наряду, разумеется, со «школьными» контекстами в дневниках студентов и преподавателей и даже попытками философски осмыслить типологию языков в духе цитировавшегося эссе Померанцева: *Кроме того, в русском градации времяобразования недостаточно развиты — например, в итальянском несколько будущих и несколько прошедших; также* [sic] *во многих европейских. Тут, вероятно, связано с письменной историей — в Рос-*

сии плюсквамперфектум не очень-то нужен, если уже дедушек своих мы помним плохо. А про будущее и говорить не приходится — какое на хрен будущее... [ЖЖ, 2011]. Вот характерные примеры из Интернет-коммуникации (сохраняем орфографию и пунктуацию оригиналов):

(47) Все, что было так обаятельно в нашей общей повседневности, по напечатании кажется блеклым и грустным — нищета и принужденность советского литературного быта здесь выползает на первый план. А очарование плюсквамперфекта, когда любой «засохший, безуханный» фактик трогает сердце, — еще не сформировалось [ЖЖ, 2005]

(48) Несмотря на обилие в FB идиотских репостов, ЖЖ с его интерфейсом и ориентированностью на текст выглядит плюсквамперфектом [ЖЖ, 2013]

(49) Здравый смысл просто, Эрдоган [премьер-министр Турции] похоже уже плюсквамперфектум, и нужно приспосабливат⟨ь⟩ся к данной реальности [Твиттер, 2013]

(50) Вся жизнь его, весь многообразнейший опыт общения с прекрасным полом (даже в тех случаях, когда сей эпитет безнадежный плюсквамперфект) научили его, что почтение это последнее, чего женщина ждет от мужчины [forum-people.ru/, 2013]

«Одинаковая неактуальность различных давних событий и полное безразличие к ним» — вот примерно какой образ стоит за словом *плюсквамперфект*, употребленном в 2012 г. (к 200-летию Отечественной войны 1812 г.) в дискуссии на Facebook:

(51) [Участник 1:] Из олимпиадного сочинения ⟨…⟩: «И тогда Кутузов вскричал: „Ребята! Велика Россия, а позади Москва — отступать некуда!“» И еще — из этого же текста: «Многие русские женщины, как Наташа Ростова, готовы были продать свои драгоценности, живя под лозунгом: все для фронта, все для Победы!» Вот такая каша в головах у бедных детей. Боюсь, что это системное... :(

[Участник 2:] Увы, для них это все плюсквамперфект...

Именно в современном Интернете, на форуме игроков в интеллектуальные игры (типа «Что? Где? Когда?» или «Своей игры») нам встретилось едва ли не единственное обсуждение метафоризации слова *плюсквамперфект* в контексте разницы между вариантами с конечным *-ум* и без него. В 2004 году (http://www.wowwi.orc.ru/cgi-bin/casino/forum.cgi?page=1637) там обсуждался вопрос, предложенный участницей с ником Ольга_С, который выглядел так:

Тема: ... ква...
Вопрос: Это время глагола давно стало нарицательным. В смысле «дела давно минувших дней...»
Подсказка: Полатинистее, пожалуйста
Ответ: ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТУМ

Здесь мы видим, наряду с уже знакомым нам набором мотивов (пушкинско-оссиановская парафраза, внимание к отрезку *-ква-*), еще и метаязыковую рефлексию — осознание того, что термин давно стал «нарицательным» (то есть метафоризуется), а также не встретившуюся в лингвистической литературе совершенно верную мысль о том, что для метафорического употребления нужна более «латинистая» форма с конечным *-ум*. Интересно и то, что вопрос вызвал протесты других участников форума, указавших на то, что в словарях встречается только форма *плюсквамперфект*, а также контраргументы, в том числе со ссылкой на уже знакомые нам примеры (письмо Булгакова, перевод Стейнбека, эссе Фаликова).

Итак, метафорическое употребление слова *плюсквамперфект* в значении ‘неактуальные события давнего временного интервала’, ‘анахронизм’, ‘предмет ностальгии’ пережило советскую эпоху и предстает в современном языке уже привычным и широко освоенным. Однако у этого термина есть и другие, более редкие метафорические употребления, которые мы ниже также разберем.

II.8.3. «Из глубины плюсквамперфектума»: временная дистанция и ее переосмысление

В ряде примеров, на наш взгляд, у слова *плюсквамперфект(ум)* преобладает значение «давнопрошедшего», то есть чистой временной дистанции без идеи неактуальности:

(52) Пафос монархии, особенно абсолютистской, всегда направлен на прошлое. Монархии опираются на плиты могил, с их «сын сына сына»; заслуги предков — взамен дел живущих; генеалогическое древо, растущее ветвями вспять и выставившее корень в пустоту. Во время закрепления таких династий появляются угодливые историки и поэты-эпики, пишущие медленными размерами бесконечные шах-намэ, то есть описи царей и деяний. Такого рода дастаны, поэмы царей обычно обрываются вместе со смертью эпика, не успевающего дойти <u>из глубины плюсквамперфектума</u> до настоя-

щего времени. И новый преемник, подобрав последний стих, длит шах-намэ дальше. [Кржижановский С. Д. Салыр-Гюль (1933)]

В современных текстах трактовка в русле временной дистанции (иногда с подчеркнутой актуальностью давних событий) проявилась разве что в нескольких примерах, где наш термин всюду эксплицитно «глоссирован» как «давнопрошедшее время»:

(53) Ну, первая промышленная революция — это понятно, это давно прошедшее, так сказать, плюсквамперфект. Конец XVIII — начало XIX века. Символ — паровая машина. Суть — механизация производства. Социальные последствия весьма значительные и общеизвестные [Игорь Бестужев-Лада. Прогноз на завтра // «Студенческий меридиан», 1985, № 9]

(54) И вышло так, что хотя с Нюрой жил он очень коротко в каком-то давно прошедшем плюсквамперфекте, с тех пор ничего о ней не слышал и сам ей ни разу не написал, а не было у него на свете существа более близкого, чем она. [Владимир Войнович. Замысел (1999)]

(55) Стихи, продиктованные близостью нового тысячелетия (в такие пограничные времена обостряется интерес и тяготение к плюсквамперфекту, давнему прошедшему). [Александр Кушнер. «С Гомером долго ты беседовал один...» (2001) // «Звезда», 2003]

Тем не менее само использование глоссы «давно( )прошедшее», как мы уже неоднократно видели выше, не исключает именно трактовки неактуальности и анахронистичности:

(56) Так написать об истории мог лишь человек, живущий в середине века XX-го и прекрасно понимающий, что массоидность тоталитарных режимов этого века — не настоящее, а плюсквамперфект, давно прошедшее, и нет за этим не только будущего, но и права на реинтерпретацию. [Н. Полтавцева. «Исторична ли история?» // Знамя, 1997]

Отметим в этом разделе, что наряду с «высоколобыми» эссе и прозой, слово *плюсквамперфект* уже осваивает даже ориентированный на массового читателя детектив. В данных примерах оно выступает в форме с -*ум*, с канонизированным в советский период комментарием-глоссированием при помощи слова «давнопрошедший» и одновременной метафорикой неактуального прошедшего. Ср. также пример из детектива Е. Козыревой «Дамская охота» (39).

(57) Саша Маневич шел-шагал по Москве, по проспекту, название которого для приезжего с берегов Невы звучит как «плюсквамперфектум», как знак из давно прошедшего времени. Он шел по Ленинградскому проспекту и втихую завидовал жителям столицы. [Марианна Баконина. Школа двойников (2000)]

(58) — Савин стратег, каких мало, — вступился, хоть и понимал, что безнадежно, Забелин. — Никто так рынок не промаркетит. Умник редкий. — Именно что. А мне умники не нужны, я сам умник. Мне умницы требуются. И неожиданно закончил: — Как ты. — Я-то теперь плюсквамперфектум — давно прошедшее время [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)]

II.8.4. «Пространство сказки»: ирреальность

Интересна трактовка плюсквамперфекта при помоши понятия «возможных миров», широко используемого в лингвистике для объяснения ирреальных употреблений плюсквамперфекта типа *If I had come, I would see that* (подробнее см. выше, I.1.2.7), применительно к русскому языку (наследующая плюсквамперфекту конструкция с частицей *было*) механизм «возможных миров» использован, например, в работе [Kagan 2011]. За эту трактовку ответственен сам автор рецензируемого произведения — Юрий Малецкий; сам же рецензент Гаврилов прибавил к ней лишь каламбурное обыгрывание внешней формы слова *плюсквамперфект* (см. выше, II.8.1.3)

(59) В другом месте романа сказано о вероятности существования сказочных драконов: «Мы имеем дело с областью прошлого, а в „прошлом", в отличие от „настоящего", все бывает на правах равно возможного». Одно слово, «плюсквамперфект» (этим грамматическим термином поименованы все главки про Акопа, его фабрику и Владиков). [Александр Гаврилов, рец.: Юрий Малецкий. Проза поэта. НМ, 2000, № 1]

В нижеследующих примерах плюсквамперфект ассоциируется с «пространством сказки», «игрой воображения», что можно соотнести с широко представленной в языках мира тенденцией развития у плюсквамперфекта ирреальных, пересказывательных значений. Характерно использование в соответствующих контекстах глаголов *перенести, перевести*:

(60) Но игры Анны Андреевны — иные: Нет, ни в шахматы, ни в теннис, / То, во что с тобой играют, / Называют по-другому, / Если нужно называть... Перевести эти игры в плюсквамперфект, приписать их игре воображения не удается [А. Кушнер, «Новый мир», 2000]

(61) Еще в 1920-е Бунин перенес эту реальную Россию в пространство сказки, используя плюсквамперфект (рассказ «Косцы») [Е. Пономарев, «Вопросы литературы», 2004]

Вспомним, что «светлый плюсквамперфектум» и «мир сладких мечтаний» для характеристики ностальгического творчества Бунина — почти общее место (30), (33), здесь автор делает следующий шаг и превращает эту картину в «сказочную».

II.8.5. «Давайте-ка споем о самом главном»: лирическое отступление

Особняком среди изученных нами примеров в разных отношениях стоит первое употребление нашего термина в стихах — до 2000-х годов другие стихотворные примеры нам неизвестны. Автор этого текста — почти не печатавшийся при жизни поэт Георгий Оболдуев, успевший получить «старое» филологическое образование; его поэма «Я видел» (примерная датировка — 1941—1952) входит в поэтический подкорпус НКРЯ (на нее указал нам И. А. Ахметьев):

(62) И вот теперь, когда
В восьмом заезде
Восходит череда
Моих созвездий,
Опять ввожу с эффектом
(Ну, и напорист!)
Чуть не plusquamperfectum
В quasi аорист?

Смысл этого неожиданного употребления сразу двух грамматических терминов («парадигматический контекст», см. выше) становится ясен только при обращении к произведению в целом. Поэма Оболдуева, как и многие более известные произведения этого жанра, представляет собой эпический рассказ о событиях из жизни персонажей, перемежаемый лирическими отступлениями. Данное отступление находится в начале восьмой главы («восьмого заезда»): «Привычным нам

стихом, // пусть своенравным, // давайте-ка споем // о самом главном…», после окончания отступления автор вновь обращается к судьбам своих героев. Таким образом, «плюсквамперфект» здесь выступает как символ дискурсивной функции отхода от основной линии повествования, от классического нарратива, выражением которого (например, в древнегреческом или старославянском) является именно аорист. Именно такая функция («дигрессия») характерна для плюсквамперфекта типологически (I.1.2.9).

II.8.6. Выводы

Мы проследили историю употребления слова *плюсквамперфект(ум)* в нелингвистических русских текстах XIX века — от легко расшифровываемого читателем термина гимназической латыни через советский период трудного повторного освоения этого образа к современному периоду, когда *плюсквамперфект*, почти утративший конечное *-ум*, беспрецедентно часто встречается в публицистике, художественной литературе, коммуникации в Интернете. Причем уже выработались и воспроизводятся определенные формулы и штампы, сопровождающие это слово от автора к автору (вводное цитирование учебника; обыгрывание внешней формы; глоссирование при помощи слова *давнопрошедшее*; *как говорят немцы*; *это для него (здесь) плюсквамперфект*; *перенести/перевести в плюсквамперфект*; *дела давно минувших дней*; применение данного слова к творчеству Бунина и т. п.).

Значения и коннотации, в которых употребляется слово *плюсквамперфект*, демонстрируют нетривиальные схождения с данными грамматической типологии. Они представляют большой интерес как материал для исследования механизмов метафоризации и прагматического осмысления грамматических категорий — как у наивных носителей языков мира, где плюсквамперфект есть, так и у весьма искушенных литераторов, носителей русского языка, где плюсквамперфекта нет. Изученный нами материал, где преобладают интерпретации, связанные с «замкнутыми временными интервалами», как представляется, может служить аргументом в пользу защищаемой Т. А. Майсаком и С. Г. Татевосовым [Майсак, Татевосов 2001] точки зрения, согласно которой вторичные значения плюсквамперфекта имеют «импликатурную» природу. С их точки зрения, типологически устойчивая полисемия плюсквамперфекта может быть связана с прагматической импликатурой, вытекающей из некоторого изначального значения (может

быть, именно «давнего прошедшего»). Вместе с тем такая импликатура, по-видимому, в принципе не может «предсказывать» весь представленный в языках мира ряд частных значений плюсквамперфекта, вроде семантики ирреального условия или вежливой просьбы (хотя и «предсказывает» ирреальность как таковую). Схождения между этими механизмами напоминают, что в каких-то отношениях minds think alike — вовсе не обязательно great minds.

НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Эта книга не претендует на то, чтобы быть последним словом о плюсквамперфекте. Обширный материал, связанный с этой интереснейшей глагольной формой, собран и проработан в существующей литературе, включая мои исследования, еще слишком неравномерно.

Первоочередной задачей исследователей должно стать подробное семантическое типологически ориентированное описание плюсквамперфектных форм в тех языках, где они выявлены, на основании работы с информантами и корпусами текстов. Многие существующие описания опираются на весьма ограниченные изначальные представления об этой форме («предпрошедшее» и «давнопрошедшее»), отсюда ограниченность самих поисков исследователя, мимо которого проходит целый ряд других употреблений. О некоторых методологических сложностях такой работы мы уже упоминали (факультативность формы, редкость в текстах, неточные интерпретации носителей), однако эта задача, несомненно, выполнима, и уже существует немалое количество описаний, учитывающих современные типологические наработки. Например, таковы многие новые российские исследования языков Кавказа, учитывающие работы Э. Даля, М. Сквартини и других типологов; работа [Cable 2012] о языке тлингит, где используется материал статьи В. А. Плунгяна и Й. ван дер Ауверы и др.

Тем не менее на «плюсквамперфектной карте мира» остается еще немало белых пятен. Достаточно сказать хотя бы про огромный массив восточнославянских говоров, лишь незначительно затронутый существующими работами, даже такими важнейшими, как статьи С. К. Пожарицкой и М. Н. Шевелевой; материал, давно собранный и собираемый диалектологами, нуждается в новом осмыслении и систематизации. Далеко еще не все сделано в исследовании финно-угорских, балтийских, кельтских, индоиранских языков, языков Африки (за пределами хорошо изученных в этом отношении групп вроде языков манде) и особенно Америки (где лишь в последнее время исследователи обратили внимание на системы с ретроспективным сдвигом). Во «Всемирный атлас языковых структур» [Dahl, Vellupillai 2013] сведения о плюсквамперфекте вообще не включены «из соображений

объема», однако составители указывают, что наличие плюсквамперфекта ожидается в тех языках, где сосуществуют перфект и маркирование прошедшего времени. Совместное помещение на карту этих двух параметров (http://wals.info/combinations/68A_66A#2/25.5/148.5) помогает выявить ряд языков и ареалов, не охваченных пока нашей выборкой и где могут быть интересующие нас формы (прежде всего системы, где перфект сочетается с категорией временной дистанции: Америка, Африка, папуасские языки). И это не говоря о том, что плюсквамперфект, как мы знаем, возможен и в языках, где нет перфекта. В новом подробном изучении нуждается и материал мертвых языков, например, древнеармянского (несмотря на важные работы Н. А. Козинцевой) или хеттского.

Бурное развитие корпусной лингвистики, в том числе появление общедоступных в Интернете лингвистических корпусов, делает возможным извлечение большого числа примеров из реальных текстов, получение статистически достоверных результатов. Активно пополняемые в последнее время параллельные корпуса, в том числе многоязычные, делают возможным (при всей осторожности, с которой надо подходить к этому методу) решение контрастивных задач. В этой книге корпусный материал широко используется, но применительно в основном к восточнославянским языкам.

Важная задача, для которой следует подробно описать максимум известных плюсквамперфектных форм — построение семантической карты плюсквамперфекта, на которой должно быть обозначено, какие значения этой формы представлены в языках мира совместно. Частные употребления грамматических показателей имеют нетривиальную структуру, которую, по-видимому, перспективнее всего описывать при помощи установления связей между «смежными» (и, как правило, диахронически связанными) употреблениями показателя (о методологии семантических карт см. [Anderson L. 1982, 1986], [van der Auwera, Plungian 1998], [Haspelmath 2003], [Татевосов 2002]). Хотя ряд известных фактов из этой области (например, наличие в английском языке значения ирреального условия при отсутствии других характерных для языков мира функций) и представляет с типологической точки зрения значительный интерес, в данной книге задача построения семантической карты не ставилась. Возможно, ее решение позволит также по-новому рассмотреть вопрос о связи тех или иных употреблений плюсквамперфекта с прагматическими импликатурами (об этом см. I.1.2.10). Из конкретных употреблений в особом внимании нуждаются дискурсивные функции плюсквамперфекта, в том

числе связанные с нарушением нормального хода нарратива, «внезапностью» событий и т. п.

Формальное варьирование выражения плюсквамперфекта — область, в которой тоже возможны новые открытия: например, к сравнительно малоизвестным фактам такого рода относятся существование в эфиосемитских языках форм, похожих на сверхсложные формы Евразии, или дублирование показателя перфекта (не претерита) в языке кла-дан. В новом исследовании нуждается и разнообразие диахронических источников показателей ретроспективного сдвига в языках мира.

Таким образом, создание всестороннего описания плюсквамперфекта, его полисемии и формального разнообразия остается по-прежнему увлекательной задачей; надеюсь, что эта книга смогла приблизить момент ее решения.

ЛИТЕРАТУРА

АГ 1960 — *Грамматика русского языка*. М.: АН СССР

АГ 1980 — *Русская грамматика*. М.: Наука.

Аляксандраў, С. Э., Мыцык, Г. В. 2008. *Гавары са мной па-беларуску.* Масква: Вариант.

Анічэнка, У. В. 1957. Формы плюсквамперфекта ў беларускай пісьменнасці XV—XVI ст.ст. // *Ученые записки Мозырского педагогического института*, вып. 1.

Анічэнка, У. В., Жураўскі, А. І. 1988. Беларуская лексіка ў выданнях Ф. Скарыны // *Францыск Скарына і яго час. Энцыклапедычны даведнік*. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя.

Антоненко-Давидович, Б. Д. 1970. *Як ми говоримо.* К.: Радянський письменник.

Аркадьев, П. М. 2012. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных) // В.А. Плунгян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий*. СПб.: Наука (Acta Linguistica Petropolitana, Т. VIII, Ч. 2), 45—121.

Аркадьев, П. М. 2014. Система форм плюсквамперфекта в шапсугском диалекте адыгейского языка // *Вопросы языкознания*, № 4.

АСЭИ — *Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.* Т. 1—3. М., 1952—1964.

Афанасьев, А. Н. 1984—1985. *Народные русские сказки: В 3 т*. — М.: Наука.

Барентсен, А. 2009. Таксис в нидерландском языке // Храковский (ред.), 269—366.

БАС — *Словарь современного русского литературного языка* в 17 т. М.: АН СССР, 1948—1965.

БАС-2 — *Словарь современного русского литературного языка* в 20 т. М.: Русский язык, 1991—1994 (издание не окончено).

БАС-3 — *Большой академический словарь русского языка*. СПб.: Наука, 2004—.

Бевзенко, С. П. 1960. *Історична морфологія української мови: Нариси із словозміни та словотвору*. Ужгород: Закарпатське обласне видавництво.

Белоусов, В. Н. 1982. История форм сослагательного наклонения // Р. И. Аванесов, В.В. Иванов (ред.). *Историческая грамматика русского языка. Морфология, глагол*. М.: Наука, 154—157.

Бенвенист, Э. 1959. Отношения времени во французском глаголе // Э. Бенвенист, *Общая лингвистика,* М.: Прогресс, 1974, 270—284.

Бенвенист, Э. 1960. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Э. Бенвенист, *Общая лингвистика,* М.: Прогресс, 1974, 203—224.

Бирнбаум Х. 1987. *Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции*. М.: Прогресс.

Білодід І. К. 1969 (ред.) *Сучасна українська літературна мова. Морфологія.* К.: Наукова думка.

Борковский, В. И. , Кузнецов, П. С. 1965. *Историческая грамматика русского языка.* М.: Наука.

Булах, М. С., Коган, Л. Е. 2013а. Эфиосемитские языки // *Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки*. М.: Academia, 13—140.

Булах, М. С., Коган, Л. Е. 2013б. Геэз язык // *Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки*. М.: Academia, 141—198.

Булах, М. С., Коган, Л. Е. 2013в. Тигринья язык // *Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки*. М.: Academia, 260—310.

Булаховский, Л. А. 1949. *Курс русского литературного языка*. К.: Радянська школа.

Вайс, Д. 2003. Русские двойные глаголы и их соответствия в финно-угорских языках // *Русский язык в научном освещении*, № 2 (6), 37—59.

Визирова, Е. Ю. 2013. Харари язык // *Языки мира: Семитские языки. Эфиосемитские языки*. М.: Academia, 406—508.

Вимер, Б. 2009. Таксис в литовском языке // Храковский (ред.), 161—216.

Волков, О. С., Даниэль, М. А., Пупынина, М. Ю., Рыжова, Д. А. 2012. К характеристике аспектуальной системы чукотско-камчатских языков // В. А. Плунгян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий*. СПб.: Наука (Acta Linguistica Petropolitana, Т. VIII, Ч. 2), 396—457

Вольф, Е. М. 1988. *История португальского языка.* М.: Высшая школа.

Вострикова, Н. В. 2009. Экспериентивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // *Вопросы языкознания*, 2009, № 3, 19—31

Вострикова, Н. В. 2010. *Типология средств выражения экспериентивного значения*. Диссертация… кандидата филологических наук: МГУ, ОТиПЛ

Выдрин, В. Ф. 2012. Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе // В.А. Плунгян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий*. СПб.: Наука (Acta Linguistica Petropolitana, Т. VIII, Ч. 2), 566—647

Гаспаров, Б. М., Сигалов, П. С. 1974. *Сравнительная грамматика славянских языков: пособие для студентов. Ч. III.* Тарту: Тартуский государственный университет.

Герасимов, Д. В. 2010. Видо-временная система парагвайского гуарани: сфера действия и порядок показателей // *Вопросы языкознания,* № 4, 36—54.

Гиппиус, А. А. 2010. Предисловие к «Софийскому временнику» (Киевскому Начальному своду): текст, язык, источники // *Русский язык в научном освещении*, № 2 (20), 143—199

Гловинская, М. Я. 1982. *Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола.* М.: Наука.

Горбова, Е. В. 2012. О строении аспектуально-темпоральной системы испанского языка // В.А. Плунгян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий*. СПб.: Наука (Acta Linguistica Petropolitana, T. VIII, Ч. 2), 149—180.

Горшкова, К. В., Хабургаев, Г. А. 1981/1997. *Историческая грамматика русского языка*. М.: МГУ.

Гото, К. В. 2009. Система форм прошедшего времени в калмыцком языке // С. С. Сай и др. (ред.) *Исследования по грамматике калмыцкого языка.* СПб.: Наука (Acta Linguistica Petropolitana, T. V, Ч. 2), 124—159.

Грамотки 1969 — *Грамотки XVII — начала XVIII века* / Изд. подгот. Н. И. Торбасова, Н. П. Панкратова / Под ред. С. И. Коткова. М., 1969.

Гранде, Б. М. 1963/2008. Курс *арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*. М.: Восточная литература.

Гринченко, Б. Д. (сост.) 1907. *Словарь української мови = Словарь украинского языка*. Т. 1. К.: Киевская старина.

Гришина, Е. А. 2005. Устная речь в Национальном корпусе русского языка // *Национальный корпус русского языка: 2003—2005. Результаты и перспективы*. М.: Индрик, 94—110.

Громова, М. М. 2010. Функционирование форм плюсквамперфекта в говорах средней Пезы (Архангельская область) // *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой*. М., 2010, 200—207.

Гурычева, М. С., Катагощина, Н. А. 1964. *Сравнительно-сопоставительная грамматика романских языков. Галло-романская подгруппа.* М.: Наука.

Даль, В. И., 1880—1884. *Толковый словарь живого великорусского языка*, 2-е изд. СПб.: М. О. Вольф.

ДГ XII—XIII 1995. *Древнерусская грамматика XI—XIII вв.* М.: Наука.

Джураева, Д. М. 1968. Времена глагола в узбекском языке // *Вопросы категории времени и наклонения глагола в тюркских языках*. Баку: ЭЛМ.

Дмитриев, Н. К. 1948. *Грамматика башкирского языка*. М. —Л.: АН СССР.

Дмитриев, Н. К. 1960. *Турецкий язык*. М.: Издательство восточной литературы.

Дурново, Н. Н. 1924. *Очерк истории русского языка*. М. —Л. АН СССР.

Дымшиц, З. М. 2001. *Грамматика языка урду.* М.: Восточная литература.

Евгеньева, А. П. 1951. Сочетание «жили-были» в сказочном зачине // *Памяти академика Льва Владимировича Щербы* (1880—1944). Сб. статей. Л.: ЛГУ, 165—174.

Егоров, В. Г. 1957. Глагол // *Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть I: Морфология*. Чебоксары: Чувашиздат.

Живов, В. М. 1996. *Язык и культура в России XVIII века.* М.: Языки русской культуры.

Жукова, Т. С., Шевелева, М. Н. 2010. «Новый» плюсквамперфект в памятниках Юго-Западной Руси XV—XVI вв. и современных украинских говорах в сравнении с великорусскими // *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой*. М.: МГУ, 171—191.

Жураўскі, А. І. 1988. Дзеяслоў // *Мова беларускай пісьменнасці XIV—XVIII стст.* Мн.: Навука і тэхніка, 170—271.

Зализняк, А. А. 1995. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки русской культуры. (2-е изд. 2004).

Зализняк А. А. 2008. *Древнерусские энклитики*. М.: Языки славянских культур.

Зализняк, А. А. 2008а. *Слово о полку Игореве: взгляд лингвиста*. 3-е изд., доп., М.: Языки славянских культур.

Захарьин, Б. А. 1981. *Строй и типология языка кашмири.* М.: МГУ.

Зорихина-Нильсен, Н. 2009. Таксис в шведском языке // Храковский (ред.), 367—469.

Ибрагимов, И. И. Таксис в древнегреческом языке // Храковский (ред.), 470—503.

Иванов, Вяч. Вс. 1981. *Славянский, балтийский и раннебалканский глагол. Индоевропейские истоки*. М.: Наука.

Идиатов, Д. И. 2003. Семантика видо-временных показателей в языке бамана // *Основы африканского языкознания. Глагол.* М.: Восточная литература, 622—646.

Иоаннесян, Ю. А. 1999. *Гератский диалект языка дари современного Афганистана.* М.: Восточная литература.

Ипат. — *Полное собрание русских летописей. Том II. Ипатьевская летопись.* М., 1962.

Исаченко, А. В. 1960. *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким*. *Ч. II.* Братислава: Словацкая академия наук.

Истрина, Е. С. 1923. Синтаксические явления Синодального списка Новгородской летописи // *Известия Отделения русского языка и словесности* 24. 2: 1—72, 26: 207—239.

Исхакова, Х. Ф., Насилов, Д. М., Невская, И. А., Шенцова, И. В. 2007. Эвиденциальность в тюркских языках // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*, СПб.: Наука, 469—518.

Карский, Е. Ф. 1956. *Белорусы: Язык белорусского народа.* Выпуски 2—3. М.: АН СССР.

Кару, К., Кюльмоя, И. П. 2004. Уступительные конструкции в эстонском языке // Храковский В. С. (ред.) *Типология уступительных конструкций.* СПб.: Наука, 259—313.

Катагощина, Н. А., Вольф Е. М. 1968. *Сравнительно-историческая грамматика романских языков. Иберо-романская подгруппа.* М.: Наука.

Кибрик, А. Е. 1977. *Опыт структурного описания арчинского языка*. М.: МГУ.

Кибрик, А. Е. 1983. Результатив в арчинском языке // Недялков (ред.), 109—118.

Киселева К. Л., Пайяр Д. (ред.) 1998. *Дискурсивные слова русского языка*. М.: Метатекст.

Князев, Ю. П. 2004. Форма и значение конструкций с частицей *было* в русском языке // *Сокровенные смыслы. Слово, текст, культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой*. М.: ЯСК, 2004, 296—304.

Князев, Ю. П. 2007. *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. М.: ЯСК.

Коваль, А. И., Нялибули, Б. А. 1997. *Глагол фула в типологическом освещении*. М.: Русские словари.

Козинцева, Н. А. 1998. Плюсквамперфект в армянском языке // *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, 207—219.

Кононов, А. Н. 1956. *Грамматика турецкого литературного языка*. М.-Л.: АН СССР.

Кононов, А. Н. 1960. *Грамматика современного узбекского литературного языка*. М.-Л.: АН СССР.

Корди, Е. Е. 2009. Таксис во французском языке // Храковский (ред.), 217—268.

Короткова, Н. А. 2009. «Прошлое» и «сверхпрошлое» в адыгейском языке // Я. Г. Тестелец (ред.), *Аспекты полисинтетизма: очерки по грамматике адыгейского языка.* М.: РГГУ, 262—286.

Кречмер, А. Г., Невекловский, Г. 2005. Сербохорватский язык (сербский, хорватский, боснийский языки) // *Языки мира. Славянские языки,* М.: Academia, 139—198.

Крысько, В. Б. 2011. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // *Славяно-русский пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования.* М.: Азбуковник, 798—837.

Кузнецов, П. С. 1951. Примечания // А. Мейе. *Общеславянский язык*. М.: Изд-во иностранной литературы, 417—470.

Кузнецов, П. С. 1953. *Историческая грамматика русского языка: морфология*. М.: МГУ.

Кузнецов, П. С. 1959. *Очерки исторической морфологии русского языка*. М.: АН СССР.

Кузнецов П. С. 1961. *Очерки по морфологии праславянского языка*. М.: Изд-во АН СССР.

Кураш, С. Б. 2012. Фрагмент корпусного исследования концепта «метафора»: метафора и ее антиподы // *Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина*. Выпуск 2, Гомель: ГГУ, 63—67.

Курило, О. Б. 1925/2008. *Уваги до сучасної української літературної мови* (1925). К: Основа.

Лепешаў, І. Я. 2002. *Сучасная беларуская літаратурная мова: Спрэчныя пытанні*. Гродна: ГрДУ.

Липеровский, В. П. 1964. *Категория наклонения в современном литературном хинди*. М.: Наука.

Липеровский, В. П. 1976. Выражение значения результативного состояния в хинди // *Индийская и иранская филология. Вопросы грамматики.* М.: Наука, 100—114.

Лукашанец, А. А. (рэд.) 2007. *Кароткая граматыка беларускай мовы. 1 частка.* Мн.: Беларуская навука.

Луценко, Н. А. 1989. Семантика и употребление приглагольной частицы «было» // *Русский язык в школе*, № 4, 87—89.

Майсак, Т. А., Татевосов, С. Г. 2001. Ядерные формы глагольной парадигмы // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари*. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 345—366.

Майсак, Т. А. 2008. Глагольная парадигма удинского языка (ниджский диалект) // *Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка.* М.:Academia, 96—161.

Майсак, Т. А. 2012. Причастные формы в видо-временной системе агульского языка // В.А. Плунгян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий*. СПб.: Наука (Acta Linguistica Petropolitana, Т. VIII, Ч. 2), 228—289.

Малышев, С. В. 2012. Аспект в коптском языке // В.А. Плунгян (ред.) *Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий*. СПб.: Наука (Acta Linguistica Petropolitana, Т. VIII, Ч. 2), 534—565.

МАС — А. П. Евгеньева (ред.) *Словарь русского языка*, изд. 2., М.: Русский язык, 1981—1984.

Маслов, Ю. С. 1954. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках // *Вопросы славянского языкознания*. Вып. 1. М., 1954. С. 68—138.

Маслов, Ю. С. 1956. *Очерк болгарской грамматики.* М.: Издательство литературы на иностранных языках.

Маслов, Ю. С. 1983. Результатив, перфект и глагольный вид // Недялков (ред.), 41—54.

Маслов, Ю. С. 1984. *Очерки по аспектологии*. Л.: ЛГУ; переиздано в составе: Маслов Ю. С. *Избранные труды*. М.: Языки славянской культуры, 2004, 21—302.

Маслов, Ю. С. 1990. Перфект // Ярцева В. Н. (ред.) *Лингвистический энциклопедический словарь*, М.: Советская энциклопедия, 372.

Матрас, Я. 2011. Домари язык // *Языки мира: Новые индоарийские языки.* М.:Academia, 775—810.

Мацкевіч, Ю. Ф. 1959. *Марфалогія дзеяслова ў беларускай мове*. Мінск: АН БССР.

Мащенко, М. А. 2004. *Сверхсложные формы в письменном и устном модусах немецкого языка.* Дипломная работа: МГУ.

МДБП 1968 — *Московская деловая и бытовая письменность XVII века*. М.: Наука.

Мельчук, И. А. 1997, 1998. *Курс общей морфологии. Т. I, II.* М.—Вена: Языки русской культуры.

Менгель, С. 2007. Отражение протекания действия во времени в языке восточных славян // *Вопросы языкознания,* № 6, 14—31.

Мерданова С. Р. 2004. *Морфология и грамматическая семантика агульского языка (на материале хпюкского говора).* М.: Советский писатель.

Миллер, Дж. Э. 1998. Типология и варианты языка: английский перфект // Черткова М. Ю. (ред.), *Типология вида: проблемы, поиски, решения.* М.: Языки русской культуры, 304—315.

Миронов, С. А., Зеленецкий, А. Л., Парамонова, Н. Г., Плоткин, В. Я. 2000. *Историческая грамматика нидерландского языка. Книга 1: Фонология, морфология*. М.: Эдиториал УРСС.

Мойсієнко, А. К. (ред.) 2013. *Сучасна українська мова: Морфологія.* К.: Знання.

Молошная, Т. Н. 1996. Плюсквамперфект в системе грамматических форм глагола в современных славянских языках // *Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию А. А. Зализняка*, М.: Индрик, 564—573.

Нарумов, Б. П. 2001. Сардинский язык // Челышева, Наумов, Романова (ред.), 160—186.

Насилов, Д. М. 1999. Значение эвиденциальности в узбекском языке // М. Е. Алексеев и др. (ред.) *Res linguistica: сборник статей к 60-летию проф. В. П. Нерознака*. М.: Academia, 358—369.

Недялков, В. П., Инэнликей, П. И., Рахтилин В. Г. 1983. Результатив и перфект в чукотском языке // Недялков (ред.), 101—109.

Недялков, В. П. (ред.) 1983. *Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект).* Л.: Наука.

Ницолова, Р. 2006. Взаимодействие эвиденциальности и адмиративности с категориями времени и лица глагола в болгарском языке // *Вопросы языкознания*, № 4, 27—45.

Ницолова, Р. 2009. Таксис в болгарском языке // Храковский (ред.), 117—160.

НПЛ — *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* (под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова). М.; Л., 1950 (2 изд.: М.: Языки русской культуры, 2000.)

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [http://www.ruscorpora.ru]

Ожегов С. И., 1952. *Словарь русского языка*. Под ред. С. П. Обнорского. 2-е изд. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей.

Ожегов, С. И. 1989. *Словарь русского языка*. Под ред. Н. Ю. Шведовой. 21-е изд. М.: Русский язык.

Падучева, Е. В. 1985. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью.* М.: Наука.

Падучева, Е. В. 1996. *Семантические исследования.* М.: Языки русской культуры.

Панов, М. В. 1990. *История русского литературного произношения XVIII—XIX вв*. М.: Наука.

Паулини, Э. 1982. *Краткая грамматика словацкого языка.* М.: Высшая школа.

ПВЛ — *Повесть временных лет*. Т. 1—2 / Подготовка текста, перевод и примечания Д. С. Лихачева. М.; Л., 1950 (2 изд.: СПб.: Наука, 1996).

Перельмутер, И. А. 1983. Статив, результатив, пассив и перфект в древнегреческом языке (язык Гомера) // Недялков (ред.), 142—148.

Петрухин, П. В. 2004. Перфект и плюсквамперфект в Новгородской первой летописи по Синодальному списку // *Russian Linguistics* 28: 73—107.

Петрухин, П. В. 2004a. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 313—329.

Петрухин, П. В. 2004b. Рец. на кн.: Rosanna Benacchio, *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Società Filologica Friulana, 2002 // *Вопросы языкознания,* № 6, 2004.

Петрухин, П. В. 2007. *Жили-были*: вопрос закрыт? // *Русский язык в научном освещении*, № 2 (14), 268—282.

Петрухин, П. В. 2008. Дискурсивные функции древнерусского книжного плюсквамперфекта (на материале Киевской и Галицко-Волынской летописей) // В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.) *Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории*. М.: Индрик, 213—240.

Петрухин, П. В. 2013. К прагматике сверхсложного прошедшего времени в восточнославянской письменности // *Wiener Slawistischer Jahrbuch, neue Folge* 1, 74—98.

Петрухин, П. В., Сичинава, Д. В., 2006. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова*. М.: Языки славянской культуры, 193—214.

Петрухин, П. В., Сичинава, Д. В., 2008. Еще раз о восточнославянском сверхсложном прошедшем, плюсквамперфекте и современных диалектных конструкциях // *Русский язык в научном освещении*, № 1 (15), 224—258.

Плунгян, В. А. 1998a. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, 207—219.

Плунгян, В. А. 1998b. Плюсквамперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // *Язык. Африка. Фульбе: сборник статей в честь А. И. Коваль*. СПб..: Европейский дом, 106—115.

Плунгян, В. А. 2000. *Общая морфология*: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС.

Плунгян, В. А. 2001. Антирезультатив: до и после результата // *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари, 50—88.

Плунгян, В. А. 2004. К дискурсивному описанию аспектуальных показателей // А. П. Володин (ред.) *Типологические обоснования в грамматике: К 70-летию проф. В. С. Храковского.* М.: Знак, 390—411.

Плунгян, В. А. 2004a. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // *Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность.* М.: Гнозис, 273—291.

Плунгян, В. А. 2011. *Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира.* М.: РГГУ.

Пожарицкая, С.К. 1991. О семантике некоторых форм прошедшего времени глагола в севернорусском наречии // *Revue des études slaves* LXIII/4, 787—799.

Пожарицкая, С. К. 1996. Отражение эволюции древнерусского плюсквамперфекта в говорах северноруского наречия Архангельской области // *Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1991—1993*. М.: Наука, 268—279.

Пожарицкая, С. К. 2010. Модальные слова, производные от глаголов *быть, бывать*, в севернорусской диалектной речи // *Русский язык в научном освещении*. 2010, № 1. С. 103—131.

Пожарицкая, С. К. 2012. Конструкции с глаголом *быть (был, была, было, были)* в одном севернорусском говоре. К вопросу о плюсквамперфекте. (Рукопись).

Попова-Боттино, Т. Л. 2008. Анализ частицы *было* в коммуникативной ситуации, или *что было, то было* // *Russian Linguistic*s, 32, 2, 135—145.

Попова-Боттино, Т. Л. 2009. Проблема размещения частицы *было* с точки зрения комммуникативного анализа // *Вопросы языкознания*, № 4, 72—86.

Покровская Л. А., 1964. *Грамматика гагаузского языка: фонетика и морфология.* М.: Наука.

Путеводитель 1993. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В., Кодзасов С. В. *Путеводитель по дискурсивным словам русского языка.* М.: Русские словари.

Рубинчик, Ю. А. 2001. *Грамматика современного персидского литературного языка*. М.: Восточная литература.

Русаков, А. Ю. 2011. Цыганский язык (цыганские диалекты Европы) // *Языки мира: Новые индоарийские языки.* М.:Academia, 680—774.

Русановский, В. М. (ред.) 1986. *Украинская грамматика.* К.: Наукова думка.

Рыко, А. И. 2002. Причастия на *ши-* в одном западнорусском говоре торопецкохолмского региона // *Русский язык в научном освещении,* № 2(4), 171—193.

Сергиева Н. С., Герд А. С. (ред.) 1998. *Русская разговорная речь европейского Северо-Востока России*. Сыктывкар: СГУ.

Серебренников, Б. А. 1960. *Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской группы*. М.: АН СССР.

Сикацкая, Н. Ю. 1984. Давнопрошедшее время в структуре румынского художественного текста // *Функционально-семантические параметры слова и предложения.* Барнаул: АлтГУ, 184—191.

Сикацкая, Н. Ю. 1985. *Прошедшие времена глагола в структуре румынского художественного текста (сложный перфект, простой перфект, давнопрошедшее).* Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л.: ЛГУ.

Сичинава, Д. В. 2001. Плюсквамперфект и ретроспективный сдвиг в языке сантали // *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари, 89—114.

Сичинава, Д. В. 2003. К типологии глагольных систем с несколькими формами плюсквамперфекта: casus latinus // *Вопросы языкознания*, № 5, 40—52.

Сичинава, Д. В. 2004. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // *Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность.* М.: Гнозис, 292—312.

Сичинава, Д. В. 2007. Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком // *Ареальное и генетическое в структуре славянских языков*: *Материалы круглого стола*, М.: Пробел-2000, 102—130.

Сичинава, Д. В. 2008. «Сдвиг начальной точки»: употребление некоторых глагольных форм в интродуктивной функции // В. А. Плунгян, В. Ю. Гусев, А. Ю. Урманчиева (ред.) *Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные категории*. М.: Индрик, 241—274.

Сичинава, Д. В. 2008а. Связь между формой и семантикой перфекта: одна неизученная закономерность // *Динамические модели: слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой*, М.: Языки славянских культур, 711—749.

Сичинава, Д. В. 2009. Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // К. Л. Киселева и др. (ред.) *Корпусные исследования по русской грамматике*. М.: Пробел, 362—396

Сичинава, Д. В. 2010. Русские маргинальные конструкции с *было*: к постановке проблемы // *Фонетика и грамматика: настоящее, прошедшее, будущее. К 50-летию научной деятельности С. К. Пожарицкой.* М.: МГУ, 192—200.

Сичинава, Д. В. 2011. Комплексное исследование одноязычного и параллельного корпусов в грамматических исследованиях // *Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика—2011»,* СПб.: СПбГУ, 316—332.

Сичинава, Д. В. 2012. Частицы *было* и *бывало* в русском языке XVIII века // *Русский язык в научном освещении*, № 2 (24), 257—284.

Сичинава, Д. В. 2012а. Русская конструкция с *было* и белорусский плюсквамперфект: сопоставительный анализ на материале белорусско-русского и русско-белорусского параллельных корпусов // *Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина*. Выпуск 2, Гомель: ГГУ, 95—104.

Сичинава, Д. В. 2013. Частицы *было* и *бывало*: русские «вторичные модификаторы» в свете типологии и диахронии // *Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков*. СПб.: Алетейя, 2013, 175—194.

Сичинава, Д. В. 2014. «Увы, для них все это плюсквамперфект»: лингвистический термин как языковой образ // *Русский язык в научном освещении,* № 1 (27).

СКЯ 1962. *Современный казахский язык: фонетика и морфология*. Алма-Ата: АН Казахской ССР.

Славянские языки 2005 — *Языки мира: Славянские языки*. М.: Academia.

Словарь XI—XVII — *Словарь русского языка XI—XVII веков*. М., 1975—

Словарь XVIII — *Словарь русского языка XVIII века*. Л., СПб.: Наука, 1984—.

Сомин, А. А. 2011 — Система прошедших времен в бесленеевском диалекте кабардино-черкесского языка // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII, Ч. 3*. СПб.: Наука, 438—443.

СОРЯ МР — *Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков*. СПб., 2004 —

Старостин, Г. С. 2013. Курух язык // *Языки мира: Дравидийские языки.* М.: Academia, 495—505.

Степанов, Г. В. 1963. *Испанский язык в странах Латинской Америки.* М.: Изд-во литературы на иностранных языках.

Столбова, О. В. 2003. Система глагольных форм в языке кирфи (Нигерия) // *Основы африканского языкознания. Глагол.* М.: Восточная литература, 622—646.

СУМ — *Словник української мови: в 11 т.* К.: Наукова думка, 1970—1980.

Сумбатова, Н. Р. 2002. Глагольная система и структура предложения (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // *Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания.* М.: Индрик, 355—380.

Сыромятников, Н. А. 2002. *Классический японский язык.* М.: Восточная литература.

Тарашкевіч, Б. А. 1929. *Беларуская граматыка для школ.* Вільня: Выд. аўтара.

Татевосов, С. Г. 2001. Эвиденциальность: косвенная засвидетельствованность // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари*. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 293—306.

Татевосов, С. Г. 2002. *Семантика составляющих именной группы: кванторные слова.* М.: ИМЛИ РАН.

Татевосов, С. Г. 2004. *Есть — бывает — будет:* на пути грамматикализации. // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 226—255.

Татевосов, С. Г. 2007. Вид и акциональность // *Мишарский диалект татарского языка.* Казань: Магариф, 192—251.

Татевосов, С. Г. 2009. Эвиденциальность и адмиратив в багвалинском языке // *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*, СПб.: Наука, 351—397.

Татевосов, С. Г., Майсак, Т. А. 1999. Формы реального наклонения // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие, 206—247.

Тестелец, Я. Г., Халилов М. Ш. 2002. Выражение эвиденциальности в бежтинском языке. Доклад на XI коллоквиуме Европейского общества кавказоведов.

Тилль, В., Вестендорф, В. 2007. *Грамматика коптского языка: саидский диалект.* Перевод А. С. Четверухина. СПб.: ИД «Коло» — Университетская книга.

Ткаченко, О. Б. 1979. *Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков*. К.: Наукова думка.

Толстая, М. Н. 2000. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // *Балто-славянские исследования 1998—1999. XIV*. М.: Индрик, 134—143.

Томмола, Х. 2009. Таксис в финском языке // Храковский (ред.). 515—566.

Трубинский, В. И. 1983. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // Недялков (ред.), 216—226.

ТСБМ — *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы*: Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя, 1977—1984.

Урманчиева, А. Ю. 2003. Отрицательные формы глагола в языках Африки: морфология и семантика // *Основы африканского языкознания. Глагол.* М.: Восточная литература, 460—487.

Успенский, Б. А. 1993. «Давнопрошедшее» и «второй родительный» в русском языке // *Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева.* М.: МГУ, 118—134.

Ушаков, Д. Н. (ред.). *Толковый словарь русского языка*. М., ОГИЗ, 1935—1940.

Фридман, В. 1983. Значение на отдавна минало време за историята на българския език // *Исторически развой на българския език. Доклади. Т.1*. София: Българска академия на науките, 111—126.

Фридман, В. 1996. О дифференциации темпоральности и аспектуальности в болгарском и македонском языках // *Вопросы языкознания*, 1: 116—124.

Фризен, В. И. 1982. *Глагол в сантальском языке*: Диссертация… кандидата филологических наук. М.: ИСАА МГУ.

Хабургаев, Г. А. 1978. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // *Вестник МГУ. Сер.9. Филология.* 1978. № 4, 42—53.

Хабургаев, Г.А. 1991. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Г. А. Хабургаев, А. Бартошевич (ред.). *Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола*. М.: МГУ, 42—54.

Хадарцев, О. А. 2001. Эвиденциальные значения перфекта в персидском языке // *Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории*. М.: Русские словари, 115—135.

Харченко, В. К. 1989. *Переносные значения слова*. Воронеж: Изд-во Воронежского университета.

Хохлова, Л. В. 2011. Панджаби язык // *Языки мира: Новые индоарийские языки.* М.:Academia, 456—515.

Храковский, В. С. (ред.) 2009. *Типология таксисных конструкций*. М.: Знак.

Цоллер, К. П. Бангани язык // *Языки мира: Новые индоарийские языки.* М.: Academia, 219—261.

Челышева, И. И. 2001. Диалекты Италии // Челышева, Нарумов, Романова (ред.), 90—146.

Челышева, И. И., Нарумов, Б. П., Романова, О. И. (ред.) 2001. *Языки мира. Романские языки*. М.: Academia.

Чернин, В. Ю., Хакина, Е. И. 2000. Идиш язык // *Языки мира: Германские языки. Кельтские языки*. М.: Academia, 150—170.

Чернов, В. И. 1970. О приглагольных частицах *было* и *бывало* // *Ученые записки Смоленского государственного педагогического института*. Вып. 24, 258—264.

Чернов, В. И. 1961. *Плюсквамперфект в истории русского языка сравнительно с чешским и старославянским языками*. Диссертация… кандидата филологических наук. Л.: ЛГПИ им. Герцена.

Черных, П. Я. 1993. *Историко-этимологический словарь русского языка*. М.: Русский язык.

Шахматов, А. А. 1927. *Синтаксис русского языка*. Вып. 2. Л.: АН СССР.

Шахматов, А. А. 1952. *Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку*. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство.

Шевелева, М. Н. 2006. Некнижные конструкции с формами глагола *быти* в псковских летописях // *Вереница литер*. К 60-летию В.М.Живова. М.: Языки славянской культуры, 215—241.

Шевелева, М. Н. 2007. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // *Русский язык в научном освещении*, № 2 (14), 214—252.

Шевелева, М. Н. 2008. Еще раз об истории древнерусского плюсквамперфекта // *Русский язык в научном освещении*, № 2 (16), 217—245.

Шевелева, М. Н. 2009. Плюсквамперфект в памятниках XV—XVI вв. // *Русский язык в научном освещении*, № 1 (17), 5—43.

Шендельс, Е. И. 1970. *Многозначность и синонимия в грамматике (на материале глагольных форм современного немецкого языка)*. М.: Высшая школа.

Широкова, А. Г. 1961. *Чешский язык*. М.: Изд-во литературы на иностранных языках.

Шкраба, I. Р. 2007. *Сучасная беларуская мова: марфалогія*. Мінск: Сэр-Вит.

Шлуинский, А. Б. 2004. Вне реалиса и ирреалиса: «семантически немаркированные» глагольные формы // *Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 188—209.

Шошитайшвили, И. А. 1998. *Функции и статус плюсквамперфекта в глагольной системе*. Диссертация… кандидата филологических наук. РГГУ.

Шошитайшвили, И. А. 1998а. Русское «было»: пути грамматикализации // *Русистика сегодня*, 3/4, 59—78

Юлдашев, А. А. (ред.) 1981. *Грамматика современного башкирского языка*. М.: Наука.

Юлдашев, А. А. 1965. *Аналитические формы глагола в тюркских языках*. М.: Наука.

Abeillé, A., Godard, D. 2002. The syntactic structure of French auxiliaries// *Language,* 78, 3, 404—452.

Abraham, W. 1999. Preterite decay as a European areal phenomenon // *Folia linguistica* XXXIII/1, 1—18.

Abraham, W. 2004. The European Emergence of the Periphrestic Perfect: An Autonomous, Parsing-Driven Development // *Теоретические проблемы языкознания: Сборник статей к 140-летию кафедры общего языкознания Филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.* СПб.: Филологический факультет, 224—247.

Adams, J. N. 2013. *Social variation and the Latin language.* Cambridge: CUP.

Aksu-Koç, A. 1988. *The acquisition of aspect and modality : The case of past reference in Turkish.* Cambridge : CUP.

Alibèrt, L. 2000. *Gramatica occitana segon los parlars lengadocians.* Barcelona — Tolosa, IEO-IEC.

Ammann, A. 2005. Abbau und Anschwemmung: Doppelte Perfektformen und Grammatikalisierung im deutschen Tempussystem. // Mortelmans, T., Leuschner, T. (eds.) *Grammatikalisierung im Deutschen.* Berlin—N.Y.: Mouton de Gruyter, 251—276.

Ammann, A. 2007. The fate of ‘redundant’ verbal forms — Double perfect constructions in the languages of Europe // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 60/3, 186—204.

Anderson, L. 1982. The ‘perfect’ as a universal and as a language-specific category // P. Hopper (ed.). *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam: Benjamins, 227—264.

Anderson, L. 1986. Evidentials, paths of change, and mental maps: Typologically regular asymmetries // W. Chafe, J. Nichols (eds.), *Evidentiality : the linguistic encoding of epistemology*, Norwood, N.J. : Ablex, 273—312.

Anderson, S. 1979. Verb structure. In: L. Hyman (ed.). *Aghem grammatical structure*. Los Angeles: USC, 73—136 (SCOPiL 7).

Andersson, E. 1977. *Verbfrasens struktur i svenskan*. Åbo: Stiftelsens for Åbo akademi forskningsinstitut.

Armbruster, C. H. 1960. *Dongolese Nubian: a grammar.* Cambridge : CUP.

Arnavielle, T. 1978. Remarques sur l’emploi du plus-que-parfait de l’indicatif en français moderne // *Mélanges de philologie romane offerts à Charles Camproux*, Montpelier : Centre d’études occitanes, vol. 2, 615—621.

Barboza, J. S. 1862. *Grammatica philosophica da lingua portugueza ou principios da grammatica geral applicados à nossa linguagem*. 3 ed. Lisboa: Academia das Sciencias.

Barentsen, A. A. 1986. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*, Amsterdam, vol. 8, 1—68.

Barker, M. A., Mengal, A. K. 1969. *A course in Baluchi.* Vol. 1. Montreal: McGill University.

Bastürk, M., Danon-Boileau, L., Morel, M.-A. 1996. Valeur de *-miş* en turc contemporain, analyse sur corpus // Guentchéva (ed.), 47—70.

Becker, O. 1928. *Die Entwicklung des lateinischen Plusquamperfekt-Indikativs im Spanischen*. Leipzig: Universität Leipzig.

Behagel, O. 1924. *Deutsche Syntax: eine geschichtliche Darstellung. B. II: Die Wortklassen und Wortformen*. Heidelberg: Winter.

Benacchio, R., 2002 *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Udine: Società Filologica Friulana.

Benincà, P. 1989. Friaulisch; Interne Sprachgeschichte I. Grammatik // Holtus G. et al. (eds.), *Lexicon der Romanischen Linguistik*. Tübingen: Niemeyer, B. III, 563—585.

Bertinetto, P. M. 1986. *Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano.* Firenze : Accademia della Crusca.

Bertinetto, P. M. 1987. Why the *passé antérieur* should be called *passé immédiatement antérieur* //Linguistics 25: 341—360.

Bertinetto, P. M. 1994. Temporal reference, aspect and actionality: their neutralization and interactions, mostly exemplified in Italian // C. Bachs, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.) *Tense, Aspect and Action: Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology*. B.

Bertinetto, P. M. 2014. Non-conventional uses of the Pluperfect in the Italian (and German) literary prose // E. Labeau, J. Bres (ed.) *Evolution in Romance Verbal Systems*, Bern etc.: Lang, 145—170.

Blestel, E. 2011. El pluscuamperfecto de indicativo en contacto con tres lenguas amerindias // *Lenguas Modernas* 38, 63—82.

Bleton, P. 1982. La surcomposition dans le verbe français // *Canadian Journal of Linguistics*, 1982, 27.1, 31—70.

Boeder, W. 2000. Evidentiality in Georgian // Johanson, Utas (eds.), 275—328.

Buchholz, O., Fiedler, W., Uhlisch, G. 1977. *Wörterbuch Albanisch—Deutsch.* Leipzig: Enzyklopädie.

Buchwald-Wargenau, I. 2012. *Die doppelten Perfektbildungen im Deutschen: eine diachrone Untersuchung*. Berlin: De Gruyter Mouton (De Gruyter Studia Linguistica Germanica 115)

Bulut, C. 2000. Indirectivity in Kurmanji // Johanson, Utas (eds.), 147—184.

Buridant, C. 2000. *Grammaire nouvelle de l'ancien français.* P.: SEDES.

Bybee, J. et al. 1994. *The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world.* / J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca; Chicago and L.: University of Chicago Press.

Bybee, J., Dahl, Ö. 1989. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies of language* 13—1, 1989.

Caenepeel, M. 1995. Aspect and text structure // *Linguistics* 33, 2, 213—253.

Cable, S. 2012. Future, Potential, Conditionals, and Decessive in Tlingit: A Report on the Empirical Findings from Recent Field Research. http://people.umass.edu/scable/papers/Tlingit-Modal&Conditional&Decessive.pdf.

Carlson, G. 1977. *Reference to Kinds in English.* Ph. D. dissertation, University of Massachusetts, Amherst.

Carlson, R. 1994. *A Grammar of Supyire.* B.: de Gruyter.

Carruthers, J. 1993. *The* formes surcomposées*: the discourse function and linguistic status of a rare form in contemporary spoken French*. PhD dissertation : University of Cambrigde.

Čekmonas, V. 2001. Russian varieties in the southeastern Baltic area: rural dialects // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.) *Circum-Baltic languages. Vol. 1: Past and Present*. Amsterdam: Benjamins, 101—136.

Chinkarouk, O. 1998. Le Plus-que-parfait dans la phrase complexe (coordination et juxtaposition) en ukrainien moderne // *Le Langage et l'Homme* XXXIII, 1, 39—53.

Church 1981. *Le système verbal du wolof*. Dakar: CLAD.

Cinque, G. 2002. A note on mood, modality, tense and aspect affixes in Turkish // E. Taylan (ed.) *Verb in Turkish: the core element of clause structure*, Amsterdam: Benjamins, 47—59.

Comrie, B. 1976. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: CUP.

Comrie, B. 1985. *Tense*. Cambridge: CUP.

Cornu, M. 1953. *Les formes surcomposées en français*. Bern: Francke.

Coseriu, E. 1976. *Das romanische Verbalsystem* / Hrsg. und bearb. von H. Bertsch. Tübingen: Narr.

Csató, É. Á. 2000. Turkish *miş*- and *imiş*-items. Dimensions of a functional analysis // Johanson, Utas (eds.), 29—44.

Cysouw, M.,Wälchli, B. 2007. Parallel texts: using translational equivalents in linguistic typology // *Sprachtypologie und Universalienforschung* (STUF) 2007, 60.2, 95—99.

Dahl Ö. 1985. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Blackwell.

Dahl Ö. 1997. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look. // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam: Benjamins, 97—114.

Dahl Ö. 2000. The tense-aspect systems in European languages in a typological perspective // Dahl (ed.), 3—25.

Dahl, Ö. (ed.) 2000. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter.

Dahl, Ö, Hedin, E. 2000. Current relevance and event relevance // Dahl (ed.), 385—402.

Dahl, Ö. 1987. Comrie's *Tense* // *Folia Linguistica*, 21:2—4, 489—502.

Dahl, Ö. 2004. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam: Benjamins [русский перевод: Даль Э. *Возникновение и сохранение языковой сложности.* М.: ЛКИ, 2009]

Dahl, Ö., Velupillai, V. 2013. The Perfect // Dryer, M. S., Haspelmath, M. (eds.) *The World Atlas of Language Structures Online.* Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (http://wals.info/chapter/68)

Dambriūnas, L. 1960. *Lietuvių kalbos veiksmažodžių aspektai*. Boston: Lietuvių enciklopedijos leidykla.

DeLancey, S. 1997. Mirativity: the grammatical marking of unexpected information // *Lingustic typology* 1.1: 33—52.

Delattre, P. 1950. Le surcomposé réfléchi en subordonnée temporelle // *Le français moderne* 18, 95—108.

Dirr, A. 1928. Udische Texte // *Caucasica* 5: 60—72.

Donabédian, A. 1996. Pour une interprétation des différentes valeurs du médiatif en arménien occidental // Guentchéva, Z. (ed.), *L'énonciaton médiatisée*. Louvain—P. : Peeters, 87—108.

Donatus 1999. Donati de partibus orationis ars minor (с параллельным переводом М. С. Петровой: Донат. Краткая наука о частях речи) // *Диалог со временем* 1, М.: ИВИ РАН, 306—334

Dumézil, G. 1931. *Les langues des oubykhs.* Paris.

Duraffour, A. 1934. La survivance du plus-que-parfait de l'indicatif latin en franco-provençal // *Romania* 60 : 145—152.

Elson, M. 1997. The Romanian Pluperfect Indicative in historical perspective // *Balkanistica*, 10, 126—143.

Engel, D. M. 1994. Plus-que-parfait : Past anterior or Past punctual? // *Linguisticae Investigationes* 18: 223—242.

Engel, D. M. 1996. Le passé du passé // *Word* 47.1, 41—62.

Ernout, A., Thomas, Fr. 1972. *Syntaxe latine*. P.: Klinksieck.

Eroms, H.-W. 1984. Die doppelten Perfekt- un Plusquamperfektformen im Deutschen // H.-W. Eroms et al. (eds.) *Studia Linguistica et Philologica: Festschrift für Klaus Matzel*. Heidelberg : Winter, 343—351.

Faßke H., Michalk S. 1981. *Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morphologie*. Bautzen: Domowina.

Favereau, F. 1997. *Grammaire du breton contemporain.* Morlaix: Skol Vreizh.

Fennell, T. 2002. The return of an English pluperfect subjunctive? // *Flinders University Languages Group Online Review* [Adelaide], Vol. 1, Issue 1, March 2002 (http://wwwehlt.flinders.edu.au/deptlang/fulgor/)

Feuillet, J. 1996. Réflexions sur les valeurs du médiatif // Guentchéva (ed.), 71—86.

Fici, F. 2001. Macedonian perfect and its modal strategies // *Македонски јазик* LI-LII, 61—88.

Fici, F., 2003. Struttura semantica e sintattica dell'imperfetto composto in italiano e in russo // L. Bernardczuk (ed.), *Etudes linguistiques romano-slaves offertes à Stanisław Karolak*, Cracovie, Oficyna Wydawniczna "Edukacja": 157—166.

Fleischman S. 1989. Temporal distance: a basic linguistic metaphor // *Studies in Language* 13 (1), 1—50.

Foulet L. 1925. Le développement des formes surcomposées // *Romania* 51, 203—252.

Frei H. 1929. *Grammaire des fautes.* P.: Geuthner et Genève : Kündig. [Русский перевод: Фрей А. *Грамматика ошибок.* М.: Эдиториал УРСС, 2006]

Friedman, V. A. 1981. The Pluperfect in Albanian and Macedonian // *Folia Slavica* (Columbus, OH) 4, 2—3, 273—282.

Garine, N. 2002. *Le plus-que-parfait: valeurs pragmatiques*. Mémoire de DEA: Université de Savoie.

Ghosh, A. 2008. Santali // G. Anderson (ed.) *The Munda languages.* L.—N.Y. : Routledge, 11—98.

Givón, T. 1982. «Tense-Aspect-Modality»: The Creole Prototype and Beyond // Hopper, J. (ed.) *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics,* Amsterdam: Benjamins, 115—163.

Goeringer K. 1995. The Motivation of Pluperfect Auxiliary Tense in the Primary Chronicle // *Russian Linguistics* 19 (3), 319—332.

Gold, E. 1998. Structural Differences: The Yiddish Pluperfect and Future Perfect // *Monatshefte für deutschsprachige Literatur und Kultur*, 90.2, 227—236.

Gramática 1931. *Gramática de la lengua española*. Madrid : Academia Real.

Graves, N. 2000. Macedonian — a language with three perfects? // Dahl, Ö. (ed.) 2000. *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter, 479—494.

Green, L. 2002. African American English: a linguistic introduction. Cambridge: CUP.

Grierson, G. A., [ed.] 1966. *The Linguistic Survey of India*. Vol. IV. Delhi-Varanasi-Patna.

Guentchéva, Z. (ed.) 1996. *L'énonciaton médiatisée*. Louvain—P. : Peeters.

Guentchéva, Z. 1996. Le médiatif en bulgare // Guentchéva (ed.), 47—70.

Haase, M. 1994. Tense and aspect in Basque // Thieroff, R., Ballweg, J. (eds.). *Tense Systems in European Languages* (Linguistische Arbeiten, 308). Tübingen: Niemeyer, 279—292.

Harris, A. 2002. *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press.

Haspelmath, M. 1993. *A grammar of Lezgian*. B.; N.Y.: Mouton de Gruyter.

Haspelmath, M. 1994. The tense system of Lezgian // Thieroff, R., Ballweg, J. (eds.). *Tense Systems in European Languages* (Linguistische Arbeiten, 308). Tübingen: Niemeyer.

Haspelmath, M. 2003. The geometry of grammatical meaning: semantic maps and cross-linguistic comparison // M. Tomasello (ed.). *The new psychology of language,* Vol. 2, Makah (NJ): Erlbaum, 211—242.

Havránek, B., Jedlička, A. 1960. *Česká mluvnice.* Praha: Státní pedagogické nakladatelství.

Hedin, E. 1987. *On the use of the perfect and the pluperfect in modern Greek. Acta Universitatis Stockholmiensis: Studia Graeca Stockholmiensia VI*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.

Hennig, M. 2000. *Tempus und Temporalität in geschriebenen und gesprochenen Texten.* Tübingen: Niemeyer.

Hermerén, I. 1992. *El uso de la forma en* -ra *con valor no-subjuntivo en el español moderno* (Études romanes de Lund, 49). Lund : Lund University press.

Hewitt, G. 2005. *Georgian: A Learner's Grammar.* L.: Routledge.

Hewson, J., Bubenik, V. 1997. *Tense and Aspect in Indo-European Languages: Theory, Typology, Diachrony.* Amsterdam/Philadelphia: Benjamins.

Hill, J. K. 1984. 'A la recherche des temps perdus': the double-compound forms of the verb in present-day French // *Word*, 35.1, 89—112.

Hoffman, J. B., Szantyr, A. 1965. *Lateinische Syntax und Stilistik*. München: Beck.

Holtus, G. 1995. Zur Verbreitung der *formes surcomposées* in den romanischen Sprachen // W. Dahmen et al. (Hrsgb.), *Konvergenz und Divergenz in den romanischen Sprachen (Romanistisches Kolloquium VIII)*, 85—114.

Hopper, P. J., Traugott, E. C. 1993. *Grammaticalization.* Cambridge, England: Cambridge University Press.

Hopper, P. J. 1991. On some properties of grammaticization // E. Traugott, B. Heine (eds.), *Approaches to grammaticalization,* Amsterdam: Benjamins, vol. 1: 17—35.

Horák, E. 1964. Predminuly čas v slovenčine // *Slovenská reč*. 1964. r.29. № 5.

Houët, H. 2008. *Grammatica Nederlands.* Amsterdam: Spectrum.

Jahani, C. 2000. Expressions of indirectivity in spoken Modern Persian // Johanson, Utas (eds.), 185—208.

Jacobs, A. 2005. *Yiddish: A Linguistic Introduction*. Cambridge: CUP.

Jakobson, R. 1948, Quelques remarques sur l'édition critique du *Slovo*, sur sa traduction en langues modernes et sur la reconstruction du texte primitif // *La Geste du Prince Igor'. Épopée russe du douzième siècle. Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves* 8 (1945—1947), Henri Gregoire, Roman Jakobson, Marc Szeftel (eds.), assisted by J. A. Joffe, 5—37.

Jespersen, O. 1924. *The Philosophy of Grammar*. L.: G. Allen & Unwin.

Johanson, L. 1971. *Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems*. Uppsala: Almqvist & Wiksell.

Johanson, L. 1994. Türkeitürkischen Aspektotempora // Thieroff, R., Ballweg, J. (eds.). *Tense Systems in European Languages* (Linguistische Arbeiten, 308). Tübingen: Niemeyer.

Johanson, L. 2000. Viewpoint operators in European languages // Dahl (ed.), 27—188.

Johanson, L., Utas, B. (eds.) 2000. *Evidentials: Turkic, Iran and Neighbouring Languages*. B., N.Y.: Mouton de Gruyter.

Jolivet, R. 1984. L'acceptabilité des formes surcomposés // *Le français moderne* 52, 159—182.

Jones, M. A. 1993. *Sardinian Syntax*. L.-N.Y.: Routledge.

Kagan, O. 2011. The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian // *Linguistics and Philisophy*. Vol. 34, 57—84.

Kallas, R. 2001. *Эстонский язык: kõik on korras! Практический курс и грамматика.* Tallinn: FIE Jaak Sarapuu.

Kim, N.-K. 1974. The double past in Korean // *Foundations of Language* 12: 529—536.

Klare, J. 1964. Die doppelt umschriebenen Zeiten (*temps surcomposés*) im Deutschen und Französischen // *Beiträge zur romanischen Philologie* 3: 116—119.

Klein, W. 1992. The present perfect puzzle. *Language* 68(3), 525—552

Klein, W. 1994. *Time in language*. L.: Routledge.

Klein-Andreu, F. 1991. Losing ground: A discourse-pragmatic solution to the history of *-ra* in Spanisch // S. Fleischman, L. Vaugh (eds.) *Discourse-Pragmatics and the Verb: The evidence from Romance*, L.: Routledge, 164—178.

Klemensiewicz, Z. 1985. *Historia języka polskiego.* Warszawa: PWN.

Klenin, E. 1993. The Perfect Tense in the Laurentian Manuscript of 1377 // R. A. Maguire and A. Timberlake (eds), *American Contributions to the Eleventh International Congress of Slavists. Bratislava, August — September 1993. Literature.Linguistics. Poetics*, Columbus, Ohio, 330—343.

Kryński, A. A. 1910. *Gramatyka języka polskiego*. Warszawa: M. Arcta.

Kuteva, T. 2001. *Auxiliation. An Enquiry into the Nature of Grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press.

Labov, W., 1972. *Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press.

Lafitte, P. 1979. *Grammaire basque*. San Sebastián: ELKAR.

Lascarides, A., Asher, N. 1993. A Semantics and Pragmatics for the Pluperfect // *Proceedings of the sixth conference on European chapter of the Association for Computational Linguistics*, Utrecht. ACL, 250—259

Lazard, G. 1996. Le médiatif en persan // Guentchéva (ed.), 21—30.

Lazard, G. 2000. Le médiatif: considérations théoriques et application à l'iranien. // Johanson and Utas (eds.), 209—228.

Le Roux P. 1957. *Le verbe breton: morphologie, syntaxe*. Rennes: Plihon.

Leinonen M., Vilkuna M. 2000. Past tenses in Permic languages // Dahl (ed.), 495—514.

Leinonen, M. 2000. Evidentiality in Komi Zyryan // Johanson, Utas (eds.), 419—440.

Levin-Steinmann, A. 2004. *Die Legende vom Bulgarischen Renarrativ. Bedeutung und Funktionen der kopulalosen* l-*Periphrase*. München: Otto Sagner (Slavistische Beiträge, 437).

Lewis, G. L. 1967. *Turkish Grammar*. Oxford: Clarendon.

Lindstedt, J. 2000. The Perfect — Aspectual, Temporal and Evidential // Dahl (ed.), 365—384.

Litvinov, V., Radčenko, V. 1998. *Doppelte Perfektbildungen in der deutschen Literatursprache*. Tübingen: Stauffenburg Verlag.

Liver, R. 1982. *Manuel pratique de romanche, sursilvan-vallader. Précis de grammaire suivi d'un choix de textes*. Chur: Lia Rumantscha.

Lunn, P. V., Cravens, T. D. 1991. A contextual reconsideration of the Spanish *-ra* "indicative" // S. Fleischman, L. Vaugh (eds.) *Discourse-Pragmatics and the Verb: The evidence from Romance*. L.: Routledge, 147—163.

Maiden, M., Robustelli, C. 2000. *A reference grammar of modern Italian*. L.: Arnold.

Majumdar, M. J., Morris A. M. 1980. *The French Pluperfect Tense as a punctual past* // Archivum Linguisticum 11, 1—12.

Malinowski, A. 1984. Distribution and function of the auxiliares *tener* and *aver* in Judeo-Spanish // *Orbis* 33, 211—221.

Marcato, F. 1986. Forme verbali bicomposte (“surcomposées”) nelle parlate del Veneto // Cortelazzo, M. (ed.), *Guida ai dialetti veneti VIII*, Padova: CLEUP, 45—60.

Marin, M. 1985. Formes verbales périphrastiques de l’indicatif dans les parlers dacoroumains // *Revue roumaine de la lingustique* 30: 459—468.

McCawley, J. D. 1971. Tense and time reference in English // Ch. J. Fillmore, D. T. Langendoen (eds.), *Studies in Linguistic Semantics*, N.Y.: Holt, Rinehart, Winsron, 97—113.

McCoard, R. W. 1978. *The English perfect: tense-choice and pragmatic inferences*. Amsterdam: North Holland.

Meillet A. 1934/1951. *Le slave commun*. Paris: Champion. [Русский перевод: А. Мейе. *Общеславянский язык*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1951].

Meillet, A. 1909. Sur la disparition des formes simples du prétérit // *Germanisch-Romanische Monatsschrift,* I, 521—526; цит. по перепеч.: Meillet A. Linguistique historique et linguistique générale, P.: Champion, 1921, 149—158.

Mellet, S. 1988. *L’imparfait de l’indicatif en latin classique: temps, aspect, modalité*. Louvain: Peeters.

Mellet, S. 1994. Les temps du passé : le plus-que-parfait // S. Mellet, M. D. Joffre, G. Serbat. *Grammaire fondamentale du latin: le signifié du verbe*. Louvain: Peeters.

Mellet, S. 2000. Le parfait latin, un *preteritum perfectum* // A. Carlier , V. Lagae , C. Benninger (eds.). *Passé et parfait (Cahiers Chronos, 6)*. Amsterdam—Atlanta: Rodopi, 95—106.

Meydan, M. 1996. Les emplois médiatifs de -*miş* en turc // Guentchéva (ed.), 125—144.

Michaelis, L. 1998. *Aspectual grammar and past-time reference.* L.: Routledge.

Miller, J. 2004. Perfect and resultative constructions in spoken and non-standard English // Fischer, O., Norde, M., Perridon, H. (eds.) *Up and down the Cline — The Nature of Grammaticalization*. Amsterdam: Benjamins, 229—246.

Mønnesland S., 1984. The Slavonic frequentative habitual // C. de Groot, H. Tommola (eds.). *Aspect bound: a voyage into the realm of Germanic, Slavonic and Finno-Ugrian aspectology*. Dordrecht: Foris, 53—76.

MSJ 1966 — *Morfológia slovenského jazyka*. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied.

Neukom, L. 2001. *Santali*. München: LINCOM Europa.

Oversteegen, L., Bekker B. 2002. Computing perspective: the pluperfect in Dutch // *Linguistics* 40—1 (2002), 111—161.

Paesani, K. 2003. Auxiliary selection in pronominal verb constructions: The case of the passé surcomposé // R. Nunez, L. Lopez, and R. Camero (eds.), *A Romance perspective on language knowledge and use*. Amsterdam: Benjamins, 327—340.

Panzer, B. 1967. *Der slavische Konditional. Form — Gebrauch — Funktion*. München: Fink.

Poletto, C. 2009. Double auxiliaries, anteriority and terminativity // *Journal of comparative German linguistics*, 12, 31—48.

Petruck, C. 1992. Zur “freien Variation” von synthetischem und analytischem Plusquamperfekt in Texten der portugiesischen Gegenwartssprache // *Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung* 45: 411—423.

Petrukhin, P. 2006. From the pluperfect to the modal particle: the semantic evolution of the East Slavic supercompound pluperfect // *Perspectives on Slavistics II. Regensburg*, 21—24 September 2006.

Plungian, Vladimir A., van der Auwera, J. 2006. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung — Language typology and universals*, vol. 59, 4: 317—349.

PMČ 2008 — *Příruční mluvnice češtiny.* Praha: Lidové noviny.

Price, G. 1971. *The French language: present and past*. L.: Edward Arnold.

Raynaud de Lage, G. 1975. *Introduction à l’ancien français*. 9e edition. P.: SEDES.

Recueil 1980. *Recueil de littérature manding*. P.: Agence de Coopération Culturelle et Technique.

Reichenbach, H. 1947. *Elements of Symbolic Logic*, N.Y.: McMillan.

Rhee, S. 2007. Particle selection in Korean auxiliary formation // R. Aranovich (ed.) *Split Auxiliary Systems*. Amsterdam: Benjamins, 237—254.

Rickford, J., Théberge-Rafal, C. 1996. Preterite *had* verb-*ed* in the narratives of African American preadolescents. *American Speech,* 71.3, 227—254.

Ritz M.-E. 2012. Perfect tense and aspect // R. Binnick (ed.) *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*, Oxford etc.: OUP, 881—907.

Ronjat, J. 1930—1941. *Grammaire istorique* [sic] *des parlers provençaux modernes*. Montpellier: Société des Langues Romanes.

Ross, S., Oetting, J., Stapleton, B. 2004. Preterite *had* v-*ed*: a developmental narrative structure of African American English // *American Speech*, 79.2, 167—193.

Salkie, R. 1989. Perfect and Pluperfect: What is the Relationship? // *Journal of Linguistics*, 25, 1, 1—34.

Saloni, Z. 2007. *Czasownik polski: odmiana, słownik.* Warszawa: Wiedza Powszechna.

Santos, D. 1999. The Pluperfect in English and Portuguese: What Translations Patterns Show // H. Hasselgård, S. Oksefjell (eds.). *Out of Corpora: Studies in Honour of Stig Johansson*. Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 283—299.

Saussure, L. de, Sthioul, B. 2012. The Surcomposé Past Tense // R. Binnick (ed.) *The Oxford Handbook of Tense and Aspect*, Oxford etc.: OUP, 586—610.

Schaden, G. 2009. *Composés et surcomposés: Le «parfait» en français, allemand, anglais et espagnol*. P.: L’Harmattan.

Schiffrin, D., 1987. *Discourse markers*. Cambridge etc.: CUP.

Schlieben-Lange, B. 1971. *Okzitanische und katalanische Verbprobleme. Ein Beitrag zur funktionellen synchronischen Untersuchung des Verbalsystems der beiden Sprachen (Tempus und Aspekt)*. Tübingen: Niemeyer.

Schulze, W. 2001. *The Udi Gospels — Annotated text, etymological index, lemmatized concordance.* Munich/Newcastle: Lincom Europa [http://titus.fkidg1.uni-frankfurt.de/texte/etcs/cauc/udi/udint/udint.htm]

Sechehaye, A. 1908. *Programme et méthodes de la linguistique théorique*. P.: Champion, 1908. [Русский перевод: Сеше А., Программа и методы теоретической лингвистики, М., УРСС, 2003.]

Senn, A. 1966. *Handbuch der Lithauischen Sprache. Bd. I. Grammatik*. Heidelberg: Winter.

Šewc, H. 1968. *Gramatika hornjoserbskeje rěče.* Budyšin: Domowina.

Sherebkow, W. A. 1971. Doppelt zusammengesetzte Zeitformen im Deutschen? // *Deutsch als Fremdsprache* 8, 27—29

Sick, B. 2004. *Der Dativ ist dem Genitiv sein Tod: ein Wegweiser durch den Irrgarten der deutschen Sprache* (41. Auflage, 2012). Köln: Kiepenheuer & Witsch.

Silić, J., Pranjković, I. 2007. *Gramatika hrvatskoga jezika.* Zagreb: Školska knjiga.

Sitchinava, D. 2007. Past markers in Santali: a typology-oriented approach // Colin P. Masica (ed.) *Old and New Perspectives on South Asian Languages: Grammar and Semantics*. (Papers growing out of the Fifth International Conference on South Asian Linguistics/ICOSAL-5, held at Moscow, Russia in July 2003). Delhi: Motilal Banarsidass, 304—322.

Smith, C. A. 2007. Language use and auxiliary selection in the perfect // R. Aranovich (ed.) *Split Auxiliary Systems*. Amsterdam: Benjamins, 255—270.

Squartini, M. 1998. *Verbal Periphrases in Romance: Aspect, Actionality and Grammaticalization*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Squartini, M. 1999. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology* 3, 51—89.

Squartini, M., Bertinetto, P. M. 2000. The Simple and Compound Past in Romance languages. // Dahl (ed.), 403—440.

Stang, Chr. S. 1942. *Das slavische und baltische Verbum*. Oslo: J. Dybwad.

Steele, S. 1975. Past and irrealis: just what does it all mean? // *International Journal of American Linguistics*, 41.3, 200—217.

Stefanini, J. 1970. Note sur les formes surcomposées // *Travaux de linguistique et de littérature, publiés par le Centre de philologie et de littératures romanes de l'Université de Strasbourg*, 287—296.

Tatevosov, S. 2001. From resultatives to evidentials: multiple uses of the Perfect in Nakh-Daghestanian languages // *Journal of Pragmatics* 33, 443—464.

Tedeschi, Ph. 1981. Some evidence for branching-futures semantic model // Tedeschi Ph., Zaenen A. (eds.), *Syntax and Semantics 14. Tense and Aspect,* New York: Academic Press, 239—270.

Tesnière, L. 1935. A propos des temps surcomposés // *Bulletin de la Faculté des Lettres de Strasbourg*, 56—59.

Thiel, R. 1964. Die Zeiten der Vergangenheit // *Sprachpflege* 13, 83—85.

Thieroff, R. 1992. *Das finite Verb im Deutschen: Tempus-Modus-Distanz. (Studien zur deutschen Grammatik, 40)*. Tübingen: Narr.

Thieroff, R. 2000. On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe // Dahl (ed.), 265—308.

Thomas, P.-L. 2000. Le plus-que-parfait en serbo-croate (bosniaque, croate, monténégrin, serbe) dans une approche contrastive avec le français // A. Carlier , V. Lagae, C. Benninger (eds.). *Passé et parfait (Cahiers Chronos, 6)*. Amsterdam—Atlanta : Rodopi, 117—131.

Togeby, K. 1966. Le sort du plus-que-parfait latin dans les langues romanes // *Cahiers Ferdinand de Saussure* 22: 175—184.

Tommola, H. 2000. On the perfect in North Slavic // Dahl (ed.), 441—478.

Trépos, P. 1980. *Grammaire bretonne.* Rennes : Ouest-France.

Väänänen, V. 1967. *Introduction au latin vulgaire*. P.: Klinksieck.

Vaillant A. 1948/1952. *Manuel du vieux slave*. Paris: Institut d'études slaves. [Рус. пер.: А. Вайан. *Руководство по старославянскому языку*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952]

Vaillant, A. 1966. *Grammaire comparée des langues slaves. T.III: Le verbe*. P.: Klinksieck.

van der Auwera, J., Plungian, V. 1998. Modality's semantic map // *Linguistic typology* 2(1): 79—124.

van Schooneveld, C. H. 1951. The aspect system of the Old Church Slavonic and Old Russian verbum finitum *byti* // *Word* 7: 96—103.

van Schooneveld, C. H. 1959. *A Semantic Analysis of the Old Russian Finite Preterite System*. 's-Gravenhage.

Vater, H. 1983. Zum deutschen Tempussystem // J. O. Askedal et al. (eds.) *Festschrift für Laurits Saltveit*. Oslo-Bergen-Toronto : Universitetforlaget, 201—214.

Vennemann, T. 1987. Tempora und Zeitrelation im Standarddeutsch. *Sprachwissenschaft* 12: 234—249.

Verkholantsev, J. 2008. *Ruthenica Bohemica: Ruthenian Translations from Czech in the Grand Duchy of Lithuania and Poland*. Berlin: Lit Verlag (Slavische Sprachgeschichte, Bd. 3).

Vet, C. 1980. *Temps, aspects, et adverbes de temps en français contemporain*. Genève: Droz.

Vondrák W. 1928. *Vergleichende slavische Grammatik*. 2. Aufl. neubearb. v. O. Grünenthal. Göttingen: Vandenhoeck, Ruprecht.

Warthburg, W. von, Zumthor P. 1947. *Précis du syntaxe du français contemporain*. Berne: A. Francke.

Weinrich/Thurmair et al. 1993. H. Weinrich. *Textgrammatik der deutschen Sprache* / unter Mitarbeiten von M. Thurmair et al., Mannheim: Duden.

Wójtowicz, K. 2008. Les influences de l'occitan sur la langue française // *Romanica Cracoviensia* 8, 55—58.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ В ГЛОССАХ

ABL	удаленная локализация
ABS	абсолютив
ADV	адвербиальная форма
ALL	аллатив
ANT	предшествование
AOR	аорист
ATTR	атрибутивная форма
AUX	вспомогательный глагол
CAUS	каузатив
COMIT	комитатив
COND	условное наклонение
DAT	датив (дательный падеж)
DEF	определенность
DEICT	дейктический элемент
DIR	директивный преверб
DUR	дуратив
EMPH	эмфатическая частица
ERG	эргатив
EXT	распространитель
FOC	фокус
FUT	будущее время
GEN	генитив (родительный падеж)
HYP	гипотетическое наклонение
INDIC	изъявительное наклонение
INF	инфинитив
INTR	непереходность
INV	инверсив
IPF	имперфект
LOC	локатив (местный падеж); локативный преверб
NEG	отрицание
NML	номинализация
NOM	номинатив (именительный падеж)
OBL	косвенный падеж
PARTCP	причастие
PF	перфект
PFV	перфектив
PL	множественное число
POSS	посессивность
PROGR	прогрессив
PROX	близкая локализация
PPF	плюсквамперфект
PST	прошедшее время
PTCL	частица
REFL	рефлексив
REL.TEMP	темпоральная релятивизация
REM	отдаленное прошедшее
RETRO	ретроспективный сдвиг
SG	единственное чисто
TOP	топик
TR	переходность
1,2,3	1,2,3 лицо
I,II…	именные классы

СЕМАНТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Полужирным шрифтом выделены номера разделов, специально посвященных данной семантической функции плюсквамперфекта в типологическом освещении; языки, в которых она обсуждается в этом разделе, в таком случае не перечислены.

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

Сичинава Дмитрий Владимирович

Типология плюсквамперфекта.
Славянский плюсквамперфект

Дизайнер обложки — И. Богатырева
Компьютерная верстка — В. Гусев

Подписано в печать 12.12.13. Формат 60 х 90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печ. л. 24,0.
Тираж 300 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2 – 953000.

Заказное издание подготовлено
ООО «АСТ-ПРЕСС КНИГА».
105082, Москва, Переведеновский пер., д. 13, стр. 4.

Отпечатано способом ролевой струйной печати
в ОАО «Первая Образцовая типография».
Филиал «Чеховский Печатный двор».
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, e-mail: sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87.